

АЛЬМАНАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Выпуск 1

Одесса
“Фенікс”
2009

ББК 67я73

УДК 341

А 43

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

С.В. КИВАЛОВ – Президент Одесской национальной юридической академии, доктор юридических наук, академик Академии педагогических наук Украины, Заслуженный юрист Украины;

Заместитель редактора

Т.Р. КОРОТКИЙ – директор Института национального и международного права Международного гуманитарного университета, доцент кафедры международного права и международных отношений Одесской национальной юридической академии, кандидат юридических наук;

Члены редакционной коллегии:

В.Ф. АНТИПЕНКО – заведующий кафедрой международного права Института международных отношений Национального авиационного Университета, доктор юридических наук;

Н.Н. ГНАТОВСКИЙ – заместитель директора Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, доцент кафедры международного права, кандидат юридических наук;

Е.В. ГОРОХОВСКАЯ – заведующая кафедрой международного права Института права имени Владимира Сташиса Классического частного университета, кандидат юридических наук, доцент;

В.Н. ДЕНИСОВ – заведующий отделом международного права и сравнительного правоведения Института государства и права имени В.М. Корецкого, доктор юридических наук, профессор;

Н.А. ЗЕЛИНСКАЯ – профессор кафедры международного права и международных отношений Одесской национальной юридической академии, доктор юридических наук;

А.А. МЕРЕЖКО – заведующий кафедрой международного права Университета экономики и права «Крок», доктор юридических наук, профессор;

В.В. МИЦЫК – профессор Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, доктор юридических наук, профессор;

В.Н. РЕПЕЦКИЙ – заведующий кафедрой международного права факультета международных отношений Львовского национального университета им. И. Франко, кандидат юридических наук, профессор;

М.Е. ЧЕРКЕС – заведующий кафедрой международного права и международных отношений Одесской национальной юридической академии, кандидат юридических наук, профессор.

А 43 Альманах международного права / редкол.: Кивалов С.В. (гл. ред) и др. – О. :
Фенікс, 2009. – 284 с.
ISBN 978-966-438-226-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди большого количества разнообразных юридических изданий Украины всего лишь несколько посвящено международному праву. Среди них – авторитетный «Український часопис міжнародного права», имеющий классический формат научного издания. Можно констатировать определенный дефицит такого рода изданий, которые являлись бы одной из форм развития контактов между специалистами в области международного права Украины и других государств.

Мы выносим на суд юристов-международников несколько иной, чем обычно, формат специализированного продолжающегося издания – формат Альманаха. Среди отличий данного издания от существующих – разнообразие рубрик и материалов, которые будут публиковаться на страницах Альманаха; гибкий подход к объему и форме материалов – единственным критерием является качество статьи; преимущественно тематический характер отдельных выпусков; отсутствие ограничений в периодичности – не реже одного раза в год. Наряду со статьями, мы планируем вести постоянную рубрику аннотаций и рефератов публикаций по международному праву; публиковать рецензии на монографии и учебники по международному праву; давать информацию о защитах диссертаций по международному праву.

Нашей целью является выпуск действительно международного журнала – не только по тематике, но и по составу авторов. Уже на страницах первого выпуска представлены статьи ученых из Украины, Беларуси, Молдовы, Российской Федерации. И это только начало. В планах редакции – привлечение авторов из дальнего зарубежья. Поэтому политика редакции журнала в отношении языка, на котором предоставлены статьи, будет достаточно демократичной – украинский, русский, английский, немецкий, французский, польский.

Основными задачами Альманаха являются распространение информации о международно-правовых исследованиях, проводимых в Украине и за рубежом; ознакомление с проблематикой международного права отечественных юристов, работающих в сфере внутрисударственного права; популяризация международного права среди студентов-юристов.

Первый выпуск Альманаха посвящен актуальным, на наш взгляд, отраслям международного права – международному уголовному праву и международному гуманитарному праву.

Издание Альманаха стало возможным благодаря инициативе и при поддержке Президента Одесской национальной юридической академии акаде-

мика С.В. Кивалова, статья которого открывает первый номер Альманаха и посвящена генезису международного уголовного правосудия.

В первом разделе Альманаха исследуются вопросы развития международного уголовного права. В центре внимания авторов – место и значение Международного уголовного суда в системе международного уголовного правосудия, борьба с международным терроризмом, противодействие пиратству.

Второй раздел Альманаха посвящен актуальным проблемам международного гуманитарного права: изучению его источников, понятия и видов вооруженных конфликтов, правомерности применению силы в международных отношениях, правовому статусу участников и жертв вооруженных конфликтов.

На выбор тематики раздела большое влияние оказала деятельность Киевской региональной делегации Международного Комитета Красного Креста, благодаря которой сформировались устойчивые научные контакты между преподавателями, читающими курс международного гуманитарного права в различных вузах Украины, за что хотелось бы выразить отдельную благодарность Владимиру Головатенко.

В качестве отдельных рубрик представлены аннотации и рефераты изданий по международному уголовному праву; библиография по международному гуманитарному праву и хронологический перечень документов по международному гуманитарному праву на украинском языке.

Искренне приглашаем всех к плодотворному сотрудничеству на страницах Альманаха, который должен стать еще одной важной вехой на пути успешного развития науки международного права в Украине.

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

С. В. КИВАЛОВ

**Президент Одеської національної юридичної академії,
доктор юридичних наук, академік Академії педагогічних
наук України, Заслужений юрист України**

МІЖНАРОДНЕ КРИМІНАЛЬНЕ ПРАВОСУДДЯ: ВІД НЮРНБЕРЗЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ТРИБУНАЛУ ДО МІЖНАРОДНОГО КРИМІНАЛЬНОГО СУДУ

Сімдесят років відділяють нас від трагічної дати – дня початку Другої світової війни, найбільш кровопролитної за всю історію людства. Війна втягнула у свою орбіту 61 державу, більше трьох чвертей населення земної кулі, коштувала людству більше 50 млн життів. Вона розчавила сотні мільйонів людських долів і принесла колосальні руйнування. Жахи війни фашисти помножили на небачені за масштабами і жорстокістю військові злочини й злочини проти людства. Їх вчинення було втіленням расових «теорій» німецького фашизму. «Третій рейх» створив нелюдську систему знищення й поневолення людей. У фашистській Німеччині працювала «індустрія смерті», винищення людей у концентраційних таборах були зведені на рівень державної політики. Основним документом планування захоплення чужих земель і поневолення місцевого населення був генеральний план «Ост». У ньому були втілені людиноненависницькі задуми про «переселення» багатьох тисяч корінного населення та «германізації», що означало фізичне знищення його частини для захоплення земель німецькими колоністами, повне знищення державної самостійності, перетворення населення в рабів колонізаторів. Існують дані, що генеральний план «Ост» передбачав фізичне знищення 120 – 140 млн чоловік на території Польщі й Радянського Союзу¹. Близько 6 мільйонів євреїв стали

¹ См.: Алексеев Н.С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества / Н.С. Алексеев. – М.: 1986. – С. 3-4; Баженов Н.А. Нерушимость принципов Нюрнберга и сотрудничество государств в преследовании нацистских преступников / Н.А. Баженов // Нюрнбергский процесс и современность / Отв. ред. В.В. Пустогаров. – М., 1986. – С. 94.

жертвами фашистського геноциду¹. Удушення в газових камерах, повішення, розстріли, позбавлення їжі, примус до непосильної праці, зараження важкими інфекційними хворобами, скидання з висоти – цими та іншими способами в концтаборах і в «трудових таборах» були вбиті мільйони ні в чому не винних мирних людей².

У 2010 році людство відзначить 65-річчя Перемоги над фашизмом. Слава цієї Перемоги не померкне в століттях. Велика перемога над фашизмом призвела до звільнення європейських країн від гітлерівської тиранії, звільнила мільйони в'язнів, запобігла подальшому поширенню нацистських злодіянь, зробила можливим притягнення до відповідальності осіб, винних у найтяжчих міжнародних злочинах. Вчинені нацистами під час Другої світової війни злодіяння характеризувалися величезними масштабами й крайньою жорстокістю. Нагадування про вчинені нацистами злодіяння новим поколінням людей, які вирости після історичної перемоги над фашизмом, – це серйозна перешкода поширенню неонацизму.

Війна завершилася правосуддям, що ввійшло в історію як «Нюрнберзький процес», – першим в історії людства міжнародним судом, що відіграв особливу роль в утвердженні моральних основ між людьми й народами та становленні принципів сучасного міжнародного права. Як відомо, з 26 червня по 8 серпня в Лондоні було проведено конференцію представників Союзу Радянських Соціалістичних Республік, Сполучених Штатів Америки, Об'єданого Королівства Великої Британії і Північної Ірландії, Тимчасового уряду Французької Республіки. Лондонська конференція змогла вирішити ряд складних політичних і правових проблем, пов'язаних з організацією нової форми інтернаціональної юстиції – створенням Міжнародного військового трибуналу. 8 серпня 1945 року на конференції було прийнято Угоду «Про судове переслідування і покарання головних військових злочинців європейських країн осі», додатком до якої став Статут Міжнародного військового трибуналу³. Робота Нюрнберзького трибуналу і підписання статуту Організації Об'єднаних Націй у Сан-Франциско були ланками одного ланцюга, слугували одній меті: зміцненню міжнародного миру і безпеки. Відтоді створення Міжнародного суду для військових злочинців стало одним із пріоритетів у роботі ООН.

При підготовці проекту Лондонської угоди союзники внесли в преамбулу Статуту заяву про те, що вони діють «в інтересах усіх Об'єднаних Націй». Відповідно до ст. 5 угоди «кожний з Урядів Об'єднаних Націй може приєднатися до даної Угоди...». Згодом дев'ятнадцять держав схвалили принципи Статуту і приєдналися до угоди. «Міжнародний військовий трибунал був створений за згодою двадцяти трьох Об'єднаних Націй, що розгромили фашистську Німеччину, і в цьому розумінні це був суд переможців»⁴.

¹ Нюрнберзький процес над головними німецькими військовими злочинцями : сб. материалов в семи томах. – Т. 1. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 837.

² Ларин А.М. Нюрнберг: судебное разбирательство и приговор / А.М. Ларин // Нюрнберзький процес и современность / Отв. ред. В.В. Пустогаров. – М., 1986. – С. 74-93.

³ Нюрнберзький процес над головними німецькими військовими злочинцями : сб. материалов в 7 т. – Т. 1. – С. 63-65.

⁴ Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнберзького процесу / Н.С. Лебедева. – С. 137.

Та і яким могло бути правосуддя, якщо не правосуддям переможців? Не вже «правосуддям переможених»? Такі випадки історії відомі. Після Першої світової війни уся світова громадськість вимагала покарання не тільки рядових виконавців злочинів, а й головних винуватців, перш за все самого німецького кайзера. Стаття 227 Версальського мирного договору 1919 р. звинувачувала Вільгельма II, колишнього імператора Німеччини, «у вищій образі міжнародної моралі й священної сили договору». Договір передбачав утворення спеціального Міжнародного трибуналу у складі п'яти суддів, призначених від п'яти держав: США, Великої Британії, Франції, Італії, Японії. Суд мав розглядати справу «за мотивами, викликаними вищими принципами міжнародної політики, і в турботі про забезпечення поваги до урочистих обов'язків і міжнародних зобов'язань, а також до міжнародної моралі»¹. Однак положення Версальського мирного договору залишилися нереалізованими. Уряд Нідерландів відмовився видати кайзера, який туди втік. Щодо інших злочинців, то німецький уряд зміг наполягти на відданні їх не міжнародному, а німецькому суду. 19 грудня 1919 року в Німеччині був прийнятий закон, що передбачав віддання до Верховного суду в Лейпцизі осіб, обвинувачуваних у злочинах війни. Зробивши деякі застереження, союзники погодилися на розгляд справи Лейпцигським судом. Більшість підсудних були або виправдані, або їхні справи припинені «за відсутністю доказів». Цей процес став іменуватися як «лейпцигський фарс». Намагаючись з'ясувати історичні причини, що відкрили дорогу злочинам гітлерівської Німеччини, колишній помічник головного обвинувача від США в Міжнародному військовому трибуналі Р. Кемпнер назвав серед них той факт, що після Першої світової війни союзникам не вдалося засудити державних діячів Німеччини за військові злочини і, насамперед за розв'язання агресивної війни². У нацистській Німеччині правосуддя було складовою частиною фашистської диктатури, що прямо встановлено американським військовим трибуналом в процесі у справі нацистських юристів (процес № 3)³. Про передачу правосуддя щодо головних військових злочинців німецьким судам не могло бути і мови. Що ж могло бути альтернативою суду переможців? Безкарність злочинців, що залили світ кров'ю і сльозами мільйонів жертв? Цього не пробачили б ні живі, ні мертві. Розправа без суду і слідства? Але хіба це не було б повним беззаконням, нехтуванням права і справедливості? Чи за це ратують сучасні критики Нюрнберзького процесу?

У зв'язку з цим доречно нагадати про те, що в країнах антигітлерівської коаліції в роки Другої світової війни були впливові кола, які виступали проти суду над головними військовими злочинцями⁴. Однак, завдяки співпраці держав антигітлерівської коаліції став можливим не тільки розгром агресорів, але й притягнення їх до відповідальності за міжнародні злочини. Були створені

¹ Полторак А.И. Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы / А.И. Полторак. — М.: Наука, 1966. — С. 89.

² Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И.А. Ледях, И.И. Лукашук. — М., 1995. — С. 45.

³ Нюрнбергский процесс. Суд над фашистскими судьями: сб. материалов. — М., 1970. — С. 169

⁴ Мерфи Дж. Международное уголовно-процессуальное право / Дж. Мерфи, А.М. Ларин // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Отв. ред. И.А. Ледях, И.И. Лукашук. — М., 1995. — С. 65-66.

міжнародні військові трибунали (Нюрнберзький, а згодом – Токійський), які вперше в історії реалізували ідею міжнародної кримінальної відповідальності за найтяжчі злочини проти миру і людства.

Міжнародний військовий трибунал, отримавши згодом назву «Нюрнберзького», відповідно до Лондонської угоди, був сформований на паритетних засадах із представників чотирьох держав. Членами Трибуналу були призначені: від СРСР – заступник голови Верховного Суду Радянського Союзу генерал-майор юстиції І. Т. Нікітченко, від США – колишній генеральний прокурор країни Ф. Біддл, від Великої Британії – головний суддя лорд Дж. Лоуренс, від Франції – професор кримінального права А. Доннедьє де Вабр¹.

Міжнародний військовий трибунал для суду над головними військовими злочинцями європейських країн досі створювався, як впливає зі статті 1 Лондонської угоди, для суду над «військовими злочинцями, злочини яких не пов'язані з певним географічним місцем, незалежно від того, чи будуть вони обвинувачуватися індивідуально, чи як члени організацій або груп, або в тій та іншій якості»². Важливі положення містять статті 7 і 8 Статуту: «Службове становище підсудних, їх становище як глави держави або відповідальних чиновників різних урядових відомств не повинно розглядатися як підстава до звільнення від відповідальності чи пом'якшення покарання». «Той факт, що підсудний діяв за розпорядженням уряду чи наказом начальника, не звільняє його від відповідальності, але може розглядатися як аргумент пом'якшення покарання, якщо Трибунал визнає, що цього потребують інтереси правосуддя». Відповідно до статті 9, «при розгляді справи про будь-якого окремого члена тієї чи іншої групи або організації Трибунал може (у зв'язку з будь-якою дією, за яку ця особа буде засуджена) визнати, що група чи організація, членом якої підсудний був, була злочинною організацією».

Трибунал був уповноважений розглядати три категорії злочинів: а) злочини проти миру, а саме: планування, підготовка, розв'язання, ведення агресивної війни чи війни в порушення міжнародних договорів, угод або переконань, а також участь у спільному плані або змові, спрямованих на вчинення кожної з перерахованих вище дій; б) військові злочини, а саме: порушення законів або звичаїв війни, до яких належать убивства, катування, уведення в рабство чи для інших цілей цивільного населення окупованої території; убивства, катування військовополонених чи осіб, що перебувають у морі; убивства заручників; пограбування громадської чи приватної власності; безглузде руйнування міст або сіл; руйнування, не виправдане військовою необхідністю, та інші злочини; в) злочини проти людства, а саме: убивства, винищення, поневолення, заслання та інші жорстокості, вчинені щодо цивільного населення до чи під час війни, або переслідування через політичні, расові чи релігійні мотиви з метою вчинення чи у зв'язку з будь-яким злочином, що підлягає юрисдикції трибуналу, незалежно від того, чи були ці дії порушенням внутрішнього права країни, де вони були вчинені, чи ні.

¹ Див. докладніше: Лебедева Н.С. Суд над фашизмом и агрессией / Н.С. Лебедева. — М. : Знание, 1985. — С. 23.

² Международное право в документах / Сост. Н.Т. Блатова. — М. : Юрид. лит., 1982. — С. 825-826.

18 жовтня 1945 року відбулося перше відкрите засідання Міжнародного військового трибуналу. Нюрнберзький трибунал розглянув тисячі документів, допитав близько 200 свідків (і ще кілька сотень були допитані за його дорученням). Суду були також подані речові докази, що підтверджували злочиння обвинувачуваних. Важливу роль на суді відіграли фото- і кінодокументи, у тому числі зняті самими нацистами. Зокрема, було представлено нацистський фільм про знищення чехословацького села Лідіце, документальний фільм про злочини в Освенцімі, Маутгаузені, про руйнування Смоленська, знищення пам'ятників культури й мистецтва, фотодокументи про військові злочини в Латвії, на Україні. За час процесу було підготовлено більше 30 тисяч фотокопій документів, складено понад 50 мільйонів сторінок друківаних матеріалів. Трибунал розглядав обвинувачення проти 22 осіб.

31 серпня 1946 року, наприкінці 403-го відкритого судового засідання, головуєчий Дж. Лоуренс оголосив перерву, і Трибунал видалився на нараду для винесення вироку. Два дні, 30 вересня й 1 жовтня 1946 р., потрібні були суду Міжнародного військового трибуналу для оголошення вироку. Дванадцять підсудних були присуджені до смертної кари через повішення, троє — до довічного ув'язнення, четверо — до різних строків позбавлення волі, виправдані троє. Крім того, у Нюрнберзі були визнані злочинними: керівний склад Націонал-соціалістської партії й охоронні (СС) загони цієї партії, служба безпеки (СД), державна таємна поліція (гестапо).

Таким був суд народів над фашизмом. Його справедливо називають найбільшим судовим процесом ХХ століття. Забезпечення невідворотності покарання всіх нацистських військових злочинців повинно слугувати застереженням для тих, хто вчиняє такі самі злочини в цей час. Метою міжнародного кримінального правосуддя є покарання конкретних людей за вчинення міжнародних злочинів. Це була не помста, а торжество закону. У вироку Міжнародного військового трибуналу зазначено: «злочини проти міжнародного права вчинюються людьми, а не абстрактними категоріями, і тільки шляхом покарання окремих осіб, які вчиняють такі злочини, можуть бути дотримані установлення міжнародного права». Цим підкреслювався принцип індивідуальної відповідальності за вчинення міжнародних злочинів, а також пріоритетна сила міжнародного права у відношенні права національного при визначенні складу таких злочинів і відповідальності за їх вчинення.

Про неминуще значення процесів свідчить і та обставина, що, незважаючи на те, що все більша кількість років відділяє нас від них, інтерес до них не зникає, не вщухають суперечки навколо їх значення. З'являються все нові роботи, їм присвячені. Таким чином, Нюрнберзький і Токійський процеси не можна віднести до історичних подій, які безповоротно залишились в минулому. Втілені в уставах і вироках трибуналів ідеї, принципи, норми продовжують істотно впливати на міжнародне право. Вони являють собою важливі елементи міжнародного правопорядку ХХІ століття¹.

¹ Нюрнберзький процес: право против войны и фашизма. — С. 260.

Принципова зміна в механізмі функціонування міжнародного права, та й у світовому порядку в цілому, внесена міжнародними військовими трибуналами, полягала у встановленні кримінальної відповідальності керівників держав за найтяжчі міжнародні злочини. У подальшому весь розвиток міжнародного кримінального права йшов під безпосереднім впливом Нюрнберзького прецеденту. 11 грудня 1946 року Генеральна Асамблея прийняла резолюцію, що підтвердила принципи міжнародного права, які визнав Статут Нюрнберзького трибуналу, і запропонувала комітету з кодифікації міжнародного права розглянути як питання першорядної важливості проекти, що мають за мету формування цих принципів¹. На III сесії Генеральної Асамблеї було прийнято резолюцію 260 (III), в якій містилася Конвенція про геноцид і говорилося про те, що під час розвитку міжнародного суспільства зростатиме необхідність в утворенні міжнародного судового органу для суду над певними злочинами, що передбачає міжнародне право.

Вирок Нюрнберзького трибуналу, принципи, покладені в його основу, продовжують зберігати свою актуальність. Він залишається об'єктом політичної боротьби, і гострота цієї боротьби не зменшується з часом. Більш того, можна сказати, що принципи Нюрнберга сьогодні набувають ще більшого значення і ще більш універсальний характер. Вони значно вплинули на становлення міжнародного кримінального права.

Підкреслюючи значення Нюрнберзького процесу, я не схильний його повністю ідеалізувати. Він не був позбавлений недоліків, бо не міг не відображати реалій свого часу. Процес був в істотній мірі політизованим. Судді та обвинувачі призначалися державами-переможницями. У Нюрнберзькому трибуналі було представлено лише чотири основні держави. Незважаючи на це, першорядне значення вже мав той факт, що держави-переможниці відкинули ідею позасудового покарання головних військових злочинців. Більш того, результати процесу були справедливими і юридично обґрунтованими.

Значення принципів Нюрнберга особливо велике у наші дні. Нюрнберзький процес над головними військовими злочинцями сприймається як епілог великого військового подвигу, як результат історичної перемоги над нацизмом. На жаль, вистражданий перед лицем страшної нацистської загрози політико-правовий консенсус відразу ж після Нюрнберга став захмарюватися тривалим протистоянням вчорашніх союзників, «холодною війною» між капіталістичним Заходом і соціалістичним Сходом².

«Нюрнберг був орієнтиром. Але світ був не готовий до перетворення цього орієнтира в міцний інститут. Зрештою, світ чекав майже півстоліття після Нюрнберзького трибуналу і став знову свідком двох геноцидів – перший в колишній Югославії, а потім і в Руанді, перш ніж Радою Безпеки ООН були прийняті рішення про створення трибуналів по колишній Югославії та Руан-

¹ Объединенные Нации, Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты, II часть 1 сессии. Резолюции, принятые II частью 1 сессии Генеральной Ассамблеи. — Нью-Йорк, 1947. — С. 139-140.

² Наумов А.В. Современные проблемы международного уголовного права и уголовного правосудия / А.В. Наумов // Международное уголовное правосудие : Современные проблемы / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. — М. : Институт права и публичной политики, 2009. — С. 31-46.

ді, таким чином знову еднаючи світ і міжнародне правосуддя. Ці спеціальні трибунали проклали шлях для прийняття рішення про створення постійного міжнародного кримінального суду»¹.

Після закінчення «холодної війни» ідея створення міжнародного кримінального суду для покарання осіб, винних у вчиненні міжнародних злочинів, стала реалізовуватися. Період з 1989 по 1998 рік називають «десятиліттям надії». Все більшу актуальність здобувало і питання про створення постійно діючого міжнародного кримінального суду. На політичному рівні питання про заснування такого суду з юрисдикцією щодо трансграничної торгівлі наркотичними засобами поставив 21 серпня 1989 року представник Тринідаду і Тобаго в Організації Об'єднаних Націй, котрий запропонував включити його до порядку денного сорок четвертої сесії Генеральної Асамблеї ООН.

«Шлях до Риму» не був легким. Він пройдений завдяки спільним зусиллям багатьох політиків, учених, суспільних діячів². «Ніщо не може зупинити ідею, час якої настав», – писав один з активних прихильників створення міжнародного кримінального суду, відомий юрист В. Шабас³. Зусиллям з попередження військових злочинів, злочинів проти людяності й геноциду і руйнування переважаючої культури безкарності в ситуаціях збройного конфлікту значною мірою сприяли створенню Міжнародного кримінального суду й судових рішень Міжнародного трибуналу для колишньої Югославії й Міжнародного кримінального трибуналу для Руанди, а також Спеціального суду для Сьєрра-Леоне.

4 грудня 1989 року Генеральна Асамблея в пункті 1 резолюції 44/39 запропонувала Комісії в роботі над проектом Кодексу злочинів проти миру і безпеки людства розглянути питання про утворення міжнародного кримінального суду. 1992 року Комісія утворила спеціальну Робочу групу, яка дійшла висновку, що міжнародний кримінальний суд необхідно заснувати за допомогою прийняття статуту – багатостороннього договору⁴. 1993 року Комісія вирішила знову утворити робочу групу, що стала називатися «Робоча група по проекту статуту міжнародного кримінального суду». Генеральна Асамблея в резолюції 48/31 від 4 грудня 1993 року запропонувала Комісії завершити роботу над проектом 1994 року. Відповідно до резолюції тридцять держав подали коментарі щодо проектів статей, які розробила робоча група. 1994 року Комісія завершила роботу над проектом статуту міжнародного кримінального суду, що був поданий Генеральній Асамблеї з рекомендацією скликати дипломатичну

¹ Ocampo L.M. Building a Future on Peace and Justice: The International Criminal Court / L.M. Ocampo // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik ZIS., № 13. – 2007. – P. 491-493.

² Bassiouni M.C. Establishing an International Criminal Court: A Historical Survey / M.C. Bassiouni // Military Law Review. – Vol. 149. – Summer 1995. – P. 49-63; Bassiouni M.C. From Versailles to Rwanda in 75 Years: The Need to Establish a Permanent International Criminal Court / M.C. Bassiouni // Harvard Human Rights Yearbook. – Vol. 10. – 1997. – P. 11-62; Bos A. The International Criminal Court: Recent Developments / A. Bos // Reflections on the International Criminal Court. Essays in Honour of Adriaan Bos / Edited by Herman A.M. von Hebel, Johan G. Lammers, Jolien Schukking. – The Hague: T.M.C. Asser Press, 1999.

³ Schabas W.A. International Criminal Court: The Secret of Its Success / W.A. Schabas // Criminal Law Forum. – Vol. 12. – № 4. – 2001. – P. 428.

⁴ Doc. UN A/CN.4/L.490/Add. 1.

конференцію для його розгляду і прийняття міжнародної конвенції про заснування міжнародного кримінального суду. У своїй резолюції 49/53 від 9 грудня 1994 року Генеральна Асамблея ухвалила заснувати Спеціальний комітет для огляду основних питань, що впливають із проекту статуту. Згодом резолюцією Генеральної Асамблеї 50/46 від 11 грудня 1995 року був заснований Підготовчий комітет, у завдання якого входила підготовка проекту прийнятного для більшості зведеного тексту конвенції про міжнародний кримінальний суд, що міг би бути переданий на конференцію. Під час дискусій Підготовчий комітет послідовно визначав і конкретизував розбіжності між державами. У результаті кропіткої і тривалої роботи на дипломатичну конференцію в Римі був поданий проект Статуту¹.

Дипломатична конференція Організації Об'єднаних Націй була проведена на 15 червня – 17 липня 1998 року в Римі². На конференції був поданий проект угоди про заснування Міжнародного кримінального суду³. 17 липня 1998 року (при голосуванні 120 – «за», 7 – «проти» і 21 – утрималися) Дипломатична конференція прийняла Статут⁴. Так був заснований Міжнародний кримінальний суд, уповноважений здійснювати юрисдикцію щодо осіб, відповідальних за найсерйозніші злочини, які викликають стурбованість міжнародного співтовариства.

Римський статут у своїх принципових положеннях, виходить зі Статуту і вироку Нюрнберзького трибуналу. Виступаючи на церемонії підписання статуту Міжнародного кримінального суду в Римі 18 липня 1998 року Генеральний секретар ООН сказав: «Створення суду і надалі є надією для прийдешніх поколінь та гігантським кроком уперед на шляху до торжества універсальних прав людини та верховенства права».

Цей договір набув чинності 1 липня 2002 року, через 60 днів після того, як 60 держав стали учасниками Статуту за допомогою ратифікації або приєднання. Юрисдикція МКС поширюється на найбільш тяжкі міжнародні злочини, вчинені після 1 липня 2002 року. У цей час у провадженні МКС перебувають справи з розслідування злочинів, вчинених у Демократичній Республіці Конго, на півночі Уганди, у Дарфурі, Судані, і в Центральньоафриканській Республіці. Офіс прокурора МКС на даний час вивчає матеріали, які стосуються злочинів в Афганістані, Колумбії, Чаді, Кенії й Кіт-Д'ивуаре.

Міжнародне кримінальне правосуддя закладає основи для застосування нового підходу до викорінення безкарності в тих країнах, де відбуваються акти геноциду, злочини проти людяності й військові злочини. Сучасні конфлікти створюють глобальну загрозу миру й міжнародній безпеці. В них практично не здійснюється відмежування між комбатантами й мирними громадянами. Сьогодні військові дії часто супроводжуються безпрецедентного рівня насильством і жорстокістю з використанням різноманітних засобів – від систематичного згвалтування і тактики «випаленої землі», коли гублять урожаї й отрують

¹ Doc. UN A/CONF.183/2/Add.1.

² Doc. UN A/ 52/160.

³ Doc. UN A/CONF.183/2/Add.

⁴ Doc. UN A/ CONF. 183/9 (1998).

колодязі, до практики «етнічних чищень» і неприкритого геноциду. Звичними рисами військових дій стають вербування й використання дітей-солдатів, поширення стрілецької зброї, великомасштабні насильницькі переселення й етнічне чищення, цілеспрямовані дії проти жінок і дітей, широко розповсюджена безкарність за вчинені злочини. Ще однією ганебною характеристикою сьогоденних конфліктів стало зростаюче число загроз для життя персоналу міжнародних організацій та інших груп, що займаються наданням допомоги¹.

До таких звірств не можна далі ставитися терпимо як до неминучих або припустимих побічних проявів війни. Той, хто веде, узаконює й підтримує війну, повинен бути підданий осудженню. Необхідно покласти кінець безкарності за вчинення військових злочинів. Той, хто прямо або побічно винен у вчиненні таких мерзенних злочинів, не повинен ховатися за ширмою національного суверенітету. Необхідно вживати заходів на національному й міжнародному рівнях для притягнення до відповідальності всіх тих, хто вчиняє злочини, і тих, хто їх підтримує². «Особи, які вчиняють міжнародні злочини вважаються воєнними злочинцями, *hostis humanis*, і всі держави мають не тільки право, але також обов'язок щодо припинення таких злочинів, кримінального переслідування і покарання винних»³.

Нові конфлікти вимагають нових рішень. Ми повинні вирішувати питання на всіх етапах того або іншого конфлікту за допомогою застосування всеосяжного підходу, що передбачає здійснення зусиль в галузі запобігання причин виникнення конфліктів, підтримання миру під час виникнення кризи, зміцнення миру⁴. Держави, на території яких відбуваються такі злочини, повинні нести головну відповідальність, однак, під час відсутності своєчасних і належних дій держави, відповідальність за вживання заходів реагування лягає на міжнародне співтовариство. Процеси відправлення правосуддя й примирення являють собою найважливіші засоби реагування на ці та інші грубі порушення норм міжнародного гуманітарного права й права, що стосується прав людини, і, в кінцевому результаті, встановлення міцного миру⁵.

Створення спеціальних трибуналів по колишній Югославії і по Руанді та прийняття Римського статуту з метою заснування постійного Міжнародного кримінального суду є важливими кроками в цьому напрямку. Безпечні притулки для тих, хто винен у масових убивствах і катуваннях, починають зникати. Ці події підкріплюються істотними рухами в галузі міжнародного кримінального права, досягнутими завдяки сукупності рішень двох спеціальних трибуналів і швидко зростаючому числу країн, що ратифікували Римський статут. Так парадигма міжнародного кримінального правосуддя, що склада-

¹ Doc. UN S/2001/331.

² Doc. UN A/55/749

³ Daniel D. Ntanda Nsereko, The Role of the International Criminal Tribunals in the Promotion of Peace and Justice: The Case of the International Criminal Court / D. Daniel // Criminal Law Forum. — Vol. 19. — № 3-4. — 2008. — P. 381.

⁴ Doc. UN S/2004/431.

⁵ Doc. UN S/2004/431

ється, ставить перед особами, які вчинили серйозні порушення, реальну можливість переслідування за минулі, теперішні й майбутні злочини¹.

Створення Міжнародного кримінального суду дає надію на справедливу відплату за акти насильства й жорстокості. Міжнародний кримінальний суд є одним із ключових міжнародно-правових інструментів, що будуть нам необхідні в новому тисячолітті. Потрібно боротися з культурою безкарності щодо винуватих у вчиненні особливо серйозних злочинів. Сьогодні, більше ніж будь-коли, відчувається гостра потреба в діяльності Суду. У суді повинні бути відповідним чином представлені різні правові системи миру, оскільки глобалізація аж ніяк не означає гомогенізацію. Жодна країна не повинна бути виключена із цього історичного процесу; всі країни повинні мати можливість висловити Суду свої власні погляди у відношенні міжнародного кримінального судочинства². Прийняття Римського статуту відкрило нову главу в міжнародному праві. У даний час в сфері міжнародного кримінального правосуддя діє всеосяжний правовий та організаційний режим, що, безсумнівно, вплине на поведінку держав і, що ще важливіше, визначатиме і формуватиме поведінку індивідумів.

У своїх Резолюціях № 1300 (2002) та № 1336 (2003) Парламентська Асамблея Ради Європи закликала держави-члени Ради Європи вжити усіх необхідних засобів для приєднання або підписання цього міжнародного документа, а також якнайшвидше внести відповідні зміни у внутрішнє законодавство. У Спільній позиції Ради Європейського Союзу щодо Міжнародного кримінального суду від 13 червня 2003 року було визнано, що всезагальне приєднання до Римського Статуту є важливим для забезпечення повної ефективності Міжнародного кримінального суду. Генеральна Асамблея ООН на своїй 60-й сесії схвалила Резолюцію від 18 листопада 2005 року, де закликала усі держави, які ще не стали учасниками Римського Статуту, негайно розглянути питання про його ратифікацію. У липні 2009 р. Чеська Республіка ратифікувала Римський статут і стала 110-ю державою, що визнала юрисдикцію Міжнародного кримінального суду. На сьогодні Статут ратифікували всі держави-члени Європейського союзу.

Генеральний секретар ООН заявив: «Деякі уряди та їх народи, як і раніше, з недовірою ставляться до цього інституту. Мені важко повірити, однак, що їх скептицизм виникає з будь-якого сумніву у важливості дотримання норм міжнародного гуманітарного права, а тим більше з якого-небудь принципового неприйняття тезису про те, що винуваті у вчиненні самих жахливих із відомих людству злочинів повинні бути віддані суду й покарані. Я порадив би тим, хто ще не переконаний у доцільності проекту створення постійного міжнародного кримінального суду, поміркувати над центральним принципом Нюрнберга й Токіо, а саме: той, хто вчиняє або дає санкцію на вчинення військових злочинів та інших серйозних порушень міжнародного гуманітарного

¹ Doc. UN S/2001/331

² Doc. UN A/56/PV.49. — P.40.

права, несе особисту відповідальність за свої злочини, і співтовариство держав може й повинно притягнути їх до відповідальності»¹.

Не може не обурювати те, що до числа країн, до яких звернені ці слова, належить Україна. З дня здобуття нею незалежності, без участі України не обходилася жодна миротворча операція ООН. Віце-президентом Міжнародного суду ООН теж був українець. Звичайно, Україна одна з перших підписала Римський статут МКС. Загальновідомо, що Україна – не держава-агресор, не притулок для військових злочинців. Вона – мирна держава, що засуджує збройне насильство і першою в історії добровільно відмовилася від одного з найбільших арсеналів ядерної зброї у світі. Причини цього – в нашій історії. Мільйони українців усіх національностей стали жертвами тяжких військових злочинів у роки Другої світової війни. Сьогодні, не приєднавшись до Римського статуту, Україна зайняла позицію, протилежну політиці країн-членів Європейського союзу – організації, до якої Україна прагне вступити.

Тому несподіваним стало рішення Конституційного Суду України 2001 р., що визнало Римський статут неконституційним. Юридичне підґрунтя цього рішення показове хоча б тим, що п'ять із шести аргументів на користь неконституційності Римського статуту, запропонованих суб'єктом конституційного подання, Конституційний Суд відхилив.

Приводом для розгляду справи згідно зі статтею 151 Конституції України стало конституційне подання Президента України. Конституційний Суд відхилив більшу частину аргументів, які були у поданні президента. Вкрай важливо, що розглядаючи питання відповідності положень Статуту Міжнародного кримінального суду Конституції України, Конституційний Суд у своєму висновку у справі про Римський статут від 11 липня 2001 року зазначив: «Встановлення відповідальності за вчинення переважної більшості злочинів, передбачених Римським статутом, є міжнародно-правовим зобов'язанням України відповідно до інших міжнародно-правових документів, що набули чинності для нашої держави (багато з них – задовго до набрання чинності Конституцією України). Це, зокрема, Конвенція про запобігання злочинів геноциду та покарання за нього від 9 грудня 1948 року (набула чинності 15 лютого 1955 року); Женевська конвенція про захист цивільного населення під час війни від 12 серпня 1949 року (набула чинності 3 січня 1955 року); Женевська конвенція про поведінку з військовополоненими від 12 серпня 1949 року (набула чинності 3 січня 1955 року); Конвенція про захист культурних цінностей на випадок збройного конфлікту від 14 травня 1954 року (набула чинності 6 липня 1957 року); Міжнародна конвенція про попередження злочину апартеїду та покарання за нього від 30 листопада 1973 року (набула чинності 18 липня 1976 року); Конвенція проти катувань та інших жорстоких, нелюдських або таких, що принижують гідність, видів поведінки та покарання від 10 грудня 1984 року (набула чинності 26 червня 1987 року). Статут фактично відтворює переважну більшість положень, що визначають злочини, саме названих та інших конвенцій, до яких приєдналася Україна. До того ж положення Статуту, які забороняють

¹ Doc. UN A/56/1.

злочин геноциду, злочини проти людяності, військові злочини, злочин агресії, розглядаються нині як звичаєва норма міжнародного права, що неодноразово підтверджували міжнародні судові органи. Отже, їх характер як злочинних згідно зі статтею 18 Конституції України не залежить від приєднання України до Статуту та набуття ним чинності».

Слід підкреслити, що при розгляді питання про відповідність норм Статуту до положень Конституції України Конституційний Суд України визнав, що недоторканість певної категорії службових осіб – це не їх привілей, він пов'язаний з виконанням ними важливих державних функцій, а тому, відповідно до Конституції України і міжнародно-правових зобов'язань України, не може розглядатися як гарантія їх безкарності. Недоторканість службових осіб передбачає лише спеціальні умови притягнення їх до кримінальної відповідальності (п. 2.2.2). Особи, що користуються правом недоторканості, можуть бути притягнуті до кримінальної відповідальності за національним законом, який відповідає міжнародно-правовим зобов'язанням держави, шляхом задіяння внутрішньодержавних (національних) судових механізмів. Отже, стаття 27 Статуту, що забороняє посилення на службове становище при притягненні особи до відповідальності, не суперечить положенням Конституції України (п. 2.2.3). Конституційний Суд також зазначив, що терміни «передача» і «видача» у загальноживаному розумінні часто розглядаються як синоніми, але в міжнародно-правових документах і спеціальній літературі в них вкладається різний зміст, що робить їх юридичну природу неідентичною. Доставка особи до іншої рівносуверенної держави принципово відрізняється від доставки особи до Суду, створеного відповідно до міжнародного права за участю та згодою заінтересованих держав (п. 2.3.1). Згідно з частиною 2 статті 25 Конституції України забороняється видача (екстрадиція) громадян України іншій державі, тобто ця заборона стосується тільки національної, а не міжнародної юрисдикції. Вона має на меті гарантувати неупередженість судового розгляду, справедливість і законність покарань для своїх громадян. Міжнародний кримінальний суд не може прирівнюватися до іноземного суду, оскільки створюється за участю і за згодою держав-учасниць на основі міжнародного, а не національного права. Мета, якою пояснюється заборона видачі громадян однієї держави іншій, досягається у Міжнародному кримінальному суді шляхом застосування відповідних положень Статуту, розроблених (або схвалених) державами-учасницями. Ці положення базуються на міжнародних пактах про права людини, згода на обов'язковість яких для України вже надана (п. 2.3.2). Тому конституційні положення про заборону видачі громадян України (навіть за умови широкого тлумачення поняття «видача») не можна розглядати окремо від міжнародно-правових зобов'язань України.

Тим не менш, Конституційний Суд дійшов висновку: «Визнати Римський статут Міжнародного кримінального суду, підписаний від імені України 20 січня 2000 року... таким, що не відповідає Конституції України в частині, що стосується положень абзацу десятого преамбули і статті 1 Статуту, згідно з якими «Міжнародний кримінальний суд доповнює національні органи кримінальної юстиції».

Підставою для такого рішення Конституційного Суду було положення статті 124 Конституції України, згідно з якою правосуддя в Україні здійснюється виключно судами. До них належать Конституційний Суд України і суди загальної юрисдикції. Своє рішення Конституційний Суд обґрунтував тим, що Міжнародний кримінальний суд якимось по-особливому, антиконституційно доповнює судові органи України, у той час як Європейський суд з прав людини доповнює судові органи України цілком конституційно. Суд постановив, що «Можливість такого доповнення судової системи України не передбачена розділом VIII «Правосуддя» Конституції України. Це дає підстави для висновку, що абзац десятий преамбули і стаття 1 Статуту не узгоджуються з положеннями частин першої, третьої статті 124 Конституції України, і тому приєднання України до цього Статуту відповідно до частини другої статті 9 Конституції України можливо тільки після внесення до неї відповідних змін (п. 2.1)».

Цікавий парадокс – Міжнародний кримінальний суд якраз створюється для доповнення національних органів юрисдикції, надаючи їм пріоритетне право здійснювати переслідування і притягнення до відповідальності винних осіб. Якщо національна система функціонує нормально, то не виникає підстав для втручання Міжнародного кримінального суду. У нас основний аргумент – Конституція не передбачає такого. Мені здається, немає нерозв'язаних правових питань, є позиції політичні, внутрішньополітичні.

З урахуванням висновків Конституційного Суду України Міністерство юстиції України розробило законопроект, який передбачає внесення відповідних змін до статті 124 Конституції України, оскільки відповідно до частини другої статті 9 Конституції укладення міжнародних договорів, які суперечать Конституції, можливе лише після внесення відповідних змін до неї. Підготовка проекту Закону передбачена пунктом 17 Плану заходів щодо виконання у 2005 році Плану дій Україна – ЄС, затвердженого розпорядженням Кабінету Міністрів України від 22 квітня 2005 року¹.

Український парламент налаштований на тісну співпрацю з Міжнародним кримінальним судом. У лютому 2007 р. з офіційним візитом в Україні перебував Президент Міжнародного кримінального суду Філіп Кірш. У ході перебування в Україні пан Кірш відвідав Одеську національну юридичну академію – навчальний заклад, у якому велика увага приділяється вивченню й викладанню міжнародного кримінального права.

18 жовтня 2006 року Верховна Рада прийняла Закон України «Про приєднання України до Угоди про привілеї та імунітети Міжнародного кримінального суду», укладений 10 вересня 2002 р.². Угода, передбачає, що «Суд має міжнародну правосуб'єктність і таку правоздатність, яка може бути необхідною для здійснення його функцій та досягнення його цілей. Він, зокрема, правомочний

¹ Див. докладніше: Лавринович О.В. Основні проблемні питання імплементації положень Римського Статуту Міжнародного кримінального суду / О.В. Лавринович // Український часопис міжнародного права. — № 4. — 2003. — С. 16; Селівов М.Ф. Проблеми конституційності Римського Статуту Міжнародного кримінального суду / М.Ф. Селівов // С. 20-25; Скомороха В.Е. Римський Статут Міжнародного кримінального суду: питання конституційності / В.Е. Скомороха // Український часопис міжнародного права. — № 4. — 2003. — С. 26-35.

² Відомості Верховної Ради України. — 2006. — № 50. — С. 499

укладати договори, придбавати й відчужувати нерухоме й рухоме майно та брати участь у процесуальних діях». Важливо, що «Суд постійно співпрацює з відповідними органами влади держав-учасниць з метою сприяння застосуванню їхніх законів і попередження будь-яких зловживань у зв'язку із привілеями, імунітетами й пільгами, зазначеними у цій Угоді». Ратифікувавши угоду, Україна забезпечить суддям та іншим співробітникам Міжнародного кримінального суду гарантії безпеки, свободу пересування і повагу статусу на території України, а сам Міжнародний кримінальний суд – визнає легітимним суб'єктом міжнародного права, що необхідно для ефективної роботи цього важливого міжнародного органу. Тим самим, буде підтвержено імідж України як миролюбної, цивілізованої держави, яка не закриває очі на невинуваті знищення дітей, жінок та інших цивільних осіб під час збройних конфліктів. Міжнародний кримінальний суд – це своєрідний нащадок Нюрнберзького Трибуналу, котрий в 1946 засудив винуватців за знищення багатьох мільйонів мирних жителів України в ході фашистської окупації. Упевнений в тому, що приєднання України до Римського статуту – справа найближчого часу.

В. Ф. АНТИПЕНКО

заведующий кафедрой международного права Института международных отношений Национального авиационного Университета, доктор юридических наук

МЕЖДУНАРОДНОЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Поскольку терроризм – международное по своей сущности и преступное по международному праву явление, противодействие ему затрагивает сферу международных политических и социальных отношений, глобальной экономики, то есть связано с проблемами мироустройства, миропорядка.

Распространение терроризма на фоне нарастания глобальной конфликтности следует связывать с кризисом капиталистической миро-системы, составляющей сущность современного мироустройства. Содержание этого кризиса глубоко разработано в социальных и экономических теориях И. Валлерстайна, А. С. Панарина, Дж. Модельски, А. И. Неклессы, Дж. Гольдстайна, О. Платонова и др. На базе констатации такой конфликтности образуется основополагающий инструментарий для научного поиска путей противодействия терроризму в разных областях, в частности, в международном праве.

Между тем, проведенное исходя из такой оценки детерминант терроризма исследование в сфере международного права показало, что механизм международно-правового регулирования борьбы с этим международным преступлением¹ мог быть более эффективным, если бы базировался на конфликтологическом комплексном подходе, в основе которого лежит принцип коллективной ответственности всех участников международных отношений за возникновение терроризма и разрастание до уровня общечеловеческой угрозы².

Обоснование указанного принципа осуществлено путем международного криминологического исследования терроризма, результаты которого, с одной стороны указывают на международную сущность этого преступления, а с другой – раскрывают причины его возникновения и небывалой активизации в современных условиях.

Разработанные определения терроризма и террористического акта и международно-правовые механизмы борьбы с ним могут быть общеприемлемыми, поскольку базируются на основополагающих ценностях, исповедуемых международным сообществом, таких как равноправие, суверенитет, право народов на самоопределение и независимость.

¹ Предыдущая оценка терроризма как международного социально-политического явления здесь вовсе не отрицается, а дополняется его правовым измерением.

² Подробно см.: Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы / В.Ф. Антипенко. – К. : Юнона – М., 2002. – 723 с.

Принципиально новая квалификационная конструкция состава международного преступления – терроризм, помимо юридического предназначения, содержит и примиренческую функцию для стран и народов, стоящих на разных (нередко полярных) позициях в оценках современного терроризма, может служить базовой основой для диалога и сотрудничества государств, международных организаций, социальных групп и движений, заинтересованных в преодолении терроризма.

Ведь становится очевидным, что международное право в сфере борьбы с терроризмом изначально способно вносить дополнительную напряженность в отношения сторон, стоящих за террористическими конфликтами, поскольку базируется на не всеми приемлемом понятии терроризма. Эскалация терроризма во многом обуславливается вытекающей из этого неэффективностью международно-правовых актов, принимаемых в сфере борьбы с терроризмом. По своему содержанию они не предполагают эффективного воздействия на направленность международных социально-политических и экономических процессов, образующих основу для активизации терроризма. Международное право в сфере борьбы с терроризмом концептуально не определилось в исходной оценке общей ответственности международного сообщества за создание условий и возможностей для возникновения и распространения терроризма, а также для реализации террористических актов как таковых. Упорно избирая полем своего регулирования лишь тот сегмент терроризма, который связан в основном с объективной стороной преступных действий террористов, международно-правовые акты оставляют без должного внимания те политические, социальные и экономические аспекты международных отношений, которые порождают и усиливают террористические процессы. Иными словами, проблема эффективности международного права в сфере борьбы с терроризмом состоит в том, что оно основывается на оценках терроризма как преступного деяния, то есть террористического акта. Терроризм же приобрел формы международного социального явления. Как известно, явление это то, в чем содержится сущность. Сущность терроризма как социального явления содержится в конфликте, который характеризуется противоборством двух сторон, с применением хотя бы одной из них террористических актов. Следовательно, присутствующая в современном международном праве юридическая оценка терроризма как проявления только одной стороны террористического конфликта (терроризма) не может отвечать его сущности. Поэтому не могут быть объективными и производные такой оценки, в частности правовая квалификация терроризма, характеризующая состав этого международного преступления.

Этими соображениями объясняется «нетрадиционность» ключевых понятий, принципиально определяющих содержание международного антитеррористического права¹.

¹ Обоснование межотраслевой, межсистемной отрасли права – международное антитеррористическое право, см. Антипенко В.Ф. Механизм международно-правового регулирования борьбы с терроризмом : автореферат дис. на соискание ученой степени докт. юрид. наук / В.Ф. Антипенко. – М., 2004. – 59 с.

Терроризм – это состояние насильственного противоборства, которое наряду с нанесением ущерба национальным интересам, посягает на какие-либо аспекты международных отношений и основывается на конфликте политических, экономических, этнотерриториальных и религиозных интересов государств, народов, наций, социальных групп и движений, при условии использования хотя бы одной из сторон террористических актов как средства воздействия на противника для достижения политических целей.

Террористический акт – это преступное общественно-опасное деяние в терроризме по созданию условий воздействия на государство, международную организацию, иностранное правительство и их представителей или на юридических и физических лиц или группу лиц с целью понуждения осуществить или воздержаться от осуществления определенного действия, совершенное путем устрашения при наличии умысла на причинение гибели невинным людям.

Приведенные определения показывают, что терроризм как самостоятельная объективная категория материализуется, во-первых, в наличии, как минимум, двух противоборствующих сторон, образующих ядро террористического конфликта, с их противоположными целями. Во-вторых, обе стороны имеют социальную поддержку международного масштаба, в том числе и сторона, использующая в качестве средства борьбы открытые террористические акты. В противном случае терроризм на уровне мировой угрозы просто не может состояться. В-третьих, терроризм предполагает различные силы, средства и способы борьбы сторон. С одной стороны, это, как правило, радикализованные, хорошо организованные и вооруженные структуры с применяемыми ими террористическими актами, а с другой – государство с его силами спецназначения, армией, полицией и т. п., использующее в основном легитимные способы борьбы. Наконец, в-четвертых, террористические механизмы приводятся в действие управленческими звеньями разных уровней – от тактического до стратегического и, возможно, до геостратегического.

Является очевидным, что международное право в сфере борьбы с терроризмом не в полной мере отражает возрастающую актуальность проблемы дифференцированной ответственности широкого круга участников международных отношений за создание условий и возможностей для возникновения и распространения терроризма, а также для реализации террористических актов как таковых. Вся его мощь обрушивается на собственно террористические акты, причем в их безмотивной рафинированной интерпретации, что противоречит самой сущности права.

Таким образом, терроризм как международное преступление в значительной мере остается, по сути, вне поля регулирования международного права. Вместе с тем, терроризм как социальное по своему происхождению явление, является общим продуктом деятельности социума, и одолеть его можно, задействовав комплекс мер с приоритетом решения фундаментальных социально-экономических и политических проблем при регулятивном обеспечении соответствующими международно-правовыми механизмами.

Научно-теоретическое обоснование такого подхода выстраивается с позиций смежных с международным правом наук: геоэкономики, социологии международных отношений, культурологи, конфликтологии, военной и других наук.

Итак, каков же смысл геоэкономических обоснований? Развитие глобальной экономики, отражая кризис существующей капиталистической миросистемы, сопровождается дальнейшей поляризацией экономической и социальной жизни мирового сообщества. В этих условиях все более значительную роль приобретает терроризм, с одной стороны, как показатель возрастающей конфликтности, а с другой – как составляющая и продукт социального взаимодействия (нередко неравноправного) сторон, представляющих в целом Север и Юг, в котором последний, по мере возникновения и обострения проблем во взаимоотношениях, все более активно прибегает к террористической тактике действий, поскольку усматривает в этом единственно эффективное средство обеспечить сопоставимость возможностей сторон.

Сейчас уже нельзя обойти вниманием разрушительные геоэкономические тенденции. Мы являемся свидетелями воцарения спонтанного миропорядка в образе новой глобальной субкультуры – финансовой цивилизации, когда происходит замена власти публично избранных политиков на анонимную власть финансовой элиты с ее подспудным эзотеризмом, пытающимся объединить тотальное человеческое своеволие с идеей изощренного анонимного контроля над обществом.

В контексте утверждающейся виртуальной экономики констатируется, что капитал постепенно умалывает свою производственную составляющую, трансформируясь в квазизолото финансово-информационных потоков. Происходит умножение сфер человеческой практики и рост числа территорий, пораженных непродуцированной и криминальной активностью, сливающихся в единый феномен деструктивной квазиэкономики.

Важно, что по мере такого развития глобальной экономики улетучиваются надежды на развитие до уровня приемлемых цивилизационных критериев, прежде всего, стран и народов, представляющих бедный Юг.

Симптоматично также, что эти процессы, являясь частью взаимоотношений и психологии насилия, далеко не всегда находят криминализацию в международном праве. Они искусственно и искусно отделяются от видимых насильственных проявлений, где в качестве доминанты, поглощающей все остальные виды системного вооруженного насилия, все отчетливее выступает терроризм.

Конфликтогенность существующего комплекса экономических противоречий определяется тремя основными характеристиками. Во-первых, они порождают протестные настроения и намерения самых разных уровней и направлений, во-вторых, конфликтная, нестабильная среда сама по себе является благотворным условием, способствующим многократному возрастанию прибылей для крупного транснационального капитала, и особенно для указанных форм квазиэкономики, а, в-третьих, создание обстановки нестабиль-

ности и конфликтности в регионах, не причисляемых к Западу, используется в целях обоснования экономической и политической несостоятельности национальных режимов.

Указанные негативные тенденции в глобальной экономике имеют, по мнению специалистов, объективный характер и все более утрачивают контроль со стороны международных организаций и мировой элиты¹. Отсюда понятно значение международного антитеррористического права, основанного на адекватной оценке терроризма как негативного социального явления и сущностной характеристики глобальной экономики, поскольку правовое воздействие на терроризм в этом случае предполагает воздействие на негативные факторы в кризисном развитии глобальной экономики.

С позиций социологии международных отношений высвечивается опасность терроризма, вытекающая из его естественной «встроенности» в международные социальные механизмы.

Подтверждена международная сущность терроризма, его характеристика как международного явления. Сквозь призму основополагающих принципов теории международных отношений наиболее четко и убедительно объективизируется и материализуется возрастающая регулятивная функция терроризма в современной международной жизни с ее глобализационными тенденциями.

В нарастании мировой террористической угрозы как наиболее острой формы международных социальных отношений воплотились социальная противоестественность неоглобализационных процессов, несущих в себе терроризм, в которых политическим решениям как составной части этих процессов изменить что-либо не под силу. Поэтому роль международного права, четко сформулированного в сфере борьбы с терроризмом и охватывающего своим регулирующим воздействием все аспекты этого преступного явления, трудно переоценить.

Следует также отметить, что социальные теории, в основе которых лежит указание на кризис капиталистической миросистемы, настолько близки предлагаемому международно-правовому антитеррористическому механизму, что в их сопрягаемости видится возможность избежать катастрофичности при переходе к новым формам мироустройства. Логика реализации здесь видится в воздействии на мировые процессы через международно-правовое регулирование борьбы с терроризмом как продуктом, составляющей и регулятивным фактором глобальной экономики.

В сфере взаимоотношения культур основное конфликтогенное начало возникает с учетом разности процессов, происходящих в западной и восточной культурах.

Первая, все более прагматизируясь, обретает цивилизационные формы и, утрачивая духовную сущность, стремится компенсировать это за счет экспансии, искусственного навязывания своих, теряющих демократическое со-

¹ См., например, Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное общество: новая система координат (подходы к проблеме) / А.И. Неклесса. — СПб : Алетей, 2000. — С. 42.

держание, ценностей странам и народам, обладающим иной культурной вестью. На фоне такого усиливающегося корыстно-индивидуалистского начала в западной культуре весьма заметна тенденция к традиционному обращению к своим истокам и корням в культурах востока (особенно базирующихся на исламе). Насажение западных ценностей другим народам и государствам происходит далеко не безболезненно и нередко влечет вооруженные конфликты, поскольку сопровождается несправедливой конкуренцией, которая, по выражению папы Иоанна Павла II, «ставит бедные нации в положение все большей униженности»¹.

Не отрицая несомненной пользы западного культурного мессианства (но не миссионерства), распространения технико-экономических достижений западной цивилизации, ее высоких духовных ценностей, следует все же указать, что таким образом закладывалась конфликтообразующая основа, послужившая составной частью международного социально-политического явления, получившего наименование «современный терроризм» и представляющего одну из опаснейших мировых угроз.

Глобализация неумолимо ведет к коммерциализации, а затем к разрушению культуры в не западном мире.

Если эти рассуждения верны, то верно и другое. Терроризм как международное социально-политическое явление нельзя оценочно рафинировать к форме или способу вооруженного насилия (т. е. террористическим актам как таковым). Это двусторонний процесс взаимного насилия, имеющий экономические, историко-культурные и другие аспекты, чрезвычайно активизировавшийся в условиях глобализации.

Вовлечение гуманитарной сферы в противоборство предполагает высокую антитеррористическую эффективность международного права. Именно международное право призвано содействовать созданию тех форм консенсуса, которые, объединяя потенциал всего разнообразия культур на земле и учитывая их особенности, сформировали бы общеприемлемые, базирующиеся на согласованном понятийном аппарате юридические механизмы борьбы с терроризмом. Собственно, такие международно-правовые конструкции и были бы отражением сущности единой общечеловеческой культуры.

Основные положения конфликтологии о продуктивности социального конфликта призваны показать несостоятельность подхода в террорологии, согласно которому терроризм сводится к деятельности оторванных от социума террористических групп и террористических сетей.

Этот подход базируется на ошибочной концепции, исходящей, прежде всего от Т. Парсонса об аномальности социального конфликта, его «эндемичности». Из этого вытекает версия о «нереальности» террористического конфликта (терроризма), т. е. отсутствие в качестве его основы серьезного социального противостояния, которая воплощается в бесплодных попытках одолеть терроризм путем уничтожения собственно террористов и террористических групп.

¹ Цит. по: Этнос глобального мира. — М. : Горбачев-фонд, 1999. — С. 12.

В праве это заблуждение трансформируется в ошибочное неполное определение субъекта терроризма и образование, вследствие этого, правовых норм и принципов, предполагающих регулирование борьбы лишь с террористическими актами, но не с терроризмом, представляющим собой противоборство социальных мегагрупп, в котором одна из сторон прибегает к средству борьбы, определяющему террористический характер этого глобального социального конфликта – террористическим актам.

Феномен террористических актов, обеспечивших как средство борьбы глобальные масштабы терроризма, раскрывается с помощью инструментария военной науки в рамках теории террористической асимметрии. Речь идет о революционном влиянии террористических актов на соотношение возможностей сторон в вооруженном конфликте. Разрушая сложившиеся привычные и контролируемые войсковыми средствами отношения партизанской иррегулярности (даже при их известной специфике), террористические акты придают борьбе абсолютную иррегулярность и абсолютную враждебность.

Создаются условия для неограниченной, неконтролируемой асимметрии социального конфликта, который вряд ли может быть разрешен в условиях существующего мироустройства.

По мере эскалации современного терроризма все большую остроту приобретают и «внутренние» для международного антитеррористического права проблемы.

Так, в системе международно-правового противодействия терроризму существует проблема реализации принципа ответственности государства.

Эпицентр терроризма все более смещается в сферу отношений между физическими лицами (группами, организациями, движениями), которые не представляют государство, с одной стороны, и государствами, международным сообществом – с другой. В то же время в международном праве наиболее полно разработаны антитеррористические нормы, в которых субъектами правоотношений являются государство и физические или юридические лица, связанные с государством. Ситуация усложняется тем, что, во-первых, противодействующие в террористическом конфликте стороны нередко предъявляют друг другу претензии в формате межцивилизационных отношений. Во-вторых, государства (и физические лица их представляющие), которым адресуются террористические акты, стремятся скрыть свою причастность к созданию причин и условий, способствующих совершению терактов.

Также возможности международного права значительно ограничиваются тем, что терроризм все более активно паразитирует на моральных и юридических ценностях, наработанных в международном праве, подрывает международно-правовую систему, создавая условия для правового коллапса. Все чаще ему удается провоцировать государства и международное сообщество на действия, правомерность которых вызывает сомнения.

Указанные и другие пробелы в системе реализации возможностей международного права можно восполнить в рамках предложенной принципиально новой квалификационной конструкции состава международного пре-

ступления терроризм, основу которой составляет сложный (совокупный) субъект этого преступления.

Понятие совокупности здесь включает и государство (государства, международные организации), которое посягает или пренебрегло принципами и нормами права наций на самоопределение, государственность, национальную и территориальную целостность, и государство (государства, международные организации), которое предоставляет финансовую или другую материальную поддержку силам, которые реализуют эти намерения, а также государства, которые спонсируют ответные действия в виде террористических актов. Указанный совокупный субъект должен включать также физических лиц, которые выполняют волю государств (международных организаций), направленную на нарушение международных обязательств по обеспечению права народов на самоопределение, а также лиц, которые путем осуществления террористических актов добиваются реализации права на самоопределение, развитие или территориальную целостность.

При этом, как уже говорилось, следует принимать во внимание, что современный терроризм предусматривает наличие двух сторон, противоположность целей которых и противодействие друг другу очевидны, поскольку они образуют террористический конфликт. Этим терроризм существенно отличается от террористического акта как преступного способа реализации противодействующими сторонами (или одной из них) своих целей. На уровне террористического акта совсем не обязательно присутствие (существование) противодействующей стороны, поскольку он по своей сути совершается в отношении случайных людей и объектов.

Именно главная ответственность за возникновение террористической ситуации и предопределяет необходимость объединения в один субъект противодействующих сторон. То есть, сам факт возникновения терроризма должен определять причастность сторон к субъекту преступления и ответственность, которая вытекает из этого.

При этом важно избежать политического контекста в оценках степени вины и ответственности сторон, которые составляют субъект терроризма. Обе стороны должны быть доступны юридической процедуре и их действия должны подпадать под юрисдикцию и быть подвергнутыми международной уголовно-правовой оценке.

Предложенная конструкция совокупного субъекта терроризма может затрагивать политические, экономические, социальные и прочие интересы государств и народов. Однако возникновение терроризма как следствия любого конфликта выступает столь серьезной доминантой, что образуется почва для внесения принципиальных изменений в международные юридические механизмы.

Правовой анализ субъективной стороны терроризма базируется на его оценке как продуцируемого взаимосвязанными действиями противоборствующих сторон и чрезвычайно опасного самого по себе результата. Осуществляя любые действия, препятствующие национальному самоопределению, разви-

тию или реализации других предусмотренных международными нормами и принципами прав, государство (международная организация) должно допускать, что по причине несравненно более низкого военно-экономического потенциала оппонента силовой вариант решения конфликта может повлечь за собой использование террористических методов борьбы. Если такие действия будут иметь место, то в совокупности с действиями «инициатора» конфликта они образуют терроризм.

Допускается, что настоящие масштабы преступных результатов не всегда могут быть предвиденными в полной мере. Но для констатации виновного умысла на терроризм этого и не нужно. Важно, чтобы сторона, которая «иницирует» конфликт (прямо или опосредствованно), сознавала, что вследствие её действий может возникнуть терроризм. Отсюда, несмотря на то, что в международных преступлениях преобладает прямой умысел, терроризм должен определяться и косвенным.

Это имеет значение и с точки зрения субъекта, который представляет сторону собственно террористов. Содержание их вины определяется также неоднозначно, поскольку право народов на самоопределение и развитие обеспечивается значительной международной нормативной базой. Оно предусматривает возможность бороться всеми, имеющимися в наличии, в том числе и насильственными средствами.

Понятие умышленной вины не может быть применено к той части деятельности террористических движений, которая касается их намерений и действий относительно ведения освободительной борьбы насильственным, вооруженным путем. Ответственность за терроризм для них связана с наличием умысла на применение преступных, террористических средств борьбы. Такое содержание субъективной стороны терроризма, касающейся «исполнительской» составляющей субъекта этого преступления, имеет под собой реальную международно-правовую базу, которая конкретно выражается в предложенном определении терроризма и террористического акта.

Признавая тем самым неправоту другой стороны, в ответ на действия которой в рамках конкретного конфликта совершаются преступные теракты в качестве способа воспрепятствования правонарушению, соответствующим образом определяются пределы состава преступления.

Иначе говоря, международно-правовую борьбу с причинами и условиями, способствующими возникновению эскалации терроризма, предлагается осуществлять не только политическими, дипломатическими и другими мерами либо путем формирования отдельных составов преступлений, а, что очень важно, в пределах единого состава международного преступления терроризм.

Предложенный совокупный субъект, наряду со своей юридической функцией по объективизации состава преступления содержит и функцию примирительную.

Таким образом, речь идет о самостоятельном цельном подходе к оценке сущности терроризма, его детерминант и причин нарастающей масштабной-

сти, в основе которого лежит осознание наличия все более четко проступающего глобального террообразующего конфликта. В рамках этого конфликта различимы объективные действия, мотивация и целеполагание сторон, что может быть использовано для их криминализации в международном праве.

Важно также, что с позиций такого подхода открывается возможность дифференцированной оценки различных очагов террористических конфликтов в ряде стран и регионов мира. Представляется, что отдельные из них продуцируются и поддерживаются искусственно, не отражают сути указанного глобального конфликта и помимо прочего имеют целью отвлечь внимание от обостряющихся проблем, связанных с необходимостью его разрешения.

Н. А. ЗЕЛИНСКАЯ

профессор кафедры международного права и международных отношений Одесской национальной юридической академии, доктор юридических наук

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Глобализация является всеобъемлющим процессом, затрагивающим экономические, политические, информационные, культурные, социальные и правовые тенденции. Она подразумевает возрастание уровня взаимодействия как в пределах отдельных государств, так и между государствами. Интенсификация этих процессов способствует расширению функций и сфер ответственности государства, с одной стороны, и эрозии его возможностей эффективно справляться с предъявляемыми к нему требованиями – с другой стороны. Товары, капиталы, люди, знания, оружие, наркотики и т. п. стали легко пересекать государственные границы. Транснациональные сети проникли почти во все сферы человеческой деятельности¹. Глобализация и развитие технологий принесли обществу многочисленные блага, но они открыли также новые возможности для совершения преступлений и для преступников².

Как подчеркнул в своем докладе Генеральный секретарь ООН, открытие рынков и продолжающийся процесс глобализации, появление новых коммуникационных технологий и серьезные успехи правоохранительных органов – все это привело к тому, что характер, масштабы и влияние преступности заметно изменились за последние десять лет. Преступность распространилась на многие страны, поэтому обнаружение преступников затрудняется, а международное сотрудничество становится как никогда важным. Факты говорят о расширении сферы деятельности организованной преступности как в географическом, так и в отраслевом отношении. В результате этого транснациональная преступность, ориентированная на конкретную деятельность, постепенно приобретает характер трансконтинентальной и многопрофильной преступности – современные преступные организации занимаются контрабандой всего, что приносит прибыль, начиная с наркотиков, культурных ценностей, ядерных материалов и оружия и заканчивая людьми³.

¹ Гаджиев К.С. Введение в геополитику : учебник для вузов / К.С. Гаджиев // Изд. 2-е, доп. — М., 2002. — С. 89.

² Доклад одиннадцатого Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Бангкок, 18–25 апреля 2005 года. — UN Doc. A/CONF.203/18. — П. 45.

³ Укрепление Программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, в частности ее потенциала в области технического сотрудничества. Доклад Генерального секретаря A/59/205. — П. 54.

Современные террористические организации обладают разрушительной мощью, сравнимой с мощью вооруженных сил крупного государства. Международный терроризм представляет реальную угрозу внутренней и внешней безопасности государств, мирным взаимоотношениям между ними, развитию и функционированию демократических институтов и принципов. Новые жестокие формы терроризма, связанные с распространением организованной преступности и коррупции, причиняют огромные страдания значительной части мирового населения и все чаще рассматриваются в качестве глобальных угроз миру и безопасности¹. Международная преступность представляет собой глобальную проблему, что обуславливает необходимость глобальной реакции.

Беспрецедентное возрастание масштабов и опасности международной преступности обуславливает повышение значения международного сотрудничества в противодействии ей и, соответственно, научных исследований в этой сфере. Правовой базой таких исследований являются уголовно-правовые аспекты международного права и международно-правовые аспекты национальных уголовно-правовых систем, то есть с одной стороны, «межгосударственное публичное международное уголовное право» (*interstate public international criminal law, Volkerstrafrecht*), с другой – внутригосударственное международное уголовное право («*municipal*» или *domestic*» *international criminal law*)². Эти аспекты имеют определенное феноменологическое единство, и необходимость их изучения предопределяет существование комплексной научной дисциплины, охватывающей все направления международного сотрудничества в противодействии преступности. Для ее обозначения широко используется термин «международное уголовное право».

Доктрина международного уголовного права начала свое существование с исследования проблем взаимодействия государств в осуществлении мер уголовной репрессии и охватывала все вопросы, лежащие на стыке международного права и национальных уголовно-правовых систем (преимущественно, регламентацию уголовной юрисдикции и применимого права в отношении преступлений с иностранным элементом, то есть проблемы, аналогичные тем, которые возникают в процессе рассмотрения гражданских дел и относятся к «коллизии» или «международному частному праву»).

Существование международной преступности не является специфической чертой современности. Этот феномен проявлял себя в разные времена и присущ разным культурам и обществам, имеет самые различные политические, экономические, исторические, культурные корни. Считается, что аналог термина «*international criminal law*» – «международное уголовное право» – появился в немецкой юридической лексике в 1862 г. Л. фон Бар рассматривал

¹ Предупреждение преступности и уголовное правосудие. Укрепление Программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, в частности ее потенциалов области технического сотрудничества. Доклад Генерального секретаря. — UN Doc. A/59/205. — П. 1.

² См., например: Szaszy I. Conflict-of-laws Rules in International Criminal Law and Municipal Criminal Law in Western and Socialist countries //International Criminal Law. — Vol. II. /Compiled and edited by M.C. Bassiouni, V.P. Nanda. — Harles C. Thomas—Springfield, 1998. — P. 135.

международное уголовное право отдельно от международного частного права¹. Как известно, термин «*private international law*» – международное частное право – был применен Дж. Стори в 1834 г. Дж. Стори посвятил главу своего трактата о конфликтах права (*Commentaries on the Conflict of Laws*) коллизиям в уголовном праве. Поскольку международное уголовное право изначально считалось правом, регулирующим узкую сферу вопросов, касающихся юрисдикции внутригосударственных уголовных судов, некоторыми авторами оно не причислялось к международному публичному праву и относилось к частному международному праву. С другой стороны, многие ученые категорически не соглашались с той точкой зрения, что международное уголовное право связано с международным частным правом. Исходя из того, что международное частное право является частью частного права, а уголовное право, в свою очередь, – частью публичного права, они считали, что граница между частным и публичным правом столь четко и жестко определена, что ничто, связанное с публичным правом, не может быть квалифицировано как часть международного частного права.

«Как доктрина, международное уголовное право, с самого начала, фактически включало в себя целый спектр проблем, связанных с международными аспектами применения внутренних систем уголовного права», – подчеркивает Э. М. Вайс². В XIX в. концепция международного уголовного права была сфокусирована, преимущественно, на теориях национальной уголовной юрисдикции и вопросах взаимной юридической помощи государств по уголовным делам. Термин «международное уголовное право» широко использовался специалистами в области международного и уголовного права для обозначения правовых норм внутригосударственного и международно-правового характера, регламентирующих международное сотрудничество в борьбе с преступностью. Уже тогда он вызывал острую критику и получал самые различные интерпретации³.

В. Э. Грабарь, проанализировав работы российских ученых до начала XX в., сделал вывод о том, что «международное уголовное право содержит начала и нормы уголовного права, направленные на борьбу с преступлениями, посягающими на блага всех государств или определенной части их»⁴. Интернационализация преступности неизбежно влекла за собой интернационализацию ответных мер общества. «Без посторонней помощи отправлять свою судебную деятельность государство может только в тех пределах, в которых ему принадлежит принудительная власть. Вне этих пределов оно нуждается в содействии других государств. Международное право стремится именно дать возможность каждому государству преследовать уголовным

¹ Буткевич В.Г. Міжнародне кримінальне право / В.Г. Буткевич // Міжнародне право. Основні галузі / За ред. В.Г. Буткевича. – Київ, 2004. – С. 681.

² Wise E.M. Terrorism and the Problems of an International Criminal Law / E.M. Wise // Connecticut Law Review. – 1987. – № 19. – Р. 804.

³ См.: Лист Ф. Международное право в систематическом изложении : пер. и ред. В.Э. Грабаря / Ф. Лист. – Юрьев (Дерпт), 1909. – С. 312.

⁴ Грабарь В.Э. Материалы к истории международного права в России (1647 – 1917) / В.Э. Грабарь. – М., 1958. – С. 456.

путем каждое посягательство на охраняемые его правом интересы, где бы оно ни было совершено», – подчеркивал декан Новороссийского университета П. Е. Казанский (1904)¹.

Многие авторы XIX ст. признавали существование «нравственной обязанности» государств солидарно преследовать лиц, обвиняемых в совершении правонарушений, которые отличаются универсальной наказуемостью². В это время была популярна так называемого «этического минимума». «Право есть низший предел или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный», – писал в 1897 г. В. Соловьев³.

Под влиянием этого процесса международное уголовное право вышло за пределы регламентации судебной помощи по уголовным делам: координация совместных усилий государств по противодействию преступности вошла в сферу интересов международного уголовного права, существенно расширив его концептуальные рамки. Особую значимость приобрела проблема гармонизации мер уголовной репрессии. «Идея сближения человечества, а равно охраны человеческой личности и её правовых интересов, в области международного права должна была выдвинуть, несомненно, вопрос и об объединении норм права, охраняющего личность и её интересы во внутренней государственной жизни, – замечал Н. А. Захаров (1917), подчеркивая, что «нормы уголовного права более поддаются объединению, так как понятие уголовного преступления является более или менее одинаковым в государствах культурного мира»⁴.

На развитие концепции международного уголовного права значительное влияние оказало так называемое «унификационное движение». В работах, посвященных проблеме унификации уголовного законодательства, выдвигалось учение о деликтах, международных в особом, «квалифицированном» смысле. Профессор В. Пелла выделял в качестве объектов международной репрессии те деяния, «которые посягают на основы существования всякого цивилизованного коллектива». Для обозначения таких деликтов использовалась римская формула *«delicta juris gentium = delits des gens»*, означающая преступления против международного права, «общечеловеческие» преступления. Такие «ультрамеждународные» посягательства характерны тем, что обращены не против того или иного политического строя, а против всякого культурного общения, против самого существования современного государства. Профессор Сальдана предлагал «философское понятие интернационального деликта». Он утверждал, что с точки зрения философской, международный деликт – это естественный и всеобщий деликт, посягающий на «естественное право» народов и приводил определение естественного права народов, данное римским юристом Гаем: «Правом народа зовется тот всеми народами тщательно

¹ Казанский П. Учебник международного права публичного и гражданского / П. Казанский. – О., 1904. – С. 481.

² Штиглиц А. Исследование о выдаче преступников / А. Штиглиц. – СПб., 1882. – С. 31.

³ Цит по: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая : Лекции. Издание второе, пересмотр. и доп. / Н.С. Таганцев. – Том 1. – СПб. : Государственная типография, 1902. – С. 37.

⁴ Захаров Н.А. Курс общего международного права / Н.А. Захаров. – Петроград, 1917. – С. 231-232.

оберегаемый порядок, который естественный разум устанавливает среди всех людей»¹. В октябре 1933 года на 5-й Конференции по унификации международного уголовного права профессор Р. Лемкин предложил объявить «*delictio juris gentium*» действия, направленные на уничтожение этнических, религиозных и социальных сообществ². По обоснованному мнению М. В. Буроменского, в этот период международно-правовая доктрина значительно опередила практику. В действительности государства еще не были готовы к применению метода унификации уголовного законодательства³.

В ходе острой дискуссии, осложненной политическими и идеологическими противоречиями, на протяжении всего XX в. шло интенсивное развитие международного сотрудничества в противодействии все более интернационализирующейся преступности. Две мировые войны этого столетия, явившие миру злодеяния невиданного ранее масштаба и цинизма, с особой остротой поставили вопрос об учреждении органов международной уголовной юстиции, облеченных правом осуществлять уголовное преследование от имени мирового сообщества. Революционное значение для развития международного уголовного права имело учреждение Нюрнбергского трибунала, положившее начало практическому осуществлению этой идеи.

Международное преступление индивида как персонифицированное преступление государства и основание индивидуальной уголовной ответственности по международному праву – такое понятие международного преступления утвердилось в связи с созданием и деятельностью Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками второй мировой войны. Оно было принципиально отлично от «национального» преступления. Нюрнбергским и Токийским прецедентами международное право реализовало свою собственную конструкцию международного преступления, обнаружив способность криминализировать деяние, не являющееся преступлением по национальному праву.

После второй мировой войны стала складываться система норм, устанавливающая преступность деяния и подчиняющая его своей юрисдикции. Она стала функциональным аналогом национального уголовного права и получила название «международное уголовное право *stricto sensu*». Это существенно изменило направление дискуссии относительно содержания рассматриваемого понятия и придало ей дополнительный импульс. Ныне одни ученые признают существование международного уголовного права в узком значении, отрицая широкую концепцию, другие – поддерживают широкое толкование, сомневаясь в существовании международного уголовного права *stricto sensu*, третьи – отрицательно относятся к самому термину «международное уголовное право» как не вполне корректному. Некоторые специалисты исключают существование международного уголовного права на основании того, что не

¹ Цит. по: Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон / А.Н. Трайнин. – М., 1969. – С. 35.

² Там же. – С. 29, 37.

³ Буроменський М.В. Деякі судження про поняття міжнародного кримінального права / М.В. Буроменський // Вісник Академії правових наук України : збірник наукових праць. – № 2 (33) – 3 (34). – С. 352.

существует центрального правотворческого и правоприменительного органа. Многие ученые, рассматривая международное уголовное право сквозь призму национально права, сосредоточивают свою критику на аргументации незрелости международной уголовно-правовой системы и ее несоответствии представлениям и требованиям внутригосударственного права.

В 1950 г., на фоне всеобщего энтузиазма относительно перспектив международной уголовной юстиции, связанного с деятельностью Нюрнбергского и Токийского трибуналов, известный британский ученый Дж. Шварценбергер весьма резко высказался против международного уголовного права. По мнению Дж. Шварценбергера, возникшая в XIX ст. континентальная доктрина принадлежит не международному, а внутригосударственному праву. Проанализировав шесть вариантов трактовки этого понятия, Дж. Шварценбергер пришел к заключению, что международного уголовного права в истинном смысле не существует: данный термин содержит в себе противоречие, поскольку предполагает наличие надгосударственной власти. Отсутствие власти, которая была бы способна применять право по отношению ко всем государствам, включая те, которые имеют право вето в Совете Безопасности ООН, лишает международное сообщество наиболее существенного условия, от которого зависит уголовное право. Дж. Шварценбергер подчеркивал, что как отдельная отрасль международного права «международное уголовное право» еще не развилась¹.

Серьезные сомнения в том, что современное международное сообщество имеет социально-политическую базу, необходимую для создания системы уголовного права, аналогичной национальным системам, выражал Э. М. Вайс. Сомнения относительно реальности существования международного уголовного права в *stricto sensu*, в конечном счете, опираются на скептицизм относительно реальности существования подлинно международного сообщества. Международная система, по мнению Э. М. Вайса, имеет очень слабую степень единства и не составляет «международное сообщество», а без такого не может быть никакого международного уголовного права. Тем не менее, Вайс охотно признает широкую концепцию международного уголовного права. «Несмотря на то, что международное уголовное право в широком смысле может напоминать некую гетерогенную массу норм, эти нормы отражают цели уголовного права и процесса в международном контексте и, в конечном счете, составляют тематическое единство, образующее «международное уголовное право, – пишет он. – Во всяком случае, никто не возражает против того, что они заслуживают быть объединенными для изучения под одним заголовком»².

Множественность и неопределенность значений, вкладываемых в термин «международное уголовное право» не стали препятствием для его дальнейшего использования: лаконичное обозначение обширного комплекса проблем, связанных с взаимодействием национальных уголовно-правовых систем и учреждением международной уголовной юстиции, сохранило свою привлекательность. Несмотря на критику, концепция международного уголовного

¹ Schwarzenberger G. The Problem of an International Criminal Law / G. Schwarzenberger // Current Legal Problems. — 1950. — № 3. — P. 63-96.

² Wise E. M. Terrorism and the Problems of an International Criminal Law. — P. 819, 806.

права утвердилась в мировой юридической литературе. Более того, понятие «международное уголовное право» становится все более востребованным в современной юриспруденции¹. В ее формировании активное участие приняли советские юристы². Нужно признать, что в СССР в период «холодной войны» отношение к этому термину было весьма настороженным. Тем не менее, отсутствие терминологического единства не препятствовало активному научному исследованию вопросов международного сотрудничества в противодействии преступности³.

С 90-годов прошлого века термин «международное уголовное право» приобрел признание в постсоветских странах и был широко использован в наименовании учебников и научных работ⁴. Тем не менее, единой его интер-

¹ См.: Bassiouni M.C. An Appraisal of the Growth and Developing Trends of International Criminal Law // *Revue Internationale de Droit Penal*. — 1974. — № 45. — P. 405-433; Malekian F. The Monopolization of International Criminal Law in the United Nations: a Jurisprudential Approach. — Stockholm, Sweden: Almqvist & Wiksell International, 1995; International Criminal Law and Procedure / Ed. by J. Dugard, C. van den Wyngaert. — Dartmouth Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Dartmouth Publishing Company Limited, 1996; Bassiouni M.C. International criminal law conventions and their penal provisions. — Irvington-on-Hudson, New York: Transnational Publishers, 1997; Sunga L.S. Emerging System of International Criminal Law: Developments in Codification and Implementation. — Martinus Nijhoff, 1997; International Criminal Law/ Ed. by M.C. Bassiouni. — Dobbs Ferry, NY: Transnational Publishers, 1999; Saland P. International Criminal Law Principles // *The International Criminal Court. The Making of the Rome Statute Issues, Negotiations, Results*/ Ed. by Roy S. Lee. — The Hague, London, Boston: Kluwer Law International, 1999. — P. 189-216; Bantekas I., Nash S., Mackarel M. International Criminal Law. — London: Cavendish Publishing Limited, 2001. — Kittichaisaree K. International Criminal Law. — New York: Oxford University Press, 2001; Cassese A. International Criminal Law. — Oxford: Oxford University Press, 2005.

² См.: Ромашкин П.С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права / П.С. Ромашкин // Советское государство и право. — 1948. — № 3. — С. 27-30; Ромашкин П.С. Вопросы международного уголовного права в Организации, Объединенных Наций / П.С. Ромашкин // Советское государство и право. — 1949. — № 2. — С. 26—35; Ромашкин П.С. Развитие советской науки международного уголовного права / П.С. Ромашкин // Уголовное право. История юридической науки. — М., 1978. — С. 266-307; Ромашкин П.С. Международное уголовное право на службе мира и демократии / П.С. Ромашкин // Советское государство и право. — 1975. — № 5. — С. 69—76; Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы международного уголовного права / М.Д. Шаргородский // Советское государство и право. — 1947. — № 3. — С. 21—29; Шаргородский М.Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве / М.Д. Шаргородский // Вестник Ленинград. ун-та. — 1947. — № 8. — С. 44—59.

³ Работами многих авторитетных советских юристов, среди которых Ю.Г. Барсегов, А.И. Баstryкин, И.П. Блищенко, С.В. Бородин, Р.М. Валеев, В.А. Василенко, В.С. Верещетин, Л.Н. Галенская, Н.В. Жданов, В.К. Звирбуль, А.В. Змеевский, И.М. Иванова, Г.В. Игнатенко, Р.А. Каламкарян, И.И. Карпец, Ю.М. Колосов, В.Н. Кудрявцев, И.А. Ледях, В.В. Лунеев, И.И. Лукашук, Е.Г. Ляхов, В.И. Менжинский, Л.А. Моджорян, Р.А. Мюллерсон, А.В. Наумов, В.П. Панов, Ю.В. Петровский, А.И. Полторак, Н.Н. Полянский, М.Ю. Рагинский, Ю.А. Решетов, К.С. Родионов, С.Я. Розенблит, В.М. Савицкий, Г.И. Тункин, Н.А. Ушаков, И.В. Фисенко, внесен весомый вклад в развитие теории международного противодействия преступности. В украинской юридической науке проблемы международного уголовного права рассматривались в работах В.Ф. Антипенко, В.П. Базова, М.В. Буроменского, В.Г. Буткевича, С.М. Выхриста, Н.В. Дреминой-Волок, О.В. Касинюк, С.Ф. Кравчука, А.А. Маевской, А.С. Мацко, Н.И. Пашковского, М.П. Свистуленко, Е.Л. Стрельцова, Т.Л. Сыроед, В.Н. Точиловского и многих других ученых.

⁴ См., например: Панов В.П. Международное уголовное право : учеб. пособ. / В.П. Панов — М., 1997; Международное уголовное право : учебн. пособие / Под общей ред. В.Н. Кудрявцева. — 2-е изд. перераб. и доп. — М., 1999; Лукашук И.И. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. — М., 1998; Лукашук И.И. Международное уголовное право : учеб. / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. — М., 1999; Номоконов В.А. Международное уголовное право : учебное пособие / В.А. Номоконов. — Владивосток, 2001; Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы / А.Г. Кибальник. — СПб., 2003;

претации по-прежнему не существует. Не вызывает сомнения вполне очевидный факт функционирования в правовой среде большого количества норм, регламентирующих международное сотрудничество государств в противодействии преступности. Эти нормы имеют как международно-правовое, так и национально-правовое происхождение.

При обсуждении юридической природы международного уголовного права зачастую задается вопрос: относится ли оно собственно к международному или уголовному праву? Такая постановка вопроса представляется некорректной: в данном случае нет дилеммы. Определения «*международное*» и «*уголовное*» право не противоречат друг другу, так как уголовными являются нормы, имеющие как *национальное*, так и *международно-правовое* происхождение.

Система норм, имеющих международно-правовое происхождение, претендует на «звание» международного уголовного права как отрасли международного права. Для того чтобы решить, насколько обоснованы такие претензии, нужно, прежде всего, ответить на вопрос: являются ли нормы, регламентирующие материально-правовые аспекты такого взаимодействия, уголовно-правовыми, то есть: действительно ли это *уголовное* право? Такая постановка вопроса предполагает обсуждение, ряда принципиальных вопросов.

Прежде всего, нужно ответить на вопрос о том, соответствует ли международное уголовное право *stricto sensu* юридической природе уголовного права, не выходит ли за его концептуальные рамки? Ответ на этот вопрос, в значительной мере, зависит от того, включаем ли мы в предмет международного уголовного права правоотношения, возникающие с совершением государством серьезного правонарушения («квазипреступления»).

Многие ученые в ответе на этот вопрос априори исходят из того, что государство, наряду с индивидом, является субъектом преступления в международном уголовном праве. Между тем государство может быть субъектом международного правонарушения и «преступной» с точки зрения этики политики, выражающейся в конкретных преступлениях индивидов, но оно *не может быть субъектом уголовно-наказуемого деяния*, то есть преступления, в его строго правовом смысле. Криминализировать акты государства не способно ни международное, ни, тем более, национальное право.

Понятие «международное преступление государства» развивалось, преимущественно, в виде морально-политических деклараций. Вспомним, что П. Дрост (*Drost*) в известном труде «Государственное преступление» (1959) развивал теорию, согласно которой «государственные акты» могут быть государственными уголовными преступлениями по международному праву (*crimes of state under international law*). Но «государственные преступления», согласно Дросту, – это не «преступления государства». Государство не может

Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право / Л.В. Иногамова-Хегай. — СПб., 2003; Бойко А.И. Международное и российское уголовное право : монография / А.И. Бойко. — Ростов-на-Дону, 2004; Костенко Н.И. Международное уголовное право: современные теоретические проблемы / Н.И. Костенко. — М., 2004; Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. — М., 2009.

быть преступником. Уголовное право имеет дело с индивидуумами, воздействует на индивидуальную психологию, и его санкции применимы только к индивидуумам. Исходя из теории, рассматривающей государство как фикцию, П. Дрост утверждал: «Преступное государство есть, говоря юридически, бессмыслица; преступное правительство, наоборот, является юридической реальностью и весьма серьезным вызовом... Возможность наказания государства юридически и практически исключается. Правительства могут и должны быть наказуемыми, если международный правопорядок будет предусматривать осуществление уголовной юстиции»¹. Однако и в случае «преступности правительства» преступления всегда остаются «индивидуальными преступлениями», и уголовную ответственность за них несут физические лица.

В течение многих лет Комиссия международного права работала над согласованием Проекта статей о международной ответственности государств. Как известно, Комиссия включила в 1976 г. в Проект статью, которая производит разграничение между «нормальными» международно-противоправными действиями – деликтами, и исключительно серьезными нарушениями международного права, которые названы «*international crimes*» – международными преступлениями². На сорок восьмой сессии в 1996 г. Комиссия завершила первое чтение Проекта статей частей второй и третьей об ответственности государств. Несмотря на серьезные возражения со стороны отдельных стран³ и многих ученых⁴, принятый Комиссией текст содержал деление международных правонарушений на деликты и преступления⁵. Вместе с тем, включая термин «международное преступление» (ст. 19) в Проект статей, Комиссия подчеркнула, что его употребление не означает попытки «криминализировать» ответственность государств. Использование этого термина объяснялось необходимостью выделить особую категорию наиболее опасных международных правонарушений, а также тем, что более подходящего термина, якобы, не существует.

Заключавшаяся в ст. 19 Проекта концепция «международного преступления государства» не давала возможности четкой идентификации преступлений: она не содержала ни исчерпывающего перечня «преступных» действий, ни внятных показателей для их оценки. Недостаток проекта в этой части отмечали даже сторонники концепции международных преступлений⁶. В ходе работы над проектом статей во втором чтении Комиссия отказалась от исполь-

¹ Drost P. The Crime of State / P. Drost. — Vol. I. — Leyden, 1959. — P. 283-294, 304-305 (Цит. по: Тункин Г.И. Теория международного права / Г.И. Тункин. — С. 357).

² Yearbook of the International Law Commission II. Part 2. —1976. — P. 95-112.

³ См.: International Law Commission. Comments by France // UN Doc. A/CN.4/488. 25 March 1998.

⁴ International Crimes of State: a Critical Analysis of the International Law Commission's Draft Article 19 on State Responsibility. — European University Institute, 1989; State Responsibility. Comments and Observations Received from Governments // UN Doc. A/CN.4/488 add.1-3 (1998); Rosenne S. State Responsibility and International Crimes: Further Reflections on Article 19 of the Draft Articles on State Responsibility / S. Rosenne // New York University Journal of International Law and Politics. — 1997 — P. 145.

⁵ См. подробнее: Лукашук И.И. Право международной ответственности / И.И. Лукашук. — С. 262-288.

⁶ Pellet A. Can a State Commit a Crime? Definitely, Yes! / A. Pellet // European Journal of International Law. —1999. — Vol. 10. — №. 2. — P. 425-434.

зования термина «международное преступление» в отношении государств. На своей пятьдесят второй сессии в 2000 году Комиссия приняла к сведению доклад Редакционного комитета о втором чтении проектов статей в целом, которые были в предварительном порядке приняты Редакционным комитетом¹. Статьи были включены в качестве предварительного текста в доклад Комиссии о работе ее пятьдесят второй сессии². Проект содержал главу III Части второй – «Серьезные нарушения обязательств перед международным сообществом в целом». Сердцевиной этой главы явилось понятие обязательства перед международным сообществом в целом (*erga omnes*). Поддерживая исключение ст. 19, некоторые государства отметили, что «в тексте по-прежнему остаются вопросы принципиального характера» как с точки зрения определения концепции, так и ее последствий, и призвали к тому, чтобы в комментариях были даны уточнения, касающиеся связи между обязательствами, охватываемыми этой главой, и обязательствами *erga omnes* или императивными нормами³.

На пятьдесят третьей сессии (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 г.) Комиссия завершила рассмотрение темы «ответственность государств» во втором чтении. Комиссия решила, что использование категории императивных норм следует предпочесть предшествовавшему указанию на серьезное нарушение какого-либо обязательства перед международным сообществом в целом. Одним из преимуществ такого подхода явилось то, что понятие императивных норм уже прочно закреплено в Венской конвенции о праве международных договоров⁴. Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятые во втором чтении, содержат главу III – «Серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», применяемую, согласно ст. 40, «к международной ответственности, которую влечет за собой серьезное нарушение государством обязательства, вытекающего из императивной нормы общего международного права». Ст. 40 предусматривает, что «нарушение такого обязательства является серьезным, если оно сопряжено с грубым или систематическим невыполнением обязательства ответственным государством». Таким образом, для целей дифференциации правонарушений государств в проект включено понятие «серьезное нарушение государством обязательства», базирующееся на концепции императивной нормы общего международного права. Термин «международное преступление» применительно к правонарушению государства не используется.

Комментируя это положение, Комиссия указала, что, несмотря на состоявшиеся процессы и осуждение Нюрнбергским и Токийским военными трибуналами отдельных правительственных должностных лиц за преступные деяния, совершенные ими в их официальном качестве, ни Германия, ни Япо-

¹ UN Doc. A/CN.4/L.600.

² Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН, пятьдесят пятая сессия. – UN Doc. A/55/10, add. 10, глава IV.

³ Там же.

⁴ Доклад Комиссии международного права. Пятьдесят третья сессия (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 года). Генеральная Ассамблея Официальные отчеты. Пятьдесят шестая сессия. Дополнение № 10. – UN Doc A/56/10. – С. 289.

ния не рассматривались в качестве «преступных государств» в документах, учреждавших эти трибуналы. Схожий подход применялся при создании специальных трибуналов для Югославии и Руанды Советом Безопасности ООН. Оба суда рассматривают дела только отдельных лиц. В своем решении по делу Бласкича (*Prosecutor v. Blaskic*) (возражения по вопросу о приказе о явке в суд) Апелляционная камера Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии заявила, что нынешнее международное право ясно указывает на то, что государства по определению не могут быть объектом уголовных санкций наподобие тех, которые предусмотрены в национальных уголовных системах. В Римском статуте Международного уголовного суда также устанавливается юрисдикция в отношении «самых серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества», но эта юрисдикция ограничивается «физическими лицами» (п. 1 ст. 25). В этой же статье конкретно указывается, что ни одно положение в этом статуте, «касающееся индивидуальной уголовной ответственности, не влияет на ответственность государств по международному праву». Отказавшись от деления правонарушений государств на «преступления» и «деликты», Комиссия подчеркнула, что, тем не менее, «в статьях необходимо отразить то обстоятельство, что в области ответственности государства существуют определенные последствия, вытекающие из базовых концепций императивных норм общего международного права и обязательств перед международным сообществом в целом»¹.

Очевидно, что сегодня теория международного преступления государства в ее первоначальном виде утрачивает свои позиции. На смену понятия «преступление государства» приходят новые концепции. Как подчеркивал И. И. Лукашук, закрепление в Статьях категории «серьезных нарушений обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», представляет собой значительный шаг в прогрессивном развитии этого права. «В условиях углубляющейся глобализации все большее число жизненно важных проблем человечества может быть решено лишь совместными усилиями государств. Одной из таких проблем является поддержание международного правопорядка, особенно в той части, которая касается основных прав государства и человека, – писал И. И. Лукашук. – На достижение этой цели и направлена рассматриваемая концепция»².

Признание того, что государства являются субъектами преступлений и подлежат ответственности в соответствии с международным уголовным правом, привело бы к коренной ломке всех понятий, лежащих в основе уголовно-правовой системы: от преступления до наказания. Такие революционные изменения вряд ли оправданы. Международное уголовное право строится на принципе индивидуальной уголовной ответственности; его основными категориями остаются *уголовная* ответственность и преступление как *уголовное* правонарушение. Государство не подлежит уголовной ответственности и не является субъектом преступления в уголовно-правовом смысле. Нормы, ре-

¹ Доклад Комиссии международного права. Пятьдесят третья сессия (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 года). Дополнение № 10. – UN Doc A/56/10. – С. 288.

² Лукашук И.И. Право международной ответственности / И.И. Лукашук. – С. 277.

гламентирующие ответственность государств, не создают особой конструкции преступления, не влекущего за собой уголовного наказания, не включаются в международное уголовное право *stricto sensu* и, таким образом, не выводят его за концептуальные рамки уголовного права.

С другой стороны, многие ученые высказывают серьезные претензии к широкой интерпретации понятия международного уголовного права как отрасли международного права, включающей нормы, которые регламентируют различные аспекты взаимодействия национальных уголовных правосистем в международном пространстве. Так, М. В. Буроменский рассматривает международное уголовное право как совокупность международно-правовых норм, устанавливающих на данном этапе его развития преступность и наказуемость наиболее серьезных и вызывающих озабоченность всего международного сообщества посягательств на международный мир, международную безопасность и человечность¹. По его мнению, становление международного уголовного права непосредственно связано с принятием уставов международных уголовных судебных органов: Устава Международного трибунала по Руанде, Устава Международного трибунала по бывшей Югославии, Римского Статута Международного уголовного суда. Обращая внимание на то, что существующее ныне представление международном уголовном праве часто базируется на идеях и представлениях, которые существовали на рубеже XIX –XX столетий, М. В. Буроменский заключает, что такой подход является весьма широким и ведет к смешению собственно международного уголовного права с международным сотрудничеством в борьбе с преступностью, а, в конечном счете, и с национальным уголовным правом².

Действительно, если, основываясь на национально-правовом подходе, связывать понятие «уголовное право» исключительно с охранительными уголовно-правовыми отношениями (в их традиционном понимании) то «международным уголовным правом» – это право о «международном наказании», и, следовательно, им может быть названо только международное уголовное право *stricto sensu*. Если же рассматривать «международное уголовное право» как право о «международном преступлении», то в широкую трактовку международного *криминального* права можно вкладывать все международно-правовые нормы, сосредоточенные вокруг понятия «*crimen*», а это большой массив норм, регламентирующих взаимодействие национальных уголовных правосистем в реагировании на преступление и предупреждении преступности. Вне зависимости от того, будем мы говорить о существовании сформировавшейся отрасли международного права, или о гетерогенном комплексе норм, не объединенном единством метода правового регулирования и не заслуживающем «звания» отрасли права, очевидно, что эти нормы имеют между собой большую степень единства, нежели с, допустим, международным космическим правом. Очевидно и то, что этот комплекс норм нуждается в каком-то названии.

¹ Буроменский М.В. Вказ. твір. — С. 364-365.

² Там же. — С. 370.

Следует ли объединять названием «международное уголовное право» весь этот комплекс, или такого обозначения «достойна» только часть его, регламентирующая основания и порядок привлечения индивида к уголовной ответственности по международному праву, – это, в конечном итоге, не предмет спора, а вопрос договоренности. Многие аргументы сторонников узкой концепции звучат убедительно. Тем не менее, более полутора сотен лет термином «международное уголовное право» называли и продолжают называть всю эту гетерогенную массу норм. Такова реальность, на которую трудно повлиять научными изысканиями. Не исключено, что интенсивное развитие международного уголовного права *stricto sensu* приведет к тому, что строгая интерпретация этого термина вытеснит широкую концепцию, но пока она уверенно сохраняет свои позиции.

Сегодня же можно констатировать, что в международном праве сформировалась самостоятельная отрасль, получившая название «международное уголовное право». Составляющие ее нормы неоднородны. Поскольку уголовное преследование лиц, совершивших международное преступление, осуществляется в рамках национальной или международной юрисдикции, *солидарное* уголовное преследование может выражаться: а) во взаимодействии национальных юрисдикций, то есть принимать *транснациональный* характер; б) в деятельности органов интернациональной юстиции, то есть носить *интернациональный* характер в строгом значении. Соответственно, в международном уголовном праве можно выделить две подотрасли.

Первая подотрасль международного уголовного права регламентирует основания и порядок привлечения индивидов к уголовной ответственности органами международной уголовной юстиции, устанавливая редкие для международно-правовой системы вертикальные отношения, в силу чего за ней утвердилось название «международное уголовное право *stricto sensu*». Эта подотрасль регулирует не только материально-правовые основания привлечения к международной уголовной ответственности, но и международное уголовное судопроизводство и судопроизводство¹. Внутри нее наметилась тенденция к обособлению процессуальных норм в «международный уголовный процесс»².

Вторая подотрасль устойчивого обозначения не получила. Она состоит из норм, которые не могут функционировать вне национального правового пространства: эти нормы либо регламентируют определенные аспекты взаимодействия национальных правосистем (например, в вопросах экстрадиции), либо являются обязательствами, влияющими на национальное право. За пределами международного уголовного права *stricto sensu* юридические отношения остаются традиционно горизонтальными. В последнее время в юридической литературе встречаются предложения определять совокупность таких

¹ Substantive and Procedural Aspects of International Criminal Law: The Experience of International and National Courts, Commentary/ Ed. by G. K. McDonald, O. Swaak-Goldman. – Kluwer Law Intl. – 1999.

² Safferling C. J. M. Towards an International Criminal Procedure / C. J. M. Safferling. – Oxford, Oxford University Press, 2003.

норм ее как «транснациональное уголовное право»¹. С этим предложением, на наш взгляд, можно согласиться.

Транснациональное уголовное право охватывает всю сферу, имеющую отношение к международному сотрудничеству в противодействии преступности, за исключением тех ее аспектов, которые относятся к международному уголовному праву *stricto sensu*, и включает в себя: 1) *транснациональное материальное уголовное право*, представляющее собой систему международно-правовых норм, направленных на регламентацию материально-правовых вопросов национальной уголовной юрисдикции и экстрадиции, а также на гармонизацию криминализации наиболее значимых в международном плане правонарушений и установления соразмерных и эффективных уголовных санкций; 2) *транснациональное процессуальное уголовное право*, состоящее, как минимум, из двух частей: а) международно-правовых норм, регламентирующих взаимодействие национальных правоохранительных и судебных органов в целях привлечения к ответственности виновных лиц («право взаимной помощи государств по уголовным делам», включая процессуальные аспекты экстрадиции); в) международно-правовых норм, направленных на оптимизацию функционирования национальных правоохранительных и судебных систем и обеспечение гарантий прав человека в уголовном судопроизводстве; 3) *транснациональное уголовно-превентивное право*, регламентирующее взаимодействие государств в предупреждении преступности.

В этом контексте международное уголовное право – концептуально связанная, последовательная и интенсивно развивающаяся сфера юриспруденции, охватывающая международные аспекты всех наук криминально-правового цикла, а также уголовно-правовые аспекты науки международного права: в этом смысле ее можно назвать комплексной. Ее предмет выходит далеко за пределы одноименной отрасли международного права. Безусловно, обозначение разных по объему и содержанию понятий одним и тем же термином крайне нежелательно и вызывает справедливую критику. Для обозначения научной дисциплины можно предложить множество других названий, однако, как показало время, мало шансов на то, что они вытеснят из научного оборота использовавшийся в течение многих десятилетий термин «международное уголовное право».

Находясь в сфере науки международного права, международное уголовное право не перестает быть частью уголовной юриспруденции. Нужно признать, что сегодня требование однозначного и жесткого разграничения вопросов национального и международного уголовного права является неадекватным. Следовательно, можно говорить о тенденции сглаживания такого разграничения. Преступление, став международным, не перестает быть преступлением. Принадлежность международного уголовного права к уголовной юриспруденции не вызывает ни малейших сомнений.

¹ См.: Зелинская Н.А. Транснациональное преступление и транснациональное право / Н.А. Зелинская // Актуальні проблеми політики : зб. наук. праць. — Вип. 15. — Одеса, 2002. — С. 287-293; Boister N. «Transnational Criminal Law»? / N. Boister // European Journal of International Law. — 2003. — Vol. 14. — №. 5. — P. 956, 963.

Принадлежность норм, регламентирующих антикриминальное взаимодействие государств, к международно-правовой и национально-правовой системам на лишает международное уголовное право его феноменологического единства. Это единство обеспечивается тем, что оно сосредоточено на изучении преступного и уголовно-наказуемого поведения, мер реагирования на него и его предупреждения в международном масштабе. Уголовное преследование, пресечение и предупреждение международных преступлений осуществляется посредством мер, принимаемых как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Так как международным уголовным правом занимаются специалисты международного и уголовного права, они используют различные подходы при изучении одних и тех же вопросов. «Хотя несогласие между специалистами по уголовному и международному праву может временно создавать проблему недостаточности доктринального единства, именно объединение этих двух отраслей юриспруденции в одно целое придает международному уголовному праву его силы и жизнеспособность»¹.

Криминализация – определение сферы уголовной репрессии – является выражением законодательной юрисдикции государства и представляет собой логическое следствие национального суверенитета. В силу этого международные преступления являются, преимущественно, национальными по происхождению уголовно-правового запрета. Однако присущий государству суверенитет не влечет за собой исключительность права отдельных государств устанавливать преступность и наказуемость человеческого поведения. Мировое сообщество озабочено поиском баланса между свободой и безопасностью. Современная концепция международного уголовного права должна обеспечить, с одной стороны, потребности международной кооперации государств в борьбе с преступностью и, с другой стороны, предоставить защиту лицам, подвергаемым политическим преследованиям. Солидарность в подавлении преступности не должна перерасти в содействие политическим репрессиям.

В условиях глобализации преступности внутригосударственное уголовное право может и должно быть подвержено гармонизации. Этого требуют условия современного взаимосвязанного и взаимозависимого мира. Ссылки на государственный суверенитет в данном случае неоправданны, поскольку совместная борьба с преступностью отвечает интересам государства и способствует укреплению суверенитета, в то время как преступность расшатывает устои современного миропорядка.

Необходимо обеспечить концептуально-нормативную общность правовой регламентации противодействия преступности. Этому, в значительной мере, способствует заключение многосторонних соглашений, содержащих обязательные либо настоятельно рекомендуемые стандарты криминализации серьезных правонарушений. Формулировки, содержащиеся в таких соглашениях, являются следствием компромисса, неизбежного для достижения консенсуса. Они, как правило, содержат в себе необходимый и достаточный минимум при-

¹ International Criminal Law and Procedure / Ed. by J. Dugard, Ch. van den Wyngaert. — Dartmouth Publishing Company Limited, 1996. — P. 9.

знаков, относительно включения которых в качестве элементов состава преступления договорились государства.

В отношении преступлений, имеющих тенденцию к транснационализации, необходима выработка всеобъемлющего подхода, составной частью которого должна стать адаптация договорных стандартов криминализации к национальному уголовному праву, а также установление эффективных, пропорциональных и обладающих предупредительным эффектом санкций. Противоречия между договором и национальным законодательством не освобождают государство от выполнения обязательств, поскольку национальный закон может и должен подвергаться согласованным на международном уровне изменениям. Однако отдельные изменения норм национального уголовного права, без корректировки и гармонизации всей его системы, оставляют эти нормы в правовом вакууме.

В этой связи следует подчеркнуть сложность стоящей перед Украиной задачи приведения своего законодательства, в том числе уголовного, в соответствие с международно-правовыми обязательствами. Наше государство стремится к активному сотрудничеству в сфере противодействия преступности. Угроза, которую несет в себе международная преступность, настоятельно требует проявления политической воли и готовности к межгосударственному взаимодействию. Затягивание принятия и ратификации договоров по вопросам противодействия преступности является неоправданным. В то же время без углубленной и системной работы, предшествующей ратификации, участие государства в международно-правовых соглашениях в сфере международного уголовного права неэффективно и представляет собой не более чем декларацию. По нашему мнению, необходимо провести комплексный и детальный мониторинг уголовного законодательства Украины с точки зрения его соответствия международным стандартам криминализации. Каждый законопроект о внесении изменений в уголовное законодательство должен проходить научную экспертизу на соответствие его международным уголовно-правовым стандартам.

Характер и масштабы современной преступности требует глобального реагирования на основе широкого международного сотрудничества при условии соблюдения прав человека. Не вызывает ни малейшего сомнения необходимость функционирования действенной системы международной уголовной юстиции, обеспечивающей судебное преследование международных преступников в соответствии с фундаментальными принципами международного права и при неуклонном соблюдении прав человека. Создание Международного уголовного суда вселяет надежду на то, что мировому сообществу удастся разорвать замкнутый круг преступности и безнаказанности. Правовое обеспечение эффективности международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, имплементация международных стандартов уголовного права и правосудия являются одной из приоритетных задач законотворческой деятельности и юридической науки.

Е. В. ГОРОХОВСКАЯ

заведущая кафедрой международного права Института права имени Владимира Сташиса Классического приватного университета, кандидат юридических наук, доцент

АГРЕССИЯ КАК МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ

Вопрос о преступлении агрессии всегда был актуальным для международно-правовой доктрины и практики.

Подавляющее большинство юристов согласны в отношении того, что главной отличительной чертой современного международного права является ответственность за агрессию. Агрессия – наиболее серьезное международное преступление.

Как отмечает Ю. А. Решетов, сам термин «международное преступление» возник первоначально чтобы характеризовать агрессивную войну¹. Юристы-международники справедливо относят нормы, запрещающие агрессию, к императивным нормам современного общего международного права, отклонение от которых недопустимо.

Представление о противоправности агрессивной войны было присуще международному праву со времени его зарождения. В трудах «отцов международного права» классического периода (Ф. де Витториа, Б. Айала, Г. Гроций) говорилось, что справедливой, дозволенной войной может быть лишь война, начатая в ответ на нарушение права.

Параллельно разрабатывалась иная концепция понимания войны, в том числе и агрессивной, которая признавала дозволенность любой войны в силу того, что война является борьбой между нациями, следовательно, все войны должны рассматриваться как законные.

Запрещение «агрессивных войн» было текстуально закреплено в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. о мирном разрешении международных споров и в Парижском пакте об отказе от войны как орудия национальной политики (Пакте Бриана-Келлога) 1928 г. В Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. было заявлено, что договаривающиеся стороны будут «искать наиболее эффективные средства обеспечить народам прочный мир», а также подписаны протоколы о намерениях мирного урегулирования международных споров.

До окончания Первой мировой войны обращение к войне независимо от её целей рассматривалось как неотъемлемое право каждого государства (*jus ad bellum*), как высшее проявление его суверенитета в международных

¹ Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности / Ю.А. Решетов. – М., 1980.

отношениях. Это право охранялось всей системой принципов и норм международного права.

По итогам Первой мировой войны был принят ряд документов, в которых юридически запрещалась агрессивная война либо предлагалось такое запрещение.

Устав Лиги Наций стал первым документом, где на межгосударственном уровне содержалось обязательство не прибегать к войне как средству разрешения международных споров (ст. 10). Ст. 11 Устава гласила, что «... всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо, или нет кого-либо из членов Лиги, интересуется Лигу в целом...», и «... последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир наций». Проблема постановки агрессивных войн вне закона обсуждалась в Лиге Наций и на различных международных конференциях,

О необходимости запрещения и о преступности агрессии упоминалось в проекте Договора о взаимопомощи от 15 августа 1923 г., в Женевском протоколе о мирном разрешении споров от 2 октября 1924 г. (оба этих документа так и не приобрели обязательной силы).

24 сентября 1927 г. Ассамблея Лиги Наций приняла специальную декларацию, провозгласившую, что всякая агрессивная война является и остаётся запрещенной и составляет международное преступление. Практическое значение этой декларации сводилось на нет тем, что Устав Лиги Наций не только не содержал прямого запрещения агрессии, но и допускал (ст. ст. 12, 13 и 15) обращение к войне при условии соблюдения некоторых формальных требований, т. е. по существу легализовал войну. Агрессией с точки зрения буквы Устава признавалось лишь нападение, совершенное в его нарушение.

Первым реальным шагом на пути запрещения агрессии и объявления её вне закона явился Парижский пакт от 27 августа 1928 г., в котором осуждалось обращение к войне для урегулирования международных споров, провозглашался отказ от войны как качества орудия национальной политики.

Нельзя не отметить тот факт, что данный документ впервые установил соответствующее многостороннее обязательство государств об отказе от применения вооруженной силы. Тем самым, Парижский пакт пошёл несомненно дальше Устава Лиги Наций в этом вопросе, однако его практическое значение ослаблялось тем, что положения, содержащиеся в нем, не были подкреплены эффективной системой санкций на случай нарушения. Существенным недостатком Пакта Бриана-Келлога следует признать наличие оговорок, которые предоставляли государствам возможность уклониться от взятых на себя обязательств.

В феврале 1933 г. на Конференции по разоружению в Женеве СССР представил проект Декларации об определении нападающей стороны. Советский проект предусматривал, что нападающей стороной в международном конфликте будет признано то государство, которое первым совершит одно из следующих действий: объявит войну другому государству, вооруженные силы которого, хотя бы и без объявления войны, вторгнутся на тер-

риторию другого государства; вооруженные силы которого бомбардируют территорию или сознательно атакуют морские и воздушные суда другого государства и т. д.; установит морскую блокаду берегов или портов другого государства. Однако конвенция об определении нападающей стороны так и не была принята, хотя предложенное определение легло в основу Лондонских конвенций об определении агрессии, заключённых СССР в 1933 г. с 11 соседними государствами, а также оказало влияние на ряд международных соглашений, заключённых другими государствами (например, Межамериканский договор о ненападении и согласительной процедуре 1933 г., Межамериканская конвенция о невмешательстве 1936 г.). Пакт о Балканской Антанте 1934 г. прямо ссылался на определение агрессии, содержащееся в Лондонских конвенциях 1933 г. На Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками это определение было признано «одним из наиболее авторитетных источников международного права»¹.

В международном праве послевоенного периода продолжилось формирование понимания агрессии как наиболее тяжкого преступления против мира, совершение которого должно влечь индивидуальную ответственность по международному уголовному праву.

После второй мировой войны в Проекте Конвенции об учреждении Суда ООН по военным преступлениям Комиссии ООН по военным преступлениям предусматривалось, что такой Суд будет осуществлять лишь преследование лиц, «действующих с разрешения, или ссылаясь на разрешение, или по соглашению с государством или политической организацией, участвующими в войне или военных действиях против одной из Высоких Договаривающихся Сторон или во враждебной оккупации территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон». Другими словами, персонал государств-союзников не мог подвергаться судебному преследованию со стороны такого суда, как бы жестоко он ни действовал. Судьи Нюрнбергского трибунала, вынося постановление о том, что были совершены «преступления против мира» или «военные преступления», руководствовались, в основном, договорами о мире и военных преступлениях, участником которых была Германия.

Наиболее серьезное влияние на развитие концепции преступности агрессивной войны оказало создание и функционирование Нюрнбергского Международного военного трибунала.

В его Уставе были сформулированы нормы о составах тяжчайших международных преступлений – против мира и человечности, военных преступлений. При этом преступлениями против мира были признаны планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны, а также участие «в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий»². В этом же документе впервые был установлен прин-

¹ Агрессия // Большая Советская энциклопедия // <http://bse.sci-lib.com/article117325.html>

² Устав Международного военного трибунала (Нюрнбергского) от 8 августа 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. – М., 1955. – Вып. 11.

цип индивидуальной уголовной ответственности за совершение любого акта агрессивной войны.

При разработке Устава ООН в него не было включено определение агрессии, хотя соответствующие предложения вносились рядом делегаций на Сан-Францисской конференции. Устав ООН обязывает её членов разрешать все свои споры только мирными средствами (п. 3 ст. 2), не допуская никаких исключений из этого принципа, и воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или её применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН (п. 4 ст. 2). Применение государством силы допускается лишь в крайних случаях: при осуществлении права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдёт вооруженное нападение на члена ООН, и только до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности (ст. 51), или при осуществлении по решению Совета Безопасности принудительных мер, направленных на предотвращение и устранение угрозы миру и подавление актов агрессии (ст. ст. 39, 41-43, 48)¹.

Советский проект определения агрессии 1969 г. в п. 5 предусматривал, что вооруженная агрессия является международным преступлением против мира, влекущим за собой политическую и материальную ответственность государств, а также уголовную ответственность виновных в этом преступлении лиц.

В 1974 г. Генеральная Ассамблея приняла Резолюцию об определении агрессии, которая установила, что «агрессивная война является преступлением против международного мира и влечет за собой международную ответственность» (ст. 5(2)).

В резолюции Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г. подчеркивалось, что агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства.

Ст. 3 данного документа относит к агрессии следующие деяния:

- вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства;
- военную оккупацию, какой бы временной она ни была, как следствие вооруженного вторжения;
- аннексию территории другого государства или части его;
- бомбардировку или применение любого другого оружия против территории другого государства;
- блокаду портов или берегов одного государства вооруженными силами другого;
- нападение вооруженными государствами на сухопутные, морские или воздушные силы или морской или воздушный флот другого государства;

¹ Устав Организации Объединенных наций и Статут Международного суда: Официальное издание ООН. – Нью-Йорк, 1968.

- применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных соглашением;
- продолжение пребывания вооруженных сил на такой территории по прекращении действия соглашения;
- действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;
- засылку государством или от его имени вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства¹.

Вышеприведенный перечень актов не является исчерпывающим. Совет Безопасности может определить, что другие акты представляют собой агрессию согласно положениям Устава.

При определении агрессора за основу взят признак первенства (инициативы) совершения акта агрессии.

Следует отметить, что вышеуказанная Резолюция не касалась индивидуальной уголовной ответственности за акты агрессии, поэтому возникает вопрос, применимо ли определение агрессии, данное в этой Резолюции, к уголовным деяниям, совершенным отдельными лицами.

К концу XX века в международно-правовой доктрине и актах международного права прочно укоренилось понимание того, что агрессивная война является тягчайшим международным преступлением против всеобщего мира.

В 1998 г. был принят Римский Статут Международного уголовного суда (МУС), призванного осуществлять правосудие в отношении лиц, совершивших преступления против человечности, агрессию, геноцид, военные преступления².

Казалось бы, что за более чем пятьдесят лет в доктрине международного уголовного права устоялось однозначное понимание агрессии (или агрессивной войны). Однако это не совсем так: дальнейшее развитие международного уголовного права вновь породило проблему понимания самого определения агрессии, признаков состава данного преступления и субъектов уголовной ответственности за его совершение.

Из всех преступлений, отнесенных к компетенции Международного уголовного суда (ст. 5 Римского Статута), преступление агрессии исключительно многим моментам. У него нет дефиниции, отсутствует зафиксированный список деяний, являющихся проявлениями агрессии, отсутствует перечень конститутивных элементов состава. Согласно Уставу ООН, Совет Безопасности обладает исключительной компетенцией определять факт совершения акта агрессии (ст. 39). В Римском Статуте предусматривается, что окончатель-

¹ Определение агрессии от 14 декабря 1974 г. // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на 29-й сессии 17 сентября – 18 декабря 1974 г. Т. 1. – Нью-Йорк, 1975.

² Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.

ный текст, касающийся определения признаков преступления агрессии, должен согласовываться с соответствующими положениями Устава ООН.

Нерешенный вопрос о преследовании за совершение актов агрессии является одним из главных недостатков Римского Статута.

Кроме того, необходимо отметить, что в отношении преступления агрессии особое внимание привлекает статья 16 Статута Международного уголовного суда, согласно которой Совет Безопасности имеет право отсрочить расследование или уголовное преследование на год с возможностью продления этого срока каждый раз на год путем принятия резолюции на основании главы VII Устава ООН. Так удалось избежать паралича работы Суда при простом рассмотрении Советом Безопасности ситуации, как это предлагалось в одном из вариантов данной статьи. Такое рассмотрение может длиться сколь угодно долго и не сопровождается принятием какого-либо решения. Согласно Статуту должно быть принято специальное решение, что гораздо усложняет процедуру отсрочки по сравнению с простым рассмотрением ситуации или даже определением ее в качестве угрожающей миру. Причем в Статуте речь идет именно об отсрочке расследования или уголовного преследования, что предполагает, что оно, в конечном счете, состоится (альтернативные варианты просто указывали, что уголовное преступление не может быть начато).

Несмотря на столь прогрессивные положения Статута по вопросу о взаимоотношениях между МУС и Советом Безопасности, вопрос о преследовании за совершение агрессии в нем остался нерешенным, что справедливо можно считать одной из главных неудач конференции по принятию Статута. Преступление агрессии включено в юрисдикцию МУС в соответствии с п. 1 ст. 5 Статута. Однако упоминание агрессии в ряду подсудных преступлений имеет на момент принятия Статута лишь значение декларации о намерении включить это преступление в юрисдикцию МУС. Согласно п. 2 той же статьи МУС сможет осуществлять юрисдикцию в отношении преступления агрессии лишь после принятия определения этого преступления в соответствии с процедурой пересмотра Статута.

Как верно указывается в юридической литературе, учитывая, что выработка определения агрессии, принятого Советом Безопасности в 1974 г., заняла более двадцати лет, можно предположить, что декларативный характер упоминания агрессии как преступления, входящего в компетенцию МУС, сохранится в течение долгого времени, так как выработка определения преступления агрессии затянется надолго¹.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что преступление агрессии гораздо ближе других подвело МУС к исключительной юрисдикции. Если, согласно п. 3 ст. 20, все другие преступления могут рассматриваться и в национальных судах, после чего повторное разбирательство в МУС за исключением ряда случаев невозможно, то преступление агрессии даже после рассмотрения в национальном суде может быть рассмотрено МУС. Однако, как

¹ Фисенко И.В. Постоянный международный уголовный суд / И.В. Фисенко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 1999. — № 2.

уже говорилось выше, все полномочия МУС по рассмотрению преступления агрессии являются потенциальными и смогут быть реализованы лишь после принятия определения этого преступления.

Обращаясь к Статуту Международного уголовного суда, отметим, что в соответствии с его нормами агрессия является преступлением, в отношении которого в договорном порядке закрепляется неприменение сроков давности (ст. 29)¹. До сих пор этот вопрос регулировался Конвенцией о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г., которая так и не получила универсального признания.

Проследим ход выработки определения «агрессия» в контексте осуществления производства МУС.

Еще до ратификации Статута Международного уголовного суда 26 февраля 2001 г. представители 120 государств начали свою работу в Подготовительных комиссиях. На заседаниях был подробно рассмотрен вопрос об определении преступления агрессии. Представители государств пытались решить, каким должно быть определение. Россия предлагала дать общую дефиницию, однако некоторые арабские государства склонялись к варианту подробного определения тех деяний, которые будут составлять это преступление. Ситуацию осложняет также резолюция, принятая XXIX сессией Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 г., к тексту которой мы уже обращались. При таком подходе некоторые постоянные члены НАТО заявляли, что не станут подписываться под такой интерпретацией. Другой проблемой являлся вопрос о том, кто объявляет свершившимся акт агрессии. На заседании обсуждался вариант, при котором Генеральная Ассамблея может обращаться в Международный Суд ООН с просьбой определить, был ли совершен акт агрессии. В результате было решено предусмотреть процедуру пересмотра Римского статута с тем, чтобы затем внести в него соответствующие положения, касающиеся агрессии.

Для определения понятия акта агрессии и круга лиц, которые могут нести ответственность за его совершение, была создана Рабочая группа.

Перед рабочей группой по преступлению агрессии Подготовительной комиссии МУС стояла сложная задача. Существуют значительные разногласия относительно точного значения фразы в ст. 5(2) Статута, которая предусматривает, что любое положение о преступлении агрессии «сообразуется с соответствующими положениями Устава Организации Объединенных Наций». Многие государства придерживаются той точки зрения, что это означает, что Совет Безопасности должен вынести заключение о том, что произошел акт агрессии, в соответствии со своими полномочиями по Главе 7 Устава ООН, прежде чем МУС сможет получить юрисдикцию в отношении преступления агрессии. Однако другие государства не поддерживают такое толкование. Поэтому шла медленная работа над достижением компромисса, приемлемого для всех заинтересованных государств.

¹ Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.

Как указывалось в официальных источниках, в феврале 2009 г. рабочая группа по определению понятия «преступление агрессии» завершила пятилетнюю работу. В штаб-квартире ООН в Нью-Йорке прошла очередная сессия Ассамблеи государств-участников Международного уголовного суда. В рамках сессии заседала Рабочая группа по определению понятия «преступление агрессии». Сегодня она одобрила окончательный доклад о результатах своей работы. Об этом на пресс-конференции в Нью-Йорке сообщил председатель Рабочей группы Постоянный представитель Лихтенштейна при ООН Кристиан Веневезер¹.

Доклад Группы по вопросу о том, что такое агрессия и кто может стать объектом преследования суда за совершение таких актов будет рассмотрен на конференции по пересмотру Римского статута. Она пройдет в Уганде в 2010 г. Кристиан Веневезер отметил, что в ходе подготовительной сессии к конференции государства смогут урегулировать оставшиеся разногласия. Он сообщил, что они, в первую очередь, касаются вопроса о том, может ли Международный уголовный суд приступать к расследованию акта агрессии, если на этот счет нет определения Совета Безопасности. Постоянные члены Совета, обладающие правом вето, настаивают на том, что без решения Совета о том, что агрессия была совершена, Суд не может начать разбирательство по делу. Против такого предложения категорически возражают многие другие государства. Они опасаются, что таким способом «сильные мира сего» пытаются навеки оградить себя и своих руководителей от международного преследования за совершение актов агрессии.

Обобщив вышеизложенное, можно утверждать, что в современном международном уголовном праве сформировался перечень деяний, расцениваемых в качестве актов агрессии. Кроме того, международно-правовая доктрина позволяет сделать вывод о том, что акт агрессии может расцениваться и как преступление, совершаемое индивидуально определенными лицами, и как преступление, совершаемое государствами и (или) корпоративным субъектом. Такая ситуация порождает до сих пор полностью не разрешенный вопрос о том, кто и как должен нести ответственность за совершение агрессии.

¹ Рабочая группа по определению понятия «преступление агрессии» завершила пятилетнюю работу // <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=11174>

NATALIYA DRYOMINA-VOLOC

LL. M, PhD, Senior Researcher, Associate Professor,
National Academy of Prosecutors of Ukraine

A HUMAN BEING – A VALUE, INSTRUMENT OR SUBJECT OF INTERNATIONAL POLICY?

Value of a human life. Traditional international law declared abstract entity – a state – as the one which sovereignty and right to determine the internal and international policies were a valued in international conversation. No human right agreements and declarations were adopted, no conferences and international organizations effectively advocating protection of human life held. Constant wars and persistent violation of a right to life, liberty and security.

What was the war of the past? No massive killings, ethnic cleansings and inhuman treatment of captives? Or perverted perception of these acts as an inherent part of legitimate armed fight of a state? The answer would be unambiguous.

XX century had faced two tendencies: increased cruelty and inhumanity during armed conflicts and their legal prohibition. The II World War killed millions of combatants and members of civilian population, and international community had started legal discussion of urgent necessity for developing a system of legal norms which would have protected human life. Nuremberg and Tokyo Tribunals made possible to execute a natural right of international community of behalf of humanity to condemn inhuman acts during war. International law recognized a human life as the highest value; numerous conventions were developed and signed. States, being still just abstract entities, had been declaring their loyalty to human rights, overtaking initiative to propose a new international treaty protecting a human being from a state's abuse.

Number of the inter-government organizations were established, hundreds of books written on human rights. States, including the USSR, had been amending their constitutions – «pasting and copying» the International Covenant of Civil and Political Rights provisions into their texts; at the same time developing nuclear weapons; signing Hague and Geneva conventions and working on weapons of mass distraction development. The international life whirled around developing costly instruments of protection and extermination of people. The value of human being had become a real pricey value.

Instrument. When a value is at question, it is natural that speculations arise around it; so that the *value* had become an instrument of influence. However, international policy makers bargaining human lives forgot about the *homo sapiens* nature of respected goods and their ability to interfere, impact and change a sale details. Terrorist acts, committed by civilians, have become an instrument of international influence, with the global consequences. Thousands of people were killed by «non-

state actors» seeking for certain deal and justifying their acts by unfair policy of states. Thirteen conventions and other anti-terrorist instruments and mechanisms could not and cannot eliminate the phenomenon of terrorism unless there are two factors: hypocrisy of states' policy and impunity.

Subject. The theory of international law has traditionally advocated the idea of states and their formations as the only subjects of international law. The rare arguments, often supported by the concept of human rights value and European Court of Human Rights role, for the recognition of an individual as a subject of international law, have been easily contested by the statement that it is a state's prerogative to establish, adopt and implement human rights legal and institutional instruments, including giving an individual right to claim against a state.

However, one would agree with an assertion that a term «subject» means active party of certain relationship with an ability to influence its outcome. Not dwelling on the details of today international relations, it would be fair to accept the role of terrorists in their development. 9/11, USA and Middle East issues, Israel-Palestine, Russia-Chechnya – all the conflicts and ramifications, both at the international and domestic level, have been accompanied, and in some cases caused by the terrorist attacks. All of them are committed with a use of force (arms), violence and with an aim to get a certain response from a certain state. States change their international policies and adopt new international legal norms because of the terrorists or owing to them. Is it time to accept that they are subjects, not international law in general, but international humanitarian law? Is it time to recognise terrorists as combatants?

Who is responsible? The abovementioned question would not be so important, remaining a topic of discussions among academicians, unless the answer would not mean responsibility impact for both individuals who commit terrorist acts and the states which policy allows them or causes them. When terrorism is in question, it is important to prevent impunity not only of individuals, but, not explicitly, of states. The existing international legal system have all instruments for achieving this goal: it would be sufficient to universally recognise terrorist attacks and their perpetrators as war crimes and combatants respectively. The contemporary war is different from the wars of the past, and dispute around terrorism definition and other scholasticism should not prevail upon the need of transformation of the international legal theory.

Recognition terrorists as combatants violating international humanitarian law would allow the following:

- Including individual criminal responsibility for terrorism into the subject-matter of International Criminal Court as a war crime element, and, therefore, preventing impunity through two main mechanisms – individual criminal responsibility within international or domestic jurisdiction and international legal responsibility of a state for not fulfilling its obligation to prosecute international crimes;
- Recognising prosecution for terrorism as an *erga omnes* obligation;
- Making states accountable for terrorist attacks as for breaching international humanitarian law (besides for breaching international anti-terrorist conventional obligations).

Including terrorism into the subject-matter jurisdiction of the International Criminal Court as part of war crimes would help to avoid impunity of perpetrators. The adoption of the Statute of the International Criminal Court (ICC) was a major step in a longstanding effort to establish a permanent forum of international criminal justice,¹ although the attempts to create a universal judicial mechanism for prosecuting criminals responsible for committing the most serious crimes, were undertaken since the beginning of twentieth century, starting from the World War I and continuing after Nuremberg Tribunal establishment. It is crucial to use this mechanism in prevention and punishment of the contemporary crime of the international character – terrorism.

An obligation of state-parties to the Rome Statute to domestically prosecute criminals for offences under the ICC jurisdiction is not explicitly written in the Statute, however, there are arguments for such a suggestion, that this obligation exists.² Both explicit language of the Preamble of the Rome Statute and implicit meaning of the admissibility provisions, construing principle of complementarity, make possible to suggest that there is such a duty.³

According to the Preamble, states agreed on the Statute «affirming that the most serious crimes of concern to the international community as a whole *must not go unpunished* and that their *effective prosecution must be ensured by taking measures at the national level* and by enhancing international cooperation», «determined to *put an end to impunity for the perpetrators* of these crimes and thus to contribute to the prevention of such crimes»; «recalling that it is the *duty of every State to exercise its criminal jurisdiction over those responsible for international crimes*».⁴

Principle of complementarity does not constitute any explicit obligation. It is a strong presumption upon which the concept of complementing nature of the ICC was developed, that states would take all possible measures in order not to be determined as «unwilling» or «unable» to conduct domestic prosecutions.⁵

However, principle of complementarity has not only declarative character, it has very practical impact on the implementation process. This principle means that a state with jurisdictional competence has the first right to institute proceedings unless the ICC itself decides that the state «is unwilling or unable genuinely to carry out the investigation or prosecution».⁶ The assumption in Rome was that such a determination would be straightforward for the ICC in either of two situations: when the state chooses not to exercise its jurisdiction («unwilling»); or when the states' legal and administrative structures have broken down («unable»)⁷.

¹ Philippe Kirsch, Reflections on the International Criminal Court. Essays in Honour of Adriaan Bos 216 (Herman A.M. von Hebel at al. eds., t.m.c. Asser Press, Hague, 1999).

² Sharon A. Williams, The Rome Statute on the International Criminal Court: From 1947-2000 and Beyond, 38 Osgoode Hall L.J. 297, 303 (2000).

³ David A. Tallman, Article 98 Agreements and the Dilemma of Treaty Conflict. 92 Geo. L.J. 1033, 1035-1036 (2004)

⁴ Rome Statute of the International Court, U.N. Doc A/Conf.183 (1998), Preamble.

⁵ See Antonio Cassese, Paola Gaeta & John R.W.D. Jones, The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary 1860 (2002).

⁶ Rome Statute, Art. 17

⁷ Katherine L. Doherty & Timothy L.H. McCormack. «Complementarity» as a Catalyst for Comprehensive Domestic Penal Legislation, 5 U.C. Davis J. Int'l L. & Pol'y 147, 152 (1999).

Furthermore, if to prove that international crimes under the ICC jurisdiction are the *jus cogens* norms, it could be possible to argue general *erga omnes* obligation to prosecute them. The opinion that that the international crimes within the subject-matter jurisdiction of the court are of the *jus cogens* rank is widely supported. Accepting the view that prohibitions of genocide and use of force are universally recognized as the peremptory norms of general international law, the statement that war crimes and crimes against humanity have reached this rank have to be additionally proven. Among scholars attributing to these two categories of international crimes *jus cogens* rank norms are most authoritative international lawyers whose works were used and opinions considered by, for example, the International Law Commission, the ICJ, ICC, ICTY and other international institutions: Cherif Bassioni, Ian Brownlie, Antonio Cassese and others.

According to Cherif Bassiouni, a crime will be a *jus cogens* norm if it affects the interest of the world community as a whole because it threatens the peace or security of humankind and shocks the conscience of humanity. Other indications would be the number of international agreements that condemn or prohibit the conduct; criminalization of the offence into domestic law; and prosecutions for these crimes. He consequently states that «the following international crimes are *jus cogens*: aggression, genocide, crimes against humanity, *war crimes*.... Sufficient legal basis exists to reach the conclusion» that all these crimes are part of *jus cogens*.¹

Antonio Cassese notices that there are sufficient basis for addressing war crimes and crimes against humanity to *jus cogens*. Besides cases, he cites statements of various delegates at the Vienna Diplomatic Conference on the Law of Treaties,² where they stated that the fundamental principles of humanitarian law belong to *jus cogens* and the message of Swiss Government with reference to crimes against humanity. He also mentions the conflict between Security Council resolution 1497, of 1 August 2003, and Geneva Conventions of 1949, whose criminal provisions are 'grave breaches' «no doubt belong to *jus cogens*» and are intransgressible, that is, peremptory in nature.³

International criminal tribunals as well as domestic courts frequently have been referring to the peremptory character of *jus cogens* norms with regard to war crimes and crimes against humanity. In *Kupreskic*, the International Tribunal for Former Yugoslavia held that the «most norms of international humanitarian law, in particular those prohibiting war crimes, crimes against humanity and genocide, are also peremptory norms of international law or *jus cogens*, i. e. of a non-derogable and overriding character».⁴

The ICJ, in the decision of 8 July 1996 in *The Threat or Use of Nuclear Weapons* case, held that **Rules of humanitarian law applicable in armed conflict are so fundamental to the respect of the human person and «elementary considerations of**

¹ M. Cherif Bassiouni, *International Crimes: Jus Cogens and Obligatio Erga Omnes*, 59 *Law & Contemp. Prob.* 63, 68 (1996).

² Finland, Lebanon, Poland, Italy, Switzerland

³ Antonio Cassese, *International Law II Edition* 203, 207 (Second Ed, 2001) (2005); see also Andrew D. Mitchell, *Genocide, Human Rights Implementation and the Relationship between International and Domestic Law: Nulyarimma v. Thompson*, 24 *Melbourne U. L.R.* 19 (2000).

⁴ Available at <http://www.un.org/icty/kupreskic/trialc2/judgement/520>.

humanity»,¹ that the Hague and Geneva Conventions have enjoyed a broad accession. Further these fundamental rules are to be observed by all States whether or not they have ratified the conventions that contain them, because they constitute *intransgressible principles of international customary law*.²

Therefore, if to admit that war crimes and crimes against humanity have reached *jus cogens* rank then the states' *erga omnes* obligation is to prohibit and prosecute them. In *Pinochet*, the Belgian investigating magistrate stated «[t]he struggle against impunity of persons responsible for crimes under international law is ... a responsibility of all states... [W]e find that, as a matter of customary law, or even more strongly as a matter of *jus cogens*, universal jurisdiction over crimes against humanity exists, authorizing national judicial authorities to prosecute and punish the perpetrators in all circumstances».³

Another way to suggest the existence of general duty to prosecute international crimes within the ICC's jurisdiction would be to draw analogy with other international crimes. Genocide, crimes against humanity, war crimes, torture, and apartheid are international crimes which must be prosecuted by states according to their conventional obligations. Therefore, there are no international crimes that do not impose international obligation to prosecute them. Some of them, genocide and torture, have been universally recognized as *jus cogens*, and relevant obligations *erga omnes* certainly include duty to prosecute. Thus if another international crime would reach the *jus cogens* rank, such as terrorism as part of war crimes, why would it imply possible exclusion of duty to prosecute this crime from *erga omnes* obligation which would derive from this norm, especially if this duty was there before?

Therefore, if the crimes punishable by the ICC are *jus cogens*, and obligation to prosecute is *erga omnes*, what does the complementarity principle of the Rome Statute mean, implying possible «unwillingness» or «inability» of states to fulfil their *erga omnes* obligation? It seems obvious that it would be rarely used, because the good will of states to ratify the Rome Statute supports assumption of their willingness to prosecute international criminals. The logical finding would be that this principle is the most needed for those states which have negative tendencies in their legal and political systems or specific political view of ratification of joining the Rome Statute.

Number of states signed but did not ratify the Rome Statute referring to constitutional incompatibility. However, one may find rather political than legal reasons: the constitutional problems raised derive first of all from the effect of transfer of sovereignty resulting from the ratification.⁴ Legal analysis done by the Member States' Constitutional Courts, interpretation and relevant legislative efforts of states clearly showed that from the legal point of view, the spirit of the Statute and its concrete provisions are coherent with the contemporary legal order of the civilized nations.

¹ Quote: as the Court put it in its Judgment of 9 April 1949 in the Corfu Channel case (I.C.J. Reports 1949, p. 22)

² The Threat or Use of Nuclear Weapons para. 79.

³ *Pinochet*, 3 WLR (1999).

⁴ Report on Constitutional Issues Raised by the Ratification of the Rome Statute of The International Criminal Court, No. CDL-INF (2001), 1 Or. Fr. Strasbourg, 15 January 2001, adopted by the Commission at its 45th Plenary Meeting (Venice, 15-16 December 2000).

The way to oblige states to become part of the judicial system, designed for ensuring prosecution of those who violated *jus cogens* norms is to recognise states' duty to ratify the Rome Statute as an *erga omnes* obligation.

The statement regarding general accountability of states for terrorist acts is controversial, since traditional concept of state responsibility does not include a notion of a state's «guilt». Accepting all existing principles of attribution of a wrongful act, although, it seems morally justified to implement such a concept with regard to responsibility for terrorism. Nuremberg Tribunal was also rather moral answer using legal means than unequivocally legitimate – scholars still dispute whether the Nuremberg judgment represented the victor's justice and contradicted the *nullum crimen sine lege* principle.¹ Admitting moral responsibility of a state, its «guilt» for the terrorist attack would reduce tension caused by irrational response to terrorism of states involved.

Obligation of a state is to ensure that its internal and international policies prevent certain groups from intent to carry out terrorist attacks. If a state's policy and actions are insufficient for ensuring the peace and security, acts of non-state actors, aimed at this policy's change are attributable to the «guilty» state or states. Admitting mutual responsibility, when terrorist acts cross the borders, would help in resolution of long-term «low intensity» conflicts. Ascertainment of the fact of a states' «guilt» in being unable to prevent the terrorist attack may not become the authority of international body, such as ICJ or other. It would have to become an *erga omnes* obligation of a state and, consequently, be a response to a hypocritical policy of human rights protection.

¹ See, e.g. Henry T. King, Jr., The Legacy of Nuremberg, 34 Case W. Res. J. Int'l L. 335 (2002).

Г. И. БОГУШ

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук

«ПРОКУРОР ПРОТИВ АЛЬ-БАШИРА»: ОРДЕР НА АРЕСТ И ИММУНИТЕТ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА

4 марта 2009 г. Палата предварительного производства I Международного уголовного суда¹ (далее – Палата, МУС, Суд) вынесла давно ожидавшееся решение² и выдала ордер на арест Омара Аль-Башира, действующего Президента Судана.

По мнению высоких судей, имеются разумные основания полагать, что Аль-Башир несет ответственность за совершение на территории провинции Дарфур (Судан) военных преступлений и преступлений против человечности, в частности убийств и истребления гражданского населения, принадлежащего к этническим группам фура, масалиты и загава, насильственного перемещения населения, пыток, разграбления собственности. Палата не сочла доказанным на данном этапе судопроизводства выдвинутое Прокурором обвинение в совершении преступления геноцида – первое в короткой истории Суда³.

Судьи пришли к выводу, что в соответствии с п. 1 ст. 58 Римского статута, арест Омара Аль-Башира представляется на данном этапе необходимым для обеспечения его явки на судебное разбирательство, обеспечения того, что он не создаст препятствий или угрозы для ведущегося расследования преступлений, за которые он предположительно несет ответственность и для предупреждения совершения им новых преступлений⁴.

Ордер на арест Аль-Башира – третий, выданный в рамках расследования МУС ситуации по Дарфуру, переданной Прокурору МУС Советом Безопасности ООН в 2005 г. Ранее в мае 2007 г. были выданы ордера на арест бывшего министра внутренних дел правительства Судана Ахмада Харуна и предполагаемого лидера военизированных формирований Али Абд-Аль-Рахмана. В ноябре 2008 г. Прокурор внес представление о выдаче ордеров на арест лидеров мятежников, подозреваемых в военных преступлениях, в том числе убий-

¹ В состав Палаты, принявшей решение, входили судьи Акуа Куеньехиа (Гана, председатель), Анита Ушацка (Латвия) и Сильвия Стайнер (Бразилия).

² Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir, ICC—02/05-01/09, Decision on the Prosecutor's Application for a Warrant of Arrest against Omar Hassan Ahmad Al Bashir, 4 March 2009.

³ Судья Анита Ушацка не согласилась с выводами большинства по данному вопросу и приложила к решению объемное особое мнение.

⁴ Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir, Para. 249.

стве и нанесении увечий миротворцам Африканского Союза, совершенных 29 сентября 2007 г.¹

В соответствии с решением Палаты, ордер на арест был направлен всем государствам-участникам Римского статута, государствам-членам Совета Безопасности ООН, не являющимся участниками Статута МУС и правительству Судана.

У тех, кто внимательно следит за разворачивающейся в Дарфуре на протяжении многих лет трагедией, ответственность руководства Судана за чудовищные международные преступления и гуманитарную катастрофу не вызывает больших сомнений. В целом выводы Палаты совпали с позицией, выраженной в докладе Международной следственной комиссии для расследования нарушений норм международного гуманитарного права и стандартов в области прав человека в Дарфуре², на основании которой ситуация была передана для расследования Прокурору МУС.

Следует подчеркнуть, что решение Палаты выполнено в высокопрофессиональной манере, и не вызывает сомнений с позиции независимости Суда. Внушительное по объему (основной текст решения составляет 95 страниц, особое мнение судьи А. Ушацкой – 51 стр.), оно представляет большой интерес для юристов-международников и, несомненно, послужит поводом для многочисленных дискуссий.

Рассматриваемое решение знаменательно многими обстоятельствами, но прежде всего тем, что впервые ордер на арест выдан Судом в отношении действующего главы государства, причем государства, не являющегося участником Римского статута МУС. В настоящей статье мы остановимся лишь на двух проблемах дела Аль-Башира: 1) правомочен ли ордер на арест действующего главы государства, обладающего иммунитетом? 2) несут ли государства, в которые направлен ордер на арест, обязательства по аресту и передаче подозреваемого в Суд? Важность решения этих вопросов определяется тем, что от этого во многом зависят не только перспективы данного дела, но будущее самого Международного уголовного суда и развитие международного права в целом.

В решении о выдаче ордера на арест Палата, обсуждая юрисдикцию Суда *ratione personae*, коснулась вопроса об иммунитете в предельно лаконичной манере. Указав, что настоящее решение не препятствует рассмотрению данного вопроса на последующих стадиях процесса, Палата пришла к выводу, что статус Омара Аль-Башира, как действующего главы государства, не являющегося участником Римского статута, не влияет на осуществление юрисдикции МУС в данном деле³. Судьи при этом указали на четыре соображения, побудившими их прийти к такому заключению.

¹ Информация о делах в рамках ситуации в Дарфуре на веб-сайте МУС:

<http://www.icc-cpi.int/Menus/ICC/Situations+and+Cases/Situations/Situation+ICC+0205/>

² Report of the International Commission of Inquiry on Darfur to the Secretary General. Pursuant to SC Res. 1564, 18 September 2004, Annex to Letter dated 31 January 2005 from the Secretary-General addressed to the President of the Security Council, S/2005/60, 1 February 2005.

³ Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir, Para. 41.

Во-первых, Палата заявила, что в соответствии с Преамбулой Римского статута, центральная задача Суда – положить конец безнаказанности лиц, совершающих самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, которые «не должны остаться безнаказанными» (абз. 4, 5 преамбулы Статута МУС)¹.

Во-вторых, Палата напомнила о содержании ст. 27 Статута («Недопустимость ссылки на должностное положение»)².

В третьих, судьи указали на то обстоятельство, что в практике Суда выработалась позиция о том, что иные источники международного права применяются Судом лишь в том случае, если а) обнаруживается пробел в применимом праве, содержащимся в Статуте, Элементах преступлений и Правилах процедуры и доказывания и б) данный пробел не восполняется с помощью обычных средств толкования, предусмотренных в ст. 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров и п. 3 ст. 21 Статута МУС³.

Наконец, в четвертых, указав на принятое ранее Палатой решение, было отмечено, что передачей Прокурору Суда ситуации по Дарфуру, в соответствии со ст. 13 (b) Римского статута, Совет Безопасности ООН согласился с тем, что расследование данной ситуации и уголовное преследование всех лиц будет осуществляться в соответствии с нормами, предусмотренными в Римском статуте, Элементах преступлений и Правилах процедуры и доказывания⁴.

Не оспаривая приведенные судьями доводы, полагаем, что данной аргументации явно недостаточно, чтобы поставить «точки над i» даже в данном деле, не говоря уже о принципиальной позиции МУС по отношению к иммунитету должностных лиц неучаствующих⁵ государств.

Действительно, законность ареста подозреваемого и наличие у Суда юрисдикции по делу могут быть оспорены на дальнейших стадиях процесса, который обещает быть долгим, даже при благополучном для МУС развитии событий. Однако необходимой предпосылкой для разрешения этих вопросов является арест подозреваемого и доставка его в распоряжение Суда. МУС, не обладающий ни армией, ни полицией, может рассчитывать в этом отношении лишь на сотрудничество со стороны государств.

Отсутствующая правовая определенность в вопросе иммунитета в числе других факторов делает исполнение данного ордера задачей, далекой от реальности. Растущее число неисполненных ордеров, при их откровенном игнорировании со стороны государств приводит к росту скептицизма в отношении МУС и международно-правового нигилизма в мире в целом. Поэтому предельная лаконичность и частичный уход судей от решения и даже постановки столь важной проблемы не является, на наш взгляд, сильной стороной анализируемого решения.

¹ Ibid, Para. 42.

² Ibid, Para. 43

³ Ibid, Para 44.

⁴ Ibid, Para. 44.

⁵ Понятия «неучаствующее государство» и «третье государство» используются в настоящей статье как синонимы.

В попытке дать ответы на поставленные вопросы, мы рассмотрим как аргументы, выдвинутые Судом, так и некоторые дополнительные соображения.

Статья 27 Римского статута МУС предусматривает: «1. *Настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора.* 2. *Иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица*». В данной статье содержатся две близкие, но различные концепции – недопустимость ссылки на должностное положение и иррелевантность иммунитетов по международному или внутреннему праву. Следует обратить внимание, что согласно Статуту иммунитеты не должны препятствовать **осуществлению юрисдикции** (выделено нами – Г. Б.) МУС. Именно в этом аспекте, как представляется, судьи Палаты справедливо пришли к выводу о наличии у Суда юрисдикции по данному делу.

Однако, при решении вопросов сотрудничества и передачи подозреваемых лиц в Суд статья 27 Римского статута должна рассматриваться в совокупности с п. 1 ст. 98 Статута, по которой «суд не может обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение или с просьбой о помощи, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, противоречащих его обязательствам по международному праву в отношении государственного или дипломатического иммунитета лица или имущества другого государства, до тех пор, пока суд не заручится сотрудничеством этого другого государства в вопросе отказа от иммунитета».

Следовательно, Международный уголовный суд правомочен привлекать к уголовной ответственности высших должностных лиц государств – участников Римского статута, и только в том случае, если подозреваемым является наделенное международным иммунитетом должностное лицо третьего государства, суд обязан сначала заручиться согласием этого государства.

Между положениями, предусмотренными в п. 2 ст. 27 и п. 1 ст. 98 Статута, на наш взгляд, возможно усмотреть определенное противоречие. Основной инструмент, позволяющий Суду осуществить свою юрисдикцию, сотрудничество в вопросах ареста и передачи подозреваемых лиц в Суд, «заблокирован» возможностью отказа от сотрудничества на основании Статута. Ряд исследователей замечает также, что неосуществление уголовного преследования на основании иммунитета, является, в свою очередь, нарушением международного обязательства о преследовании международных преступлений (носящего, добавим, характер *jus cogens*), в том числе на основе универсальной юрисдикции. Это очевидный случай «неспособности» осуществлять уголовное преследование, что в силу принципа комплементарности может

привести к «запуску» механизма МУС вновь, что может привести к «замкнутому кругу»¹.

В этом плане определенный недостаток решения нам видится в том, что направив ордер для исполнения, Суд никоим образом не прокомментировал данную ситуацию с позиций ст. 98 Статута и ее применимости (неприменимости) к случаю исполнения ордера в третьем государстве (или даже в государстве-участнике Статута).

Как действующий президент Судана, Омар Аль-Башир обладает в соответствии с международным обычным правом персональным иммунитетом от уголовного преследования. После того, как он оставит свою должность, он будет продолжать пользоваться функциональным иммунитетом, то есть в отношении действий, совершенных в официальном качестве в период нахождения в должности. Однако вопрос, распространяется ли иммунитет на случаи уголовного преследования за совершение международных преступлений, является чрезвычайно спорным.

Своего рода отправной точкой для решения вопроса является решение, вынесенное в 2002 г. Международным Судом ООН по делу «Демократическая Республика Конго против Бельгии»² (далее – дело Йеродиа). Рассматривая это дело, Международный Суд пришел к выводу о том, что действующий министр иностранных дел (как и глава государства) обладает иммунитетом от уголовного преследования иностранными судами и не может быть привлечен к уголовной ответственности, даже несмотря на то, что он обвиняется в совершении международных преступлений: таких, как – в данном деле, – военных преступлений или преступления против человечности³.

Подтвердив незыблемость правила об иммунитете высших должностных лиц, Международный Суд однако оставил возможность говорить о существовании исключения из этого общего правила относительно международного уголовного преследования. Было заявлено, что лицо, занимающее государственную должность и обладающее в связи с этим иммунитетом *ratione personae* может подлежать преследованию в «определенных международных уголовных судах» (в английской версии решения – *certain international criminal courts*), в тех случаях, когда они обладают юрисдикцией⁴. В качестве примера таких «международных уголовных судов» далее были названы созданные на основе резолюций Совета Безопасности ООН трибуналы *ad hoc* по

¹ Triffterer O. Article 27. Irrelevance of Official Capacity // Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court / O. Triffterer (Ed.). München, 2008. P.789.

² Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of Congo v. Belgium) (2002) ICJ Rep 3.

³ См. критику решения Суда: Case concerning the Arrest Warrant. Dissenting Opinion of Judge van den Wyngaert. Paras. 24 – 28; Dissenting Opinion of Judge AlKhasawneh. Paras. 5–7.; Wirth S. Immunity for Core Crimes? The ICJ's Judgment in the Congo v. Belgium Case / S. Wirth // European Journal of International Law. 2002. – Vol. 13. – N 4; Sands Ph. International Law Transformed? From Pinochet to Congo? / Ph. Sands // Leiden Journal of International Law. – 2003. – Vol. 16. – N 1; Русинова В.Н. Международные иммунитеты высокопоставленных должностных лиц и уголовное преследование международных преступлений / В.Н. Русинова // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 3.

⁴ Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000. Para. 61.

бывшей Югославии и Руанде, а также еще не начавший к моменту вынесения решения МС свою работу Международный уголовный суд, в отношении которого была отдельно процитирована ст. 27 Римского статута. Если понимать данную формулировку буквально и строго, то Международный Суд установил правило о неприменении международно-правового иммунитета, в случаях, когда деяние его обладателя подпадает под юрисдикцию МУС. Однако ввиду недостатка правового анализа в решении МС¹, открытыми остаются вопросы о правовой природе и содержании такого исключения.

Прежде всего, Международный Суд не дал понятия «международного уголовного суда» и не определил критериев отнесения того или иного суда к международному. В качестве примеров были приведены принципиально отличающиеся учреждения – трибуналы *ad hoc* были созданы резолюциями Совета Безопасности ООН в порядке принудительных мер в соответствии с главой VII Устава ООН и, по сути, являются вспомогательными органами Совета Безопасности. Что касается МУС, то он основан на международном договоре – Римском статуте, обладает комплементарной по отношению к государствам-участникам юрисдикцией, независим от ООН.

В случае с МУС, как представляется, следует исходить из согласия государств – участников МУС, в соответствии со ст. 27 Римского статута снять в случае преследования МУС процедурные иммунитеты со своих должностных лиц. Данную ситуацию возможно рассматривать как договорное отклонение от норм международного обычного права. Однако, такое положение не может автоматически распространяться на «третьи государства». Как замечает профессор У. Шабас, «любой иммунитет, основанный на обычной или договорной норме, не может быть снят только потому, что группа государств решила, что эти иммунитеты не применяются в созданном ими судебном учреждении»². В одной из своих недавних статей ученый иронично замечает, что с точки зрения международного права необъяснимо, почему то, что будет нарушением международного права для Бельгии, не будет таковым для заключивших международный договор, например, Бельгии и Нидерландов³.

Спустя два года после решения по делу Йеродиа Апелляционная палата Специального суда по Сьерра-Леоне в решении по делу бывшего президента Либерии Чарльза Тэйлора, во многом опираясь на приведенную позицию Международного Суда, также подтвердила существование в международном праве исключения из правил о персональном иммунитете главы государства в случаях, когда речь идет о международном уголовном преследовании⁴.

¹ На этот недостаток решения МС справедливо указывают многие комментаторы: См. напр.: Klinberger V. (Former) Heads of State Before International Criminal Courts: the Case of Charles Taylor before the Special Court for Sierra Leone / V. Klinberger // German Y.B. INT'L, Vol. 46 (2003). – P. 549.

² Schabas W. A. Introduction to International Criminal Court / W. A. Schabas. – Third Edition. – Cambridge, 2007. – P. 74.

³ Schabas W. A. The Special Tribunal for Lebanon: is a «Tribunal of an International Character» Equivalent to an «International Criminal Court» / W. A. Schabas // Leiden Journal of International Law, vol. 21 (2008). – P. 527.

⁴ Prosecutor v. Charles Ghankay Taylor, Decision on Immunity from Jurisdiction, 31 May 2004, SCSL-2003-01-I.

Дело Тэйлора и принятое в его рамках решение об иммунитете является чрезвычайно интересным и важным в рассматриваемом нами аспекте. Во-первых, как и в нашем деле (а ранее в деле Милошевича), ордер на арест был выдан в период выполнения Тэйлором своих полномочий. Во-вторых, Специальный суд по Сьерра-Леоне по своей правовой природе во многих отношениях ближе к модели МУС, чем трибуналов *ad hoc*.

Специальный суд подчеркнул, что анализируемое исключение имеет важное основание, а именно принципиальное различие между национальным и международным правосудием. Международные уголовные суды не являются органами государства, а осуществляют правосудие от имени международного сообщества. Следовательно, принцип суверенного равенства государств (а именно его и обеспечивают иммунитеты) в данном случае не страдает. Суд также сослался на хорошо известные положения Устава Нюрнбергского трибунала и Римского статута о недопустимости ссылки на должностное положение¹.

Приведенное мнение Специального суда, по нашему мнению, не убеждает в существовании обычной нормы о распространении исключения из правила об иммунитетах на третьи государства. В данном решении не приведено ни убедительной международной практики (кроме одного дела Милошевича²), ни свидетельств *opinio juris*. К тому же, в деле Тэйлора иммунитет был отвергнут главным образом на том основании, что Специальный суд, хотя и основан на международном договоре, имеет в своем основании резолюцию Совета Безопасности ООН, кроме того, соглашение о создании Суда, включающее в себя Устав, было заключено ООН от имени всех государств-членов организации, следовательно распространяется и на Либерию. Применительно к МУС на действие иммунитетов неучаствующих государств прямо указывает положение п. 1 ст. 98 Римского статута.

Однако, на наш взгляд, с позицией МУС о правомочности выдачи ордера на арест Аль-Башира и направлении ордера к исполнению, следует согласиться по иным основаниям.

Ситуация в Дарфуре была передана Прокурору МУС резолюцией Совета Безопасности ООН 1593 (2005)³. В данной резолюции было определено, что «положение в Судане продолжает представлять угрозу международному миру и безопасности», вследствие чего была задействована глава VII Устава ООН, а передача ситуации в суд явилась мерой для поддержания или восстановления международного мира и безопасности (ст. 39 Устава).

В данной ситуации сотрудничество государств с Судом в рамках Римского статута осуществляется исходя из обязательств по Уставу ООН, в соответствии со ст. 103 которого, «в том случае, когда обязательства членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную

¹ Prosecutor v. Charles Ghankay Taylor. Paras. 51 et seq.

² Следует указать, что на момент выдачи МТБЮ ордера на арест Милошевича, СРЮ не была членом ООН.

³ Док. ООН S/RES/1593 (2005)

силу имеют обязательства по настоящему Уставу». Данное положение было процитировано в анализируемом решении МУС¹.

Следует также напомнить о содержании п. 7 ст. 2 Устава ООН: «Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; **однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании главы VII**» (выделено нами – Г. Б.).

Относительно действия иммунитетов в ситуации расследования, инициированного Советом Безопасности ООН, в международно-правовой литературе существует определенный консенсус. По мнению К. Кресса и К. Прост, высказанному в авторитетном комментарии к Римскому статуту, «правовая ситуация является значительно менее проблемной, когда расследование дела инициировано Советом Безопасности, действующим на основании главы VII Устава ООН. В этом случае, Совет Безопасности может решить, что даже персональные иммунитеты не являются препятствием для сотрудничества с Судом в вопросах ареста и передачи лиц»². По мнению Д. Робинсон, «даже неучаствующие государства теряют свой иммунитет в случае, когда Совет Безопасности, действуя на основании гл. VII Устава ООН, решает, что иммунитеты не являются препятствием для уголовного преследования (в частности, передает ситуацию в Суд, что влечет возникновение корреспондирующих обязательств государств в соответствии с резолюцией Совета Безопасности)»³.

Следует отметить, что в тексте резолюции 1593 прямо не говорится о неприменимости иммунитетов. Более того, в пункте 2 резолюции Совет указывает: «признавая, что государства, не являющиеся участниками Римского статута, **не несут обязательств по Статуту**, (выделено нами – Г. Б.) настоятельно призывает все государства и соответствующие региональные и прочие международные организации сотрудничать в полном объеме» В том же пункте, однако, говорится, что «правительство Судана и все другие стороны конфликта в Дарфуре *должны* на основании настоящей резолюции в полной мере сотрудничать с Судом и Прокурором и оказывать им любую необходимую помощь». Следует обратить внимание на различие в формулировках: по отношению к государствам в резолюции содержится призыв, а в отношении Судана – обязательство.

Как представляется, специфика рассматриваемой ситуации заключается в самом характере и задачах принудительных мер по Уставу ООН, которые не могут изменить даже отдельные положения резолюции Совета Безопасности. Сама логика резолюции, передавшей ситуацию по Дарфуру в МУС, указыва-

¹ Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir Para. 246.

² Kress C. Article 98. Cooperation with respect to waiver of immunity and consent to surrender / C. Kress, K. Prost // Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court / O. Triffterer (Ed.). – Мюнхен, 2008. – P. 1613.

³ Cryer R. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / R. Cryer, H. Friman, D. Robinson, E. Wilmshurst. – Cambridge, 2007. – P. 441.

ет на вывод о том, что лица, ответственные за преступления, совершенные в Дарфуре не могут ссылаться на иммунитет. В резолюции прямо указывается на основания для ее принятия – отчет Международной следственной комиссии. В отчете прямо указывается на ответственность высших должностных лиц Судана за предполагаемые нарушения¹.

Обратим также внимание на то, что в выступлении представителя США, «ответственных» за внесение соответствующего пункта о неучаствующих государствах и иммунитете миротворцев (п. 6), на заседании СБ во время принятия резолюции 1593 было отмечено: «Мы подтверждаем свое фундаментальное возражение против применения Римского статута к гражданам неучаствующих государств, включая должностных лиц. Неучаствующие государства не несут обязательств по договору, **за исключением случаев, когда иное решение принимается Советом Безопасности** (выделено нами – Г. Б.), несущим основную ответственность за поддержание международного мира и безопасности»².

Кроме того, следует указать на еще одно важное обстоятельство, вытекающее из приведенной судьями ссылки на преамбулу Римского статута. Воздействие Статута МУС на неучаствующие государства вытекает из особой природы норм о преследовании международных преступлений, носящих универсальный и императивный характер. Римский статут является особым международным договором, устанавливающим нормы, представляющие интерес для всех заинтересованных государств – членом международного сообщества. На это прямо указывают объект и цель договора, закрепленные в преамбуле Статута: «*положить конец безнаказанности лиц, совершающих самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества*» (абз. 6 преамбулы).

Думается, сама идея о том, что Международный уголовный суд, несмотря на «традиционный» договорный способ его создания, может функционировать как судебный орган международного сообщества, не должна быть отвергаема с порога по формальным, позитивистским основаниям. Современное международное уголовное право базируется на постулате о наличии, вследствие универсальности международных уголовно-правовых запретов, *jus puniendi* у международного сообщества в целом. Такое право поддерживается концепцией *jus cogens*, а также характером обязательств *erga omnes*³.

Применение Статута, как и других норм международного права должно исходить из их объекта и цели⁴. В этом плане, как представляется, все разумные сомнения должны решаться в пользу преодоления безнаказанности.

¹ Report of the International Commission of Inquiry on Darfur. Para. 630.

² Стенограмма заседания Совета безопасности ООН от 31 марта 2005 г.

³ См. Абашидзе А. Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств *erga omnes* / А. Абашидзе // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. – М., 2008.

⁴ В соответствии с п. 1 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., «договор (в том числе и Римский статут – Г.Б.) должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора».

В рассматриваемом и аналогичных случаях альтернативой преследованию МУС может служить полная безнаказанность главы государства за действия, совершенные в официальном качестве, в том числе преступления против человечности, совершаемые в рамках плана или политики (ст. 7 Статута МУС). Теория, согласно которой иммунитет действующего главы государства не может иметь принципиальных исключений, отбрасывает назад международное право, поощряя при этом укрепление преступной власти и дальнейшее нарушение фундаментальных прав человека. Она не оставляет надежды потерпевшим на правосудие, невольно перекладывая ответственность на более «доступных» второстепенных виновников.

Не вызывает сомнений значимость борьбы с безнаказанностью, которая положена в основу самой идеи создания и функционирования МУС. Очевидно, что именно военные и гражданские руководители государств, часто находящиеся «под защитой» национальных судебных органов, должны находиться в центре внимания международной уголовной юстиции. Сама природа преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС такова, что они, как правило, совершаются лицами, обладающими иммунитетом по международному и внутреннему праву. Применение иммунитетов неизбежно вело бы к безнаказанности главных виновников, что подрывало бы саму идею международного правосудия. Как справедливо отмечается в Комментариях к ст. 7 Проекта кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества 1996 г.: «...было бы странным разрешать лицам, которые в некоторых случаях несут наибольшую вину за совершение преступлений, охватываемом Кодексом, пользоваться суверенитетом государства и прикрываться иммунитетом, которым они наделяются в силу занимаемых ими должностей, тем более что эти тягчайшие преступления шокируют сознание человечества, нарушают некоторые из фундаментальных принципов международного права, и угрожают международному миру и благополучию»¹.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Мы хорошо осознаем, что принятое МУС решение, в силу объективных причин, оставляет больше вопросов, чем ответов. Однако оно несет миру ясное и важное послание: никто, даже монархи и президенты, не может стоять выше международного права. Безнаказанность лиц, совершающих преступления против мира и безопасности человечества, несовместима с международным правом и не может им прямо или косвенно одобряться. В свое время судьи другого международного уголовного трибунала как нельзя точно обозначили суть позиции, с которой сложно не согласиться: «Позволить доктрине государственного суверенитета брать верх над фундаментальными правами человека было бы извращением права и предательством универсальных интересов правосудия. Границы между государствами не должны рассматриваться в качестве щита для тех, кто попирает элементарные законы человечности»².

¹ Ежегодник Комиссии международного права ООН. — 1996. — С. 50.

² Prosecutor v. Duško Tadić. ICTY Appeals Chamber. Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction. 2 October 1995, para. 58.

М.І. ПАШКОВСЬКИЙ

доцент кафедри кримінального процесу Одеської національної юридичної академії, кандидат юридичних наук

КРИМІНАЛЬНЕ ПРАВО ЄС: ВІД ПАРИЗЬКОЇ УГОДИ ДО ЛІСАБОНУ

На момент заснування Європейських співтовариств вони переслідували переважно економічні цілі і кримінальне право не відігравало жодної ролі. Однак ситуація змінилася з утворенням спільного ринку і необхідністю його захисту від злочинних посягань та особливо ускладнилася з утворенням Євросоюзу як наднаціонального суб'єкту, який має власні органи та інститути, бюджет тощо, враховуючи розростання транснаціональної організованої злочинності. Незважаючи на те, що як такої прямої кримінальної юрисдикції (ні законодавчої, ні судової, ні виконавчої) Євросоюз не має, він не позбавлений можливості непрямого регулювання кримінально-правових відносин та здібності визначати у зв'язку з цим певні зобов'язання держав-членів ЄС.

Використання поняття «кримінальне право ЄС» є умовним. Пояснюється це тим, що власне як такого кримінального права ЄС у традиційному розумінні (як системи юридичних норм, якими встановлюються засади кримінальної відповідальності, види злочинів та покарання за їх вчинення¹) на цей момент не існує і існувати не може, а мова може вестися лише про вид т. зв. транснаціонального кримінального права – системи міжнародно-правових норм, спрямованих на регламентацію кримінально-правових питань національної кримінальної юрисдикції і екстрадиції, а також на гармонізацію криміналізації найбільш значимих у правовому просторі ЄС правопорушень і встановлення співрозмірних та ефективних кримінальних санкцій². Крім того, кримінальне право ЄС натепер охоплює і питання т. зв. транснаціонального кримінально-процесуального права – наднаціональних правових норм, що регламентують: а) співробітництво органів юстиції та поліції з питань провадження у кримінальних справах, б) оптимізацію функціонування національних правоохоронних та судових систем і забезпечення гарантій прав людини в кримінальному судочинстві³.

Таким чином, кримінальне право ЄС не є внутрішньодержавним кримінальним правом, а виступає одним з видів регіонального транснаціонального кримінального права в матеріально-правовому та процесуальному сенсі.

¹ Музика А.А. Стаття «Кримінальне право» / А.А. Музика / Юридична енциклопедія : в 6 т. / Редкол. : Ю.С. Шемшученко (голова редкол.) та ін. – К., 2001. – С. 400.

² Див.: Зелинская Н.А. Международные преступления и международная преступность : монография / Н.А. Зелинская. – О., 2006. – С. 16-17.

³ Там же.

Зважаючи на те, що відповідно до ДЄС Європейський Союз діє як єдина інституційна структура, яка об'єднує три т. зв. «опори»: Співтовариства, спільну зовнішню політику та безпеку (СЗПБ), співпрацю поліцій і судів у кримінальній сфері, існує позиція про виділення двох рівнів прояву кримінального права ЄС:

1) гармонізації положень кримінального права правовими засобами першої опори (через застосування принципу лояльної співпраці та за допомогою регламентів і директив);

2) механізмів, інститутів міждержавної співпраці держав-членів ЄС з питань кримінального права і процесу¹. Зокрема, ст. 29 ДЄС передбачає здійснення заходів, спрямованих на: тіснішу співпрацю поліцейських, митних та інших компетентних органів держав-членів, безпосередню чи через Європейське поліцейське відомство (Європол); тіснішу співпрацю судових та інших компетентних органів держав-членів, зокрема через Європейський підрозділ судової співпраці (Євроюст); зближення, в разі потреби, норм кримінального права держав-членів.

Дослідники відзначають неоднорідність кримінального права ЄС та виділяють такі його складові:

1) адміністративно-кримінальне право ЄС (заборони права ЄС і процесуальні правила, що за формально-правовими і політичними, але не сутнісними причинами називаються «адміністративно-правовими», а не «кримінально-правовими»);

2) норми права ЄС, що стосуються кримінального права і процесу, які переважно вимагають від національних кримінально-правових систем здійснювати заходи певним чином;

3) кримінально-процесуальне право ЄС – система норм права ЄС, що визначає стандарти провадження у кримінальних справах та статус окремих його суб'єктів (тобто застосування кримінального чи кримінально-процесуального права на національному рівні), регламентує судове (процесуальне) співробітництво у кримінальних справах шляхом надання правової допомоги у розслідуванні або судовому розгляді кримінальних справ, виконання кримінально-процесуальних рішень;

4) проект норм єдиного європейського кримінального права (Corpus Juris)².

На час створення Європейських співтовариств (Договір про Європейське Співтовариство вугілля і сталі 1951 р., Договір про Європейське Економічне товариство 1957 р., Договір про Європейське Співтовариство з атомної енергії 1957 р.) питання, що стосувалися сфери кримінальної юстиції (кримінального права, кримінального процесу, кримінально-виконавчого права) не поставали, у зв'язку з виключно економічним інтересом у існуванні вказаних Співтовариств. Однак з часом виключно економічні цілі Європейських Співтовариств

¹ Див.: Кареклас С. Кримінальне право ЄС : навчальний посібник / С. Кареклас. – О., 2004. – С. 25-26.

² Див.: Жданов Ю.Н. Европейское уголовное право. Перспективы развития / Ю.Н. Жданов, Е.С. Лаговская. – М., 2001. – С. 47.

еволюціонували. Фактором, що негативно вплинув на зростання транснаціональної злочинності і загострив проблему забезпечення внутрішньої безпеки (особливо на етапі прийняття нових членів ЄС), стала нова правова природа Європейського Союзу, заснована на свободі пересування товарів, осіб, послуг, капіталу, єдине громадянство.

Співробітництво держав у сфері кримінального права на теренах сучасного Європейського Союзу пройшло ряд етапів.

Перший етап охоплює 50-70-ті роки ХХ століття. Він пов'язаний зі створенням внутрішнього ринку без кордонів на підставі установчих договорів та посиленням транснаціональної злочинності, яка швидко відреагувала на нові можливості. Укладений в 1957 р. ДЄЕС не містив будь-яких положень про співробітництво держав-членів Співтовариства у сфері юстиції та внутрішніх справ. Об'єднана Європа задовольнялася існуючими в межах Ради Європи механізмами співпраці у кримінально-правовій сфері.

Багатосторонні спеціальні конвенції щодо співробітництва у кримінально-правовій сфері, укладені державами під егідою Ради Європи (про видачу правопорушників від 13.12.1957 р., про взаємодопомогу у кримінальних справах від 20.04.1959 р., про міжнародну дійсність кримінальних вироків від 28.05.1970 р., про передачу провадження у кримінальних справах від 15.05.1972 р., про боротьбу з тероризмом від 27.01.1977 р. та інш.), уніфікували існуючі у той період міжнародно-правові напрями та форми протидії злочинності.

Співробітництво з питань безпеки посилилося з формуванням у 1970 р. інституціонального механізму – Європейського політичного співробітництва, який був створений, головним чином, з метою координації зовнішньої політики та безпеки членів Співтовариств. Мюнхенська трагедія 1972 р. позначила необхідність об'єднання їх внутрішніх політик у сфері юстиції та внутрішніх справ. Під час Європейської ради на вищому рівні 1-2 травня 1975 р. було прийнято рішення про створення групи TREVI як міждержавної наради з участю посадових осіб міністерств юстиції і внутрішніх справ держав Європейського Співтовариства для координації контртерористичних заходів. З часом її функції були розширені і розповсюджені на регулювання імміграції, візову політику, прикордонний контроль, протидію розповсюдженню наркотиків в ЄЕС¹.

Другий етап (80-ті початок 90-х років ХХ століття) пов'язується з курсом на координацію політики у галузі внутрішніх справ, зокрема із створення т. зв. шенгенського простору. 14 червня 1985 р. уряди п'яти держав (Бельгії, Люксембургу, Нідерландів, Франції та Німеччини) підписали Угоду про поступове скасування перевірок на спільних кордонах (т. зв. «Шенгенську угоду»). Вказаний документ встановив необхідність забезпечення гармонізації законодавства держав-учасниць у сфері попередження злочинів та розшуку злочин-

¹ Назва групи пов'язується з її предметом діяльності – протидії тероризму, радикалізму, екстремізму та міжнародній злочинності (Terrorisme, Radicalisme, Extrimisme et Violence Internationale), хоча на думку окремих авторів, назву ТРЕВІ група отримала через те, що перші засідання на рівні вищих посадових осіб були проведені в Римі поблизу фонтану Треві та ще й під головуванням голландця Фонтейна (Fontejjn – англ. фонтан). Ця група припинила своє існування у зв'язку з її включенням до т.зв. третьої опори Європейського Союзу Маастрихським договором (ДЄС).

ців, застосування угод про процедуру видачі та здійснення боротьби зі злочинністю шляхом надання поліцейським права переслідування за допомогою механізмів комунікації та міжнародної правової допомоги. Пізніше вказаними країнами було укладено вже міжнародний договір – Конвенцію про застосування Шенгенської угоди від 14.05.1985 р. про поступове скасування перевірок на спільних кордонах.

Крім того, в цей період створюється Європейський комітет з боротьби з наркотиками (CELAD)¹ та спеціальна група з проблем імміграції (*Ad hoc Immigration Group of Senior Officials*).

Досягнення з питань співробітництва у боротьбі з тероризмом, злочинністю були узагальнені в ЄЄА (Єдиному Європейському акті) та додані до нього Політичній декларації у 1986 р. Незважаючи на те, що ЄЄА чітко не визначав коло осіб, які мають право на свободу пересування, методи та гарантії забезпечення такої свободи незважаючи на те, що співпраця залишалася на міжурядовому рівні, важливим було те, що держави ЄЕС заявили про свій намір виробити спільний підхід до юстиції та внутрішніх справ. Важливим наступним кроком стала *Дублінська конвенція 1990 р.*, метою якої було усунення суперечливого вирішення державами Співтовариства питання про надання політичного притулку.

Разом з тим, відсутність чіткого розмежування компетенції наднаціональних органів Співтовариств і держав-членів з питань співпраці у внутрішніх справах та юстиції спричиняла виникнення конфліктів та ускладнення співпраці. На саміті в Люксембурзі в червні 1991 р. канцлер Німеччини Г. Коль вперше чітко сформулював ідею «комунітаризації» політики імміграції та надання політичного притулку, закликавши Раду розробити програму співпраці в галузі внутрішніх справ і правосуддя.

Маастрихтським договором 1992 року, з яким пов'язується **третій етап** розвитку кримінального права ЄС, не лише сформував триопорну структуру ЄС, але й визначив основні положення співробітництва між членами ЄС у галузі внутрішніх справ та юстиції, до яких було віднесено: політику надання політичного притулку; контроль над зовнішніми кордонами Союзу; імміграційну політику; митне співробітництво; співробітництво з питань цивільного та кримінального судочинства; співробітництво поліцейських служб та створення Європолу.

З часом стала очевидною необхідність комунітаризації частини третьої опори ЄС та передачі її положень до сфери компетенції Співтовариства. На Міжурядовій конференції 1996-1997 рр., з якою пов'язується початок **четвертого етапу**, було запропоновано «комунітаризувати» такі сфери внутрішніх справ і юстиції як надання політичного притулку, імміграція та охорона спільних кордонів, співробітництво у цивільних справах. Головним надбанням конференції стала пропозиція створити Європейський простір свободи, безпеки

¹ Поряд зі створеною під егідою Ради Європи групою Помпиду (1971 р.) здійснював координацію держав-членів ЄЕС з законодавчого обмеження обігу наркотиків. Булв замінений в 1997 році Horizontal Drugs Group (HDG) of the Council.

і правосуддя (European Area of Freedom, Security and Justice) , що обумовило укладання у 1997 р. Амстердамського договору.

Амстердамський договір повністю змінив Розділ VI Маастрихтського договору. Предмет третьої опори, що охоплював співробітництво в галузі юстиції та внутрішніх справ (JHA – **Justice and Home Affairs**), було звужено до Співробітництва судових і поліцейських органів у кримінальних справах (PJCC – **Police and Judicial Co-operation in Criminal Matters**), залишивши міжурядовий метод співробітництва. Таким чином, передбачалося тісне співробітництво поліцейських сил, а також судових і митних органів. Розширено було поняття поліцейського співробітництва, в тому числі шляхом надання Європейському поліцейському відомству повноважень, що дозволяли йому проводити та координувати розслідування конкретних справ, розробляти методику надання допомоги національним поліцейським органам у розслідуванні злочинів, вчинених організованими злочинними угруповуваннями.

Амстердамським договором зближення норм кримінального права і процесу держав-членів ЄС було вирішено здійснювати в межах Ради ЄС. Основними юридичними інструментами третьої опори ЄС було визначено *рішення* (decision) та *рамкові рішення* (framework decision), спрямовані на зближення законодавства держав-членів ЄС, *спільні позиції* (joint position)¹, які визначають підхід Ради до вирішення певного питання, та *конвенції* (convention), які носять рекомендаційний характер, які на відміну від інструментів першої опори (рішень, директив і регламентів) були менш ефективними. Так, спільні позиції не є обов'язковими до виконання, рамкові рішення не мають прямої дії, а для набуття сили конвенцією необхідна її ратифікація щонайменш вісьмома державами-членами ЄС.

Рада міністрів внутрішніх справ і юстиції уповноважувалася протягом п'яти років перейти від одностайності у вирішенні питань внутрішніх справ до принципу кваліфікованої більшості; до договору було включено Протокол про інтеграцію шенгенських правил до права Співтовариства і Протокол про порядок надання політичного притулку в ЄС громадянам держав-членів ЄС. До першої опори (до компетенції Співтовариства) було віднесено положення про вільне пересування громадян, імміграцію і політичний притулок, співробітництво у цивільних справах.

Амстердамським договором було запроваджено принцип поглибленого співробітництва у сферах, що залишилися у компетенції держав, однак не було визначено механізм його реалізації.

Таким чином, основоположною метою вже Європейського Союзу відповідно до ст. ст. 2, 29 ДЄС стало формування простору свободи, безпеки і правосуддя. Ідея Європейського простору свободи, безпеки та правосуддя має на увазі створення в рамках Європейського Союзу території без внутрішніх кордонів, в межах якої громадяни могли б вільно пересуватися в умовах повної безпеки. У розглянутому контексті в поняття «свобода» входить свобода

¹ Крім того, Маастрихтський договір передбачав для регулювання питань третьої опори юридично необов'язкові спільні позиції (joint position), резолюції та і рекомендації.

пересування громадян, імміграція, надання притулку; в поняття «безпека» – забезпечення внутрішньої та зовнішньої безпеки (боротьба з організованою злочинністю, тероризмом, торгівлею наркотиками і т. д.); поняття «правосуддя» – здійснення тісної взаємодії та правової допомоги у цивільних і кримінальних справах¹.

Для виконання пріоритетного завдання ЄС – встановлення європейського простору свободи, безпеки і правосуддя на саміті у Відні в грудні 1998 р. було прийнято План дій. Віденський план дій розвинув концепцію «європейського простору»: основні її принципи – свобода, безпека і правосуддя – тісно взаємопов'язані між собою: громадяни можуть у повній мірі користуватися свободою пересування лише у тому випадку, коли вони почувають себе у безпеці, тобто знаходяться під захистом поліції і судів незалежно від того, в якій країні вони перебувають².

Ключовим у розвитку кримінального права ЄС став **п'ятий етап**, започаткований позачерговим самітом Європейського Союзу у фінському місті Тампере, який відбувся 15-16 жовтня 1999 р. Надбанням Тамперського саміту було формулювання Європейського кримінально-правового простору, який змінив уявлення про державний суверенітет. Незважаючи на те, що Європейський Союз не має власної території (нею володіють лише держави-члени ЄС), тим не менш створюється єдиний правовий простір – простір «свободи, безпеки і справедливості». Таким чином, як тільки рішення набуває законної сили на території однієї з держав-членів Євросоюзу згідно її праву, це рішення безпосередньо набуває законної сили на всьому просторі ЄС.

За результатами дискусій саміт прийняв «Висновки» (відомі ще як «Віхи Тампере»)³, в яких були сформульовані пріоритетні напрями діяльності: імміграційна політика та надання політичного притулку; створення європейського правового простору (зокрема, покращення доступу до правосуддя в Європі, ствердження принципу взаємного визнання судових рішень; суттєве зближення цивільного права); посилення боротьби із злочинністю (шляхом попередження злочинності на рівні ЄС; активізації співробітництва у боротьбі зі злочинністю; вжиття спеціальних заходів по протидії відмиванню «брудних» грошей⁴) тощо.

¹ Войников В.В. От европейского пространства свободы, безопасности и правосудия к общему пространству на уровне России – ЕС / В.В. Войников // Эволюция политической и правовой культуры России. Региональные особенности и влияние европейского фактора / Отв. ред. Б.Н. Ковалев, Е.А. Макарова; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Ч. 2. Влияние европейского фактора на процессы реформирования постсоциалистических государств. – Великий Новгород, 2006. – С. 36.

² Потемкина О.Ю. Европейское пространство свободы, безопасности и правопорядка: границы, содержание, механизмы / О.Ю. Потемкина. – М., 2002. – С. 12

³ Tampere Summit Conclusions, 15-16 October 1999 // <http://www.statewatch.org/news/2003/sep/tamp.htm>

⁴ Зокрема, Європейська рада закликала Раду та Європейський парламент прийняти як найшвидше переглянутий проект директиви про відмивання грошей; поліпшити та прискорити обмін інформацією між існуючими підрозділами фінансової розвідки (при належному ставленні до захисту даних, прозорості фінансових операцій та власності юридичних осіб); надання повноважень судовій владі та підрозділам фінансової розвідки на отримання відповідної інформації, необхідної для розслідування «відмивання» грошей незалежно від вимог збереження таємниці, що стосуються банківської та інших видів комерційної діяльності, за умови судового контролю.

Для реалізації вказаних пріоритетних напрямів було розроблено спеціальний «розклад Тампере» (Tampere Scoreboard) по аналогії з графіком, якого притримувалися Співтовариства при виконанні плану створення Спільного ринку. Події 11 вересня 2001 року примусили держави-члени ЄС переглянути терміни виконання розкладу Тампере та реалізації заходів зі створення європейського простору свободи, безпеки і правосуддя. 17-21 вересня 2001 року було проведення позачерговий саміт ЄС в Брюсселі, на якому було затверджено Висновки та прийнято План дій з боротьби з тероризмом, який передбачав посилення поліцейського і судового співробітництва; розробку міжнародно-правової бази для антитерористичних дій; протидію фінансуванню терористичних організацій через директиву про відмивання грошей; посилення вимог до безпеки авіарейсів. На екстремому засіданні ради міністрів внутрішніх справ і юстиції були прийняті рішення про розширення мандату Європолу, початок роботи Євроюсту, запровадження європейського ордеру на арешт, сформульовано загальне визначення поняття тероризму та впорядковано санкції проти нього¹.

Ніццьким договором 2001 р. інститут поглибленого співробітництва було трансформовано: якщо щонайменш вісім держав-членів ЄС викажуть бажання інтенсивно співпрацювати у будь-якій сфері, вони це можуть зробити за погодженням з Радою, яка приймає рішення кваліфікованою більшістю. Одним з перших прикладів поглибленого співробітництва стало створення шенгенського простору. Крім того, була посилена співпраця у галузі правосуддя через заснування та діяльність Євроюсту.

У зв'язку з невдачею при ратифікації Договору про введення Конституції для Європи, підписаного 25 державами-членами ЄС 29.10.2004 р., учасниками ЄС було підписано 13.12.2007 р. Лісабонський договір про внесення змін до Договору про Європейський Союз і Договір про заснування Європейського Співтовариства. Серед нововведень Лісабонського договору: відмова від триопорної системи ЄС та присвоєння цій регіональній організації статусу єдиної юридичної особи. Ратифікація Лісабонського договору створить нові можливості розвитку співробітництва держав-членів ЄС у сфері кримінальної юстиції, підсилить роль інститутів ЄС у цій області.

¹ Conclusions and Plan of action of the extraordinary European Council meeting on 21 September 2001// http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/140.en.pdf.

И. В. ГЛОВЮК

ассистент кафедры криминального процесса Одесской
национальной юридической академии, кандидат юридических наук

МОДЕЛЬ РАССЛЕДОВАНИЯ В ПРОЦЕДУРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

Для обеспечения справедливости привлечения к уголовной ответственности лиц, ответственных за совершение международных преступлений, органы международной уголовной юстиции должны осуществлять свои полномочия по расследованию этих деяний и судебному их разбирательству в определенной процессуальной форме. В связи с этим, в доктрине международного и уголовно-процессуального права поднимается вопрос о формировании международного уголовного процесса и международного уголовно-процессуального права. Отдельным аспектам этой проблемы посвящены труды таких отечественных и зарубежных ученых, как М. Бассиони, П. Бирюков, М. Буроменский, К. ван дер Вингерт, О. Виноградова, Н. Дремина-Волок, Н. Зелинская, А. Кассесе, О. Касынюк, К. Киттичайсари, Н. Костенко, С. Лобанов, В. Милинчук, В. Панов, Н. Пашковский, В. Пилипенко, О. Рабцевич, М. Смирнов, В. Точилковский, Е. Трикоз, Дж. Туроне и др. Несмотря на то, что в науке в настоящее время нет единого подхода к правовой природе, понятию, содержанию международного уголовного процесса¹, следует отметить, что деятельность Международного уголовного суда включается в его систему².

¹ Виноградова О.І. Міжнародне співробітництво України у галузі боротьби зі злочинністю (кримінально-процесуальний аспект) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 : «Кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза» / О.І. Виноградова. — Харків, 2000. — С. 5, 13; Лобанов С.А. Международный уголовный процесс: тенденции современного развития / С.А. Лобанов // Государство и право. — 2003. — № 1. — С. 82; Милинчук В.В. Новые тенденции международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: концепция транснационального правосудия / В.В. Милинчук // Государство и право. — 2004. — № 1. — С. 87; Панов В.П. Международное уголовное право / Панов В.П. — М. : ИНФРА-М, 1997. — С. 160; Пашковский М.І. Особливості доказування у кримінальних справах, пов'язаних з наданням міжнародної правової допомоги : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 : «Кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза» / М.І. Пашковский. — К., 2003. — С. 2; Пилипенко В.П. Міжнародний кримінальний суд за Римським Договором 1998 року : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.11 : «Міжнародне право» / В.П. Пилипенко. — Харків, 2005 // <http://www.pbuv.gov.ua>; Смирнов М.І. Международный уголовный процесс: тенденции современного развития / М.І. Смирнов // Правове життя сучасної України : тези доповідей Всеукраїнської наукової конференції «Правове життя сучасної України» / відп. ред. д-р юрид. наук, проф. Ю.М. Оборотов // Одеська національна юридична академія. — О. : Фенікс, 2008. — С. 380-382; Cassese A. International criminal law / A. Cassese. — Oxford University Press, 2008. — P. 3,4

² Глотова С.В. Институционализация уголовного преследования за совершение международных преступлений на примере международных уголовных трибуналов и Международного уголовного суда / С.В. Глотова // Международное право. — 2006. — № 2 (26). — С. 110; Лобанов С.А. Международный уголовный процесс: тенденции современного развития / С.А. Лобанов // Государство и право. — 2003. — №1. — С. 83; Костенко Н.И. Судопроизводство Международного уголовного суда — основа международного уголовного процесса / Н.И. Костенко // Государство и право. — 2001. — № 1. — С. 64; Пашковский М.І. Міжнародне співробітництво у кримінальному судочинстві : навч.-метод.

Судопроизводство в Международном уголовном суде в литературе подразделяется на определенные стадии. Так, О. В. Касынюк выделяет такие стадии: возбуждение расследования; расследование; предварительное судебное производство; судебное разбирательство; апелляционное производство; исполнение приговора; реви́зионное производство¹. Н. В. Ильютченко считает, что судопроизводство в МУСе согласно Римскому статуту состоит из четырёх стадий: решения вопроса о приемлемости дела; предварительного расследования; судебного рассмотрения дела; апелляционного производства². С. В. Глотова выделяет стадии досудебного расследования, предания суду, судебного разбирательства, обжалования³. В зарубежной литературе выделяются: возбуждение международных уголовных расследований (*setting in motion of international criminal investigations*); прокурорские расследования (*prosecutor's investigations*); предварительные судебные процедуры (*pre-trial proceedings*); судебные процедуры (*trial proceedings*); апелляционные процедуры (*appeal proceedings*); реви́зионные процедуры (*revision proceedings*); исполнение приговора (*enforcement of sentences*)⁴. Не вдаваясь в дискуссию о системе стадий судопроизводства МУС (это может быть предметом самостоятельного исследования), следует отметить, что наличие стадии расследования является в доктрине общепризнанным. В литературе эта стадия достаточно редко поддается анализу. Исключением являются работы С. Готовой, О. Касынюк, И. Фисенко, А. Кассезе, К. Сафферлинга.

Целью настоящего исследования является определение сущностных характеристик модели расследования в деятельности Международного уголовного суда.

Общеизвестно, что двумя «идеальными» моделями организации уголовного судопроизводства как на национальном, так и на международном уровнях являются состязательная (*adversarial system*) и инквизиционная (*inquisitorial system*) модели (системы). В результате сочетания этих систем в реальных, действующих уголовно-процессуальных системах выделилась также смешанная модель (система) уголовного судопроизводства. Состязательный тип уголовного процесса характеризуется следующими признаками: 1. Наличием двух противоположных сторон обвинения (уголовного преследования) и защиты. Это необходимо постольку, поскольку для всякого состязания нужны, как минимум, два конкурирующих субъекта. 2. Процессуальным равноправием или равенством сторон, ибо состязание можно считать справедливым толь-

посібн. / Пашковський М.І. — О. : Фенікс, 2007. — С. 30; Пилипенко В.П. Міжнародний кримінальний суд за Римським Договором 1998 року : автореф. дис. на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук за спеціальністю 12.00.11 : «Міжнародне право» / Пилипенко В.П. // Національна юридична академія України імені Ярослава Мудрого. — Харків, 2005 // <http://www.nbu.gov.ua>

¹ Касынюк О.В. Кримінально-процесуальні питання діяльності міжнародних кримінальних судів : дис. кандидата юрид. наук : 12.00.11 : «Міжнародне право» / Оксана Василівна Касынюк. — Харків, 2005. — С. 155

² Ильютченко Н.В. Имплементация Римского Статута Международного уголовного суда: уголовно-процессуальные аспекты / Н.В.Ильютченко // Международное право. — 2007. — №1. — С. 253

³ Глотова С.В. Институционализация уголовного преследования за совершение международных преступлений на примере международных уголовных трибуналов и Международного уголовного суда / С.В. Глотова // Международное право. — 2006. — №2 (26). — С. 109

⁴ Cassese A. *International criminal law* / A. Cassese— Oxford University Press, 2008. — P. 395-434

ко тогда, когда противоборствующие стороны находятся примерно в одной «весовой категории», то есть обладают сравнимыми «стартовыми» возможностями для защиты своих законных интересов. 3. Наличием независимого от сторон суда, так как справедливое состязание немислимо без нейтрального арбитра. Из тезиса о независимости суда вытекает, во-первых, что в состязательном процессе суд не может принимать на себя осуществление ни обвинительной, ни защититной функции. Он приступает к делу лишь по обвинению, представленному уголовным преследователем, и не вправе выходить за рамки, очерченные в обвинении. Независимость суда, в-третьих, означает, что не только суд не вправе выполнять функции сторон, но и ни одна из сторон не может брать на себя даже малую толику судейской функции¹. В свою очередь, розыскной процесс – это такой порядок производства, когда функции уголовного преследования, защиты и функция принятия решений по делу – судебная, или юстиции, – сливаются в деятельности одного государственного органа. Он сам возбуждает уголовное преследование, расследует обстоятельства дела, собирает доказательства, заботится о мерах по обеспечению законных интересов лиц, участвующих в производстве, и принимает решения по делу. Поэтому самостоятельные стороны обвинения и защиты здесь не нужны. Коль скоро нет обвинителя, то не существует, как такового, обвинения и обвиняемого. Вместо них имеется объект исследования – подследственный. Орган расследования не равен подследственному, который для него не субъект правоотношений, а лишь объект управления. Из-за отсутствия сторон не имеет юридического значения и спор о предмете дела – двигателем процесса является не он, а безличная воля, веления закона. Подобный порядок не содержит достаточных гарантий для защиты интересов подследственного, так как эта задача возложена, по существу, на его процессуального противника – уголовного преследователя². Как отмечается в литературе, в международном процессе в основном превалирует состязательная система³. Однако ее дополняют некоторые элементы инквизиционной системы. Поэтому следует рассмотреть наличие элементов состязательной и инквизиционной систем в судопроизводстве МУС.

Состязательная модель процесса, как указывалось выше, базируется на схеме наличия независимых и равноправных сторон и нейтрального арбитра – суда. Стороны обвинения и защиты в деятельности МУС выражены: обвинение – прокурор, защита – обвиняемый, защитник. Также имеется и арбитр – суд в виде Палаты предварительного производства. Однако утверждать о равноправии сторон обвинения и защиты невозможно. Так, прокурор может: собирать и изучать доказательства; требовать явки и допрашивать

¹ Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства : дисс. докт. юрид. наук / А.В. Смирнов. – М., 2001 // www.kalinovsky-k.narod.ru

² Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства : Дисс. докт. юрид. наук / А.В. Смирнов. – М., 2001. // www.kalinovsky-k.narod.ru

³ Cassese A. International criminal law / Cassese A. – Oxford University Press, 2008. – P. 366; Мельникова І.В. Обвинувальні й інквізиційні елементи в міжнародному кримінальному процесі / І.В. Мельникова // Правове життя : тези доповідей 10-ї ювілейної звітної наукової конференції професорсько-викладацького і аспірантського складу / Відп. ред. д.ю.н. проф. Ю.М. Оборотов. – О. : Фенікс, 2007. – С. 171.

лиц, находящихся под следствием, потерпевших и свидетелей; заручаться содействием любого государства либо межправительственной организации или механизма согласно их соответствующим полномочиям и/или мандатам; заключать такие соглашения или договоренности, не противоречащие Статуту, какие могут потребоваться для облегчения сотрудничества со стороны какого-либо государства, межправительственной организации или лица. Что касается сбора данных стороной защиты, то по просьбе лица, которое было арестовано или явилось по приказу, отдавать распоряжения, включая меры, перечисленные в статье 56 Римского статута, которые могут оказаться необходимыми для сбора или сохранения доказательств, является компетенцией Палаты предварительного производства.

Важнейшим признаком стадии уголовного процесса являются задачи стадии. В литературе функцией стадии расследования признается установление фактов, связанных с преступлением. Ее реализация не ведет к принятию каких-либо решений. Необходимость проведения международного расследования вытекает из того, что международный орган, принимающий решение, должен основываться на объективной информации¹. Концептуально с этой позицией следует согласиться, за исключением неудачности применения термина «функция расследования», поскольку расследование само по себе является функцией. Подтверждение этой позиции можно найти в положении ст. 54 Римского статута, в соответствии с которой прокурор для установления истины проводит расследование с тем, чтобы охватить все факты и доказательства, относящиеся к оценке того, наступает ли уголовная ответственность в соответствии со Статутом, и при этом в равной мере расследует обстоятельства, свидетельствующие как о виновности, так и о невиновности; принимает надлежащие меры для обеспечения эффективного расследования и уголовного преследования за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда. Однако такая задача этой стадии свидетельствует об элементе инквизиционности в расследовании, поскольку при его осуществлении должны реализовываться не только публичные интересы и интересы стороны обвинения, а и интересы стороны защиты, которые, в частности, состоят в обязанности прокурора расследовать обстоятельства, свидетельствующие как о виновности, так и о невиновности. Именно благодаря подобному сочетанию в национальном уголовном процессе России и Украины и была в качестве самостоятельной выделена функция расследования, которая совмещает в себе отдельные элементы функции обвинения, защиты, разрешения дела и проявляется во всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела.

Расследование в деятельности Международного уголовного суда осуществляется прокурором. В соответствии со ст. 42 Римского статута, прокурор возглавляет канцелярию прокурора. Канцелярия прокурора действует независимо как отдельный орган Суда. Она отвечает за получение передаваемых ситуаций и любой обоснованной информации о преступлениях, подпадаю-

¹ Фисенко И.В. Функционирование постоянного международного уголовного суда (расследование, обвинение, исполнение приговоров, правовая помощь) / И.В. Фисенко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 2000. — № 3. // www.beljournal.by.ru

щих под юрисдикцию Суда, за их изучение и осуществление расследований и уголовного преследования в Суде. То есть формально прокурор не признан Римским статутом органом суда. Следует отметить, что Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенных на территории бывшей Югославии (МБТЮ), равно как и Устав Международного трибунала по Руанде, признал Прокурора органом суда. Органом суда был и Комитет по расследованию дел и обвинению главных военных преступников Нюрнбергского Международного военного трибунала. Такие нормы Римского статута направлены, как представляется, определенным образом на то, чтобы подчеркнуть определенную независимость прокурора. Однако, учитывая полномочия прокурора по возбуждению расследования и расследованию, а также по руководству канцелярией¹, можно сделать вывод, что прокурор все-таки является органом МУС, хоть и не признается таковым Римским статутом. Исходя из этого, можно утверждать, что в деятельности МУС наблюдается совмещение уголовно-процессуальных функций, поскольку в одном органе сосредоточены функция уголовного преследования и функция разрешения дела, что является одним из признаков инквизиционной модели уголовного процесса. Следует согласиться, что эта особенность характерна для международного уголовного судопроизводства: «в международных судах происходит перенасыщение составляющих органов специфическими задачами»². При этом следует отметить, что эти уголовно-процессуальные функции все-таки разграничены в рамках МУС, поскольку выполняются разными его органами; и это является проявлением состязательной системы судопроизводства.

В обязанности прокурора входит для установления истины проводить расследование с тем, чтобы охватить все факты и доказательства, относящиеся к оценке того, наступает ли уголовная ответственность в соответствии со статутом МУС, и при этом в равной мере расследовать обстоятельства, свидетельствующие как о виновности, так и о невиновности. Это ключевым образом отличает полномочия прокурора от полномочий прокурора в соответствии с Уставом Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенных на территории бывшей Югославии и Уставом Международного трибунала по Руанде, на что справедливо обращается внимание в литературе³. Такая обязанность прокурора также указывает на определенную инквизиционность расследования, поскольку прокурор должен расследовать обстоятельства, свидетельствующие как о виновности, так и о невиновности.

¹ Канцелярия возглавляется прокурором. Прокурор обладает всеми полномочиями по руководству и управлению Канцелярией, включая персонал, помещения и прочие имеющиеся в его распоряжении ресурсы. Прокурору оказывают помощь один или несколько заместителей прокурора, которые правомочны совершать любые действия, которые должен совершать прокурор в соответствии с настоящим Статутом. Прокурор и заместители прокурора должны быть гражданами разных государств. Они работают на основе полной занятости (ст. 42 Римского статута).

² Глотова С.В. Институционализация уголовного преследования за совершение международных преступлений на примере международных уголовных трибуналов и Международного уголовного суда / С.В. Глотова // *Международное право*. — 2006. — № 2 (26). — С. 109

³ Cassese A. *International criminal law* / Cassese A. — Oxford University Press, 2008. — P. 373

сти, то есть собирать обвинительные и оправдательные доказательства. «Чистая» же состязательность связана с собиранием информации, которая направлена только лишь на реализацию собственного материально-правового и процессуально-правового интереса стороны.

Следует отметить и определенное разграничение двух функций в деятельности прокурора: расследования и уголовного преследования. Так, когда расследование уже закончено, прокурор должен решить, имеются ли достаточные основания для уголовного преследования. Если по проведении расследования прокурор приходит к выводу об отсутствии достаточных оснований для начала уголовного преследования, он уведомляет Палату предварительного производства и государство, которое передает ситуацию, или Совет Безопасности, о своем выводе и основаниях для такого вывода. Если достаточные основания для уголовного преследования имеются, то прокурор составляет документ о начале уголовного преследования; его можно назвать первичным обвинительным актом¹.

После передачи лица Суду или добровольной явки лица в Суд или на основании приказа о явке он предстает перед Палатой предварительного производства для проверки Палатой, было ли это лицо информировано о преступлениях, которые оно предположительно совершило, и о его правах по Статуту. В литературе высказана точка зрения, что эта процедура относится к стадии предварительного судебного производства, которая регламентируется ст. 60 и 61 Римского статута и Разделами 5 и 6 Правил процедуры и доказывания². Однако, как представляется, не следует относить к этой стадии деятельность ППП в рамках ст. 60 Римского статута, поскольку эти ее полномочия связаны с обеспечением законности ареста и проверкой информированности лица о его правах, а также с решением вопроса о временном освобождении из-под стражи до начала судебного разбирательства. Следует согласиться с тем утверждением, что это одна из досудебных процедур, напоминающая англосаксонскую процедуру «habeas corpus»³. Таким образом, данная процедура представляет собой проявление состязательной модели процесса в стадии расследования. На состязательный характер этой процедуры указывает и правило 121 Правил процедуры и доказывания, в соответствии с которым Палата предварительного производства принимает решения, необходимые для раскрытия информации между Прокурором и лицом, в отношении которого выдан ордер на арест или приказ о явке в Суд.

Деятельность Палаты предварительного производства в процедуре расследования направлена как на обеспечение обоснованности возбуждения расследования и предъявления лицу обвинений, так и на обеспечение эффективного расследования и присутствия в Международном уголовном суде лиц, которые предположительно совершили международные преступления, под-

¹ Касинюк О.В. Кримінально-процесуальні питання діяльності міжнародних кримінальних судів : дис. кандидата юрид. наук : 12.00.11 / Касинюк Оксана Василівна. — Харків, 2005. — С. 171

² Касинюк О.В. Кримінально-процесуальні питання діяльності міжнародних кримінальних судів : дис. кандидата юрид. наук : 12.00.11 / Касинюк Оксана Василівна. — Харків, 2005. — С. 171

³ Трикоз Е.Н. Первые уголовные расследования в практике Международного уголовного суда / Е.Н. Трикоз // Международное право. — 2007. — № 1. — С. 209

падающие под юрисдикцию Международного уголовного суда. Ст. 57 Римского статута позволяет утверждать, что функцией Палаты предварительного производства является разрешительная функция (содействие в сборе доказательств, обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших и членов их семей), функция применения мер принуждения (выдача ордеров на арест, приказов о явке, периодический пересмотр постановлений о содержании под стражей), а также судебный контроль (решений прокурора о начале расследования и уголовного преследования). Следует отметить, что эта модель наиболее близка к национальной модели судьи-дознателя ФРГ, который, в отличие от следственного судьи Франции, не принимает дело к производству и не несет ответственность за его расследование, а имеет определенные полномочия на производство судебных следственных действий по ходатайству сторон, а также на решение вопроса о следственном аресте. Протоколы этих действий являются доказательствами и могут быть оглашены в суде¹. Таким образом, в деятельности Палаты предварительного производства проявляются и черты состязательной модели процесса (судья «разрешает спор» между двумя сторонами в стадии расследования, не принимая дело к производству), так и инквизиционной модели процесса (участие судьи в сборе доказательств). В литературе отмечается важная, решающая роль Палаты предварительного производства². И это действительно так, поскольку Палата предварительного производства определенным образом ответственна за эффективное судебное разбирательство, хоть это прямо не предусмотрено Римским статутом. Например, п. 2 правила 47 Правил процедуры и доказывания предусматривает, что когда Прокурор полагает, что существует серьезная опасность того, что впоследствии получить свидетельское показание не удастся, он может просить Палату предварительного производства принять такие меры, которые могут быть необходимы для обеспечения эффективности и объективности судебных разбирательств, и, в частности, назначить адвоката или судью Палаты предварительного производства для присутствия при получении свидетельских показаний в целях соблюдения прав защиты.

Как отмечается в литературе, в состязательной системе процесса после возбуждения дела жертвы преступления (потерпевшие) не играют никакой роли, а только появляются в суде как свидетели; если они желают получить компенсацию, то они должны инициировать гражданское судопроизводство отдельно, после уголовного разбирательства. В инквизиционной системе жертвы могут принимать участие в уголовном производстве, инициированном обвинителем³. В соответствии с Правилами процедуры и доказывания, потерпевшие могут принимать участие в разбирательстве, предоставлять информацию, подавать просьбы о возмещении ущерба, избрать юридического представителя. Однако тех процессуальных прав, которые характер-

¹ Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. — М. : Зерцало-М, 2001. — С. 413-415; Муратова Н.Г. Зарубежный опыт принятия судебных решений при осуществлении судебного контроля за законностью расследования уголовных дел / Н.Г. Муратова, М.А. Подольский // Судья. — 2007. — № 5. — С. 51

² Cassese A. International criminal law / Cassese A. — Oxford University Press, 2008. — P. 376

³ Cassese A. International criminal law / Cassese A. — Oxford University Press, 2008. — P. 361

ны для потерпевшего в континентальной системе, например, французской, у потерпевшего при производстве в МУС нет. Так, французская доктрина исходит из концепций двух исков: публичного и гражданского; при этом гражданский иск – это право потерпевшего от преступного деяния лица обратиться к судебной власти с требованием о возмещении вреда, причиненного преступлением, или (и) установления виновности лица, его совершившего¹. Гражданскому истцу предоставляются копии материалов дела, он уведомляется стороной защиты о свидетелях, которые она хотела бы заслушать в суде. В судебном заседании гражданский истец представляет собой сторону обвинения, наряду с прокуратурой, и стороны пользуются в целом равными правами. Как видно, подобными правами ни потерпевшие, ни их юридические представители в судебном разбирательстве МУС не обладают (см., например, ст. 91 Правил процедуры и доказывания). Таким образом, в правовом положении потерпевших наблюдается комбинация состязательной и инквизиционной моделей процесса для обеспечения эффективного судопроизводства: потерпевшие не лишены права участвовать в разбирательстве, однако функцию обвинения в нем, наряду или наравне с прокурором они не реализуют. Это, конечно, обоснованно, поскольку именно прокурор является органом суда и на него возложена ответственность за поддержание обвинения.

Таким образом, модель расследования МУС, безусловно, можно определить как смешанную. Этот выбор модели является функционально обоснованным, поскольку ни одна из «идеальных» моделей в своем чистом виде не в состоянии обеспечить эффективное и справедливое расследование. Римский статут небезуспешно совместил черты двух систем уголовного судопроизводства. Однако стадия расследования все-таки характеризуется превалированием инквизиционных элементов. Несмотря на этот вывод, такой подход в организации расследования МУС следует, как представляется, признать обоснованным. Расследование по своей правовой природе связано со всесторонним, полным и объективным исследованием обстоятельств дела, что и отнесено Римским статутом к обязанности прокурора. Добиться такого эффекта только при состязательной модели невозможно, поскольку в ней нет того «удельного веса» публичного элемента, который, например, должен наличествовать в деятельности МУС, поскольку он уполномочен осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, и поэтому публичный международный интерес в его деятельности должен превалировать – иначе бы не было необходимости в его создании. Однако расследование не должно превращаться в деятельность по безличному уголовному преследованию конкретного лица. Обвиняемый должен обладать рядом прав, которые позволят ему осуществлять защиту самостоятельно, а также правом иметь защитника. Это стандарты прав человека при осуществлении правосудия, и они не могут не реализовываться в деятельности МУС. Именно поэтому смешанная модель с превалированием инквизиционных элементов расследования в деятельности МУС является наиболее целесообразной.

¹ Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. – М.: Зерцало. – М., 2001. – С. 316

С. С. НЕСТЕРЕНКО

аспирант кафедры международного права и международных отношений Одесской национальной юридической академии

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКСТРАДИЦИОННОМ ПРАВЕ

Сложившийся на протяжении веков институт выдачи обвиняемых и осужденных является формой оказания взаимной помощи государств в борьбе с преступностью. В последнее время возрастает значение системы норм, регламентирующих процедуру экстрадиции и получившей название международного экстрадиционного права. В процессе осуществления экстрадиции затрагиваются права и свободы человека, в связи с этим в экстрадиционном праве особое место занимают нормы, направленные на обеспечение правозащитного фактора. Интересным является тот факт, что уже в самых первых договорах о выдаче мы можем наблюдать косвенное закрепление положений о защите человека, а именно беглецов, от определенных видов наказания. Так, в договоре египетского фараона Рамсеса II с царем хеттов Хаттушилем III, заключенного около 1280 г. до н. э., содержалась отдельная норма, которая подчеркивала: «да не казнят их [рабов], да не повредят их глаз, ушей, уст и ног»¹.

В условиях глобализации преступности вопросы обеспечения и защиты прав и свобод лиц, подлежащих выдаче, приобретают особую актуальность. Взаимодействие между правами человека и экстрадицией часто характеризуют как «напряженность» между защитными и сотрудическими функциями этой формы международной юридической помощи². В литературе указывается, что в развитии института экстрадиции проявляются противоречивые тенденции, вытекающие, с одной стороны, из необходимости борьбы с международной преступностью, а с другой – из безусловной обязанности соблюдения прав выдаваемого лица³.

Соблюдение прав человека в сфере экстрадиции, следование тем стандартам, которые гарантируются в международных договорах о защите прав и фундаментальных свобод, – важнейшая и наиболее дискутируемая проблема всего

¹ Зелинская Н.А. Международные преступления и международная преступность : монография / Н.А. Зелинская. — О. : Юридическая литература, 2006. — С. 101.

² Plachta M. Contemporary Problems of Extradition: Human Rights, Grounds for Refusal and the Principle Aut Dedere Aut Judicare / M. Plachta // Resource Material, UNAFEI. — Tokyo, 2001. — № 57. — P. 64-86.

³ См.: Зелинская Н.А. Международные преступления и международная преступность : монография / Н.А. Зелинская. — О. : Юридическая литература, 2006. — С. 178; Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. Extradition in International Criminal Law: Problems of Theory and Practice / Н.А. Сафаров. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — С. 117. De Than C. International criminal law and human rights / C. de Than, E. Shorts. — London : Sweet and Maxwell, 2001. — P. 194-198. Лукашук И.И. Международное уголовное право / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. — М. : Спарк, 1999. — С. 213; Gilbert G. Aspects of Extradition Law / G. Gilbert. — London : Kluwer, 1991. — P. 245; Dugard J., Wyngaert C. van den. Reconciling Extradition with Human Rights / Dugard J., Wyngaert C. van den // American Journal of International Law. — Vol. 92. — №. 2 — 1998. — P. 212.

процесса экстрадиции¹. Различные аспекты экстрадиции рассматривались в научных исследованиях отечественных и зарубежных ученых², работы которых свидетельствуют об определенном внимании к проблематике защиты прав человека в механизме экстрадиции, но не исчерпывают всю ее сложность.

Рассматривая механизм защиты прав и свобод лиц, подлежащих выдаче, можно условно выделить два ракурса исследования: 1) изучение императивных и факультативных оснований отказа в выдаче; 2) анализ процедурных вопросов, влияющих на обеспечение прав лица, вовлеченного в экстрадиционную процедуру.

Защита прав человека в механизме экстрадиции предполагает соблюдение определенных стандартов как со стороны запрашиваемого, так и со стороны запрашивающего государства. Такие фундаментальные начала экстрадиции как двойная криминальность, специальность должны быть соблюдены обеими сторонами, участвующими в процессе экстрадиции. В свою очередь, государство, осуществляющее выдачу, должно убедиться в отсутствии императивных и факультативных оснований отказа в выдаче, таких, в частности, как невыдача собственных граждан; политические основания (в результате совершения правонарушения политического характера, предоставления политического убежища, преследования по политическим мотивам); ввиду угрозы пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство видов обращения или наказания; по гуманным соображениям (ввиду угрозы смертной казни, пожизненного или бессрочного тюремного заключения, возраста, состояния здоровья); во исполнение принципа *non bis in idem*; на основании истечения сроков давности, амнистии и др. Также данное государство должно соблюдать гарантии прав человека при осуществлении задержания и ареста с целью выдачи. Государство, запрашивающее выдачу, должно обеспечить справедливое судебное разбирательство, не допускать применения пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство видов обращения или наказания, не прибегать к практике насильственного похищения, а также не нарушать другие права выданного лица, гарантируемые международными документами в сфере защиты прав человека, а также собственным законодательством.

Таким образом, в результате соблюдения государствами, участвующими в процессе выдачи, определенных стандартов, создается комплекс защиты прав человека в международно-правовом механизме экстрадиции.

¹ Wyngaert C. van den. Applying the European Convention on Human Rights to Extradition: Opening Pandora's Box / Wyngaert C. van den // *International and Comparative Law Quarterly*. — 1990. — Vol. 39. — P. 757.

² В частности, этой проблеме посвящены труды В.Г. Буткевича, О.И. Виноградовой, С.М. Выхриста, В.Г. Гребенюка, Н.А. Зелинской, С.Ф. Кравчука, Н.И. Пашковского, М.И. Смирнова, В.М. Тертишника, С.Я. Лиховой, М.П. Свистуленко, А.Х. Абашидзе, С.С. Беляева, И.П. Блищенко, А.И. Бойцова, Р.М. Валева, Ю.Г. Васильева, А.М. Войцеховича, А.Г. Волеводза, В.М. Волженкиной, Л.Н. Галенской, Р.А. Каламкаряна, К.Е. Колибаба, В.Н. Кудрявцева, И.И. Лукашука, Е.Г. Ляхова, А.Б. Мезяева, А.В. Наумова, И.В. Павловой, В.П. Панова, Ю.А. Решетова, Н.А. Сафарова, Н.С. Таганцева, А.Н. Трайнина, М.Д. Шаргородского, М. Akehurst, I. Bantekas, M.C. Bassiouni, W.E. Beckett, C.L. Blakesley, I. Brownlie, I.A. Cameron, A. Cassese, M. Denny, J. Dugard, P.W. Ferguson, S. Z. Feller, L. Gardocki, G. S. Gilbert, C. Green, A.P. Higgins, R.Y. Jennings, K.T. Landis, A.V. Lowe, B.F. MacPherson, J.A. McCredie, M.S. McDougal, S. Nash, S.Y. Otera, M. Plachta, C.H. Pyle, W.M. Reisman, A.P. Rubin, H. Schultz, I.A. Shearer, L. Sheriff, E. Shortz, B. Swart, C. de Than, T. Vogler, A.W. Wegner, M. Wentzel, S. A. Williams, E.M. Wise, C. van den Wyngaert и др.

Необходимо отметить, что защита лица, подвергающегося процедуре экстрадиции, зачастую производится не напрямую, а «опосредованно», через защиту тех прав, которые предусматривают соответствующие универсальные и региональные международные инструменты, такие, как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод либо Международный пакт о гражданских и политических правах¹. Основания отказа от выдачи и определенные процессуальные гарантии защиты прав лиц, подлежащих выдаче, содержатся в многосторонних² и двусторонних договорах об экстрадиции и правовой помощи³, а также внутреннем законодательстве государств⁴. Выдача представляет собой любопытное сочетание международного и внутреннего законодательства⁵.

Важное значение для обеспечения правозащитного фактора в экстрадиционном процессе имеет практика Европейского суда по правам человека. Европейский суд неоднократно в своих решениях подтверждал, что правовые институты в борьбе с преступностью не могут игнорировать международно-признанные права человека и должны опираться на безусловное предоставление правовых гарантий лицу, относительно которого применяются соответствующие меры принуждения. Несмотря на то, что в Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г. не предусматривается специальной нормы, посвященной правовой защите экстрадируемого лица, практика суда, связанная с толкованием ст. 2 (право на жизнь) – *Soering v. UK* (1989)⁶; ст. 3 (защита от пыток или бесчеловечного либо унижающего достоинство обращения или наказания) – *Bensaid v. U. K.* (2001)⁷, *Ryabikin v Russia* (2008)⁸; ст. 5 (защита свободы и личная неприкосновенность) – *Bozano v. France*⁹ (1986), *Quinn v. France* (1995)¹⁰, *Soldatenko v. Ukraine* (2008)¹¹; ст. 6 (справедливое судебное разбирательство) – *Einhorn v.*

¹ Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики : автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора юрид. наук : 12.00.10 / Сафаров Низами Абдуллаевич. — М., 2007. — С. 27.

² Европейская конвенция о выдаче правонарушителей 1957 г., договор стран Бенилюкса об экстрадиции и взаимной помощи по уголовным делам 1962 г., Типовой договор о выдаче 1990 г., Межамериканская конвенция о выдаче 1981 г., Конвенция о правовой помощи и правовом отношении по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. и др.

³ Договор между Украиной и Китайской Народной Республикой об экстрадиции 1998 г., Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о выдаче 1998 г., Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, договор о выдаче между Бразилией и Парагваем 1992 г., договор о выдаче между Финляндией и Швецией 1923 г. и др.

⁴ Закон о выдаче Франции 1927 г., Закон об экстрадиции Великобритании 2003 г., Закон об экстрадиции Мальты 1978 г., Закон Китайской Народной Республики об экстрадиции 2000 г., Закон о правовой помощи по уголовным делам Аргентины 1997 г., Закон об экстрадиции Румынии 2001 г., Закон Азербайджанской Республики о выдаче лиц, совершивших преступления (экстрадиции) 2001 г., Закон об экстрадиции и взаимной помощи по уголовным делам Австрии 1979 г., Закон об экстрадиции Канады 1999 г. и др.

⁵ Dugard J., Wyngaert C. van den. Reconciling Extradition with Human Rights / Dugard J., Wyngaert C. van den. // American Journal of International Law. — Vol. 92. — №. 2. — 1998. — P. 188.

⁶ *Soering v. UK*. ECHR. Judgment of 7 July 1989. Series A. № 161.

⁷ Европейский суд по правам человека: Избранные постановления 1999-2000 гг. и комментарии / под ред. Ю.Ю. Берестнева и А.О. Ковтуна. — М., 2002. — С. 260.

⁸ <http://www.unhcr.org/refworld/docid/486103e12.html>

⁹ *Bozano v. France*. ECHR. Judgment of 18 December 1986. Series A. № 111.

¹⁰ *Quinn v. France*. Judgment of 22 March 1995. Series A. № 311.

¹¹ <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4906f2272.html>

France (2001)¹, *Ismoilov and others v. Russia* (2008)², в которых затрагивались вопросы выдачи, безусловно, способствовала дальнейшему усилению защиты прав лица, подлежащего выдаче.

Для защиты прав лиц, вовлеченных в экстрадиционную процедуру, важную роль играет возможность обращаться в Европейский Суд в соответствии с правилами 39 и 40 Регламента Суда³, что приводит к предотвращению выдачи либо к отмене решения о выдаче и возвращению выданного лица (*Shamayev and 12 Others v. Georgia and Russia* (2005)⁴, *Nasrulloev v. Russia* (2007)⁵, *Garabayev v. Russia* (2007)⁶).

Необходимо отметить, что защита прав человека в экстрадиционном процессе характерна не только для международных судебных органов. Национальные суды также признают возможные нарушения какого-либо лица в области прав человека в качестве основания для отказа в выдаче этого лица. Так, Верховный суд Нидерландов отказался выдать американского сержанта на том основании, что Нидерланды являются участником Протокола № 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая запрещает смертную казнь за преступления, совершенные не в военное время. Французский Государственный совет обозначил, что выдача не производится, если судебная система запрашивающего государства не уважает основные права и свободы. Ирландские суды отказывали в экстрадиции, если нормы правосудия, сложившиеся в запрашивающем государстве не отвечали конституционным гарантиям, содержащимся в Конституции Ирландии. Швейцарский Федеральный суд постановил, что присоединение Швейцарии к Европейской Конвенции о выдаче правонарушителей изменило закон о выдаче таким образом, что Швейцария должна обеспечить, что выдача не будет нарушать права, гарантирующиеся Европейской конвенцией. Испания отказала в выдаче Кристофера Скейза в Австралию, частично по конституционным причинам⁷. Громким делом была попытка экстрадиции генерала Аугусто Пиночета из Соединенного Королевства в Испанию. В то время как министр внутренних дел принял решение не выдавать генерала Пиночета на основании его пригодности для судебного разбирательства, в частности, вследствие психического и физического здоровья, это решение можно рассматривать в более широком контексте прав человека. Министр внутренних дел Великобритании заявил, что учитывая обвинения, которые были представлены против Пиночета в этом деле, не может быть справедливого судебного разбирательства в любой другой стране, что повлечет нарушение статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека в тех странах, которые к ней присоединены⁸.

¹ Kiernan S. Extradition of a Convicted Killer: The Ira Einhorn Case / S. Kiernan // *Suffolk Transnational Law Review*. — 2001. — Vol. 24. — № 2. — P. 354.

² <http://www.scribd.com/doc/6913493/Ismoilov-and-Others-v-Russia>

³ Европейский Суд по делу *Mamatkulov and Askarov v. Turkey* указал, что большинство дел, по которым обозначались предварительные меры, связаны с процедурами депортации и экстрадиции.

⁴ Шамаев и 12 других против Грузии и России : Постановление от 12 апреля 2005 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. — 2005. — № 9. — С. 9 — 14.

⁵ <http://www.unhcr.org/refworld/docid/473ac7512.html>

⁶ <http://www.unhcr.org/refworld/docid/46693be52.html>

⁷ Colquhoun C. Human Rights and Extradition Law in Australia / C. Colquhoun // *Australian Journal of Human Rights*. — 2000. — № 6 (2) — P. 101-102.

⁸ Там же. - С. 102.

Фактор прав человека в экстрадиционном процессе, несомненно, под- лежит учету при решении вопроса о выдаче. Вместе с тем, вряд ли было бы правильным, если бы возможность нарушения любого права в обширном ка- талоге прав человека рассматривалась в качестве основания для отказа от экс- традиции. Поэтому в контексте рассматриваемой проблемы необходимо иметь в виду не «права человека вообще» как средство для блокирования запроса об экстрадиции, а определенные конкретные права, реальная возможность нару- шения которых может явиться основанием для отказа от выдачи¹. Сбаланси- рованный подход предполагает довольно высокий порог для удовлетворения судом отказа в выдаче на основании нарушения прав лица, подлежащего вы- даче. Соблюдение этого порога зависит от вида прав человека, которые, как утверждается, были нарушены. Права человека можно классифицировать на абсолютные (ограничение или временное приостановление которых не допу- скается в демократическом государстве ни при каких обстоятельствах) и от- носительные (могут быть ограничены или приостановлены на определенный срок в случае введения режимов чрезвычайного или военного положения)². Суды должны в большей степени защищать права, которые входят в катего- рию «абсолютных»: право на жизнь, право на свободу от пыток или бесчело- вечного или унижающего достоинство обращения или наказания³.

Возвращаясь к поставленному в начале вопросу, необходимо отметить, что поддержание баланса между целями защиты прав человека и борьбы с преступностью, возможно с помощью применения альтернатив экстрадиции. Так, принцип *aut dedere aut judicare (punire)* позволит привлечь лицо к ответ- ственности либо применить наказание запрашиваемым государством, если в выдаче отказано на основании защиты прав человека. Другая альтернатива заключается в том, что экстрадиция может быть осуществлена при опреде- ленных условиях, или заверениях, предоставляемых запрашиваемому госу- дарству со стороны запрашивающего государства. Такие условия могут вклю- чать в себя, например, гарантии, что лицо не будет подвергаться жестокому или бесчеловечному обращению, ему будет обеспечено открытое и справед- ливое судебное разбирательство, или о том, что запрашиваемому государству будет разрешено направить наблюдателей на судебный процесс над экстради- рованным лицом.

Таким образом, ответ на вопрос о приоритете либо интересов борьбы с преступностью, либо защиты прав обвиняемого, осужденного от возможного нарушения его прав, зависит от конкретных обстоятельств дела. При этом необходимо указать, что экстрадиция находится в сфере действия между- народного права прав человека, поэтому и внутреннее законодательство и международное право защищают права выдаваемых лиц. Целью экстради- ции должно быть осуществление правосудия над лицом без нарушений его прав и свобод.

¹ Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. *Extradition in International Criminal Law: Problems of Theory and Practice* / Н.А. Сафаров. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — С. 119.

² Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2002. — С. 364.

³ Colquhoun C. Human Rights and Extradition Law in Australia / C. Colquhoun // *Australian Journal of Human Rights*. — 2000. — № 6 (2). — P. 101.

Г. Г. СЕРЕДА

аспірантка Інституту законодавства Верховної Ради України

МОРСЬКЕ ПІРАТСТВО ЯК ГЛОБАЛЬНА ПРОБЛЕМА СЬОГОДЕННЯ

Злочинність розвивається, не відстаючи від технічного, збройного, транспортно прогресу людства, набуваючи загрозливих можливостей та сили. Середньовічні збройні захоплення торгових суден злочинними бандами, що традиційно сприймаються як частина історії та звичаїв того часу, є реальністю сьогодення. Вражаюча статистика численних захоплень суден за останні роки свідчить про неефективність існуючого міжнародно-правового та національного механізмів протидії піратству.

Ескалація проблеми піратства повернула міжнародне співтовариство у часи, коли необхідність протидії та попередження зухвалих та жорстоких захоплень і пограбувань морських суден змусила незалежні, часто ворогуючі держави, об'єднувати свої організаційні та воєнні зусилля. Протидія піратству полягала не тільки у звільненні суден та поверненні громадян і власності державі, а і у ефективному превентивному карному механізмі. Держави, що потерпали від піратських нападів, були зацікавлені у жорстокому покаранні винних як методи попередження майбутніх нападів.

В різний час і в різному контексті до проблеми протидії піратству, його історії та трансформації звертались вітчизняні та зарубіжні вчені, зокрема: О. Бантишев, М. Ш. Басіуні, Н. Бондаренко, П. Брунтальський, М. Будаков, М. Валенсія, Л. Галенська, М. Гуменюк, В. Григорян, В. Демиденко, В. Дмитрієв, С. Допілко, О. Колодкін, Э. Конте, Л. Корбут, Р. Короткий, Є. Ляхов, З. Міронов, В. Міхеев, Л. Моджорян, Г. Онг, В. Прус, Ю. Ромашев, Н. Савельєв, Г. Чайкін, Ф. Шаллан, А. Шемякін, А. Янг. В світлі усвідомлення неефективності чинної міжнародної системи правових та організаційних заходів попередження та боротьби з піратством вдається вкрай необхідно розробка рекомендацій та пропозицій щодо протидії піратству, особливо в сучасних умовах глобального технологічного та інформаційного прогресу, що не залишає неозброєними і злочинців.

Міжнародне право, як динамічна система норм, змінювалась паралельно пріоритетам людини, незважаючи на специфіку свого правового покликання регулювати міждержавні відносини. Кожен етап розвитку міжнародного права був обумовлений тим чи іншим кроком людини до світової правової інтеграції, створення регулюючого механізму взаємодії народів та націй – будь то у міжнародній торгівлі, регулюванні користування морськими шляхами, веденні збройних конфліктів, або протидії злочинності, що не зважає на кордони держав. Одним з найзначніших кроків до створення карного механізму

му транснаціонального значення було введення універсального зобов'язання зацікавлених держав притягати до кримінальної відповідальності винних у морському піратстві. Держави, розуміючи кожна окремо загрозу економічній, торгівельній та громадській безпеці, що представляє собою піратські дії, доклали відповідні часу та правовим традиціям зусилля з протидії – попередження та покарання морського піратства.

Події останніх років, пов'язані з численними захопленнями суден, однозначно визначають недосконалість міжнародно-правового та організаційного механізмів попередження та боротьби з морським піратством. Традиційно асоціюючись з зухвалими захопленнями середньовічними бандами багатих суден, піратство є реальністю на початку цивілізованого XXI століття. Піратство набирає обертів та стає загрозою для міжнародного миру та глобальної безпеки морського судноплавства: з 2002 року Міжнародною морською організацією в цілому було зареєстровано 4730 актів піратства та збройних пограбувань морських суден¹. Збройні напади на судна, які ввійшли в інструментарій транснаціональної організованої злочинності, підривають стабільність світової торгівлі, загрожують економічному росту Тихоокеанського регіону.

За даними Міжнародного морського бюро (*ICC International Maritime Bureau*), тільки в 2008 році було захоплено 41 судно, найбільш небезпечним є регіон біля берегів Східної Африки. У відкритому морі біля берегів Сомалі у 2008 році було скоєно 37 нападів на морські судна, найбільш привабливими для піратів виявилися танкери та суховантажі, яких тільки у 2008 році було захоплено 20 і 19 відповідно. Статистика спроб нападів на судна та успішних захоплень сумна: якщо у 2005 році кількість нападів та спроб захоплень становила 290 випадків, з яких було захоплено 17 суден, то вже в 2008 році з 114 спроб успішними виявилися 41 захоплення². Вочевидь це свідчить про певні прогалини в системі забезпечення безпеки судноплавства, які стають все більш прозорими для піратів. Нажаль, українські судна все частіше стають черговою жертвою піратських захоплень, і певна недостатня системність державного та міжнародного реагування на подібні випадки стає загрозливою як для України, так і для інших морських держав, і визначає гостру потребу в негайних системних дослідженнях міжнародного механізму протидії піратству. Як відзначає М. А. Будаков, «актуальним постало питання вивчення правових основ боротьби з піратством та розробка алгоритму дій компетентних органів держави у разі піратського захоплення у майбутньому українських громадян за кордоном. Відсутність вказаних розробок в Україні була відчутна відразу з того моменту, коли керівництво держави прийняло рішення за будь-яких обставин захистити українських моряків, які потрапили у піратський полон: бракувало інформації щодо правомірності силових дій українських державних органів на території іншої держави, невідомою була практика боротьби з піратством, некоординованими дії державних органів України»³.

¹ Дані надані по: <http://www.imo.org/>

² Дані надані по: Сивоконь П. Морське піратство в 21-у сторіччі / П. Сивоконь // ПіК України. – 2006. Інтернет-ресурс: <http://ukr.pik.org.ua/news/2008/10/6/221481.htm>

³ Будаков М.О. Актуальні питання боротьби з міжнародним морським піратством / М.О. Будаков // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). – Міжвідомчий науково-

Стає очевидним необхідність комплексного аналізу системи міжнародно-правових засобів і моделювання нової, ефективної, правової та організаційної бази з попередження і покарання піратів. Крім того, треба відзначити недостатнє опрацювання соціально-економічних криміногенних факторів, які впливають на підвищення рівню пограбувань морських суден в окремих регіонах. Таким чином, можна окреслити правові та юрисдикційні, організаційні, та соціально-економічні фактори, які впливають на неефективну протидію сучасному піратству.

Організаційні недоліки безпосередньо пов'язані з недосконалістю міжнародно-правового механізму протидії піратству, в першу чергу через невідповідність норм міжнародного права методам, засобам та цілям сучасних піратів: «піратство та методи боротьби з ним, що закріплені конвенційними нормами, залишилися позаду сучасної технології, що використовується піратами, та не відповідають сучасній специфіці піратства, зокрема збільшення нападів біля берегів держав», – пише Б. Н. Дубнер¹.

Реагуючи на захоплення піратами іноземних суден не тільки у відкритому морі, а і у територіальних водах Сомалі, Рада Безпеки ООН в Резолюції № 1846 від 2 грудня 2008 року, висловила серйозне занепокоєння загрозою, що являє собою піратство та однозначно засудила всі його прояви, втім відзначила, що через кризову ситуацію Сомалі не має реальних можливостей для запобігання діям піратів. Зокрема, у резолюціях № 1816 (червень 2008 р.), № 1838 (жовтень 2008 р.), № 1946 (грудень 2008 р.) Рада Безпеки, підтвердивши непорушність принципу легітимного збройного запобігання піратства виключно у відкритому морі, але визнаючи особливу небезпеку ситуації, дозволила державам та міжнародним організаціям «після повідомлення перехідного федерального уряду Сомалі, входити в територіальні води Сомалі... та використовувати всі необхідні засоби запобігання актам піратства та розбою, використання яких дозволено міжнародним правом у відкритому морі»².

Основним загальним міжнародно-правовим документом, що визначає поняття «піратство» та формулює зобов'язання держав з його запобігання, є Конвенція Організації Об'єднаних Націй з морського права 1982 року, учасниками якої є 157 держав, – своєрідний «кодекс» міжнародних звичаєвих та договірних норм, що регулюють міждержавні відносини на морі. Цитуючи положення Міжнародної Конвенції 1958 року «Про відкрите море» (ст.14-22), Конвенція з морського права 1982 року визначає піратство як «будь-який акт насильства, затримання або будь-який грабіж, який вчинено з особистими цілями екіпажем або пасажирями будь-якого приватного судна... та направлений у відкритому морі проти іншого судна... або проти осіб або майна, що знаходиться на борту; проти будь-якого судна..., осіб або майна у місці поза юрисдикцією будь-якої держави...»³.

дослідний центр. – № 13. – 2006.

¹ Dubner B.H. The Law of International Sea Piracy: Sea Piracy Vol 2. Published by BRILL, 1980, 176 p.

² S/RES/1816 (2008); S/RES/1838 (2008); S/RES/1846 (2008).

³ UN Convention on the Law of the Sea. / United Nations – Treaty Series. – Vol. 1834, I-31363 (1982).

Конвенція чітко встановлює обов'язок держав-учасниць «співпрацювати в протидії піратству» (ст. 100). Крім того, Конвенція в ст. 105 надає право будь-якій країні-учасниці захоплювати будь-яке піратське судно у відкритому морі або в будь-якому іншому місці поза юрисдикцією якоїсь держави, арештовувати осіб, що знаходяться на піратському судні, та карати винних у піратстві осіб відповідно до норм національного кримінального права. Вищезгадана стаття юридично закріпила традиційне право держав здійснювати універсальну кримінальну юрисдикцію у випадках піратства, як злочинних дій, які не мають національної приналежності та погрожують миру та добробуту кожної держави окремо та всієї міжнародної спільноти: «Позитивне міжнародне право ХХ століття беззастережно встановлює право здійснювати універсальну юрисдикцію у випадках піратства», – пише М. Ш. Басіуні¹. Використання принципу універсальної юрисдикції означає право будь-якої держави, яка захопила піратів, злочинців «*hostis humani generis*»², здійснювати щодо них кримінальне правосуддя незалежно від їх громадянства або національної приналежності³.

Крім загальних Конвенцій з морського права, діють низка спеціальних міжнародно-правових документів щодо безпеки судноплавства, зокрема, Міжнародний кодекс з охорони суден та портових споруд (2004) Міжнародної морської організації, який є складовою частиною Міжнародної конвенції з охорони людського життя на морі (СОЛАС-74); Конвенція про боротьбу з незаконними актами, що направлені проти безпеки морського судноплавства 1988 року та її Протокол про боротьбу з незаконними актами, що направлені проти безпеки стаціонарних платформ, які знаходяться на континентальному шельфі; рекомендації та керуючі принципи Міжнародної морської організації з попередження та запобігання піратства та збройних пограбувань на морі.

Аналізуючи юридичну сутність терміну «піратство», варто відзначити, що деякі західні вчені пов'язують дії (які називають сучасним піратством) – такі, як захоплення заручників, вантажу, особливо стратегічного значення, вимагання викупу за їх повернення) з діями, що підпадають під характеристику «тероризму»⁴. Г. Онг вважає, що «ескалація сьогоденного піратства досягла такого рівня насильства, що використання терміну «терор» є абсолютно виправданим»⁵. Він підкреслює, що розуміння взаємозв'язку явищ тероризму і піратства допоможе в розробці більш ефективного міжнародного механізму реагування на насильницькі дії на морі. Втім, М. Валенсія, досліджуючи питання піратства і політики в Південно-східній Азії, вбачає більш коректним чітке розмежування понять «морський тероризм» та піратство для формулювання відповідної методики протидії обом явищам: «цілі піратства та те-

¹ M. Cherif Bassiouni. The History of Universal Jurisdiction and Its Place in International Law / Universal Jurisdiction: National Courts and the Prosecution of Serious Crimes Under International Law. – Ed. by Stephen Macedo. – University of Pennsylvania Press. – 2006. – P. 47-49.

² Лат. – «ворогів людського роду».

³ Boulesbaa A. The U.N. Convention on Torture and the Prospects for Enforcement / A. Boulesbaa. – Martinus Nijhoff Publishers. – 1999. – P. 203-206.

⁴ See: Ronzitti N. Maritime Terrorism and International Law / N. Ronzitti. – Martinus Nijhoff Publishers. – 1990. – 185 p.

⁵ Ong G.G. Ships can Be Dangerous, Too: Coupling Piracy and Terroris, in Southeast Asia's Maritime Security Framework / G.G. Ong / Piracy in Southeast Asia: Status, Issues, and Responses. – Ed. by Derek Johnson, Mark J. Valencia. – Published by Institute of Southeast Asian Studies. – 2005. – P. 46.

роризму зазвичай різні, мотивація піратів є економічно-корисливою, тоді як тероризм найчастіше обумовлюють політичні цілі або релігійна ідеологія»¹.

Згідно зі ст. 3 Конвенції про боротьбу з незаконними актами, що направлені проти безпеки морського судноплавства, «будь-яка особа вчиняє злочин, якщо незаконно та навмисно захоплює судно або здійснює контроль над ним силою або погрожуючи використати силу або шляхом будь-якої іншої форми залякування...»². Положення Конвенції не містить термінів «піратство» або «тероризм», однак, порівнюючи *actus reus* цього злочинного діяння, деякі вчені вважають, що цю статтю можна застосовувати без урахування мотивів та цілей правопорушників, в світлі одностайної думки, що тероризм та піратство є злочинами міжнародного характеру та однаково загрожують міжнародному миру та безпеці³.

Феномен ескалації безкарного сьогоденного піратства та безпорадності борців з ним криється у неконсолідованості міжнародного реагування на піратство, а також у неврахуванні при докладанні глобальних міжнародно-правових зусиль з протидії піратству соціально-економічної, індивідуально-державної сутності причин конкретних актів піратства. Рада Безпеки ООН в Резолюції № 1846 від 2 грудня 2008 року, висловлюючи серйозне занепокоєння загрозою, що являє собою піратство та однозначно засуджуючи всі його прояви, втім відзначила, що через кризову ситуацію Сомалі не має реальних можливостей для запобігання діям піратів⁴.

Рада Безпеки підкреслила необхідність соціально-економічного розвитку Сомалі як однієї з умов викоренення піратства, що стало своєрідною «роботою». А. Янг, аналізуючи причини та специфіку сучасного піратства, підкреслює, що глобалізація світової економіки призвела як до легітимно здобутого добробуту окремих народів, так і до збіднення багатьох держав, що розвиваються, в результаті або непрозорого, або непрофесійного та нецільового розподілення державних коштів та/або міжнародних фінансових субсидій⁵. Суспільства, подібні Сомалі, страждають від постійної нестачі їжі та ліків; як результат, смертність дітей і дорослих перевищує всі можливі показники; людське життя знецінюється, перетворюючись на постійну боротьбу за виживання своєї родини. Проблемою в формуванні системного механізму попередження піратству є і недостатнє врахування специфіки соціально-економічної, індивідуально-державної сутності причин конкретних актів піратства.

В таких умовах необхідний системний підхід з боку міжнародної спільноти до вирішення проблеми злочинності, зокрема піратства, враховуючи

¹ Valencia M.J. The Politics of Anti-Piracy and Anti-Terrorism Responses in Southeast Asia / M.J. Valencia / Piracy, Maritime Terrorism and Securing the Malacca Straits. — Ed. by Graham Gerard Ong-Webb. — Published by Institute of Southeast Asian Studies. — 2006. — P. 97.

² Convention for the Suppression of Unlawful Acts Against the Safety of Maritime Navigation, 1988. Available at: <http://www.imo.org/>.

³ See: Kimberly L. Thachuk and Sam J. Tangredi. Transnational Threats and Maritime Responses / L. Kimberly / Globalization and Maritime Power. — Ed. By Sam J. Tangredi. — Washington D.C.. National Defense University Press. — 2002. — P. 70.

⁴ S/RES/1846 (2008)

⁵ Young A.J. Contemporary Maritime Piracy in Southeast Asia: History, Causes and Remedies / A.J. Young. — Published by Institute of Southeast Asian Studies. — 2007. — P. 59.

його соціально-економічну обумовленість. Крім того, необхідно забезпечити на національному та регіональному рівнях співробітництво щодо попередження безкарності актів піратства та імплементацію документів Міжнародної морської організації, таких як Рекомендації урядам з попередження та запобіганню піратства і збройних пограбувань морських суден¹; Інструкція судновласникам, судноплавним компаніям, капітанам і екіпажам суден з попередження та запобігання піратства і збройних пограбувань морських суден²; Директиви для Центрів координації з рятування на морі (ЦКРМ)³; Тимчасові процедури для ЦКРМ з одержання сигналів лиха⁴; Резолюція А. 922 (22) – Кодекс поведінки при розслідуванні актів піратства і збройних пограбувань морських суден; Резолюція А. 923 (22) щодо суден-«примар» і процесу реєстрації; та ін.

Міжнародна спільнота усвідомлює необхідність вжиття негайних заходів щодо вироблення механізму протидії піратству. Міжнародні організації, такі як Європейський Союз, НАТО розробляють механізми активного запобігання актам піратства в регіоні; окремі держави (зокрема Російська Федерація, Сполучені Штати Америки), вбачаючи необхідними негайні дії задля охорони безпеки судноплавства в регіоні, визнали себе «державами, що співпрацюють» згідно з вищезгаданими резолюціями Ради Безпеки і взяли на себе право та обов'язок протидіяти актам піратства в територіальних водах Сомалі за згодою та проханням її перехідного уряду.

Україна, як морська держава та повноправний член міжнародної спільноти, має своїм обов'язком прийняти активну участь в розробці системи протидії піратству та її імплементації, яка б поєднувала вдосконалені та консолідовані механізми міжнародного моніторингу за цільовим використанням міжнародних фінансових субсидій державам, що розвиваються, транснаціонального кримінального переслідування піратів, організованого миттєвого збройного реагування на захоплення судів, та потужну і ефективну міжнародно-правову базу.

Поєднання міжнародно-правових, організаційних, та соціально-економічних та політичних зусиль членами світової спільноти дасть можливість створити та впровадити ефективний механізм запобігання піратству. Для цього необхідне усвідомлення серйозності проблеми та розробка спільних дій щодо протидії цьому кримінальному феномену. Міжнародні відносини, як і право, що їх регулює, змінювались пропорційно розумінню людиною необхідності світової правової інтеграції, створення регулюючого механізму взаємодії народів та націй – будь то у міжнародній торгівлі, регулюванні користування морськими шляхами, веденні збройних конфліктів, або протидії злочинності. Сьогодні, у розвиненому XI столітті, потрібно, щоб держави, розуміючи кожна окремо загрозу економічній, торговельній та громадській безпеці, що представляє собою піратство, знову усвідомили цінність гармонізації правових та інституційних зусиль та почали процес розробки та впровадження відповідного запобіжного міжнародно-правового механізму.

¹ MSC/Circ.622/Rev.1 (1999).

² MSC/Circ.623/Rev.3 (2002).

³ MSC/Circ.967 (2000).

⁴ MSC/Circ.959 (2000).

Т. Р. КОРОТКИЙ

директор Института национального и международного права Международного гуманитарного университета, кандидат юридических наук

А. П. ЛАДЫНЕНКО

аспирант кафедры международного права и международных отношений Одесской национальной юридической академии

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПИРАТСТВОМ В РАЙОНЕ СОМАЛИ

Пиратство остается одним из существенных факторов, оказывающих влияние на безопасность торгового мореплавания в определенных районах Мирового океана. Разрабатываемые региональные и национальные стратегии¹ борьбы с пиратами должны, во-первых, соответствовать международному праву, и, во-вторых, составлять единую систему в рамках международного сотрудничества², правовую основу которого составляет международное право. Эти обстоятельства обуславливают необходимость глубокого анализа международно-правового регулирования в указанной сфере, поиску форм и методов борьбы с проявлениями пиратства, основанными на нормах современного международного права.

Следует отметить, что пиратские нападения в районе Сомали³ характеризуются определенными особенностями и значительными масштабами. Причем они носят характер организованного преступного «бизнеса», и заключается в преимущественном захвате судов с экипажами в качестве заложников. Сам груз, судно, имущество членов экипажа имеют вторичную ценность по сравнению с сумой выкупа. Поэтому вполне обоснованно можно говорить не только о применении международно-правовых норм, регламентирующих борьбу собственно с пиратством, но и международных соглашений, направ-

¹ Клинтон: США разрабатывают стратегию по борьбе с пиратством / <http://korrespondent.net/world/806707>

² Стратегия США предусматривает привлечение заинтересованных стран к борьбе с пиратством См.: Клинтон: США разрабатывают стратегию по борьбе с пиратством / <http://korrespondent.net/world/806707>

³ История пиратства в этом районе началась с разрушением государственности в Сомали в 1991 году, после чего страна распалась на районы, контролируемые соперничающими кланами. Их вожди начали вооружать своих рыбаков, чтобы те могли противостоять конкурентам, вылавливающим тунца, барракуд и красного океанского окуня якобы не в своих территориальных водах. Очень быстро эти вооруженные рыбаки нашли альтернативный источник дохода, научившись нападать на иностранные суда. Вначале это были единичные случаи, в 2007 году — уже 41, в 2008 году — 111. <http://www.vremya.ru/2009/63/46/227109.html>

ленных на противодействие транснациональной преступности¹ и отмыванию средств², добытых преступным путем³.

Пиратские действия в районе Сомали приобрели столь значительные масштабы, что поставили под угрозу международную безопасность – ее гуманитарную⁴, экономическую⁵, экологическую⁶, военную⁷ составляющие и создали угрозу распространения терроризма⁸. Поэтому проблема пиратских нападений в районе Сомали стала объектом пристального интереса Совета Безопасности ООН (правда, прежде всего, в контексте решения проблемы эффективности власти в Сомали и его территориальной целостности). Значительное количество резолюций принято именно по гуманитарным вопросам, проблемам обеспечения безопасности, мирного урегулирования, вопросам территориальной целостности Сомали⁹. При этом СБ ООН действует на основании главы VII Устава ООН. С июня 2008 г. СБ ООН принял несколько резолюций по проблеме пиратства в районе Сомали.

В Резолюции 1844 (2008) от 20 ноября 2008 г. СБ ООН выразил серьезную озабоченность недавним увеличением количества актов пиратства и вооруженного разбоя против судов в прибрежных водах Сомали и отметил негативную роль, которую может играть пиратство в финансировании нарушения эмбарго на поставки оружия со стороны вооруженных групп¹⁰.

Согласно Резолюции 1851, принятой 16 декабря 2008 г., государства, сотрудничающие с Сомали получили право принимать все необходимые меры для пресечения пиратской деятельности не только в территориальном море, но и на сухопутной территории и в воздушном пространстве Сомали.

¹ Например, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.

² В 2008 году, пираты, предприняв 111 атак, добыли до 80 млн. долл. // <http://www.vremya.ru/2009/63/46/227109.html>

³ «США будут разрабатывать пути по отслеживанию и замораживанию счетов пиратов». См.: Клинтон: США разрабатывают стратегию по борьбе с пиратством / <http://korrespondent.net/world/806707>

⁴ Усложнение доставки гуманитарных грузов в Сомали, захват заложников.

⁵ Увеличение стоимости доставки грузов морским транспортом, а также платежи в виде выкупов. По различным оценкам, пиратам в регионе Сомали в прошлом году удалось получить порядка 120-150 млн. долларов в виде выкупов.

⁶ Возможность катастрофического загрязнения при захвате танкера или судна, перевозящего опасные грузы, использования более протяженных маршрутов в обход пиратоопасных районов.

⁷ Нарушение эмбарго на поставку оружия в Сомали. Всеобщее и полное эмбарго на поставки оружия, введенное в отношении Сомали резолюцией 733 (1992), с дополнениями и поправками, внесенными резолюциями СБ ООН 1356 (2001), 1425 (2002), 1725 (2006), 1744 (2007) и 1772 (2007).

⁸ Пиратство, как источник подпитки исламских террористов в районе Африканского Рога, может привести к возникновению там государственных образований террористической направленности, экспортирующих терроризм по всему миру. Участие террористов в пиратских рейдах дает возможность поддержания в боевой форме и подготовки к последующим захватам морских судов с террористическими целями. Пиратская среда является благоприятной для вербовки террористов, особенно когда их бизнес будет существенно ограничен. См.: Против пиратов — мощью права. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым / Красная Звезда 10 июня 2009 г.

⁹ Резолюции СБ ООН 733 (1992), 1356 (2001), 1425 (2002), 1725 (2006), 1744 (2007), 1772 (2007), 1801 (2008), 1811 (2008), 1814 (2008), 1872 (2009); заявления Председателя СБ ООН от 13 июля 2006 года (S/PRST/2006/31), 22 декабря 2006 года (S/PRST/2006/59), 30 апреля 2007 года (S/PRST/2007/13), 14 июня 2007 года (S/PRST/2007/19), 19 декабря 2007 года (S/PRST/2007/49) и 4 сентября 2008 года (S/PRST/2008/33).

¹⁰ См. так же заявление Председателя Комитета, учрежденного Резолюцией 751 (1992) (далее «Комитет»), Совету Безопасности от 9 октября 2008 года.

В Резолюции 1872 (2009) СБ ООН от 26 мая 2009 г., прямо не относящейся к борьбе с пиратством, указано, что сохраняющаяся нестабильность в Сомали усугубляет проблему пиратства и вооруженного разбоя на море близ побережья Сомали и подчеркивается необходимость принятия международным сообществом всесторонних мер для борьбы с пиратством и его коренными причинами.

По нашему мнению, борьба с пиратством должна проводиться путем активного и пассивного силового противодействия пиратству, проведением оперативных мероприятий. При этом, эффект может быть достигнут исключительно путем использования комплекса мероприятий.

Силовое противодействия пиратству может быть активным (операции на территории Сомали или за ее пределами по захвату и уничтожению пиратов, обеспечение контроля над территорией совместно с правительственными силами, проведение гуманитарной интервенции, блокирование пиратских судов, использование судов-ловушек) и пассивным (обеспечение безопасности в определенном районе Мирового океана путем патрулирования ВМС, создание коридора безопасности, сопровождение караванов судов, сопровождение отдельных судов силами ВМС, сопровождение судов группами безопасности). Эффективность силового противодействия пиратству будет определяться силами и средствами, привлеченными для этого и выбором тактики противодействия.

Весьма важным на наш взгляд является изучение социально-политических причин пиратства и их искоренение. Такая деятельность целесообразна в рамках военно-политической региональной организации на основе резолюции СБ ООН¹. Речь идет о восстановлении эффективности государственной власти в Сомали и обеспечении постконфликтного регулирования.

В настоящее время две области Сомали – Пунтленд и Сомалиленд уже фактически автономны. Без стабилизации ситуации в Сомали, в которой треть населения, или 2,5 млн. человек, находятся на грани голода и еще миллион составляют внутренние переселенцы², проблема пиратства вряд ли будет решена³.

Поэтому особо важным является создание и укрепление сомалийских органов безопасности. В рамках ООН планировалось оказание помощи Переходному федеральному правительству (ПФП) и Альянсу за новое освобождение Сомали (АНС) в разработке и координации последовательной стратегии и пакета мер в сфере командования и управления, обучения и оснащения для

¹ Совет Безопасности ООН принял решение о возможности усиления контингента в Сомали Африканского союза (АМИСОМ) «голубыми касками». Но из-за того, что пока лишь 4 государства из 60, к которым ООН обратилась за помощью, согласились выделить персонал для миротворческой миссии в Сомали, Пан Ги Мун рекомендовал отложить как минимум на полгода решение об учреждении новой операции ООН / <http://www.ruvr.ru/main.php?&q=113839&cid=21&p=15.05.2009>

² Против пиратов — мощью права. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым / Красная Звезда 10 июня 2009 г.

³ На конференции в Брюсселе государства-доноры согласились предоставить более 250 млн. долл. на развитие систем безопасности и правоохраны в Сомали.

доведения численности объединенных временных сил безопасности и полиции Сомали до запланированного уровня приблизительно в 15 000 человек, как это предусматривается в его письме от 19 декабря 2008 года (S/2008/804) и рекомендациях Совместного комитета по вопросам безопасности ПФП/АНС, а также в сфере правопорядка и законности и исправительных учреждений и в других ключевых областях, определенных сомалийскими сторонами. Эта помощь оказывается под эгидой Генерального Секретаря ООН, при участии его Специального представителя по Сомали вместе с Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), другими международными донорами, государствами-членами и АМИСОМ, в зависимости от обстоятельств¹. О необходимости такой помощи, в том числе и финансовой, идет речь в пунктах 11(b) и 12 Резолюции 1772 (2007) СБ ООН. В пункте 8 Резолюции 1872 (2009) СБ ООН от 26 мая 2009 г. содержится призыв вносить взносы в Целевой фонд Организации Объединенных Наций для сомалийских органов безопасности и предоставлять техническую помощь для подготовки и оснащения сомалийских сил безопасности в соответствии.

Пиратство в Сомали представляет собой хорошо организованный, системный и иерархически выстроенный бизнес. Разрушение организационной структуры пиратского бизнеса является главной задачей. Поэтому отдельным направлением является поиск организаторов и информаторов пиратов за пределами Сомали и нарушение управляемости организации пиратского бизнеса с использованием механизмов финансового мониторинга.

В ноябре 2008 г. Евросоюз одобрил общеевропейский план по обеспечению безопасности морского транспорта, находящегося в плавании у берегов Сомали под названием «Атланта». Соглашение о начале развертывания миссии было подписано представителями оборонных ведомств стран-членов Евросоюза в ходе встречи в Брюсселе. Сводное соединение ЕС носит обозначение EU NAVFOR Somalia, и насчитывало на начало операции шесть боевых кораблей, палубные вертолеты и три патрульных самолета берегового базирования. В операции задействованы силы Великобритании, Франции, Греции, Германии, Италии, Испании, Нидерландов и Бельгии². Они координируют свои действия с военными из НАТО и США. За 6 месяцев военно-морской операции «Атланта», проводимой Евросоюзом, предотвращено более 100 нападений на суда, задержаны 52 пирата, нейтрализованы 4 пиратские плавучие базы, осуществлена проводка 23 конвоев с гуманитарной помощью по линии Всемирной продовольственной программы³.

Эти действия вполне соответствуют положениям ст. 100 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., согласно которой все государства сотрудничают в максимально возможной степени в пресечении пиратства в открытом море, или в любом другом месте за пределами юрисдикции какого-либо государства. Эта норма действует как применительно к открытому морю в смысле

¹ См.: параграф 22 Резолюции 1863 (2009) от 16 января 2009 г.

² <http://www.rian.ru/analytics/20090112/159010865.html>

³ Против пиратов — мощью права. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым / Красная Звезда 10 июня 2009 г.

ст. 86, так и в отношении исключительной экономической зоны на основании ч. 2 ст. 58 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

В морских водах, за пределами территориального моря (внутренних вод, архипелажных вод) действует принцип свободы судоходства (ст. ст. 58, 87 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.), который распространяется и на военное судоходство.

Таким образом, операции военно-морских сил по противодействию пиратству¹ правомерны как в случае действий военно-морских сил одного государства², группы государств³, под эгидой региональной организации или ООН. Форма этих действий – обеспечение противодействия пиратству в пределах одного района Мирового океана, конвоирование торговых судов⁴, обеспечение противодействия пиратству в пределах определенного коридора значения не имеет. Поэтому создание международного коридора безопасности путем усиленного патрулирования ВМС в открытом море или исключительной зоне представляются вполне правомерными.

Наиболее эффективными такие действия могут быть на основе принятия соответствующей резолюции Советом Безопасности ООН и координации такой деятельности в рамках ООН либо ее ведение в рамках определенной военно-политической региональной организации или интеграционного объединения, прежде всего ЕС.

Отдельным вопросом является создание сил быстрого реагирования по борьбе с пиратами. Создание сил быстрого реагирования по борьбе с пиратами допустимо в любом формате. Основой может являться ст. 100 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Это могут быть силы одного государства, нескольких государств на основании договора, ЕС, силы, выделенные государствами-членами региональной организации, силы, находящиеся под эгидой ООН. Каждый вариант может быть правомерен, поскольку эти силы (состоящие из кораблей ВМС, и/или иных уполномоченных правительственных судов) не принимают участие в вооруженном конфликте, и не действуют на территории Сомали или другого государства.

¹ Включают конвоирование торговых судов, а также патрулированием побережья с целью обнаружения и досмотра подозрительных плавсредств, которые могут оказаться пиратскими. Патрулирование осуществляется также с помощью палубных вертолетов и патрульных самолетов, которые наводят боевые корабли на обнаруженные цели. / <http://www.rian.ru/analytics/20090112/159010865.html>

² В районе Сомали для обеспечения безопасности действуют ВМС Индии, Китая, США, РФ и европейского военно-морского соединения. Российские силы до недавнего времени были представлены сторожевым кораблем Балтийского флота «Неустрасимый», на смену которому 11 января прибыл тихоокеанский большой противолодочный корабль «Адмирал Виноградов», действия которого обеспечиваются вспомогательными судами «Печенга», «Фотий Крылов» и «Борис Бутoma». Китайская эскадра у берегов Сомали состоит из эсминцев «Хайкоу» и «Ухань», а также вспомогательного корабля «Вэйшаньху». / <http://www.rian.ru/analytics/20090112/159010865.html>

³ 5-й оперативный флот ВМС США выделил силы для борьбы с пиратами в районе Сомали, объединив их в составе 151-го сводного оперативного соединения (Combined Task Force 151). Предполагается, что в состав соединения будут входить корабли и подразделения других стран-союзников США, что объясняет наименование его «сводным». / <http://www.rian.ru/analytics/20090112/159010865.html>

⁴ Конвоирование торговых судов через пирато-опасные районы осуществляется караванами по 2-5 кораблей. / <http://www.rian.ru/analytics/20090112/159010865.html>

Однако в большей степени правомерным по международному праву будет создание многосторонних сил быстрого реагирования на основе резолюции СБ ООН, а наиболее эффективный механизм реализации этой резолюции – в рамках военно-политической региональной организации.

В настоящее время роль единого координационного центра по борьбе с пиратством в Сомали выполняет Контактная группа по проблеме пиратства у побережья Сомали. В ее состав входят представители 24 государств, в т. ч. России, США, Китая, Великобритании, а также ООН, Евросоюза, Всемирного банка, Африканского союза, Организации Исламская конференция)¹.

На наш взгляд, является целесообразным расширение функций ИНТЕР-ПОЛА и аналогичных региональных организаций по борьбе с пиратством, поскольку речь идет о трансграничной преступности.

Если говорить о более системных действиях, то является перспективным заключение специальной многосторонней конвенции о противодействии пиратству, создание в ее рамках международной организации. Можно предусмотреть возможность создания специальных сил быстрого реагирования, но, учитывая опыт ООН, это представляется маловероятным, хотя и возможным.

Остается актуальным вопрос о силовых акциях против пиратских судов в территориальных и внутренних водах Сомали. Статья 105 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. не допускает захвата пиратского судна или пиратского летательного аппарата в пределах юрисдикции какого бы то ни было государства (за исключением захвата судном или кораблем прибрежного государства). Эта норма имеет императивное значение во всех случаях.

Действия по захвату пиратского судна или пиратского летательного аппарата под юрисдикцией какого-либо государства (в территориальных водах, внутренних водах, сухопутной территории) возможны: силами самого государства, т. е. может идти речь об оказании военно-технической помощи Сомали или помощь в создании там полицейских подразделений; совместными силами – Сомали и иностранных государств – по договору и с согласия центрального правительства Сомали; силами иностранного или иностранных государств, действующими в рамках международных организаций – при согласии центрального правительства Сомали; силами иностранного или иностранных государств, действующих в рамках международных организаций – без согласия центрального правительства Сомали – исключительно на основе резолюции Совета Безопасности ООН.

Статьей 105 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года определено, что в открытом море или в любом другом месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства, любое государство может захватить пиратское судно или судно, захваченное посредством пиратских действий и находящееся во власти пиратов, арестовать находящихся на них лиц и захватить находящееся на нем имущество. При этом судебные учреждения того государства, которое

¹ Против пиратов — мощью права. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым / Красная Звезда 10 июня 2009 г.

совершило этот захват, могут (но не обязаны) выносить постановления о наложении наказаний и определять, какие меры должны быть приняты в отношении таких судов, летательных аппаратов или имущества, не нарушая прав добросовестных третьих лиц¹.

Поскольку законодательство многих государств не предусматривает возможности привлечения к уголовной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за пиратство, совершенное вне пределов этих государств², а в некоторых государствах отсутствует уголовная ответственность за пиратство³, то возникает вопрос об осуществлении уголовного преследования с использованием механизмов международного правосудия⁴. На это обратил внимание официальный представитель МИД России Андрей Нестеренко: «В настоящее время судебное преследование лиц, обвиняемых в пиратстве, возможно осуществлять лишь в рамках национальных судебных систем. Какого-либо специализированного международного судебного органа для этой цели не существует. В связи с инициативой Президента России Дмитрия Медведева о целесообразности рассмотрения различных вариантов привлечения к ответственности лиц, обвиняемых в пиратстве, мы предложили нашим партнёрам проанализировать возможность создания для этих целей специализированного международного судебного органа. Очевидными преимуществами такого механизма явились бы выработка единых стандартов ведения следствия и создание универсальной судебной практики, что позволило бы обеспечить неотвратимость наказания пиратов»⁵.

Хотя, подчеркнем, серьезных международно-правовых препятствий для привлечения ответственности за пиратство при захвате (правомерном захвате) пиратов в соответствии с положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., нет⁶. Эти препятствия скорее носят политический, экономический⁷, организационный и процессуальный⁸ характер. Существующая практика связана с передачей задержанных лиц, подозреваемых в пиратстве, в одно из

¹ Например, пират, захваченный в ходе операции по освобождению капитана контейнеровоза «Маерск Алабама» Ричарда Филлипа ВМС США будет привлечен к ответственности в США.

² Например, хотя статьей 227 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за пиратство, а субъектом этого преступления (пиратство) может быть как гражданин России, так и иностранный гражданин или лицо без гражданства, однако практика применения положений данной статьи отсутствует и существует и проблема практической возможности осуществления в России уголовного преследования в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, которые совершили пиратские действия, не направленные против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства. См.: Против пиратов — мощью права. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым / Красная Звезда 10 июня 2009 г.

³ Например, в Испании.

⁴ Против пиратов — мощью права. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым / Красная Звезда 10 июня 2009 г.

⁵ <http://www.ruvr.ru/main.php?&q=113839&cid=21&p=15.05.2009>

⁶ В Роттердаме (Нидерланды) начался первый в Европе суд над пиратом, готовятся судебные процессы в Германии, Франции, США.

⁷ Например, транспортировка подозреваемых, содержание задержанных и осужденных, возвращение их в государство гражданства после отбытия наказания.

⁸ Например, установление личности, осуществление перевода на различные языки в ходе проверки и следствия, сбор доказательств, получения правовой помощи из других государств, привлечение к процессу свидетелей.

прибрежных государств, в котором существует возможность привлечения их к ответственности. В Восточной Африке таким государством является Кения, законодательство которой позволяет привлекать к уголовной ответственности пиратов – иностранных граждан за действия, совершенные в открытом море. США, Великобритания и Евросоюз заключили с Кенией соглашения о передаче ей захваченных пиратов для уголовного преследования. В настоящее время в Кению переданы более 70 пиратов. К сожалению, нерешенность проблемы привлечения к ответственности приводит к тому, что достаточно часто захваченных пиратов отпускают (Дания, Канада), что не способствует закреплению принципа неотвратимости наказания.

Наиболее оперативным¹ по времени вариантом создания механизма международного правосудия в отношении актов пиратства является принятие резолюции СБ ООН, учреждающей международный трибунал для преследования лиц, совершивших пиратские действия (подобно тому, как в 1993 и 1994 годах были созданы международные трибуналы по Югославии и Руанде)². Инициатива создания международного трибунала для преследования лиц, совершивших пиратские действия³ должна быть одобрена широким кругом государств, в т. ч. всеми постоянными членами Совета Безопасности ООН (в целях политической и финансовой поддержки). Вопрос международного трибунала по пиратству прорабатывается правовой подгруппой Контактной группы по пиратству у берегов Сомали⁴.

Другие возможные варианты (например, создание такого трибунала по соглашению заинтересованных государств или включение пиратства в юрисдикцию Международного уголовного суда) потребуют заключения международного договора, на что может уйти несколько лет.

Следующий вариант, на наш взгляд, более приемлемый – создание интернационализованного суда с местопребыванием в Сомали или каком-либо прибрежном государстве этого региона (например, в Кении). Его преимуществом является оперативность, эффективность и быстрота в принятии решений.

¹ В отношении создания международного трибунала.

² Против пиратов — мощью права. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым / Красная Звезда 10 июня 2009 г.

³ С такой инициативой выступила РФ /<http://www.ruvr.ru/main.php?q=113839&cid=21&p=15.05.2009>

⁴ Против пиратов — мощью права. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым / Красная Звезда 10 июня 2009 г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

М. Е. ЧЕРКЕС

заведующий кафедрой международного права и международных отношений Одесской национальной юридической академии, кандидат юридических наук, профессор

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Правомерность использования силы в международных отношениях давно привлекает внимание юридической науки. В отечественной литературе по международному праву следует обратить внимание на работу Г. И. Тункина «Право и сила в международных отношениях», в которой исследуется значительный фактический материал и даётся его правовая оценка. Проблемы применения силы исследовались и другими учёными. Но с момента выхода этих работ прошло значительное время, практика обогатилась фактами и событиями, нуждающимися в новом осмыслении.

Запрещение применения силы, равно как и запрещение угрозы применения силы, – старейший принцип международного права. Нормативное закрепление его относят к Вестфальским договорённостям. В контексте дальнейшего развития международного права следует рассматривать постоянное ужесточение этого принципа, но, – парадокс, – одновременно происходила либерализация практики его применения, расширялась сфера допустимого в области применения силы. На это давно обращают внимание. Так, профессор Кембриджского университета Мальколм Шоу считал абсурдным утверждение, что чем больше сила контролируется международным сообществом, тем международное право становится менее легальным¹, а польский международник Л. Эрлих именовал такой процесс процессом противоположных потоков².

Это можно наблюдать в историческом сопоставлении этих тенденций. В международном праве пользуются термином **us ad bellum**, который следует понимать как условие применения силы как право на применение силы

¹ Malcolm N. Shaw. International Law. – 2003. – P. 27.

² Цит. по: Barcik Jacek, Toomasz Srogosz/ Prawo miedzynarodowe publiczne/ W-wo Beck, 2007. – S. 15.

в международных отношениях. Это следует отличать от **us in bello**, которое означает право, регулирующее методы ведения войны.

Международное право запрещает войну, как средство разрешения международных споров. Их следует разрешать только мирными способами, т. е. путём переговоров, путём посредничества, добрых услуг и других, выработанных международным правом инструментов. Война есть тягчайшее преступление перед человечеством.

Но в определённых случаях современное международное право признаёт право на применение силы, рассматривая это как проявление суверенной власти государства, – наряду с правом заключения международных договоров и, так называемым, правом легации, т. е. правом ведения дипломатических сношений.

По утверждению Эллинека, война является первой и самой старой формой международно-правового сосуществования. А по утверждению Ф. фон Листа война является последним средством разрешения международных споров.

Гуго Гроций выделял справедливые войны, хотя понятие справедливой войны было известно уже римлянам, правда, под этим понималась война надлежащим образом объявленная. Символом милитаризма римского общества был образ Януса, от латинского – ворота, вход, двери. Когда Рим вёл войну, ворота святыни были открыты. Когда царил мир – ворота закрывались. Иначе понимал справедливую войну Цицерон. В работе «О республике» он утверждал, что справедливой является война против агрессора, либо ведущаяся для наказания за причинённый ущерб.

Христианской идеей справедливой войны, выразителем чего считают идеи святого Августина, являлся адекватный ответ на нанесённое оскорбление или причинённый ущерб, если причинитель отказывался его загладить. Такая война преследовала цель наказания виновных и возвращения прежнего состояния. Фома Аквинский считал войну справедливой, если соблюдались следующие условия: а) если она велась суверенным государством; б) если она возникла по справедливой причине; в) если воюющие побуждаются справедливыми намерениями.

Одним из важных доводов в пользу справедливой войны было ведение войны христиан с неверными. С другой стороны, страны, в которых исповедовался ислам, считали войну справедливой, если она велась для воплощения идей джихада, т. е. распространения сферы господства ислама, всё равно, мирным или вооружённым путём.

Существенным аспектом деятельности государства признавали войну китайские мыслители. Известные трактаты – Сунн Тзу и Сунн Пина – которые переводятся как искусство войны, начинаются с утверждения, что война является важнейшим делом государства, основой его жизни и смерти.

Одновременно в Средневековье появляются многочисленные планы установления всеобщего мира в Европе, и даже во всём мире. Из наиболее известных – это план чешского короля Иржи Подебрада, позднее, в XVIII

веке – планы Сен-Пьера или Иммануила Канта и пр. Хотя ни один из них не получил практической реализации, но они способствовали интеграционным тенденциям и развитию гуманистической мысли в Европе.

В исторической практике до 1945 года война являлась наиболее распространенным способом разрешения споров между государствами, и один из исследователей этой проблемы утверждал, что в период с 1600 по 1945 годы в Европе произошло 129 войны, а с начала исторической памяти человечества, т. е. за 5559 лет их было 14 513, т. е. в среднем по 3 войны в год¹.

Очередная попытка международно-правового ограничения права на войну была предпринята во время Гаагских мирных конференций в 1899 и 1907 годах, что привело к принятию в 1907 году конвенции Драго-Портера, названной по именам её авторов: Министра иностранных дел Аргентины и Госсекретаря США. Документ этот носил весьма узкий характер, поскольку допускал ограничение в применении силы лишь при взыскании долгов государства. Конвенция одновременно была направлена на недопущение произвола в применении вооружённой силы (под влиянием блокады и бомбардировки портов Венесуэлы немцами, итальянцами и англичанами для принуждения уплаты долгов).

Значительно большие ограничения, хотя и не содержавшие полного запрета войны, имелись в Уставе Лиги Наций. Члены Лиги были обязаны проявлять солидарность с любым членом Лиги в случае покушения на его территориальную целостность и независимость. Война или угроза войны, независимо от того, касается ли она непосредственно члена Лиги или нет, должна быть предметом заинтересованности всей Лиги. Государства должны предпринимать все меры для мирного разрешения споров путём арбитража либо суда, либо его рассмотрения Советом Лиги, либо самой Лигой. К войне можно было обращаться только в том случае, если применение мирных средств в течении трёх месяцев не дали положительных результатов. Этот срок предполагалось использовать для «успокоения эмоций», вызвавших противостояние. На практике этот механизм оказался совершенно неэффективным, и не смог предотвратить нападение Италии на Абиссинию, Германии на Чехословакию, Югославию, Францию, Бельгию, Польшу и т. п., тем более, что эти действия были вызваны агрессивной сущностью нападавших государств, а не наличием спора.

Безусловный запрет войны содержался в Пакте от 27 августа 1928 года, известном под названием Парижского пакта или Пакта Бриана-Келлога по именам его авторов – французского министра иностранных дел и госсекретаря США. Пакт состоял из трёх статей. Вначале он был лишь двусторонним актом Франции и США, но постепенно превратился в универсальный международный договор. К 1939 году его ратифицировало 63 государства и формально он действует до настоящего времени. Вместе с тем, Пакт страдал рядом существенных недостатков. Так, он запрещал войну, но не определял это понятие, тем самым, стороны были свободны в оценке права на самообо-

¹ Barcek Jacek, Srogosz Tomasz. Prawo Międzynarodowe publiczne. W-wo C.H. Beck, W-wa, 2007. — S. 450.

рону; не была прописана процедура мирного разрешения споров. Правда, в 1928 году в Женеве был подписан Генеральный акт, который устанавливал такую процедуру, но он был ратифицирован незначительным числом государств. Наконец, недостатком Пакта было отсутствие каких-либо санкций за нарушение его положений.

Запрет применения силы в Уставе ООН

В Уставе ООН содержится категорический запрет агрессивной войны, что, как подчеркнул Международный Суд ООН в решении по делу Никарагуа, является нормой **jus cogens**, и основой современного международного правопорядка. Уже в преамбуле Устава государства-члены заявили, что полны решимости уберечь грядущие поколения от бедствий войны, объединить свои силы для поддержания международного мира и безопасности и обеспечить, чтобы вооруженные силы применялись лишь в общих интересах. Вот уже более 60 лет первостепенной задачей ООН, как это сформулировано в ст. 1 Устава, является поддержание мира и безопасности.

Как следует из пунктов 1 и 2 ст. 1 Устава для поддержания мира и безопасности ООН должна принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира, принимать соответствующие меры для укрепления всеобщего мира. В соответствии с п. 4 ст. 2 Устава все члены ООН воздерживаются от угрозы силой или её применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости. Все члены ООН оказывают ей всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых ею в соответствии с Уставом, и воздерживаются от оказания помощи любому государству, против которого ООН предпринимает действия превентивного или принудительного характера.

Всё это свидетельствует о том, что ООН создана как организация коллективной безопасности. В этом качестве она отличается от политических (военно-политических) союзов. Первые призваны охранять своих членов от эвентуальной угрозы со стороны других членов организации, причём в момент создания организации эта угроза не имеет определенного источника. Союзы, – современное международное право допускает лишь оборонительные союзы, – создаются в целях защиты от конкретной, предвиденной внешней угрозы. Организации коллективной безопасности основываются на «мягких» основах безопасности, таких как создание климата доверия, либо использовании дипломатических или экономических санкций. Но в основе таких союзов, как правило, лежит военная сила.

Таким образом, если в Уставе Лиги Наций речь шла о войне, то в Уставе ООН используется уже другой термин – «применение силы», а также ещё более широкий – «угроза применения силы». «Право войны» заменили «правом вооружённых конфликтов».

В литературе отмечается недостаточная ясность ряда понятий, в частности, таких как понятие «сила». Следует ли его понимать как военную силу (узкое понимание) или как применение экономического давления (широкое

понимание), что в нынешних условиях весьма актуально. Однако, ещё в Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г. подчёркивалась обязанность государств воздерживаться от применения экономических, политических и всяких иных санкций с целью принуждения иного государства к подчинению. Вместе с тем, в Преамбуле к Уставу ООН указано, что принятием принципов необходимо обеспечить, чтобы «вооружённые силы применялись не иначе как в общих интересах». Следует полагать, что под применением силы, прежде всего, понимается применение вооружённых сил.

Легальное применение силы

Прежде всего, речь должна идти о праве на самооборону как о всеобщем признанном и неоспоримом. Ваттель даже считал это не правом, а обязанностью самообороны. Тем не менее, это право, и оно является наиболее дискуссионным, поскольку право на самооборону имеет в своей основе понятие справедливости, что вытекает из латинской формулы *vim vi repellere omnia iura permittunt* (для отпора силы сила всё допускает). Ст. 51 Устава ООН подтвердила, что такое право носит характер международного обычая. Право на самооборону в силу обычного права принадлежит каждому государству, которое подверглось вооружённому нападению. Причём право на самооборону признаётся в том случае, если в его основе лежат принципы, сформулированные в ст. 51 Устава ООН, а также в доктрине государственного секретаря США Вебстера. В 1837 году в Канаде вспыхнул бунт против британского правительства. Поддерживавшие бунт американцы снабжали восставших оружием и боеприпасами, которые доставлялись на судне «Каролина». В ответ на это канадские власти пересекли границу США, подожгли и уничтожили судно. Инцидент вызвал обмен нотами между британским министром иностранных дел и госсекретарём США Вебстером, который сформулировал некоторые условия легальности самообороны, получившие название доктрины Вебстера.

В том случае, если член ООН использует определённые средства в целях самообороны, он обязан незамедлительно уведомить об этом Совет Безопасности. При этом стороны должны придерживаться следующих условий: 1) средства, используемые для самообороны должны быть бесспорно необходимы для отражения агрессии. Международный Суд в консультативном заключении по вопросу легальности угрозы применения силы, в том числе и ядерного оружия, указал, что применение силы в целях самообороны должно осуществляться в соответствии с требованиями международного гуманитарного права; средства самообороны должны применяться непосредственно вслед за нападением; средства самообороны должны быть пропорциональны средствам нападения; 2) условием применения средств самообороны должен быть факт вооружённого нападения. Но факт вооружённого нападения не всегда можно отождествлять с актом агрессии. Устав ООН применяет оба эти термина, не различая их. Дело осложняется отсутствием в международном праве общепризнанного определения агрессии, хотя в истории международного права были две попытки дать такое определение: в 1933 г. была приня-

та Лондонская конвенция, известная как протокол Литвинова. Второе определение, ныне широко распространённое, было дано в Резолюции ГА ООН 1974 года, которая, хотя и более совершенное, но, тем не менее, также критикуется. Несовершенство этого определения показали события, связанные с попыткой освобождения американских заложников в Тегеране в 1980 году, в индийско-пакистанской войне в 1971 году, интервенции Танзании в Уганду в 1979 году, американской интервенции в Гренаду и Панаму в восьмидесятых годах.

На практике часто возникают трудности относительно признания факта вооружённого нападения, поскольку окончательное решение зависит не только от установления фактического положения, но и от политических симпатий относительно одной или другой стороны. Примером может быть Шестидневная война Израиля против арабских стран в 1967 году, индийско-пакистанская война в 1971 году, интервенция Танзании против Уганды в 1979 году, Вьетнама против Камбоджи в 1978 году и др. (В 1967 году в ответ на блокаду Египтом израильского порта Эйлат Израиль совершил мгновенную атаку на соседние арабские государства, действовавшие заодно с Египтом. Во время дебатов в ООН признание действий Израиля актом самообороны зависело от политических симпатий участников обсуждения).

Легальность применения силы в целях самообороны зависит от позиции Совета Безопасности, который может и должен принять меры к сохранению мира и безопасности, а также в течении какого времени после нападения могут быть предприняты средства самообороны. Известно, что Соединённые Штаты предприняли атаку на Афганистан 7 октября 2001 года, т. е. почти через месяц после 11 сентября. В связи с этим часть авторов склонялась к мысли о репрессивном характере акции. Большинство однако, считало это актом самообороны¹. Исходили из различий между реакцией человека и реакцией государства на акт нападения. Действия государства следует продумывать и рассчитать последствия, что требует определённого времени.

Нередко обстоятельства вынуждают государства прибегнуть к превентивной самообороне. Такое понятие не ново. Ещё Нюрнбергский Трибунал признал, что захват Германией Норвегии в 1940 году при определённых обстоятельствах можно было бы считать действиями в порядке самообороны, только самообороны превентивной (см. об этом ниже). Точно так же актом превентивной самообороны можно признать нападение Израиля на иранский реактор в 1981 году. Превентивная самооборона редко оправдывается и считается актом исключительным.

От легальной самообороны следует отличать репрессалии, т. е. действия против государства, которое допустило нарушение международного права. Репрессалии носят легальный характер в том случае, если они направлены против государства, которое осуществило противоправный акт, если репрессалиям предшествовали требования компенсации причинённого ущерба, а

¹ Greenwood C. International Law and the «War against terrorism» — International Affairs. — 2002. — № 78. — P. 321.

также при соблюдении принципа пропорциональности, т. е. использованные средства оказались пропорциональными незаконным действиям. Современное международное право в ряде правовых актов обязало государства воздерживаться от силовых актов репрессалий (см. Резолюцию ГА ООН 2625/XXV и Декларацию 106/103 от 09.09.1981). Репрессалии отличаются от самообороны мотивом и целью применения. Целью самообороны является защита государства, в то время как репрессалии носят карающий характер, направлены на принуждение агрессора отказаться от дальнейшего нарушения международного права и возмещение причинённого вреда.

Истории международных отношений послевоенного периода известны ряд случаев применения методов принуждения за нарушение международного права. Так, в ответ на нарушение территориальной неприкосновенности Южной Кореи со стороны Кореи Северной в 1950 году Совет Безопасности Организации Объединённых Наций провёл обсуждение создавшейся ситуации, и признав, что имело место нарушение мира, в ряде резолюций призвал членов ООН оказать помощь Южной Корее, а США назначить командующего военными подразделениями, созданными из военных отрядов стран-членов ООН и пользоваться флагом ООН.

2 августа 1990 года Ирак совершил нападение на Кувейт. В тот же день Совет Безопасности признал эту акцию незаконной и призвал Ирак вывести свои войска из Кувейта. В последующем Совет Безопасности принял еще ряд аналогичных резолюций, которые не привели к освобождению Кувейта. Поэтому резолюцией от 29 ноября 1990 года Совет Безопасности предоставил Ираку окончательный срок, который истекал 15 января 1991 года. 16 января 1991 года коалиция стран под руководством США предприняла военную акцию, что явилось примером легального применения силы. Это было основано на ст. 25 Устава ООН, предписывающей всем членам ООН подчиняться решениям Совета Безопасности.

Самооборона как форма борьбы с терроризмом

Усиление террористических актов в современных международных отношениях поставило в повестку дня вопрос о легальности применения силы в целях противодействия террористическим угрозам и террористическим актам. Трудности возникли в связи с отсутствием общепринятого определения терроризма. Это связано с разногласиями между государствами о каталоге деяний, которых относят к терроризму, а также кто субъект обвинения в терроризме: только физические лица либо и государство, от имени которого действуют различные вооружённые отряды.

Напомним, что первое определение терроризма было дано в Конвенции, принятой на сессии Ассамблеи Лиги Наций 16 ноября 1937 года «О борьбе с терроризмом». Там указывалось, что терроризм есть преступное деяние против государства, совершенное с намерением устрашения, либо рассчитанное на создание обстановки устрашения определённых лиц, групп лиц либо общества в целом. Конвенция в силу не вступила, поскольку её ратифицировала одна лишь Индия. Последующие определения, данные в рамках ООН, огра-

ничивались отдельными признаками террористической деятельности из-за невозможности дать генеральный перечень всех разновидностей его проявления. Имеются в виду ряд конвенций о борьбе с терроризмом в воздухе, на море, о борьбе с захватом заложников и ряд других.

В связи с террористическим актом 11 сентября 2001 года возникли вопросы толкования права на самооборону, в частности, имеет ли государство такое право, если террористический акт совершён не государством, а террористической организацией. Помимо этого, каким интенсивным должен быть этот теракт, чтобы право на самооборону было оправданным. По первому вопросу в ст. 51 Устава ООН мы не найдём ответа, поскольку Устав был принят в 1945 году, когда проблема терроризма была неактуальной, а война мыслилась как война государства против государства. Вместе с тем, в упомянутом деле 1837 г. судна «Каролина» утверждалось, что право на самооборону может быть реализовано в ответ на действия частных лиц.

Что касается второго вопроса, то здесь существует теория «трёх порогов». Согласно теории «высокого порога», в соответствии со ст. 51 Устава ООН, право на самооборону возникает лишь в качестве ответа на террористический акт, совершённый на территории государства-жертвы. Право на самооборону не возникает тогда, когда теракт направлен против собственных граждан, находящихся за границей. «Низкий порог» оправдывает вооружённые действия даже в том случае, если совершено нападение на одного собственного гражданина за границей. Предлагается расценивать теракт даже относительно одного представителя государства за границей как «акт войны», и государство-жертва может на него соответственно отвечать. Известна реакция США на попытку иракских экстремистов убить в 1993 году в Кувейте бывшего Президента Дж. Буша. В отместку за это спустя несколько месяцев США подвергли бомбардировке штаб-квартиру иракской разведки в Багдаде, ссылаясь на ст. 51 Устава ООН как акт самообороны. Интересно, что во время дебатов по этому поводу в Совете Безопасности Великобритания и Россия поддержали позицию США. «Средний порог» предполагает, что единичные акты терроризма не создают права на самооборону. Это право возникает лишь при повторных акциях, совершённых в широком масштабе.

Сложность также заключается в определении принципа пропорциональности при реализации актов самообороны. Здесь выдвигаются три принципа, ни один из которых, правда, не может быть признан совершенным. По одному из них, условно названному «око за око», акт самообороны должен соответствовать ранее совершённому террористическому акту. Второй принцип именуется «кумулятивная пропорциональность» и предполагает, что акт самообороны должен пропорционально соответствовать всем ранее совершённым актам терроризма. Третий принцип именуется «око за зуб», либо «устрашающая пропорциональность», смысл которого заключается в соблюдении принципа пропорциональности относительно общих угроз терроризма. Конечно, ни один из названных принципов не содержит конкретных условий, но следует напомнить, что согласно решению Международного

Суда ООН 1996 г. принцип пропорциональности не исключает применения в определённых условиях ядерного оружия. Полагают, что нынешние условия не могут привести к ядерному ответу на акт терроризма, но в будущем, когда акт терроризма будет связан с биотерроризмом или кибертерроризмом, такой поворот событий не исключён.

Использование силы для сохранения международного мира

В соответствии со ст. 24 Устава ООН, для обеспечения быстрых и эффективных действий ООН её члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Конкретные действия по применению санкций в виде вооружённых сил регулирует раздел VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии». Ст. 39 Устава гласит, что Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Это означает, что лишь Совет Безопасности вправе принимать решения о применении силы.

Для запуска механизма применения силы Совет Безопасности должен принять решение об угрозе миру или нарушении мира, либо об акте агрессии. Поскольку Устав не содержит определения «угроза мира» или «нарушение мира», принятие таких решений целиком в усмотрении Совета Безопасности, который чаще всего руководствуется политическими и фактическими соображениями. Чаще всего Совет Безопасности пользуется термином «угроза миру». Такое нарушение Совет Безопасности констатировал в резолюции № 217/1965 (расистский режим белого меньшинства), поддержка терроризма Ливией (резолюция 741/1992), массовые нарушения прав человека в Сомали (резолюция 733/1992) и др. Констатировав угрозу миру, Совет Безопасности может использовать средства принуждения, в том числе частичное прекращение экономических отношений, разрыв дипломатических отношений.

Что касается применения силы, то Совет Безопасности либо создаёт силы ООН, либо поручает применение силы одному из членов ООН. О миротворческих операциях см. также параграф 16 главы 17.

Интервенция

Интервенция — это властное вмешательство во внутренние дела другого государства. Интервенция может носить дипломатический, экономический или военный характер. Она может осуществляться государством либо группой государств, либо международной организацией. Устав ООН запрещает интервенцию. Вместе с тем, международное право в некоторых случаях разрешает интервенцию, когда она осуществляется по просьбе правительства соответствующего государства. Как правило, исходят из того, что интервенция носит легальный характер, если она осуществляется в условиях вооружённого нападения на государство, и его законные власти обратились с просьбой о помощи. Примером интервенции по просьбе властей государства является

интервенция США в Греции в 1947 году, Франции в Заире в 1978 г. Формальной так же является интервенция СССР в Венгрии в 1956 г. и пр. Наряду с интервенциями с целью защиты собственных граждан (Израиль в Уганду в 1976 г.) выделяют демократическую интервенцию для восстановления власти легально избранных демократических властей.

Наиболее распространённой является гуманитарная интервенция, известная ещё с XIX века. Примером может служить совместная интервенция Франции, России, Великобритании в Греции в 1827-30 г. г., Франции в Ливане и Сирии в 1860-61 г. г., США на Кубе в 1898 г. и др.¹ При гуманитарной интервенции сталкиваются два интереса: суверенитет государства и уважение прав человека. Первый интерес является выражением классического «вестфальского» международного права, который абсолютизирует суверенитет («если суверенность, то нет вмешательства»). Современное международное право, развивающееся в условиях глобализации, суверенитету не придаёт абсолютного значения, зато права человека стали объектом защиты не только собственно государства, но и всей международной общественности.

Под влиянием современных взглядов понятие «гуманитарная интервенция» постепенно замещается термином «ответственность за охрану». Полагают этот термин более широким, поскольку он предполагает не только интервенцию, но и урегулирование кризиса, поддержание мира после кризиса, восстановление демократических структур, ответственность за восстановление и пр.

Запрет на применение силы сформулирован в Уставе Организации Объединённых Наций, который провозглашает в числе прочих основных принципов принцип неприменения силы и угрозы силой. Юридическая сила основных принципов известна и не нуждается в обсуждении. Известно, что ни один из основных принципов не может быть отменён, — он может быть заменён нормой такой же юридической силы.

Как указано в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций, принятой ГА ООН 24 октября 1970 года, угроза силой или её применение являются нарушением международного права и Устава ООН, они никогда не должны применяться в качестве средства урегулирования международных споров. Но уже в самом Уставе содержатся нормы, позволяющие при определенных условиях использовать силу в международных отношениях.

Это, прежде всего, условия, предусмотренные ст. 42 Устава, представляющие право Совету Безопасности ООН считать недостаточными предпринятые ранее меры, не связанные с использованием вооружённых сил и потому предпринимать действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

¹ Shaw Malkolm N. Prawo miedzinarodowe/- S.660.

Далее, это предусмотренное ст. 51 Устава право государства на индивидуальную или коллективную самооборону. Это право, возникающее при вооружённом нападении на члена ООН, действует до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности.

Если первое условие есть условие сравнительно новое, неизвестное ранее действующему международному праву, то второе — давно известно международному праву и является как бы необходимым атрибутом государственности. Санкционируя применение силы в двух перечисленных случаях, Устав проводит определённые различия. Так, право на самооборону действует в период, когда Совет Безопасности предпринимает меры для поддержания международного мира и безопасности. О средствах, предпринимаемых в целях самообороны, Совет должен быть незамедлительно уведомлен. Эти средства не должны нарушать вытекающих из Устава прав и ответственности Совета, который может в любой момент предпринять действия, необходимые, по мнению Совета, для поддержания международного мира и безопасности. Отсюда можно сделать вывод, что в соответствии с моделью, созданной Уставом ООН, наиболее желательным является проведение акции Советом Безопасности, а право на самооборону может быть реализовано лишь после того, как Совет Безопасности одобрит соответствующие шаги, либо в том случае, если он не в состоянии такие шаги согласовать и их реализовать.

Существует и иное различие между двумя ситуациями, которые позволяют применение силы. Оно состоит в определении условий, в которых допускается применение силы. Право на самооборону относится к государству, которое стало жертвой вооружённого нападения. Поэтому, следуя толкованию ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, надо исходить из последовательности: «сначала нападение, потом самооборона», т. е. для того, чтобы самооборона была актом легальным, необходимо стать жертвой нападения.

Правомочия Совета Безопасности на применение вооружённых сил опираются на достаточно широкую правовую основу. Это вытекает из содержания ст. 39 Устава, которая, как представляется, допускает возможность применения вооружённых сил не только в случае нарушения мира либо акта агрессии, но и в случае угрозы миру. В конечном счёте, предписания ст. 39 предполагают возможность применения средств, предусмотренных в ст. 42 не только с целью поддержания международного мира и безопасности, но и сохранения международного мира. Это привело бы нас к выводу, что если государство, — даже достаточно сильное, — должно ожидать с приведением в действие своих вооружённых сил до того времени, когда станет жертвой нападения, Совет Безопасности может привести в действие вооружённые силы не только в случае реальной угрозы, но и превентивно, не ожидая, что кто-то станет объектом реального нападения. Это также означает, что определённое государство, само не управомоченное на превентивную защиту, может обратиться к Совету Безопасности с просьбой о представлении превентивной защиты.

Применение силы в рамках действующего Устава ООН сталкивается с рядом доктринальных трудностей. Это находит своё объяснение не только в происходящих международных переменах, но — в определённых слабостях самого Устава. Устав создавался в период эйфории от ожидаемых результатов разгрома фашизма, по установлению мира и его безоблачного будущего. Были переоценены возможности создаваемой международной организации. Нормы относительно применения силы по Уставу ООН были весьма идеалистичны в конфронтации с реалиями даже существовавшего тогда миропорядка. Холодная война, возникшая почти сразу же после принятия Устава ООН, явилась достаточным тому подтверждением¹. Система безопасности, заложенная в Уставе, оказалась в значительной мере парализованной из-за невозможности принятия решения по ряду узловых проблем мира.

Реже, однако, обращают внимание на иные обстоятельства, которые имеют значение для исследуемой проблемы. В частности, модель безопасности, сконструированная в Уставе, оказалась непригодной в жизни. Речь идёт о военных постановлениях, в частности о создании Военно-штабного комитета, который должен был завершить создание военной структуры, во главе которой стоял бы Совет Безопасности. Это означало не только ослабление Совета Безопасности, но и также некоторое перенесение акцентов с международной организации на государства-члены, ибо должно было привести к усилению, — по сравнению с первоначальным замыслом, — роли этих государств в обеспечении безопасности в мире. Одним из эффектов такого распределения сил явилось создание военно-политических блоков, располагавших военным потенциалом несоразмерным с возможностями Совета Безопасности.

Помимо того, остались нереализованными постановления, касающиеся создания Военно-штабного комитета, соглашения о передаче в распоряжение Совета Безопасности вооружённых сил, а также существенные процедурные вопросы.

Речь идёт, в частности, о значении ст. 106 Устава, которая доверяла временно («впредь до вступления в силу ... особых соглашений») пяти великим державам предпринимать такие совместные действия от имени Организации, какие они сочтут необходимыми для поддержания международного мира и безопасности. С правовой точки зрения именно эти проблемы встали на оси конфликта, в связи с резолюцией Совета Безопасности, признающей Северную Корею агрессором, и следующей резолюцией (от 7 июля 1950 г.), доверяющую США верховное руководство вооружёнными силами ООН в Корее. Текстуальное толкование этих резолюций может привести к выводу, что имело место нарушение ст. 106 Устава. Однако, в соответствии со спецификой международной организации телеологическое толкование даёт Совету Безопасности большую свободу в выборе способов реализации её уставных задач. На эту точку зрения встал Международный Суд ООН (в деле определённых расходов ООН, рассмотренного в 1962 г.).

¹ Речь Черчилля в Фултоне, с которой связывают начало «холодной войны», была произнесена через 10 месяцев после окончания «горячей»

Для уяснения Устава ООН ключевое значение имеет определение понятий «международный мир и безопасность». Именно ссылки на угрозу миру и безопасности, на понятие агрессии дают основание для применения постановлений Раздела VII Устава и возможность применения силы.

Здесь следует подчеркнуть наблюдаемое расширение этих ключевых понятий. В течении многих лет мы соглашались, что нарушение мира или угроза миру и безопасности, а также акты агрессии есть акты, проистекающие извне. В девяностых годах от этих концепций стали постепенно отступать. В обсуждаемые понятия стали включать нарушение прав человека. До этого, в течении многих лет считалось, что нарушение мира или безопасности, равно как и акты агрессии относятся к действиям государств во вне. Шагом в новом направлении стала резолюция Совета Безопасности по делу о событиях на Гаити, которые состояли в свержении военной хунтой легального президента, нарушении публичного порядка и нарушении прав человека. Резолюцией 875 от 16 октября 1993 года Совет Безопасности впервые уполномочил вооружённые силы действовать во внутреннем конфликте. Об угрозе международному миру и безопасности в связи с нарушением прав человека прямо говорилось в резолюции Совета Безопасности по Косово. В принципе расширение возможностей применения силы на основании раздела VII Устава ООН, что подтверждается формированием в практике государств и международных организаций института гуманитарной интервенции.

Формирование института гуманитарной интервенции включает в себя прежде всего представление о легальности этого института, затем условия предприятия акции гуманитарной интервенции. По этому вопросу в науке международного права, как и среди практиков, ещё ведутся дискуссии. Поэтому следует признать, что гуманитарная интервенция, независимо от плодотворности дискуссии на эту тему, является понятием международного права и это означает, что несмотря на категорические запреты международного права важность гуманитарной интервенции оказывается преобладающей в связи с нарастающей важностью проблем прав человека. Усиливающиеся и учащающиеся нарушения этих прав международной общественностью и ООН ныне уже не рассматриваются как внутреннее дело данного государства, а могут рассматриваться как основание и причина легального применения силы. При этом можно различать два варианта действия. Первый из них расширяет концепцию признания угрозы мира и безопасности, что одновременно расширяет основания признания угрозы мира и безопасности Советом Безопасности ООН в соответствии с разделом VII Устава ООН. Второй вариант заключается в «непосредственной легитимизации», когда сам факт грубого нарушения прав человека, без приведения в действие механизма, расписанного гл. VII Устава (ст. 43-45), даёт основания для непосредственного принятия мер по поддержанию мира и безопасности, для интервенции. В 1999 году Датский Институт международного права, определяя понятие гуманитарной интервенции указал, что это «принудительная акция государств с применением вооружённых сил в ином государстве, без согласия правительства этого

государства, с одобрения или без одобрения Совета Безопасности, с целью предотвращения нарушения либо пресечения значительных и массовых нарушений прав человека, либо международного гуманитарного права».

В этом определении считают чрезмерно широким перечень мотивов интервенции¹. Для придания определению легального характера целесообразна его авторизация (одобрение) Советом Безопасности. Без такой авторизации она может быть признана лишь при ссылке на факты, которые уже имели место, либо к международным преступлениям, которые уже совершены (правда, понятие международного преступления часто замещается понятием «тяжко-го нарушения международного права»).

В любом случае представляется, что концепция гуманитарной интервенции является очередным свидетельством ослабления первоначальных суровых требований Устава ООН в части применения силы. Более того, вырисовываются перспективы дальнейших изменений в этом направлении. Имеется в виду Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, основанной на сентябрьской встрече (2005 г.) глав государств и правительств, в той её части, где речь идёт о правах человека и роли (господстве) права. Резолюция призывает к активной охране прав человека, к господству права и демократии, указывая на взаимосвязь этих понятий, как универсальных и неразрывных основ существования Объединённых Наций.

По-видимому, речь идёт о некоем новом в традициях ООН. Устав ООН создавался с целью обеспечения мирного сосуществования государств, такими, какими они были в то время, т. е. в сороковые годы. Соображения относительно их внутреннего устройства (демократия, господство права) в расчёт не принимались. Они превратились в правообразующий (системообразующий) фактор позднее, в связи с принятием ООН в 1948 году Всеобщей Декларации прав человека. Ныне обязанность уважения прав человека является обязанностью универсальной, а тяжкие нарушения в этой области являются международным преступлением и служат поводом для интервенции.

Следующий шаг, расширяющий пределы понятий «нарушение международного мира» и «угроза международному миру» связан с международным терроризмом и необходимостью борьбы с ним. Исходным пунктом нового этапа этой борьбы было всеобщее признание 11 сентября 2001 года актом агрессии (в том числе Организацией Объединённых Наций, Европейским Союзом и др.). Сентябрьская встреча на высшем уровне в 2005 году квалифицировала терроризм как наибольшую угрозу миру и безопасности. Понятие угрозы миру и безопасности, ключевое для оправдания применения силы, расширяется ещё больше. Причём это касается не только сферы, регулируемой Разделом VII Устава, но и права на самооборону, предусмотренного ст. 51 Устава. Вслед за обычным правом и судебной практикой, творцы Устава ООН исходили из того, что право на самооборону может быть ответом на акт агрессии со стороны иного государства (государств). 11 сентября оказалось, что акт агрессии может быть совершён не только со стороны государства, но

¹ Prawo międzynarodowe-problemy I wyzwania/- wyzsza szkoła handlu I prawa/-w-wa, 2006 / S. 532.

и со стороны террористической организации или террористической группы. Террористическая группа, очевидно, не является государством, не обладает территорией, и не располагает собственными военными подразделениями. Поэтому трудно или вовсе невозможно определить, в каких формах и какими способами может осуществляться самооборона в международно-правовом его понимании. Однако, некоторые обострения во внутрисоциальном плане, такие как ограничения в визовом режиме, ограничения в свободе передвижения могут найти соответствующие формы и в отношениях с заграницей. Если эти действия пропорциональны угрозам – а это не всегда легко определить, то необходимость самообороны с точки зрения международно-правовой легитимизируется.

Труднее определить наличие права на самооборону относительно государств, которые предоставляют террористам убежище, обеспечивают им различную поддержку в создании террористических групп. Встает вопрос о степени ответственности правительств таких стран за совершённые террористические акты, и, в частности, является ли это мерой в обоснование активной самообороны. На это можно было бы позитивно ответить в тех случаях, когда, например, мы имели дело с правлением талибов в Афганистане. Но непременно будут случаи неясные или вызывающие сомнения. Так, защита террористов, равно как и их поддержка со стороны правительств, несомненно, будет нарушением международного права. Акции против такого правительства, в том числе и с применением силы, могут быть оценены не только как осуществление права на самооборону, но и содержать действия, близкие к институту репрессалиев. Добавим, что институт превентивной самообороны появился ранее, без связи с международным терроризмом. Сейчас это относится к правовым анекдотам, но ведь эта концепция была воспринята Нюрнбергским Трибуналом при рассмотрении вопроса о вторжении немцев в Норвегию в 1940 году. Вторжение было оправдано тем, что немцы защищали возможность сохранения доступа к тяжёлой воде, необходимого компонента для производства ядерного оружия. Напомним, что Устав ООН в тот период (вынесения приговора Трибуналом), ещё не существовал.

Пожалуй, первым случаем обращения к понятию превентивной самообороны уже в период действия Устава были действия Пакистана, который в 1948 г. предпринял военные действия против Индии в Кашмире с целью недопущения концентрации там войск Индии. В 1947 г. Израиль сослался на превентивную самооборону, начав военные действия против сконцентрированных на его границах войск арабских государств. Подобную аргументацию Израиль использовал и в 1981 г., атакуя иракский ядерный центр. Вместе с тем, следуя традиционному, буквальному толкованию Устава ООН, превентивная самооборона с точки зрения международного права недопустима. Такого рода действия следует оценивать с точки зрения гл. VII Устава. Современные реалии, однако, оставляют возможность применять самооборону, если действительность позволяет утверждать, что угроза государству неизбежна и нет ни возможности, ни времени выбирать средства защиты.

Как полагают, новые тенденции в международном праве, инспирированные реалистической оценкой ситуации, пока не позволяют говорить о легализации превентивной самообороны. Но под теми или иными предложениями эти новые тенденции позволяют говорить о легализации прав на упреждающий удар, что является определённым элементом превентивной самообороны. «Новые оценки» и «реалистические ситуации» связаны с новой техникой и новыми технологиями ведения войны, при которых возникает необходимость немедленного адекватного ответа, и отсутствием времени на введение в действие защитных процедур Совета Безопасности Организации Объединённых Наций.

Репрессалии

Определённые возможности для преодоления жёстких ограничений, наложенных Уставом ООН для введения в действие механизма применения силы, представляет обращение к репрессалиям – институту старого обычного права, который характеризуется как бесправный ответ на бесправное действие, причём «бесправное действие легитимирует бесправный ответ»¹. Главными условиями являются проведение переговоров с целью разрешения спора и соблюдение принципа пропорциональности в случае безрезультатности переговоров. Репрессалии были известны ещё в средние века и Ваттель называл их способом достижения справедливости между народами, которые не могут её достичь иначе. В XIX веке репрессалии применялись для принуждения колониальных народов к соблюдению навязанных им силой условий неравноправных договоров и охраны колониальными странами интересов своих поданных. Отдалёнными последствиями применения репрессалий являются интервенции США в ряд стран Латинской Америки, например, в Гренаду (1983 г.), Франции в Заир (1979 г.) и др.

В принятой тут позиции интервенции приобретали характер репрессалиев с применением силы. Однако, хотелось бы подчеркнуть, что в последние годы о репрессалиях говорят весьма неохотно с учётом не самых лучших исторических традиций их применения. Поэтому термин «репрессалии» заменяется на термин «противодействие», хотя нет уверенности, что это определение более удачно, ясно только, что речь идёт о противодействии с применением силы. Можно привести несколько примеров таких противодействий. Прежде всего, можно напомнить о (неудачной) попытке освободить американских заложников, содержащихся в посольстве в Тегеране. Нарушение международного права иранцами было весьма очевидным, поскольку неприкосновенность американцев оберегалась дипломатическим статусом. Подобная же (но на этот раз успешная) акция была проведена израильскими командос в Уганде с целью освобождения заложников, захваченных палестинскими боевиками. Иным примером является бомбардировка американскими самолётами президентского дворца в Ливии в ответ на нападение террористов на

¹ Erlich L. Prawo międzynarodowe / W-wa, 1958. — S.444-446. Из современных авторов много внимания уделила репрессалиям В. Ржевская. См.: Ржевська Валентина. Право держави на самооборону і міжнародна безпека / Київський національний університет імені Тараса Шевченка. — 2005 — С. 38, 91 т.і.

дискотеку в Западном Берлине, которую часто посещали американские военнослужащие. Как репрессалии можно оценить действия российских войск против партизан, действующих в Таджикистане с Афганской территории. Более масштабными были действия стран НАТО (а фактически США) против Сербии с целью предотвратить нарушение прав человека в Косово.

В нормах международного права, в том числе и, прежде всего, в Уставе ООН, мы не найдём ответа на вопрос о легальности репрессалиев с применением силы. Не даёт ответа на этот вопрос и практика государств, хотя в международном праве практика нередко является правообразующим фактором. Но Устав ООН не упоминает и о ряде других институтов обычного права, хотя это не даёт оснований утверждать, что эти неупомянутые институты следует считать незаконными. Скажем больше: если бы даже в Уставе были предприняты шаги для легализации обсуждаемого института, спора о соотношении обычного и конвенционного права избежать не удалось. Тезис о незаконности репрессалиев с применением силы (а не только репрессалиев в целом) имеет некоторые основания в Уставе. Речь идёт о запрете применения силы или угрозы силой, как это предусмотрено п. 4 ст. 2 Устава ООН, хотя это не имеет прямого (текстуального) отношения к репрессалиям

В контексте использования силы следует говорить о войне. Но в силу серьёзности это проблема предполагает отдельное обсуждение и здесь не рассматривается.

В. М. РЕПЕЦЬКИЙ

зав. кафедри міжнародного права факультету міжнародних відносин Львівського національного університету ім. І. Франка, кандидат юридичних наук, професор

В. М. ЛИСИК

асистент кафедри міжнародного права Львівського національного університету ім. І. Франка, кандидат юридичних наук

ПОНЯТТЯ ТА ОЗНАКИ ВОЄННИХ ЗЛОЧИНІВ

Бурхливий розвиток інституту кримінальної відповідальності фізичних осіб в міжнародному праві, який мав місце в останньому десятилітті ХХ ст. та на початку ХХІ ст. призвів до появи нових органів міжнародного кримінального правосуддя. Крім міжнародних кримінальних трибуналів *ad hoc* для колишньої Югославії та Руанди, що загалом були досить схожі на Нюрнберзький трибунал, було створено низку інших органів правосуддя, які можна віднести до двох зовсім нових груп. До першої належить Міжнародний кримінальний суд, який став першим постійно діючим органом міжнародної кримінальної юстиції, до другої – змішані та інтернаціоналізовані суди і трибунали, які поєднують в собі елементи, притаманні як для міжнародних, так і національних судових органів¹.

Проте, створення цих органів породило ряд нових проблем, одна із яких відсутність єдиного підходу до розуміння поняття воєнного злочину.

Більшість науковців вважають, що поняття «воєнний злочин» виникло у другій половині ХІХ століття, коли було прийнято Женевську конвенцію 1864 р. про поліпшення долі поранених і хворих воїнів в діючих арміях та ряд інших документів, що регулювали порядок ведення воєнних дій. Проте перші обмеження щодо методів і засобів ведення збройних конфліктів встановлювалися ще в третьому тисячолітті до н. е. в Єгипті. Існували такі обмеження і в інших народів, так Махабхарата і закони Ману зокрема забороняли воїнам убивати безпомічних ворогів, а також тих, хто здався. Після одужання поранених військовополонених відправляли на батьківщину. Про існування подібних правил у стародавньому Китаї згадує Сунь Цзи². В древній Греції такі правила мали силу закону³. Згодом вони знайшли втілення у так званих законах лицар-

¹ Каюмова А.Р. Смешанные (гибридные) уголовные трибуналы и интернационализованные суды в системе международной уголовной юстиции / А.Р. Каюмова. — Казань, 2008. — С. 40-41.

² War and Law. — London, 1984. — P. 102.

³ Greenspan M. The Modern Law of Land Warfare / M. Greenspan. — Berkeley, 1959. — P. 14-18.

ства. Про воєнні злочини згадується також у Кодексі Лібера 1863 року, проте даний термін ще не використовувався.

Сам термін «воєнний злочин» з'явився лише в 1945 році у ст. 6 Статуту Міжнародного військового трибуналу в Нюрнберзі, де зазначалося, що такими слід вважати порушення законів і звичаїв війни, що включають вбивства, жорстоке поводження або депортацію цивільного населення на окупованих територіях, вбивство або жорстоке поводження з військовополоненими, вбивство заручників, розкрадання державної або приватної власності, безглузде руйнування населених пунктів, що не зумовлене військовою необхідністю.

Женевські конвенції 1949 року, в яких було кодифіковано міжнародне гуманітарне право після Другої світової війни, окрім іншого, містять перший в історії перелік воєнних злочинів, під якими розуміли серйозні порушення конвенцій, враховуючи специфіку відносин, врегульованих кожною із них. Причому кожна з чотирьох Женевських конвенцій 1949 р. подає власний перелік серйозних порушень, разом створюючи єдину систему. До них відносяться наступні дії: навмисне вбивство; катування і нелюдське поводження, включаючи біологічні експерименти; навмисне спричинення важких страждань або серйозного каліцтва; нанесення шкоди здоров'ю; незаконне знищення і привласнення майна, якщо воно не викликане військовою необхідністю; примус цивільної особи або військовополоненого служити в збройних силах держави противника; позбавлення права на неупереджене судочинство; незаконна депортація, переміщення цивільних осіб, що перебувають під захистом; незаконний арешт цивільних осіб, що перебувають під захистом; захоплення заручників. Даний перелік суттєво доповнив Додатковий протокол I 1977 року, включивши в число серйозних порушень ще такі: проведення певних медичних експериментів; перетворення цивільного населення, окремих цивільних осіб або демілітаризованих та безпечних зон в об'єкти нападу; здійснення нападу невибіркового характеру, що зачіпає цивільне населення або цивільні об'єкти, коли відомо, що такий напад буде причиною великої кількості смертних випадків та поранень серед цивільних осіб; віроломне використання емблеми Червоного Хреста, Червоного Півмісяця та інших захисних та розпізнавальних знаків; переміщення окупаючою державою частини її власного цивільного населення на окуповану територію або депортація чи переміщення всього або частини населення окупованої території; невинуватиме затримка репатріації військовополонених або цивільних осіб; апартеїд; напад на історичні пам'ятники та ряд інших.

Окремі склади воєнних злочинів передбачені рядом інших документів. Вони містяться у ст. 28 Гаазької конвенції про захист культурних цінностей під час військових конфліктів 1954 р., ст. 5 Конвенції про заборону військового або будь-якого іншого ворожого використання засобів впливу на природне середовище 1976 р. Окремо слід виділити установчі документи органів міжнародної кримінальної юстиції, зокрема Статуту міжнародних та змішаних воєнних і кримінальних трибуналів *ad hoc*, Римський статут Міжнародного кримінального суду тощо.

Можна виділити близько сотні окремих складів злочинів, які слід вважати воєнними. Однак всі вони характеризуються певною сукупністю ознак, які є притаманні кожному складу зокрема і групі загалом. На сьогоднішній час можна виділити п'ять таких ознак:

1) Дії, що складають об'єктивну сторону воєнних злочинів, вчиняються під час збройного конфлікту і є пов'язані з ним. Дана ознака поєднує в собі дві. По-перше, дана ознака характеризує ситуацію, при якій вчиняється даний злочин. Він *може вчинятися виключно під час збройного конфлікту*, адже відомо, що дії, які під час збройного конфлікту є воєнними злочинами, в мирний час будуть кваліфікуватися по іншому (наприклад, як злочини проти людства). При цьому не має принципового значення характер (міжнародний чи неміжнародний) даного збройного конфлікту. Проте досить багато держав підтримують позицію, що збройні конфлікти неміжнародного характеру відносяться виключно до їх внутрішньої юрисдикції¹. Крім того, перелік дій, які вважаються воєнними злочинами, тут значно коротший. Додатковий протокол II 1977 р., положення якого в основному регулюють дії сторін в ході такого роду конфліктів, не містить жодних норм, що визначають кримінальну відповідальність індивідів², а визначення воєнних злочинів, що склалося в звичаєвому міжнародному праві, тут виявляється далеко не таким чітким, як у випадку міжнародного конфлікту.

Однак, більшість науковців висловлюються за розширене трактування воєнних злочинів і пропонують включити в них порушення гуманітарного права, вчиненні під час неміжнародних збройних конфліктів. Ця позиція була підтримана Комісією міжнародного права³ та ООН. Так, Статут Міжнародного кримінального трибуналу для колишньої Югославії передбачає відповідальність за «серйозні порушення спільної статті 3 Женевських конвенцій», так само як інших норм, направлених на захист жертв збройних конфліктів і основних норм, що стосуються методів та засобів ведення війни. Серйозним Трибунал вважає таке порушення, яке спричиняє тяжкі наслідки для його жертв і порушує норми, що захищають найважливіші цінності. Таким чином злочин повинен включати дії, направлені проти життя і здоров'я (вбивство, жорстоке поводження, катування, завдання каліцтва, тілесні покарання, зґвалтування, примус до проституції), масові вбивства, захоплення заручників, колективні покарання, грабежі та ряд інших дій. Цей перелік, хоч і є набагато коротшим за список серйозних порушень (Конвенцій і Протоколу I) та інших воєнних злочинів в міжнародних конфліктах, проте все таки охоплює основні злочини, що здійснювалися в ході неміжнародних конфліктів. Статут Міжнародного кримінального трибуналу для Руанди включає у перелік воєнних злочинів серйозні порушення загальної ст. 3 Конвенцій і серйозні порушення Протоколу

¹ Про це свідчить стан ратифікації Додаткового протоколу II 1977 р. — усього 163, у той час як Женевські конвенції 1949 р. — 194. Государства, подписавшие основные международные договоры и соглашения // http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/html/party_main_treaties

² Sandoz Y. Les dimensions internationales du droit humanitaire / Y. Sandoz. — Geneve, 1986 — P. 325.

³ UN doc. A /46/10. — P. 294-296.

II. Аналогічні норми містяться і в Статуті Міжнародного кримінального суду, який перераховує воєнні злочини, що можуть вчинятися під час конфліктів неміжнародного характеру. До них відносяться серйозні порушення загальної статті 3 (посягання на життя і фізичну недоторканість, посягання на людську гідність, взяття заручників і масові вбивства) і більше десяти серйозних порушень законів і звичаїв війни (спричинення каліцтв; напад на цивільних осіб, грабіж, згвалтування)¹. Однак, слід відзначити, що застосування норм про воєнні злочини, вчинені під час збройних конфліктів неміжнародного характеру, на даний час суттєво утруднюється тим фактом, що держави не визнають існування такого конфлікту.

По-друге, такі злочини завжди повинні бути *пов'язані із збройним конфліктом*. Таким чином, дії, які кваліфікуються як воєнні злочини, повинні вчинятися як «акт війни», в іншому випадку вони будуть являти собою загальнокримінальні злочини.

2) Вчинення дій, що вважаються серйозними порушеннями норм міжнародного гуманітарного права. Дана ознака об'єднує три елементи. По-перше, діяння повинне становити *грубе порушення норм міжнародного гуманітарного права*, а саме: Женевських конвенцій 1949 р., Додаткових протоколів до них 1977 р., Гаазьких конвенцій 1899 р. та 1907 р., Гаазької конвенції 1954 р., Протоколу про захист культурних цінностей під час військових конфліктів 1954 р., Конвенції про заборону військового або будь-якого іншого ворожого використання засобів впливу на природне середовище 1976 р. та ряду інших документів в сфері міжнародного гуманітарного права, а також грубі порушення звичаєвих норм міжнародного гуманітарного права. На даний час існує близько сотні окремих складів злочинів, які вважаються воєнними. Зважаючи на таку кількість, їх аналіз у даній статті проводиться не буде.

По-друге, *такі дії повинні посягати на найважливіші принципи міжнародного гуманітарного права*, тобто вважатися серйозними порушеннями норм цієї галузі. Як сказано у рішенні Апеляційної камери Міжнародного кримінального трибуналу для колишньої Югославії, порушення повинно бути серйозним, тобто порушувати норму, яка передбачає захист найважливіших цінностей, при цьому його наслідки повинні бути трагічними для жертви. ...Так наприклад, присвоєння комбатантом на окупованій території буханки хліба, що належить мирному жителю, є порушенням ст. 46 Гаазького положення про закони та звичаї сухопутної війни, однак не є серйозним порушенням норм міжнародного гуманітарного права².

По-третє, *такі дії вважаються воєнними злочинами незалежно від їх наслідків*. Загалом слід сказати, що більшість воєнних злочинів пов'язані із заподіянням смерті, пораненнями, знищенням чи незаконним захопленням майна. Проте, не завжди такі дії повинні призводити до вказаних наслідків. Так, зокрема Елементи злочинів виходять з того, що напад на підзахисних осіб чи

¹ Военные преступления: Это надо знать всем / Под ред. Р. Гутмена, Д. Риффа — М., 2002. — С. 96-99.

² ICTY, Tadić case. Interlocutory Appeal.

проведення над ними медичних експериментів буде воєнним злочином незалежно від їх наслідків¹.

3) Такі дії як правило вчиняються комбатантами або особами, які можуть віддавати їм накази. Норми міжнародного гуманітарного права мають на меті врегулювати відносини між державами, з метою максимально захистити жертв війни. Таким чином, виконання їх приписів держави покладають на свої збройні сили та прирівняні до них формування, рухи опору, населення не-окупованої території, що стихійно береться за зброю при наближенні ворога, партизан тощо. Вважається, що такі особи отримали від держави право вести збройну боротьбу² і в даному випадку виступають як представники держави. Саме на комбатантів покладається безпосередній обов'язок втілювати в життя норми міжнародного гуманітарного права, оскільки лише вони мають законне право вести воєнні дії. Дане положення впливає із самого поняття комбатантів, однією з ознак яких вважається обов'язок дотримуватися законів та звичаїв ведення війни. При цьому слід враховувати, що поняття «комбатант» в даному випадку охоплює також і учасників збройних конфліктів неміжнародного характеру³.

Крім комбатантів, обов'язок дотримуватися норм міжнародного гуманітарного права покладається на інших осіб, що можуть віддавати їм безпосередні накази. Так, наприклад, за законодавством України, Росії, США та більшості інших держав головнокомандувачем Збройних Сил є глава держави. Саме до його повноважень належить оголошення війни (з подальшим схваленням такого рішення парламентом). Він здійснює загальне керівництво Збройними Силами тощо. Тому зрозуміло, що він також зобов'язаний дотримуватися норм міжнародного гуманітарного права, а у випадку їх порушення може бути притягнутий до відповідальності. Теж саме стосується і інших осіб, що не входять у склад збройних сил, але будучи державними службовцями є наділені повноваженнями віддавати накази комбатантам. У випадку, якщо серйозні порушення гуманітарного права вчиняються особами, які не мають права воювати, то вони, у залежності від тяжкості злочину, будуть нести кримінальну відповідальність за національним правом в загальному порядку, або ж кримінальну відповідальність за порушення норм міжнародного права, проте вже не за воєнні злочини, а, в залежності від вчинених дій, за злочини проти людства, геноцид або інші злочини.

Проте, досить часто національні акти розширено трактують перелік суб'єктів воєнних злочинів, включаючи в їх перелік і цивільних осіб, які під час збройних конфліктів вчиняють злочини стосовно комбатантів. Такі положення містяться у військових статутах Австралії, Еквадору, США.

4) Об'єктом посягання є особи, що знаходяться під захистом міжнародного гуманітарного права (чи їх права). Війна це завжди відносини між

¹ Dörmann K. Elements of War Crimes under the Rome Statute of the International Criminal Court: Sources and Commentary / K. Dörmann. — Cambridge, 2003. — P. 130, 233.

² Miedzynarodowe sadownictwo karne. — Warszawa, 1994. — S. 7.

³ В такому «широкому розумінні» воно наприклад використовується в Резолюції ГА ООН 2676(XXV) від 9 грудня 1970 р.

державами (та іншими суб'єктами міжнародного права). Ціллю війни є знищення військового потенціалу держави-противника, його збройних сил, техніки, військових об'єктів, з метою досягнення певних політичних цілей¹. Об'єктом нападу не можуть бути особи та об'єкти, які не є військовими. Саме тому міжнародне гуманітарне право вводить особливе поняття «підзахисні особи» для позначення того, з метою захисту чиїх інтересів воно діє. Підзахисні особи є найбільш вразливими та беззахисними, їх захоплення чи знищення не приносить жодної військової переваги, тому такі дії вважаються військовими злочинами. Однак можливим є варіант, що об'єктом посягання будуть принципи міжнародного гуманітарного права, порушення яких не створює безпосередньої загрози для підзахисних осіб і об'єктів. До таких слід віднести принизливе поводження, примусові роботи, порушення права на справедливий судовий розгляд, вербування дітей, що не досягли 15 років, глумлення над мертвими чи могилами.

5) Дані злочини завжди вчиняються умисно або із грубої необережності. Як зазначено у ст. 30 Статуту Міжнародного кримінального суду, злочини вчиняються «умисно і свідомо». Однак конкретна форма вини все-таки визначається кожним окремим складом злочину.

Визначивши ознаки, притаманні військовим злочинам, можемо сформулювати їх поняття. Таким чином, **військовим злочином** вважається міжнародний злочин, що умисно чи з грубої необережності вчиняється комбатантом та порівняними до них особами чи по відношенню до них цивільною особою під час збройного конфлікту і полягає у масовому і серйозному порушенні норм міжнародного гуманітарного права та посягає на підзахисних осіб, їх права чи найважливіші принципи міжнародного гуманітарного права.

¹ Taylor. T. The Concept of Justice and the law of War / T. Taylor. — New York, 1978. — P. 113.

Н. Н. ГНАТОВСКИЙ

заместитель директора Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, доцент кафедры международного права, кандидат юридических наук

ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА¹

Изучение истории законов и обычаев войны позволяет утверждать, что их формирование происходило непосредственно во время боевых действий под влиянием представлений государств о нормах поведения, приличествовавших цивилизованным нациям². Появление же универсального конвенционного регулирования норм права войны связано с целенаправленной и последовательной деятельностью Международного Комитета Красного Креста (МККК)³. Первым ее весомым результатом стало принятие в 1864 году в Женеве Конвенции об облегчении участи раненых и больных во время сухопутной войны. С того времени на универсальном уровне, прежде всего, благодаря усилиям МККК, принято настолько значительное количество конвенций, закрепляющих нормы международного гуманитарного права, что эту отрасль можно без преувеличения назвать одной из самых обеспеченных договорным международным правом. Акцентирование внимания на существующих обычных нормах международного гуманитарного права началось лишь в 1990-е гг. на волне общего пробуждения заинтересованности к международному обычаю как главному, наряду с международным договором, источнику международного права. Не удивительно, что его инициатором стал все тот же МККК.

«Исследование обычного международного гуманитарного права»⁴ (далее – «Исследование»), проведенное по инициативе МККК большой группой ведущих экспертов⁵ в сфере международного гуманитарного права (далее – «МГП»),

¹ Ранняя версия этой статьи была опубликована на украинском языке в журнале «Український часопис міжнародного права» № 2/2006 (Гнатівський М.М. Нове народження звичаєвого міжнародного гуманітарного права / М.М.Гнатівський // Український часопис міжнародного права. — 2006. — № 2. — С. 17–22).

² Neff S.C. War and the Law of Nations : A General History / Stephen C. Neff. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — P. 23 et seq.

³ Название, данное при основании в 1863 году — «Международный комитет помощи раненым». Современное название «Международный Комитет Красного Креста» был принят в 1876 г.

⁴ Customary International Humanitarian Law / International Committee of the Red Cross; Edited by Jean-Marie Henckaerts and Louise Doswald-Beck. Volume 1: Rules. Volume 2 (in 2 books): Practice. — Cambridge University Press, 2005. Русский перевод 1-го тома: Обычное международное гуманитарное право. Том 1. Нормы // Жан-Мари Хенкергс и Луиза Досвальд-Бек при участии Каролин Алверман, Кнута Дёрмана и Батиста Ролла / перевод с английского. — МККК, 2006 (далее — «Обычное международное гуманитарное право»).

⁵ Полный список членов национальных и международных исследовательских групп, руководящего комитета, групп правительственных и академических экспертов, а также исследовательской группы

стало большим событием для кодификации и прогрессивного развития норм международного права, которые применяются во время вооруженного конфликта. Тем не менее, на этом его роль и значение для теории и практики международного права не исчерпываются. Как представляется, можно определить по меньшей мере три аспекта исследования, которые должны стать предметом подробного внимания со стороны юристов-международников, но до сих пор не нашли достаточного освещения в отечественной специализированной литературе.

Первым из таких аспектов является роль «Исследования» в повышении эффективности международно-правового регулирования ведения военных действий. Конечно, никакие новые нормы МГП в результате этой работы, которая должна рассматриваться как часть международно-правовой доктрины, не возникли – это было бы невозможно с любой точки зрения. Но не вызывает сомнения, что государства и другие адресаты норм международного гуманитарного права получили достаточно краткое по объему и конкретное по содержанию собрание его минимальных стандартов и основных положений. В самом деле, можно спорить о том, насколько те или другие изложенные в «Исследовании» нормы отображают настоящее содержание общего обычного международного права, но такая дискуссия, вероятнее, будет касаться в большей степени деталей, нежели всего корпуса норм. Так же можно спорить, правильно ли определена в исследовании предметная сфера применения обычных норм, прежде всего – в вооруженных конфликтах немеждународного характера. В конце концов, подобно Государственному департаменту и Министерству обороны США, можно ставить под сомнение единообразие и беспристрастность применения избранной в «Исследовании» методологии и даже его результаты¹ – хотя такой подход едва ли имеет широкую поддержку. Тем не менее, даже в последнем упомянутом документе разделяется «точка зрения МККК, что знание норм обычного международного права является важным для всех сторон, связанных с вооруженным конфликтом, в том числе для правительств, тех, кто носит оружие, международных организаций, а также МККК»².

Второй аспект, на который целесообразно обратить внимание, состоит в напоминании государствам о необходимости определить свое отношение к общему обычному международному праву и, непосредственно, к обычному международному гуманитарному праву. Особенно остро эта проблема встала перед Украиной и другими постсоветскими государствами, в которых национальные правовые системы не определились со своим соотношением к обычным нормам международного права.

Третий аспект, который не может оставить равнодушным каждого, кто когда-нибудь интересовался международным правом, состоит в значении

МККК см.: Обычное международное гуманитарное право. – С. XXVIII-XXXIII.

¹ U.S. Initial Reactions to ICRC Study on Customary International Law // A Letter to Dr. Jakob Kellenberger, President, International Committee of the Red Cross, dated November 3, 2006, from John Bellinger, III, Legal Adviser, Department of State, and William Haynes II, General Counsel, Department of Defense. – <<http://www.state.gov/s/l/rls/82630.htm>>.

² Ibid.

«Исследование» для науки международного права. До публикации «Исследования» в центре научной дискуссии были преимущественно теоретические выкладки относительно методологии определения содержания общего обычного международного права. Одним из ярчайших примеров в этом жанре есть «Лондонские принципы, которые касаются формирования общего обычного международного права», одобренные Ассоциацией международного права в 2000 году¹ (в дальнейшем – «Лондонские принципы»). «Исследование» МККК дает бесценный пример использования произведенной на основе теоретической дискуссии методологии на практике, и вдобавок к материалу, практическая актуальность которого не может относиться под сомнение, учитывая количество и интенсивность вооруженных конфликтов, которые делятся в разных регионах мира. Даже критические отклики государств на результаты работы экспертов, привлеченных МККК, дадут возможность сделать важные выводы относительно уместности и практической эффективности подходов к определению содержания норм общего обычного международного права. В конце концов, они должны дать толчок продолжению исследования темы формирования норм общего обычного международного права на новом этапе.

В рамках третьего аспекта уместно было бы рассмотреть целесообразность и необходимость учесть результаты «Исследования» в учебном процессе по международному гуманитарному праву во всем возможном спектре аудитории: студенты (юристы-международники, военные юристы, другие правоведческие специальности), военнослужащие, журналисты, судьи, персонал гуманитарных организаций и т. п.

Конечно, на этом далеко не исчерпываются проблемы, поставленные «Исследованием». Только лишь анализ каждой отдельно взятой нормы допускает дискуссию относительно точности и полноты ее формулирования, наличия достаточной практики государств и *opinio juris* и т. д. Одним из первых примеров такой дискуссии можно найти, например, во второй части процитированного выше письма юридических советников Государственного департамента и Министерства обороны США д-ру Я. Келленбергеру, а также в специальной литературе, последовавшей за публикацией «Исследования»².

В настоящей статье мы остановимся на трех основных упомянутых аспектах исследования.

1. Договорное и обычно-правовое регулирование ведения вооруженных конфликтов

Вопрос о соотношении международных договоров и обычаев как источников МГП ставился еще до 1995 г., т. е. до официального начала исследования МККК. Казалось бы, зачем вообще вести речь о таком «ненадежном» и

¹ Statement of Principles Applicable to the Formation of General Customary International Law // Final Report of the Committee on Formation of Customary (General) International Law. Adopted by Resolution No 16/2000 of the 69th Conference of the International Law Association, held in London, United Kingdom, 25 – 29 July 2000. – 66 p. – <<http://www.ila-hq.org/pdf/CustomaryLaw.pdf>>.

² В первую очередь, речь идет о сборнике: Perspectives on the ICRC Study on Customary International Humanitarian Law / Edited by Elizabeth Wilmshurst and Susan Breau. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 498 p.

«размытом» источнике международного гуманитарного права, как обычай, когда существуют, например, четыре Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года, которые всегда служили примером почти универсального принятия международного договора. Более того, слово «почти» в предыдущем предложении вообще стало лишним летом 2006 года, когда последние два государства, которые не были участниками Женевских конвенций (27 июня 2006 года – Республика Науру, а 2 августа 2006 года – Республика Черногория), присоединились к ним¹.

Впрочем, выяснение обычно-правовой природы норм МГП, как закрепленных непосредственно в Женевских конвенциях или других универсальных международных договорах, так и остальных, представляет далеко не только доктринальный интерес. Обращался к нему и Международный Суд ООН, и отдельные ученые, в числе которых выделяется работа одного из будущих членов авторского коллектива «Исследования» и будущего председателя апелляционной палаты Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии американского профессора Теодора Мерона «Женевские конвенции как обычное право», опубликованная в «Американском журнале международного права» еще в 1987 г.² Обобщая приведенные аргументы, можно указать несколько причин такого интереса.

Во-первых, при решении конкретного дела в Международном Суде ООН может возникнуть необходимость установить, отвечают ли определенные нормы многосторонних международных договоров общему обычному международному праву. Например, такая необходимость возникла во время рассмотрения дела о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа³. В этом деле Суд вынужден был принять во внимание оговорки США к их заявлению о признании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН согласно пункту 2 статьи 36 его Статута. Согласно оговорке из сферы действия этого заявления были исключены «споры, возникающие по многостороннему договору, если 1) не все участники настоящего договора, интересы которых затрагиваются этим решением, также являются сторонами в деле, находящимся на рассмотрении в Суде, или если 2) Соединенные Штаты Америки не дают специального согласия на Юрисдикцию Суда». В этом контексте положения Женевских конвенций могли быть применены Судом только тогда, когда они отображали также содержание общего обычного международного права.

¹ Весьма широко приняты и Дополнительные протоколы I и II 1977 года к Женевским конвенциям 1949 г. По состоянию на 1 января 2009 года Дополнительный протокол I, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, ратифицировали 168 государств, а Дополнительный протокол II, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, – 164 государства. В то же время, весьма сильна критика протоколов со стороны государств, отказывающихся присоединиться к ним, в частности – США и Израиля. См., например: Dinstein Y. *The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict* / Yoram Dinstein. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – P. 11 et seq.

² Meron T. *The Geneva Conventions as Customary Law* / Theodor Meron // *The American Journal of International Law*. Vol. 81, No.2 (April 1987). – P. 348-370.

³ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports, p. 14.

Во-вторых, существуют государства, конституционное право которых для введения положений международного договора в национальную правовую систему предусматривает принятие специального имплементационного законодательства. Таковое для Женевских конвенций может и не быть принятым, несмотря на то, что соответствующие государства являются сторонами конвенций, тогда как обычное (общее, общепризнанное) международное право рассматривается как часть национальной правовой системы *per se*.

В-третьих, согласно декларации Мартенса – одной из основоположных норм законов и обычаев войны, в случаях, не предусмотренных международными договорами, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, вытекающих из сложившихся обычаев, принципов гуманности и требований общественного сознания¹.

В-четвертых, в силу статьи 43 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., а также общей статьи 63/62/142/158 Женевских конвенций выход государства из международного договора (в частности путем денонсации) не затрагивает его обязанности выполнять любое закрепленное в договоре обязательство, имеющее для него силу согласно международному праву независимо от договора, в частности на основании общего обычного международного права².

В-пятых, в отличие от международных договоров к уже сформированным действующим нормам общего обычного международного права невозможно делать оговорки. В случае если государство не соглашается с формирующейся общей нормой, оно должно заявить протест и занимать по соответствующему вопросу достаточно последовательную позицию (*persistent objection*).

В-шестых, преобразование отдельных положений международных договоров по МГП в нормы *jus cogens*, как это предусмотрено статьей 53 Венской конвенции о праве международных договоров, возможно на практике лишь путем их преобразования в нормы общего обычного международного права через принятие международным сообществом государств в целом.

В-седьмых, средства толкования обычных норм международного права могут весьма существенно отличаться от предусмотренных для международных договоров в статьях 31-33 Венской конвенции.

В-восьмых, принадлежность значительного (возможно, даже преобладающего) количества норм МГП одновременно к общему обычному и универсальному договорному праву может использоваться как аргумент в пользу их естественно-правового происхождения (в частности как отображение нормального поведения, присущего в кризисных ситуациях человеку в силу его природы).

¹ См., например, пункт 2 статьи 1 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г.

² Общая статья 63/62/142/158 Женевских конвенций 1949 года в пункте 4 предусматривает: «Денонсация будет иметь силу лишь в отношении денонсирующей державы. Она никак не будет влиять на обязательства, которые стороны, находящиеся в конфликте, будут обязаны продолжать выполнять в силу принципов международного права, поскольку они вытекают из обычаев, установившихся среди цивилизованных народов, из законов человечности и велений общественной совести». По сути, в этом положении также отражена основная идея декларации Мартенса.

Отдельным и очень существенным аспектом установления содержания норм обычного МГП является его значение для создания и функционирования органов международной уголовной юстиции. Наверное, наиболее проблемным вопросом всех международных уголовных (военных) трибуналов *ad hoc* было соответствие их учреждения и функционирования принципу легальности как основополагающему в уголовном праве (в том числе и международном) – *nullum crimen, nulla poena sine lege* и запрета обратного во времени действия уголовного закона¹. Поскольку до учреждения постоянного Международного уголовного суда органы международного уголовного правосудия возникали исключительно после того или иного вооруженного конфликта, всегда ставился вопрос о возможности суда за нарушение норм, установленных в уставе соответствующего трибунала после того, как нарушения состоялись². Возможным решением этой проблемы является положение в уставах и решениях трибуналов о том, что речь идет о нарушении норм обычного МГП, которыми являются, например, положения статьи 3 общей для четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г.³ «Исследование», в свою очередь, прибавляет уверенности в содержании обычного МГП и может с этой целью использоваться международными уголовными судами и трибуналами.

Итак, если позаимствовать терминологию права европейской интеграции, в деле правового регулирования ведения войны появляется «вторая опора», или, иначе говоря, альтернативное направление юридической аргументации, юридической техники и развития правоприменительных инструментов. Конечно, если та или другая норма объективно обязательна, теоретически нет нужды доказывать ее двойную юридическую природу. Тем не менее, на практике такая необходимость возникает, в частности, когда идет речь о стороне вооруженного конфликта, не являющейся участником соответ-

¹ См., например: Kittichaisaree K. *International Criminal Law* / Kriangsak Kittichaisaree. — Oxford : Oxford University Press, 2001. — P. 43; Cassese A. *International Criminal Law* / Antonio Cassese — Oxford : Oxford University Press, 2003. — P. 139-158.

² Не утихают подобные разговоры, пусть и не в среде специалистов по международному праву, и поныне. Достаточно характерным является высказывание российского правозащитника С.А. Ковалёва: «Вспомним Нюрнбергский процесс. С точки зрения права это чистое безобразие, это ведь суд победителей над побежденными, причем там даже не было попыток это скрыть. Какое тут равенство сторон? Это суд, который судил по специально для него написанным законам. Был сознательно нарушен фундаментальнейший, самый важный принцип права: закон не имеет обратной силы. Решили, что имеет. И вздернули людей, многие из которых поступали строго в соответствии с законами своей страны, действовавшими тогда. Ужасными законами, варварскими, но законами. Тем не менее, найдите юриста, который сказал бы, что Нюрнбергский процесс — событие печальное, о нем следует сожалеть и признать, что он отодвинул нас назад. Ни один самый строгий юрист, понимающий все юридические недостатки Нюрнберга, не выступит таким образом» (Цуканова Л. Сергей Ковалев: «Мир не стал бы протестовать, если бы мировой порядок поддерживали инопланетяне» / Л. Цуканова // Новое время, № 18-19, 2003. — С. 12-17).

³ Например, в решениях Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии по делам Тадича (Tadic, Appeals Chamber, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, October 2, 1995, para. 98: «Некоторые договорные нормы постепенно стали частью обычного права. Это, в частности, касается общей статьи 3 Женевских конвенций 1949 года ...»), Кунараца, Ковача и Воковича (Kunarac, Kovac and Vokovic, Appeals Chamber, June 12, 2002, para. 68), Блашкича (Blaskic, Trial Chamber, March 3, 2000, para. 166), Налетилича та Мартиновича (Naletic and Martinovic, Trial Chamber, March 31, 2003, para. 228). См.: Genocide, War Crimes and Crimes Against Humanity: Topical Digests of the Case Law of the International Criminal Tribunal for Rwanda and the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. — Human Rights Watch, 2004. — P. 140. См. также статью 5 Устава Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии.

ствующих международных договоров и вообще не имеющей определенного международно-правового статуса. Благодаря «Исследованию» в руках адептов МГП, в частности МККК, появляется новый весомый аргумент в дискуссии с «негосударственными акторами». В конце концов, «Исследование» важно и для соблюдения МГП государствами, принимающими участие в вооруженных конфликтах немеждународного характера, ведь содержание применимых к ним обычных норм шире не только общей статьи 3 четырех Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 г., но и положений Дополнительного протокола II к этим конвенциям от 8 июня 1977 г.

2. Практика государств относительно общего обычного международного права

Поскольку МГП является составной частью международного публично-права, «Исследование» ставит перед государствами не только конкретную задачу определенным образом реагировать на его появление, но и напоминает о более общей проблеме – определить свое отношение к общему обычному международному праву и его соотношение с национальными правовыми системами. Поскольку эта проблема очень широка, остановимся лишь на отдельных моментах, характерных для Украины и некоторых других постсоветских государств.

Представляется, что в целом на постсоветском пространстве сформировалось довольно специфическое, «механистическое» отношение к проблеме национально-правовой имплементации норм международного права, в том числе МГП. Национальный законодатель обращает основное внимание на нормы международных договоров, к которым применяется общая схема: 1) решение вопроса о том, к каким международным договорам в сфере МГП имеет смысл присоединяться; 2) акт присоединения к соответствующей конвенции и принятие необходимого законодательства, приведение национальных законов законодательства (военного, уголовного и т. п.) в соответствие с конвенциями, которые преимущественно делаются благодаря деятельности национальных комиссий по имплементации МГП, что формируются под эгидой министерства юстиции или другого ведомства, ответственного за правовую политику государства;

3) дальнейший мониторинг выполнения договорных обязательств (очевидно, довольно формальный).

Остается непонятным, как в эту схему вписать обязательства государств, проистекающие из общего обычного международного права. В законодательстве Украины и других постсоветских государств такого механизма нет. Ситуация усложняется еще и отсутствием в Конституции Украины 1996 г. ответа на вопрос об отношении национальной правовой системы к обычному международному праву. Единственное упоминание об этом явлении обнаруживается в статье 18 Конституции Украины, согласно которой *«внешнеполитическая деятельность Украины направлена на обеспечение ее национальных интересов и безопасности путем поддержания мирного и взаимовыгодного сотрудничества с членами международного сообщества согласно общепризнанным принципам и нормам международного права»*¹. Тем не менее, конституционно провозглашенное намерение основывать «внешнеполитическую деятельность»

¹ Здесь и далее – выделено автором

на общепризнанных принципах и нормах международного права не тождественно ответу на вопрос о соотношении национальной правовой системы и обычных норм международного права, хотя бы и «общепризнанных». Для сравнения можно напомнить часть четвертую статьи 15 Конституции Российской Федерации 1993 г., согласно которой *«общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы»*¹.

Но каким бы ни было содержание национальных конституций, государства должны выполнять международные обязательства, в том числе вытекающие из общего международного права. В отличие от охарактеризованного выше процесса присоединения к международному договору и его имплементации на национальном уровне, в случае с общим обычным международным правом тяжело, а иногда даже невозможно проследить волевое решение государства быть связанным такими нормами. Это тем более имеет значение для государств, которые ранее не были субъектами международного права или чья международная правосубъектность была довольно условной (Украина как продолжатель Украинской ССР – члена Организации Объединенных Наций). Современная доктрина, в частности «Лондонские принципы» Ассоциации международного права², подтверждает мысль Г. Лаутерпахта, что новое государство не имеет возможности выбирать из существующих норм международного права те, которых она желает придерживаться, и которых – нет. Государство связано общепризнанными нормами международного права, даже если его согласие на них не может быть доказано в каждом конкретном случае. Достаточно, чтобы эта норма была общепризнанной и трудно было бы представить, что цивилизованное государство откажется от ее соблюдения³.

Механизм имплементации обычных норм международного гуманитарного права не должен сильно отличаться от мероприятий во исполнение договорных обязательств государств в этой сфере. Свою роль должно играть информирование общественности о содержании норм, связи со школами, университетами и другими учебными заведениями для военных, журналистов, медиков, а также семинары, конференции и подобные мероприятия. Содержание «Исследования» должно приниматься во внимание национальными комиссиями по имплементации международного гуманитарного права. В любом случае, благодаря «Исследованию» МККК напомнил государствам и другим членам международного сообщества о существовании обычных норм как важной составляющей МПП.

¹ Авторитетные и четкие комментарии этого положения Конституции Российской Федерации см., например, в работах И.И. Лукашук и О.И. Тиунова (напр., Лукашук И.И. Конституция России и международное право / И.И. Лукашук // *Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия* / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и А.В. Сычевой. — М., 2004. — С. 43-47; Тиунов О.И. Об особенностях общепризнанных принципов и норм международного права / О.И. Тиунов // *Международное право XXI века* / Под ред. В.Г. Буткевича. — К., 2006. — С. 141-157).

² См., в частности, принципы 14 и 18, а также комментарии к ним Комитета по формированию обычного международного права Ассоциации международного права (Statement of Principles Applicable to the Formation of General Customary International Law... — P. 26-40).

³ Lauterpacht H. *International Law: Collected Papers* / Ed. by E. Lauterpacht. — Vol. 1. The General Works. — Cambridge University Press, 1978. — P. 56-57.

3. Значение «Исследования» для развития науки и преподавания международного права

В науке международного права тяжело отыскать настолько полное и, вместе с тем, авторитетное собрание общих обычных норм в определенной сфере, выполненное доктринальными методами, как «Исследование». Сравнить его можно разве что с работой Комиссии международного права ООН в тех сферах, где она не привела к принятию конвенции, например – Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные действия. Особенностью задачи, которой решала группа в составе Ж.-М. Хенкеркса, Л. Досвальд-Бек и других, была необходимость сконцентрироваться лишь на нормах общего обычного МГП и, в отличие от работы Комиссии международного права, не определять перспективы кодификации и прогрессивного развития соответствующей области.

Представляется, что всем юристам-международникам (как теоретикам, так и практикам) было бы чрезвычайно полезно детально изучить методологию группы при определении норм обычного общего международного права в отдельно взятой сфере. Ведь методология определения содержания норм общего обычного международного права остается предметом научной дискуссии, а потому опыт практического применения одного из ее вариантов имеет существенное значение¹. Следует обратить внимание на очевидную корреляцию методологии группы экспертов МККК и «Лондонских принципов» Ассоциации международного права, о которых упоминалось выше. В частности, это вопрос о юридическом значении государственной практики, которая противоречит содержанию формирующейся нормы; вопрос постоянного несогласия государства; вопрос репрезентативности практики и ее количественных показателей и ряд других.

С научным значением «Исследования» связана и его роль в усовершенствовании обучения международному гуманитарному праву. Пусть оно и не претендует на то, чтобы охватить всю отрасль, тем не менее, избранная система расположения материала заслуживает всяческого внимания с точки зрения структуры учебных пособий и учебников с МГП – от уровня высшей школы до «карманных» справочников для военных, журналистов, медицинского персонала, правозащитников и т. д. 161 норма, изложенная последовательно и логически, должна восприниматься значительно легче, чем многочисленные конвенции, содержание которых частично совпадает, частично отличается, частично содержит «мертвые» нормы.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что названными, сжато прокомментированными аспектами роль «Исследования обычного международного гуманитарного права», проведенного МККК, не исчерпывается. Собственно, и

¹ Подробнее о методологии «Исследования» см.: Henckaerts Jean-Marie. Study on customary International humanitarian law: A contribution to the understanding and respect for the rule of law in armed conflict / Jean-Marie Henckaerts // International Review of the Red Cross. — Volume 87. Number 857. March 2005. — P. 178-184.

«Исследование» нельзя считать окончательно завершенным – оно, вне всякого сомнения, будет обновляться, дополняться, комментироваться, поскольку практика государств и *opinio juris* формируются постоянно, как не исчезают навсегда из лица Земли вооруженные конфликты. Тем не менее, понятно, что усилиями МККК состоялось истинное возрождение обычного измерения МГП.

А. П. ЛАДЫНЕНКО

аспирант кафедры международного права и международных отношений Одесской национальной юридической академии

ВИДЫ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ПРИМЕНИМОЕ К НИМ ПРАВО

Для эффективного применения норм международного гуманитарного права определяющее значение имеет правильная квалификация вооруженного конфликта. Причем генезис международного гуманитарного права свидетельствует об увеличении разнообразия вооруженных конфликтов, и, соответственно, применяемых к ним норм международного гуманитарного права – война, а в современной интерпретации вооруженный конфликт международного характера; вооруженный конфликт немеждународного характера; интернационализованные конфликты.

Следует отметить, что для международного гуманитарного права определение характера вооруженного конфликта носит важное, но все-таки вспомогательное значение, поскольку основной целью является защита жертв войны вне зависимости от характера конфликта. Однако характер вооруженного конфликта, его квалификация имеют определяющее значение для выявления норм, подлежащих применению в условиях того или иного вида вооруженного конфликта, определения вида, статуса покровительствуемых лиц, и установление эффективного правового режима их защиты.

Сказанное определяет необходимость исследования понятия и видов вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве, различий в применяемых к ним норм международного гуманитарного права.

Проблематика правовой характеристики вооруженных конфликтов, как самостоятельно, так и применительно к международному гуманитарному праву, достаточно широко освещена в научной юридической литературе.

Эти вопросы нашли свое отражение в трудах Аби-Сааба Р.¹, Алешина В. В.², Амирова Р. З.³, Арцибасова И. Л., Белогубец К. Н.⁴,

¹ Аби-Сааб Р. Гуманитарное право и внутренние конфликты. Истоки и эволюция международной регламентации / Р. Аби-Сааб. — М.: Международный Комитет Красного Креста. — 2000. — 264 с.

² Алешин В.В. Особенности вооруженного конфликта немеждународного характера (теоретико-правовой анализ) / В.В. Алешин // Государство и право. — М.: Наука, 2006, № 2. — С. 100-104.

³ Амиров Р.З. Некоторые вопросы правового регулирования деятельности вооруженных сил в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера / Р.З. Амиров // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — Уфа : Изд-во Уфим. юрид. ин-та МВД России, 2003. — № 1. — С. 59-63.

⁴ Белогубец К.Н. Конфликт немеждународного характера в международном праве: пример Чечни / К.Н. Белогубец // Международное гуманитарное право в современном мире. Статьи и документы : Материалы Международной научно-практической конференции 15-16 ноября 2002 г. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ. — 2004. — С. 63-66.

Валитова Р. Р.¹, Доди К.², Егорова С. А., А. Г. Ф. де Кастро³, Котлярова И. И., Кувырченкова Т. В.⁴, Кукушкина А. В., Полторак А. И., Савинского Л. И., Семенькова В. Н.⁵ Смирнова М. Г.⁶, Рыжова А. И.⁷, Толочко О. Н. и других юристов-международников. В них исследованы вопросы понятия и видов вооруженных конфликтов, разграничения вооруженных конфликтов от ситуаций внутренней напряженности и массовых беспорядков, применения норм международного гуманитарного права.

При этом остался недостаточно изученным ряд вопросов, относящихся к дифференциации вооруженных конфликтов, их определению, критериям применения такого определения к тому или иному конкретному случаю, последствиям иностранного вмешательства в конфликты немеждународного характера, приводящего к их интернационализации, установлением объема защиты и круга покровительствуемых лиц⁸.

Сложностью также является отделение беспорядков внутри страны и ситуаций внутренней напряженности, которые, по сути, вооруженными конфликтами не являются, от вооруженных конфликтов немеждународного характера и интернационализированных конфликтов. Причем, эти ситуации могут как предшествовать, так и продолжаться после вооруженных конфликтов немеждународного характера. Таким образом, речь может идти не только о качественных критериях наличия/отсутствия признаков вооруженного конфликта немеждународного характера, но и хронологических рамках применения норм международного гуманитарного права, действующих в период вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Еще одной проблемой является применение норм международного гуманитарного права к беспорядкам внутри страны и ситуациям внутренней напряженности. Можно заметить, что во многих случаях основанием гуманитарной интервенции являются именно эти ситуации, и проблемой является

¹ Валитова Р.Р. Проблемы имплементации международного права (на примере норм гуманитарного права применительно к вооруженным конфликтам немеждународного характера) / Р.Р. Валитова // Формирование российской правовой культуры в период становления рыночной экономики : сборник статей и тезисов Международной межвузовской конференции аспирантов и студентов (МГЮА, 2-3 апреля 2004 г.). — М.: Изд-во МГЮА. — 2004. — С. 105-108.

² Доди К. Правовая квалификация беспорядков внутри страны и ситуаций внутренней напряженности / К. Доди // Актуальні проблеми держави і права : збірник наукових праць. Вип. 46. — О.: Юридична література. — 2009. — С. 414-421.

³ Альберто Гваделупе Фернандеш де Кастро. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов / Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Альберто Гваделупе Фернандеш де Кастро. — Москва, 1999. — 166 с.

⁴ Кувырченкова Т.В. Вооруженный конфликт немеждународного характера: понятие, особенности / Т.В. Кувырченко // Закон и право. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. — № 8. — С. 41-42.

⁵ Семенькова В.Н. Применение международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах немеждународного характера / В.Н. Семенькова // Проблемы правоприменения : сборник научных статей. — Калининград : Изд-во КГУ. — 2004. — Вып. 1. — С. 20-25.

⁶ Смирнов М.Г. О системе и характере норм, регулирующих вооруженные конфликты немеждународного характера / М.Г. Смирнов // Государство и право. — М.: Наука, 2006. — № 4. — С. 111-115.

⁷ Рыжов А.И. Юридические дефиниции в международном праве (на примере понятий «война», «вооруженный конфликт международного характера», «вооруженный конфликт немеждународного характера») / А.И. Рыжов // Юридическая техника. — 2007. — № 1. — С. 129-134.

⁸ Аби-Сааб Р. Гуманитарное право и внутренние конфликты. Истоки и эволюция международной регламентации / Р. Аби-Сааб. — М.: Международный Комитет Красного Креста. — 2000. — С. 129.

допустимость такого вмешательства с позиции соблюдения принципа невмешательства во внутренние дела государств – а ведь речь идет о применении норм международного гуманитарного права.

Отдельной проблемой стало распространение терроризма, и, прежде всего, международного. Акты террора в период беспорядков внутри страны и в ситуациях внутренней напряженности классифицируются в соответствии с внутригосударственным законодательством и не порождают применения международного гуманитарного права, по крайней мере, в полном объеме. Другое дело международный терроризм. Отнесение войны с международным терроризмом к вооруженным конфликтам, попытки распространения на членов международных террористических организаций статуса участников вооруженного конфликта требуют серьезного анализа. Возникает обоснованный вопрос: подпадает ли международный терроризм под признаки и соответствующие нормы классических видов вооруженных конфликтов, или же при его развитии человечество столкнется с необходимостью выделения нового вида вооруженных конфликтов, и его самостоятельной нормативной регламентацией, как это было при принятии II Дополнительного протокола к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера 1977 г.? Рассмотрение международной террористической организации в качестве стороны в вооруженном конфликте предполагает наделение ее членов определенным статусом. Однако, по нашему мнению, необходимо изначально определиться о каком конфликте идет речь, – международном или немеждународном.

В связи с распространением международного терроризма стало модным выделять ассиметричные войны¹. Сам термин достаточно нов, но если говорить о партизанских войнах, то ситуация обстоит иначе. Ведение ассиметричных военных действий, определяемых как способность «действовать, организовывать и мыслить иначе, чем противник, с целью максимизации собственных преимуществ, использования слабых сторон противника, перехвата инициативы и достижения большей свободы действий»², по мнению ряда авторов ставит под вопрос традиционное понятие и разновидности вооруженных конфликтов³. Причем ассиметрично должны действовать и государства – «симметричный ответ» новые угрозы приводит к если не поражению, то явно непропорциональной затрате сил и средств. А поскольку государства связаны

¹ Pfanner Toni. Asymmetrical warfare from the perspective of humanitarian law and humanitarian action / Toni Pfanner // International Review of the Red Cross. — 2005. — № 857.

² См. S. Metz & D.V. Johnson II, Asymmetry and U.S. Military Strategy: Definition, Background, and Strategic Concepts. Strategic Studies Institute Report, US Army War College, 5-6 (2001). Общую дискуссию по ассиметричной войне см. в работе подполковника Don. A. La Carte, Asymmetric Warfare and the Use of Special Operations Forces in North American Law Enforcement, Canadian Military Journal 24, 24-5 (Winter 2001-2002). Цит. по: Уоткин К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века : материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права» / К.У. Уоткин. — Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

³ Уоткин К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века : материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права» / / К.У. Уоткин. — Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

в своих действиях нормами международного гуманитарного права, анализ соответствия действий государств в условиях ассиметричных войн просто необходим. Например, к такого рода действиям можно отнести концепцию превентивных ударов, которая нашла отражение в военных доктринах ряда государств.

Сложные явления представляют участвовавшие в последнее время смешанные, интернационализованные конфликты – конфликты, которые сочетают признаки и внутреннего, и международного. Поэтому необходимы дальнейшие усилия по кодификации и прогрессивному развитию норм международного права, применяемого в условиях немеждународных вооруженных конфликтов, особенно, в случаях их интернационализации, что стало наиболее часто встречающимся явлением в конце XX – начале XXI века.

Новым, не укладывающимся в международно-правовую квалификацию, видом вооруженных конфликтов являются информационные войны¹. Тем самым «смазывается» само понятие «вооруженный конфликт», однако реальные последствия информационной войны могут быть существенны, привести к значительным жертвам и разрушениям². По мнению К. У. Уоткина, такого рода конфликты приведут «к проблеме определения статуса гражданских лиц, вооруженных процессором и клавиатурой и находящихся на другом континенте, и контроль за их действиями»³.

Для определения объема юридических норм, которые должны применяться воюющими сторонами в вооруженном конфликте имеет важное значение толкование содержания терминов «война», «вооруженный конфликт международного характера» и «вооруженный конфликт немеждународного характера». Исходя из последовательности возникновения и международно-правовой регламентации, рассмотрим понятие и соотношение основных категорий, применяемых при квалификации вооруженного конфликта.

¹ См. например, Черч У. Информационная война / У.Черч // Междунар. журн. Красного Креста : сб. ст. – 2000. – С. 49–61.

² Как говорится в работе Greg Rattray, *Strategic Warfare in Cyberspace 20* (The MIT Press, 2001): «По сравнению с применением других видов оружия, организация нападения на информационные сети не требует больших силовых затрат. Химическое или биологическое оружие называют оружием массового поражения не из-за объема разрушительной энергии, выделяемой при их применении, а из-за количества вызываемых ими потерь. Широкомасштабное применение обычных вооружений вызывает серьезный ущерб. Несмотря на природу информационной атаки, не требующую приложения значительных сил, разрушение систем цифрового контроля атомной электростанции может иметь столь же масштабные последствия». Цит по: Уоткин К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века : материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права» / К.У. Уоткин. – Кембридж, 27-29 июня 2003 г. – http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

Дискуссию по некоторым сложным вопросам применения норм международного гуманитарного права в современных вооруженных конфликтах см. Michael Schmitt, *The Principle of Distinction in 21st Century Warfare*, 2 *Yale Human Rights and Dev. L.J.* 143 (1999) и Michael Schmitt, *Wired Warfare: Computer Network Attack and Jus in Bello* 84 *I.R.R.C.* 365 (2002).

³ Уоткин К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века : материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права» / К.У. Уоткин. – Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

Исторически первым видом вооруженных конфликтов была война. Однако даже относительно толкования и применения такого термина, как «война», существуют определенные сложности.

На протяжении истории развития норм международного права, которые касались вопросов войны, терминология, определяющая вооруженное противостояние в государстве, изменялась. В первых международно-правовых актах, которые закрепляли нормы права вооруженных конфликтов, использовался термин «война». В Гаагских конвенциях 1907 г. используется термины «война», «воюющие стороны». В Женевском протоколе о запрете применения на войне удушливых, отравленных и других подобных газов и бактериологических средств 1925 г. также применяется термин «война». В конвенциях, которые регулируют ведение морской войны, применяется этот же термин¹. Можно согласиться с А. И. Рыжовым, что международное право до 1919 г. предусматривало определенные формы объявления войны как столкновения между государствами, устанавливало порядок заключения перемирия, регламентировало определенные способы ведения войны².

В период между мировыми войнами усилилась тенденция к формированию международно-правового запрета войны. Об этом свидетельствует принятие Статута Лиги Наций, Договора об отказе от войны в качестве орудия национальной политики 1928 г. и ряда других документов.

Т. е. можно сделать вывод, что применение термина «война» до второй половины XX века было преобладающим, и его содержание охватывало вооруженное столкновение между государствами. Следует отметить, что в ряде источников второй половины XX века иногда также используется термин «война». Так, в Преамбуле Устава ООН говорится о необходимости «избавить грядущие поколения от бедствий войны».

С юридической точки зрения война имеет такие признаки: формальный акт оглашения, как этого требует III Гаагская конвенция 1907 г.; разрыв дипломатических отношений между воюющими государствами; аннулирование двусторонних договоров, особенно политических. Дополнительным условием является объявление состояния войны. На наш взгляд, такой подход устаревший. Например, исходя из этих критериев, сложно квалифицировать как войну вооруженный конфликт между Грузией и Российской Федерацией в 2008 г., имевший высокую степень интенсивности, сопровождавшийся оккупацией, но не повлекший на момент конфликта в полном объеме последствий, указанных выше.

В классическом международном праве сформировался обычно-правовой институт объявления войны, нормы которого были успешно кодифицированы в III Гаагской конвенции об открытии военных действий 1907 г. Согласно ст. 1 указанной Конвенции, военными действиями между Договаривающимися

¹ Репецкий В.М. Міжнародне гуманітарне право : підручник / В.М. Репецкий., В.М. Лисик.. — К., Знання, 2007 — С. 120.

² Рыжов А.И. Юридические дефиниции в международном праве (на примере понятий «война», «вооруженный конфликт международного характера», «вооруженный конфликт немеждународного характера») / А.И. Рыжов // Юридическая техника. — 2007. — № 1. — С. 130.

державами не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны. Следует отметить, что возможна ситуация наличия состояния войны после объявления войны, при отсутствии фазы «острого» вооруженного конфликта, либо такое состояние следует за ней – например, уже длительное время Азербайджан и Армения находятся в состоянии войны. Исходя из смысла ст. 2, общей для четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., для применения Конвенций необходимо ведение объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта. Само по себе объявление войны вооруженного конфликта не порождает, хотя и приводит к определенным правовым последствиям.

О представлениях относительно характера войны и ее сторонах можно судить по следующей цитате «Согласно международному праву, война – это состояние дел между двумя государствами, либо между двумя группами государств, либо между государством и группой государств, которое обычно отмечено разрывом дипломатических отношений, последующей приостановкой применения общих норм международного права мирного времени и общей решимостью совершить насильственные действия, даже если такие действия на самом деле не имеют места»¹.

Во второй половине XX века происходит отказ от конкретно-правового термина «война» в пользу категории «вооруженный конфликт». Фактически понятие «война» стало скорее не правовой, а политико-правовой категорией. Поэтому вполне обоснованной тенденцией стал отказ от термина «война» при квалификации тех или иных ситуаций вооруженного противостояния между государствами в пользу использования значительно более широкого и политически нейтрального понятия «вооруженный конфликт». Эта тенденция оказалась присуща не только международному гуманитарному праву, где, в общем-то, обоснован отказ от политико-правовой оценки в пользу максимального распространения и применения норм, направленных на защиту жертв войны, но и в рамках всего международного права, в определенной степени, начиная с Устава ООН. Таким образом, поскольку не любой межгосударственный вооруженный конфликт с формально-юридической точки зрения является войной, то в международном используется термин «вооруженный конфликт международного характера». Необходимо заметить, что термин «война» стал использоваться к ситуациям, которые не могут квалифицироваться как вооруженный конфликт. Например, информационная война, идеологическая война, война с терроризмом и т. п.

После принятия Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. понятие «вооруженный конфликт» настолько видоизменилось, что уже не имеет той точности, которой оно обладало во время его разработки и принятия в виду усложнения самих форм борьбы, вовлечения в нее многих сторон и дру-

¹ Berbev Lehrbuch des Völkerrechts, 2nd Edn., Vol. II, para 1, p. 3; Seidl Hohenveldem. Völkerrechts, 3rd Edn., para 93, marginal note 1317, p. 336; Verdross, Völkerrechts, 5th Edn., p. 433.

гих факторов. Споры вокруг этих терминологических аспектов на доктринальном уровне продолжают до сих пор. Значимость выработки единообразного подхода к разрешению проблемы обусловлена сложностью квалификации действий вооруженных сил, национально-освободительных движений, а также действий сторон в так называемом интернационализированном вооруженном конфликте.

Существуют определенные сложности в интерпретации понятия «вооруженный конфликт». Конвенционного определения его не принято, и обычно обращаются к практике государств, в соответствии с которой любое применение силы одним государством против территории другого сразу же вызывает применение Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., к отношениям между этими двумя государствами, т. е. фактически квалифицируется как «вооруженный конфликт». При этом не имеет значения основания такого применения силы, ее правомерность, степень насилия, наличия сопротивления. Оккупация территории, наличие раненых, военнопленных порождает применение в силу Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., что фактически подтверждает наличие вооруженного конфликта.

Следует отметить, что является заблуждением широкое использование в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. термина «международный вооруженный конфликт» или «вооруженный конфликт международного характера». Скорее речь может идти об уходе от термина «война» в пользу термина «вооруженный конфликт», а еще чаще «стороны, находящиеся в конфликте». Об этом свидетельствует ст. 2, общая для четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., которая гласит «настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если ни одна из них не признает состояния войны». Согласно ст. 60 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г. (аналогичные по содержанию нормы содержатся во всех Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г.), Конвенция открыта для присоединения к ней всякой Державы. Это свидетельствует о применении Конвенции именно или к объявленным войнам, либо межгосударственным вооруженным конфликтам, при отсутствии прямого использования термина «вооруженный конфликт международного характера».

Безусловно, что граница отличий между «войной» и «вооруженным конфликтом» достаточно условна, хотя такое деление имеет определенное значение для права, которое применяется во время вооруженных конфликтов.

К вооруженным конфликтам международного характера относят не запрещенные международным правом оборонительные войны в порядке осуществления государством или группой государств права на индивидуальную или коллективную самооборону от агрессии; национально-освободительные войны колониальных или зависимых народов, поднявшихся с оружием в руках на борьбу за свое национальное освобождение и образование собственно независимого государства. В первом случае можно говорить о классических

межгосударственных войнах, главным признаком которых является участие в конфликте двух или более субъектов международного права – государств. Причем характеристика вооруженного конфликта как «оборонительный», «реализация права на самооборону» не носит квалифицирующего значения для применения термина «война». Это может быть война, в том числе и агрессивная, но с соблюдением формальных требований, указанных выше. Сложно назвать действия США в Ираке оборонительной войной, однако формальные требования, как объявление и т. п. были выполнены. К такого рода конфликтам следует отнести войну между Ираном и Ираком (1980–1990 гг.), войну за Фолклендские острова (1982 г.), столкновения между Ливией и Чадом за обладание сектором Аозу (1973–1988 гг.), действия ЮАР в Анголе (1975–1989 гг.), конфликт в Кувейте (1991 г.), войну США в Ираке, вооруженный конфликт между Грузией и Российской Федерацией в 2008 г.

Национально-освободительные войны рассматриваются как отдельный вид вооруженных конфликтов международного характера. Развитие представлений о национально-освободительных войнах как вооруженных конфликтах международного характера проходило в несколько этапов. Первый – закрепление права на самоопределение в уставе ООН и формальное наделение наций и народов, борющихся за самоопределение международной правосубъектностью. Второй – признание применимости Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. к национально-освободительным войнам. Третий – закрепление за национально-освободительными войнами характера международных вооруженных конфликтов резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН. Четвертый – принятие I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г., который касается защиты жертв вооруженных конфликтов международного характера, 1977 г. В п. 4 ст. 1 I Дополнительного протокола указано, что в дополнение к ситуациям, указанным в ст. 2, общей для Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., к которым применяется I Дополнительный протокол, относятся «вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе ООН и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН».

Таким образом, применение I Дополнительного протокола распространялось на национально-освободительную борьбу и борьбу за самоопределение, как они определены в Декларации о дружественных отношениях, но только в той мере, в какой речь идет о борьбе против колониального господства и иностранной оккупации, а также против расистских режимов.

Следует отметить, что к вооруженным конфликтам международного характера относят любые случаи вооруженного противостояния между государствами, в том числе пограничные и иные конфликты, за исключением конфликтов, в рамках которых должностные лица (таможенники, пограничники) действуют в личном качестве.

К вооруженным конфликтам международного характера относят и другие случаи законного с точки зрения международного права применения вооруженной силы: операции войск ООН, созданных по решению Совета Безопасности ООН в соответствии со ст. 42 Устава ООН. Однако на практике, в порядке, предусмотренном **Разделом...**, операции войск ООН не проводились, хотя и нет сомнения в правомерности отнесения принудительных операций по поддержанию или восстановлению миру под эгидой ООН, к вооруженным конфликтам международного характера.

Изначально международно-правовой регламентации, и соответственно международно-правовой защите жертв войны подвергались войны, вооруженные конфликты международного характера. Значительным прогрессом явилось включение в Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. статьи 3, общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 г., которую многие считают «великой победой разума»¹. Дальнейшее развитие защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера пошло по пути принятия самостоятельного международного договора – II Дополнительного протокола к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. При этом подавляющее большинство норм международного гуманитарного права предназначено для урегулирования отношений в условиях вооруженных столкновений между государствами (из 500 положений Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., вместе с Дополнительными протоколами 1977 г., только 20 были посвящены вооруженным конфликтам немеждународного характера). Причиной является противодействие государств, вытекающее из убеждения, что внутренние проблемы должны решаться без вмешательства извне. И основной атрибут суверенитета заключается в праве соответствующего государства по своему усмотрению решать внутренние проблемы².

В настоящее время понятие «немеждународный вооруженный конфликт», а также критерии, его характеризующие, закреплены в ст. 3, общей для всех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и в ч. I ст. 1 II Дополнительного протокола 1977 г., Первичными являются признаки ст. 3, общей для всех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. К ним относят наличие вооруженного конфликта и отсутствие его квалификации в качестве международного.

Однако следует отметить, что в ст. 3 фактически не дается общего определения вооруженного конфликта немеждународного характера. И до сегодняшнего дня в международно-правовой литературе не встречается единого мнения по поводу того, что такое вооруженный конфликт немеждународного характера. Некоторые юристы считают этот термин синонимом термина

¹ Siordet Frederic. Les Conventions de Geneve et la guerre civile / Frederic Siordet. — RICR, mars 1950. — p. 212. Цит по: Аби-Сааб Р. Гуманитарное право и внутренние конфликты. Истоки и эволюция международной регламентации / Р. Аби-Сааб. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000. — С. 94.

² Гончаров И.В. Защита прав человека в условиях внутренних вооруженных конфликтов / И.В. Гончаров // <http://www.k-press.ru/bh/2002/2/rgoncharov/rgoncharov.asp>

«гражданская война». Другие (чилийский юрист Э. Монтеалегре) считают, что термин «война» нельзя связывать с внутренними конфликтами в стране, а более применимо понятие «вооруженного конфликта, не носящего международного характера как внутренней ситуации коллективного использования силы» Д. Шиндлер вообще отказывается от обобщающих формулировок и просто классифицирует вооруженные конфликты немеждународного характера, к которым относятся: гражданская война в классическом смысле международного права как немеждународный вооруженный конфликт высокой интенсивности, в котором за вновь созданным правительством третьей государства могут признать статус воюющей страны; международный вооруженный конфликт по смыслу ст. 3, общей для Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г.; немеждународный вооруженный конфликт по смыслу II Дополнительного протокола к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.¹

В ч. I ст. 1 II Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. содержатся дополнительные квалифицирующие признаки, ограничивающие сферу применения II Дополнительного протокола 1977 г. (но никак не влияющие на квалификацию конфликта как немеждународного по ст. 3, общей для всех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., и соответственно возможность ее применения). К ним относятся: уточнение сторон конфликта – вооруженные силы государства и антиправительственные вооруженные силы или другие организованные вооруженные группы, находящиеся под ответственным командованием, и осуществляющие контроль над частью территории, позволяющий осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять II Дополнительный протокол 1977 г.

Лица, входящие в состав антиправительственных вооруженных сил, сражаются с правительственными войсками с целью захвата власти в стране; либо за достижение большей автономии в пределах государства; либо за отделение части территории и создание собственного государства. Исключением является ситуация, когда народ восстает против колониального господства, осуществляя свое право на суверенитет.

Причем не только государства, но и повстанцы связаны нормами международного гуманитарного права, что нашло подтверждение в Решении Международного суда от 27 июня 1986 г. по поводу спора между Никарагуа и США, где было сказано, что «статья 3 II Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. налагает обязательства на «контрас»².

О. Н. Толочко дает следующую классификацию вооруженным конфликтам немеждународного характера: немеждународные вооруженные конфликты невысокой степени интенсивности, к которым применима ст. 3 общая для всех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г.; немеждународные вооруженные конфликты высокой степени интенсивности, к которым, кро-

¹ Гончаров И.В. Защита прав человека в условиях внутренних вооруженных конфликтов / И.В. Гончаров // <http://www.k-press.ru/bh/2002/2/rgoncharov/rgoncharov.asp>

² Гончаров И.В. Защита прав человека в условиях внутренних вооруженных конфликтов / И.В. Гончаров // <http://www.k-press.ru/bh/2002/2/rgoncharov/rgoncharov.asp>

ме указанной ст. 3, применяется также II Дополнительный протокол 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.; немеждународные вооруженные конфликты, в которых имеет место взаимное признание участниками статуса воюющих сторон. Такое признание влечет применение в отношениях между воюющими сторонами большей части законов и обычаев войны и, в частности, всей совокупности международных гуманитарных норм¹.

Таким образом, можно выделить, по меньшей мере, две разновидности вооруженных конфликтов немеждународного характера – обладающие квалифицирующими характеристиками по ч. I ст. 1 II Дополнительному протоколу 1977 г. и одновременно по ст. 3, общей для всех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., и выделяемые на основе критериев, предусмотренных только в ст. 3, общей для всех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г.

Следует констатировать наличие в праве вооруженных конфликтов еще одной категории вооруженного конфликта – интернационализованного вооруженного конфликта. Особенностью, позволяющей выделить такого рода конфликт в отдельную категорию, является наличие у него двух ясно выраженных взаимосвязанных аспектов – внутригосударственного и международного. Следовательно, такие понятия как «интернационализированный вооруженный конфликт» и «международный вооруженный конфликт» не следует отождествлять. Возникают проблемы применения норм права в таких конфликтах. Ни Гагские 1907 г., ни Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. не содержат каких-либо специальных положений относительно интернационализированных конфликтов. Это явление осталось без внимания и в Дополнительных протоколах 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. Вследствие этого, правовая квалификация таких вооруженных конфликтов вынуждена основываться главным образом на практике государств и доктрине международного права.

При интернационализации конфликта следует учитывать, во-первых, степень вмешательства, чтобы имел место международный конфликт между вмешивающимся государством и стороной, против которой направлено это вмешательство; во-вторых, придает ли иностранное вмешательство международный характер всему конфликту или только конфликтным отношениям между вмешивающимся третьим государством и стороной, против которой направлено его вмешательство. Что касается первого вопроса, то как правило, проблемы возникают при вмешательстве путем направления советников, экспертов, наемников или добровольцев, либо допускается выезд двух последних категорий (вмешательство путем направления вооруженных формирований более однозначно, и, как правило, порождает интернационализацию конфликта). Не во всех случаях участие советников и экспертов приводит к интернационализации конфликта; для этого необходим ряд условий². Имеет значение

¹ Толочко О.Н. Особенности международно-правового регулирования внутренних вооруженных конфликтов / О.Н. Толочко / Український часопис міжнародного права. — 2006. — № 2. — С. 47, 49.

² Например, необходимо: чтобы эти советники или эксперты непосредственно участвовали в военных действиях, хотя бы консультируя одну из сторон по вопросам выбора ею тех или иных стратеги-

и характер вмешательства, например, предоставление значительной финансовой помощи. Исходя из практики, такое вмешательство не приводит к интернационализации конфликта.

Следует разграничивать вооруженные конфликты от ситуаций внутренней напряженности и внутренних беспорядков. Мятежи, бунты и отдельные акты насилия не относятся к вооруженным конфликтам, так как являются обычно результатом внутренней напряженности или внутренних беспорядков, которые не входят в сферу применения международного гуманитарного права¹. Под внутренними беспорядками и обстановкой внутренней напряженности в Комментариях к II Дополнительному протоколу 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. понимают такие нарушения общественного порядка, как демонстрации без заранее согласованного плана; отдельные и спорадические акты насилия, в отличие от военных действий, ведущихся вооруженными силами или вооруженными группами; другие действия подобного рода, включая, в частности, массовые аресты людей за их деятельность или взгляды².

Внутренние беспорядки характеризуются внутригосударственными стычками, конфликтами, определенной степени тяжести и напряженности, сопровождаемыми актами насилия, при отсутствии в государстве немеждународного вооруженного конфликта. Такие акты могут приобретать различные формы – от стихийных восстаний до борьбы более или менее организованных группировок между собой или против правительства, которое находится у власти. Вследствие таких столкновений появляется значительное число жертв и возникает потребность применять, по меньшей мере, «правила гуманности»³. Внутренние беспорядки могут предшествовать немеждународному вооруженному конфликту, или быть его следствием.

Определение внутренних беспорядков было дано на первой сессии Конференции правительственных экспертов по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, которая состоялась в Женеве в 1971 г.: «К ним относятся ситуации, которые не являются немеждународными вооруженными конфликтами как таковыми, но в которых существует противостояние внутри страны, характеризующееся определенной степенью серьезности или продолжительности и актами насилия. Эти последние могут принимать различные формы, от спонтанного зарождения акций протеста до борьбы между более или менее организованными группами и властями. В таких ситуациях, которые не обя-

ческих или технических решений, чтобы эти советники или эксперты представляли иностранное государство и действовали в этом качестве при стороне, которой они оказывают помощь.

¹ Деятельность в случае вооруженного конфликта : руководство для Национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца / пер. с фр. — Международный Комитет Красного Креста, 1990. — С. 26.

² Комментарий к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II). — М., 1998. — С. 67.

³ Репецкий В.М. Міжнародне гуманітарне право : підручник / В.М. Репецкий, В.М. Лисик. — К., Знання, 2007. — С. 35.

зательно перерастают в открытую борьбу, власти прибегают к использованию многочисленных сил полиции или даже вооруженных сил, чтобы восстановить порядок внутри страны. Большое количество жертв обусловило необходимость применить минимум гуманитарных норм¹. По мнению М. Беджауи, внутренние беспорядки имеют место, когда в условиях отсутствия вооруженного конфликта государство применяет силу в целях сохранения или восстановления правопорядка и законности, а внутренняя напряженность, когда в условиях отсутствия внутренних беспорядков государство прибегает к превентивному применению силы в целях сохранения мира и законности. А. Эйде предлагает понимать под «внутренними беспорядками и напряженностью... все конфликтные ситуации внутри той или иной страны, достаточно серьезные в плане порождения острых гуманитарных проблем, особенно в силу того, что они ведут к физическому насилию и ограничению свободы, независимо от того, используются ли вооруженные силы или нет»².

Ситуации внутренней напряженности порождают политические, религиозные, расовые, социальные, экономические или идеологические факторы, которые приводят к многочисленным арестам, не перерастающим, однако, в вооруженные столкновения. Подавление беспорядков приводит к жертвам и возникает необходимость соблюдать самые элементарные гуманитарные нормы, хотя формально международное гуманитарное право в таких случаях не применяется. Для ситуаций внутренней напряженности характерны невысокий уровень насилия, одиночные столкновения. Причем указывают, что ситуации внутренней напряженности могут иметь место в качестве последствий вооруженного конфликта или внутренних беспорядков³.

Очень трудно провести четкую границу между «внутренней напряженностью» и «внутренними беспорядками». В обоих случаях массовые аресты и большое число задержанных по «политическим» причинам или «соображениям безопасности» дают основания подозревать о плохом обращении с арестованными, плохих условий их содержания, о прекращении действия основных юридических гарантий и даже об исчезновении людей в результате похищений и убийств⁴.

¹ Burgos H.S. The application of international humanitarian law as compared to human rights law in situations qualified as internal armed conflict, internal disturbances and tensions, or public emergency, with special reference to war crimes and political crimes / H.S. Burgos // *Implementation of International Humanitarian Law*. — Dordrecht, Boston, London, 1989. — P. 14. Цит по: Доди К. Правовая квалификация беспорядков внутри страны и ситуаций внутренней напряженности / К. Доди // *Актуальні проблеми держави і права : збірник наукових праць*. Вип. 46. — О.: Юридична література, 2009. — С. 417.

² А.Г.Ф. де Кастро. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов / А.Г.Ф. де Кастро // *Московский журнал международного права*. — Январь-март 2000. — № 1. — С. 98.

³ ICRC protection and assistance activities in situations not covered by international humanitarian law. // *Extract from the International Review of the Red Cross*. — January-February 1988, № 262. — P. 12-13. Цит по: Доди К. Правовая квалификация беспорядков внутри страны и ситуаций внутренней напряженности / К. Доди // *Актуальні проблеми держави і права : збірник наукових праць*. — Вип. 46. — О.: Юридична література, 2009. — С. 417.

⁴ Деятельность в случае вооруженного конфликта : Руководство для Национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца / пер. с фр. — Международный Комитет Красного Креста, 1990. — С. 28.

Подобные ситуации часто оправдывают необходимость гуманитарных действий, даже если международное гуманитарное право формально на них не распространяется. Таким образом, можно утверждать, что в обоих указанных выше случаях возможно и необходимо применение норм международного гуманитарного права по аналогии или не прямое применение международного гуманитарного права.

Ситуации внутренних беспорядков и напряженности внутри страны, которые с точки зрения прав человека могут быть квалифицированы как чрезвычайные и могут служить основанием для приостановления действия некоторых прав человека. В то же время, с точки зрения международного гуманитарного права, эти ситуации не являются вооруженными конфликтами по смыслу II Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. или статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. Следовательно, в таких случаях права человека могут быть сведены к их «неизменному ядру»¹, в то время как гарантии, предусмотренные международным гуманитарным правом, не будут применяться².

Отличительная правовая особенность такого рода внутренних конфликтов, сопровождающихся насилием и нарушениями основных прав человека, – отсутствие применимых специальных международно-правовых норм³. При этом следует отметить, что мы не оспариваем необходимость применения основных международно-правовых документов по защите прав человека, но они не содержат именно специальных механизмов защиты прав человека в ситуациях внутренних беспорядков и внутренней напряженности, что не позволяет обеспечить эффективную и специальную защиту. В ситуациях внутренних беспорядков уровень защиты, предоставляемый индивиду международным правом ниже, чем в ситуациях вооруженных конфликтов, и естественно значительно ниже, чем в мирное время. Поэтому в 1990 г. на встрече группы экспертов, организованной Институтом прав человека университета «Або Академии» была принята «Декларация о минимальных гуманитарных стандартах», призванная восполнить пробел в соблюдении гуманитарных стандартов в обстановке насилия внутри страны, во время беспорядков, напряженности и чрезвычайного положения в государстве⁴.

¹ Обязательства по некоторым правам человека, от которых нельзя отступать ни при каких обстоятельствах. Их применение никогда не может быть приостановлено. Эти права образуют так называемое «неизменное ядро» прав человека и включают право на жизнь, запрещение пыток и негуманного или унижающего обращения, запрещение рабства, принцип *nullum crimen sine lege* и *nulla poena sine lege*, принцип запрещения придания обратной силы уголовным законам.

² Апраксин П. Международное гуманитарное право и право прав человека: сходства, различия, взаимодополняемость / П. Апраксин / <http://zakon.rin.ru/cgi-bin/view.pl?midr=528&id=618&npage=3&pagein=1>

³ С учетом содержания характера основных нарушений прав человека в период ситуаций внутренних беспорядков и напряженности внутри страны к специальным применимым международным документам следует отнести Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., «Стандартные минимальные правила поведения с заключенными» 1955 г.

⁴ Доди К. Правовая квалификация беспорядков внутри страны и ситуаций внутренней напряженности / К. Доди // Актуальні проблеми права : збірник наукових праць. Вип. 46. — О.: Юридична література, 2009. — С. 418.

Следует отметить, что в документах международного гуманитарного права четко указано, что их нельзя применять непосредственно ни во время внутренних столкновений, ни в случае внутренней напряженности¹. Однако, основные принципы Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. могут быть использованы в виде модели правовой процедуры или же служить основой для разработки норм, необходимых для применения в какой-либо конкретной ситуации. В этих случаях принимаются во внимание не позитивные нормы гуманитарного права, а, прежде всего, подобие механизмов, определенных международной общественностью, что указывает на возможность применения права по аналогии².

Таким образом, можно сделать вывод, что применение тех или иных норм по защите жертв вооруженных конфликтов, их правовой статус покровительствуемых лиц зависит от нескольких факторов, среди которых первичным является характер вооруженного конфликта – международный, немеждународный, смешанный, и их отличия от ситуаций внутренних беспорядков и внутренней напряженности.

Причем, применение норм международного гуманитарного права определяется только наличием объективных условий и не зависит от того, как сами воюющие стороны квалифицируют ситуацию. Если возникает вооруженный конфликт между двумя или несколькими государствами, такой конфликт квалифицируется как международный, даже в том случае, если воюющие стороны не признают состояния войны. В случае международного вооруженного конфликта применяются четыре Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. и I Дополнительный протокол 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. В случае вооруженного конфликта немеждународного характера, достигшего определенной степени интенсивности, применяется II Дополнительный протокол 1977 г. и статья 3, общая для четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., которые содержат комплекс довольно подробно разработанных норм³.

К сожалению, именно эти два аспекта составляют определенные сложности – объективная квалификация конфликта и соответствующее применение участвующими в нем сторонами норм международного гуманитарного права. К признанию применимости международного гуманитарного права в каждом конкретном случае побуждают резолюции Совета Безопасности ООН, призывы МККК, в ряде ситуаций региональные организации, третьи государства, однако при этом отсутствует обязательный и непререкаемый орган, обеспечивающий в максимально короткие сроки независимую и объективную квалификацию вооруженного конфликта.

¹ Статья 3, общая для четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., как и п. 2 ст. 1 II Дополнительного протокола 1977 г. прямо предусматривают, что их нормы не применяются к беспорядкам внутри страны и ситуациям внутренней напряженности.

² Репецкий В.М. Міжнародне гуманітарне право : підручник / В.М. Репецкий, В.М. Лисик.. – К., Знання, 2007 – С. 36-37.

³ Апраксин П. Международное гуманитарное право и право прав человека: сходства, различия, взаимодополняемость / П. Апраксин / <http://zakon.rin.ru/cgi-bin/view.pl?midr=528&id=618&npage=3&pagein=1>

К. В. ДОДИ

Ассоциация гуманитарного права Республики Молдова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ БЕСПОРЯДКОВ ВНУТРИ СТРАНЫ И СИТУАЦИЙ ВНУТРЕННЕЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Многие государства в ходе своей истории столкнулись с ситуациями внутренней напряженности и борьбы, которые были иногда насколько серьезными, что угрожали фундаментальным интересам государств. Эти ситуации, характеризующиеся актами восстаний и насилия, совершенными более или менее организованными группами, воюющими или с властями, или между собой, отличаются от немеждународных вооруженных конфликтов, в которых насилие является более интенсивным. Для того, чтобы завершить такие внутренние конфронтации и восстановить порядок, власти часто прибегают к массивной помощи полиции или даже вооруженных сил. Неизбежным результатом этого является ослабление принципа верховенства права, отмеченное серьезными, широкомасштабными нарушениями прав человека, причиняющие повсеместные страдания среди населения¹.

Первоначально, в 1864 году, международное гуманитарное право охватывало своей защитой только лиц, пострадавших в войнах между государствами. До Первой мировой войны МККК практически не проводил различие между гражданской войной и внутренними беспорядками. Первый раз МККК предпринял действия по оказанию помощи значительному числу гражданских лиц, пострадавших в ходе таких беспорядков, когда он отправил припасы в Черногорию, чтобы помочь беженцам, которые покинули Герцеговину в 1875 году.

В своей XIV Резолюции 10-я Международная конференция Красного Креста (Женева, 1921) заявила, что, Красный Крест, который стоит в стороне от всех политических и социальных разграничений, и от различий по признакам убеждений, расы, класса или нации, подтверждает свое право и обязанность предоставления помощи в случае гражданской войны, а также социальных и революционных волнений.

Главным вопросом, который МККК поставил перед экспертами Комиссии по вопросу о применении гуманитарных принципов в случае внутренних беспорядков (1955), был вопрос о том, возможно ли «уточнить понятие «вооруженный конфликт» таким образом, чтобы возможно было определить мо-

¹ Momtaz D. The minimum humanitarian rules applicable in periods of internal tensions and strife / D. Momtaz // International Review of the Red Cross. — September 1998, № 324. — P. 455.

мент, когда статья 3... становится применимой с правовой точки зрения в случае внутренних беспорядков» и, как следствие, возможна ли в этих ситуациях деятельность МККК в том виде, в каком она предусматривается статьей 3.

Комиссия сочла, что ситуации внутренних беспорядков с трудом вписывались в рамки защиты, предусмотренной статьей 3. Однако, ввиду того, что подобные ситуации становятся все более частыми, необходимо, чтобы у МККК была возможность действовать в них, будучи уверенным, что его гуманитарные акции не будут расценены как «вмешательство в сферу поддержания внутреннего порядка»¹.

Для осуществления гуманитарной деятельности МККК необходимо было искать правовую базу, которая содержится в международно-правовых документах, но не в статье 3.

По мнению Комиссии, эта база содержится в нескольких источниках:

– XIV Резолюция X Международной Конференции Красного Креста (1921 г.).

– Преамбула Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг., которая ссылается на «принципы международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания»².

– Всеобщая декларация прав человека 1948 г., которая позволяет обосновывать деятельность Красного Креста соблюдением гуманитарных принципов при любых обстоятельствах, независимо от применимости юридических норм, содержащихся в Конвенциях.

– Уставы Международного Движения Красного Креста и Международного Комитета Красного Креста.

Статья VII Устава Международного Движения Красного Креста (1928 г.) предусматривала: «МККК будет продолжать являться нейтральным посредником, чье вмешательство признано как необходимое, особенно во время войны, гражданской войны или гражданской борьбы».

Статья VI пересмотренного Устава Международного Движения Красного Креста (1952 г.) гласит: «...5. В качестве нейтрального учреждения, чья гуманитарная деятельность в основном осуществляется во время международных и любых других вооруженных конфликтов, а также во время внутренних беспорядков и волнений, МККК старается всегда обеспечить защиту и помощь жертвам таких событий и их прямых последствий, как среди военнослужащих, так и среди гражданского населения».

Почти та же формулировка осталась и в новом Уставе Международного Движения Красного Креста 1986 г. Статья 5 этого документа оговаривает, что «ролью МККК ... в частности, является:

2. (d) прилагать усилия во все времена – как нейтральное учреждение, чья гуманитарная деятельность осуществляется особенно во время международных и других вооруженных конфликтов или внутренней борьбы – для обе-

¹ Аби-Сааб Р. Гуманитарное право и внутренние конфликты. Истоки и эволюция международной регламентации / Р. Аби-Сааб. – М., 2000. – С. 112.

² Оговорка Мартенса.

спечения защиты и помощи военным и гражданским жертвам таких событий и их прямых результатов»¹.

Хотя Комиссия и не дала более точного определения условий применения статьи 3, которое позволяло бы распространить ее на внутренние беспорядки, но она без колебаний подтвердила необходимость деятельности МККК при любых обстоятельствах для обеспечения соблюдения основополагающих гуманитарных принципов².

Характеристика внутренних беспорядков была дана на первой сессии Конференции правительственных экспертов по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, которое состоялось в Женеве в 1971 г.

Эти конференции правительственных экспертов дали следующее описание внутренних беспорядков³:

«К ним относятся ситуации, которые не являются немеждународными вооруженными конфликтами, как таковыми, но в которых существует противостояние внутри страны, характеризующееся определенной степенью серьезности или продолжительности и актами насилия. Эти последние могут принимать различные формы, от спонтанного зарождения акций протеста до борьбы между более или менее организованными группами и властями. В таких ситуациях, которые не обязательно перерастают в открытую борьбу, власти прибегают к использованию многочисленных сил полиции или даже вооруженных сил, чтобы восстановить порядок внутри страны. Большое количество жертв обусловило необходимость применить минимум гуманитарных норм».

Что касается внутренней напряженности, то этот термин обычно имеет отношение к:

- а) ситуациям серьезной напряженности (политической, религиозной, расовой, социальной, экономической и т. д.) или
- б) последствиям вооруженного конфликта или внутренних беспорядков.

Эти ситуации представляют одну из следующих характеристик (а возможно даже все из них):

1. Массовые аресты.
2. Большое количество лиц, задержанных по причинам безопасности.
3. Административное задержание, особенно долгосрочное.
4. Возможное дурное обращение, пытки, материальные или психологические условия содержания под арестом, вероятно являющиеся очень пагубными для физической, умственной или моральной неприкосновенности заключенных.

¹ ICRC protection and assistance activities in situations not covered by international humanitarian law. // Extract from the International Review of the Red Cross. — January-February 1988, № 262. — P. 16-17.

² Аби-Сааб Р. Гуманитарное право и внутренние конфликты. Истоки и эволюция международной регламентации / Р. Аби-Сааб. — М., 2000. — С. 114.

³ Burgos H.S. The application of international humanitarian law as compared to human rights law in situations qualified as internal armed conflict, internal disturbances and tensions, or public emergency, with special reference to war crimes and political crimes / H.S. Burgos // Implementation of International Humanitarian Law. — Dordrecht, Boston, London, 1989. — P. 14.

5. Содержание заключенных в тюрьме без права переписки на протяжении длительного времени.

6. Репрессивные меры против членов семей лиц, находящихся в близком родстве с теми, кто был лишен свободы и упомянут выше.

7. Приостановка основных судебных гарантий либо посредством официального объявления чрезвычайной ситуации либо через ситуацию де-факто.

8. Широкомасштабные меры, ограничивающие личную свободу, такие как высылка, ссылка, домашний арест, перемещения.

9. Заявления о насильственных исчезновениях.

10. Увеличение числа актов насилия, которые подвергают опасности беззащитных лиц или распространяют страх среди гражданского населения¹.

В ходе данного Совещания МККК предложил вынести на рассмотрение экспертов вопрос о принятии Декларации основных прав личности в период внутренних беспорядков или общественной опасности, которая бы закрепила основополагающие принципы защиты личности, которые должны будут соблюдаться в любое время и при любых обстоятельствах. В ней воспроизводились в общем виде основополагающие принципы защиты, сформулированные в статье 3, и добавлены несколько положений, касающихся обращения с лицами, лишенными свободы, как они определены в Минимальных правилах, установленных ООН.

Проект Декларации содержал запрещение коллективных наказаний и репрессалий, а также предусматривал посещения заключенных представителями гуманитарных организаций. В нем учитывались также положения Международного пакта о гражданских и политических правах².

Некоторые эксперты считали, что вопрос, касающийся внутренних беспорядков и напряженности внутри страны, выходит за рамки Совещания, поскольку он не относится к вооруженным конфликтам. Разработка вышеуказанной декларации тоже подверглась критике, и в конечном итоге, все предложения МККК были отвергнуты.

В 1990 г. на встрече группы экспертов, организованной Институтом прав человека университета «Або Академии» в Турку/Або, Финляндия, была принята Декларация о минимальных гуманитарных стандартах.

Преамбула данной Декларации прямо указывает, что нормы международного права, касающиеся прав человека, и гуманитарные нормы, применяемые во время вооруженных конфликтов, не обеспечивают достаточной защиты людям в обстановке насилия внутри страны, во время беспорядков, напряженности и чрезвычайного положения в государстве. Она также напоминает, что любые отступления от выполнения обязательств, касающихся прав человека, во время чрезвычайного положения в государстве должны оставаться строго в рамках, предусмотренных международным правом.

¹ ICRC protection and assistance activities in situations not covered by international humanitarian law. // Там же. — Р. 12-13.

² Аби-Сааб Р. Гуманитарное право и внутренние конфликты. Истоки и эволюция международной регламентации / Р. Аби-Сааб. — М., 2000. — С. 149-150.

Провозглашенные минимальные гуманитарные стандарты должны уважаться всеми лицами, группами лиц и органами власти независимо от их юридического статуса и без каких-либо различий неблагоприятного характера.

Декларация провозглашает следующие гуманитарные принципы:

– все лица, даже если их свобода была ограничена, имеют право на уважение их личности, чести, убеждений и религиозных обрядов, на свободу мысли и совести.

– Запрещаются:

а) посягательство на жизнь, здоровье и физическое или психическое состояние людей, в частности убийства, пытки, увечья, изнасилования, а также жестокое, бесчеловечное или унижительное обращение или наказание и другие посягательства на достоинство человека;

b) коллективные наказания;

c) взятие заложников;

d) грабеж;

e) намеренное лишение доступа к необходимым продуктам питания, питьевой воде и лекарствам.

– все лица, лишённые свободы, должны содержаться в официальных местах заключения и им должно быть разрешено общаться с внешним миром. Им должно быть предоставлено право на эффективные средства защиты и право на разбирательство их дел в суде.

– запрещаются при любых обстоятельствах нападения на лиц, не принимающих участия в насильственных действиях. Принцип соразмерности должен соблюдаться там, где применение силы неизбежно.

– ни при каких обстоятельствах не должны применяться виды оружия, а также материалы или методы, запрещённые во время международного вооружённого конфликта.

– запрещаются акты насилия или угрозы насилием, основной целью или предполагаемым результатом которых является терроризирование населения.

– каждый человек обладает неотъемлемым правом на жизнь.

В стране, где до сих пор не отменена смертная казнь, смертные приговоры могут приводиться в исполнение только в случае наиболее тяжких преступлений. Смертный приговор не приводится в исполнение в отношении беременных женщин, матерей, имеющих малолетних детей, и в отношении детей, не достигших 18 лет на момент совершения преступления.

– Каждый ребенок имеет право на меры защиты, соответствующие его положению несовершеннолетнего.

Дети, не достигшие возраста 15 лет, не должны призываться и им не должно быть разрешено вступать в ряды вооружённых сил и вооружённые группировки.

– При любых обстоятельствах раненым и больным независимо от того, принимали они участие в актах насилия или нет, должна быть предоставлена защита.

– Медицинский и духовный персонал должен пользоваться уважением и покровительством.

В статье 17 Декларации предусматривается, что соблюдение этих стандартов не затрагивает юридического статуса органов власти, групп или лиц, оказавшихся в такой обстановке.

Эти минимальные стандарты являются прорывом в регулировании данной области, но, к сожалению, такие важные акты, как общая статья 3 к Женевским конвенциям и II Дополнительный протокол 1977 г., не содержат ни определения внутренних беспорядков и напряженности внутри страны, ни даже каких-то характеризующих черт.

Комментарий к Дополнительному протоколу II иллюстрирует внутренние беспорядки и обстановку внутренней напряженности на примерах подобных ситуаций: «Это такие нарушения общественного порядка, как демонстрации без заранее согласованного плана; отдельные и спорадические акты насилия, в отличие от военных действий, ведущихся вооруженными силами или вооруженными группами; другие действия подобного рода, включая, в частности, массовые аресты людей за их деятельность или взгляды»¹.

В настоящей статье определение нарушений внутреннего порядка базируется на определении, данном в 1971 г. С одной стороны, нарушения внутреннего порядка, прежде квалифицируемые как «столкновения, имеющие в некотором роде значительный и продолжительный характер», могут быть непродолжительными или хроническими и порождать гуманитарные проблемы продолжительного характера. С другой стороны, могут иметь место нарушения внутреннего порядка, когда государство не вмешивается с целью восстановления порядка. Нарушения порядка принимают иногда форму столкновений между группировками, когда государство непосредственно не участвует в этих нарушениях².

Суммируя вышесказанное, можем сделать вывод, что внутренние беспорядки существуют, когда в отсутствие вооруженного конфликта, государства используют вооруженные силы для поддержания порядка; внутренняя напряженность существует, когда при отсутствии внутренних беспорядков, сила применяется как превентивная мера для поддержки уважения закона и порядка³; эти ситуации предусмотрены главным образом в национальном законодательстве государств.⁴

• Исследуя сферу правоохранительных операций можно выделить некоторые принципы, которые имеют огромное значение в ситуациях применения силы, этими принципами являются: законность, предусмотрительность, необходимость и соразмерность. Применение силы в правоохранительных опера-

¹ Комментарий к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II). — М., 1998. — С. 67.

² Харрофф—Тавель М. Деятельность Международного Комитета Красного Креста в обстановке насилия внутри страны / М. Харрофф—Тавель. — МККК, 1995. — С. 16.

³ Kiwanuka R.N. Humanitarian norms and internal strife: problems and prospects / R.N. Kiwanuka // Implementation of International Humanitarian Law. — Dordrecht/Boston/London. — P. 247.

⁴ The manual of the law of armed conflict. UK Ministry of Defense. — Oxford, 2005. — P. 385.

циях может быть подразделена на две большие категории: контролирование собраний и демонстраций, которые имеют ненасильственный характер и контролирование собраний и демонстраций, которые имеют насильственный характер.

Контролирование собраний и демонстраций, которые имеют ненасильственный характер. Согласно ст. 13 Основных принципов применения силы и огнестрельного оружия, при разгоне противозаконных собраний ненасильственного характера должностные лица по поддержанию правопорядка избегают применения силы или, если это невозможно, ограничивают такое применение до необходимого минимума. Здесь можно привести пример демонстраций, которые и по сегодняшний день происходят в Грузии.

Контролирование собраний и демонстраций, которые имеют насильственный характер. При разгоне противозаконных собраний насильственного характера должностные лица по поддержанию правопорядка могут применять огнестрельное оружие лишь в тех случаях, когда нельзя применить менее опасные средства, и лишь в той мере, в какой это минимально необходимо.

Сотрудники органов правопорядка не должны использовать огнестрельное оружие против людей, за исключением таких случаев: самообороны или защиты других от неминуемой угрозы смерти или серьезных ранений; предотвращения совершения особенно серьезных преступлений, влекущих серьезную опасность для жизни или ареста таких лиц или предотвращения побега таких лиц, представляющих такую опасность и оказывающим сопротивление властям; и только когда менее крайние меры являются недостаточными для достижения этих целей.

Использование слезоточивого газа в ходе контролирования беспорядков, который запрещен конвенцией, касающейся химического оружия (ст. 1, п. 5), но разрешен для использования в ходе осуществления правоохранительных операций в целях контроля над беспорядками (ст. 2 п. 9). Также можно отметить, что применение пуль дум-дум, которые запрещены в вооруженных конфликтах, могут быть дозволены для уменьшения рисков гражданского населения в правоохранительных операциях¹.

Статья 3, общая для четырех Женевских конвенций 1949 г., как и Протокол II 1977 г., прямо предусматривают, что их нормы не применяются к беспорядкам внутри страны и ситуациям внутренней напряженности. Какие же нормы права должны использоваться для урегулирования данных ситуаций?

В комментарии ко II Дополнительному протоколу указывается, что «эти случаи подпадают под действие международных и региональных документов по правам человека»². Среди них можно выделить следующие международные и региональные документы: Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международный пакт о

¹ Fleck D. The handbook of international humanitarian law / D. Fleck — Cambridge, 2008. — P. 618.

² Комментарий к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов международного характера (Протокол II). — С. 69.

гражданских и политических правах, Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него, Американская конвенция о правах человека, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и т. д.

Большинство инструментов по правам человека перечисляют нормы, от которых запрещено отступать при любых обстоятельствах, даже в период кризиса¹. Это, как правило, нормы, подчинение которым в случае внутреннего насилия предлагает наилучшую защиту против наиболее серьезных нарушений прав человека. Нормами, к которым наиболее часто обращались, являются право на жизнь, запрещение рабства, запрещение бесчеловечного, жестокого или унижающего обращения, особенно пыток, и принцип отсутствия обратной силы уголовных законов².

Международный Суд несколько раз напомнил международному сообществу о важности этих норм, которые он характеризует в качестве «элементарных соображений гуманности»³ и «норм, касающихся основных прав человека и которые являются неотъемлемой частью общего международного права»⁴.

Основные правила, применимые во время внутренней напряженности, не распространяются на все случаи серьезных нарушений гуманитарных принципов, которые часто происходят в такого рода ситуациях. Двумя из них, причиняющими широкомасштабные страдания, являются массовые аресты и приостановление судебных гарантий. Власти, которые столкнулись с внутренней напряженностью и борьбой, обычно используют соображения безопасности в качестве основания для задержания отдельных лиц из политических кругов, рабочего движения и средств массовой информации. Сроки административного задержания незаконно продлеваются, а с задержанными, к сожалению, иногда плохо обращаются. Как правило, они содержатся в изоляции, без возможности общения с близкими им людьми. Такая практика стала распространенной в некоторых регионах мира среди правительств оппозиционного движения и военизированных формирований.

Для урегулирования вопросов, связанных с произвольными задержаниями и внесудебным содержанием под стражей, а также для улучшения защиты задержанных были составлены Стандартные минимальные правила поведения с заключенными, принятые 30 августа 1955 года Первым конгрессом ООН по предупреждению преступлений и обращению с правонарушителями. Эти правила применяются без всяких различий по признакам расы, цвета кожи, пола, языка, религии, социального происхождения или политических убеждений задержанного⁵.

¹ Momtaz D. The minimum humanitarian rules applicable in periods of internal tensions and strife / D. Momtaz // *International Review of the Red Cross*. — September 1998, № 324. — С. 457.

² Gasser H.P. A measure of humanity in internal disturbances and tensions: proposal for a Code of Conduct. / H.P. Gasser // *International Review of the Red Cross*. — January-February 1988, № 262. — P. 43.

³ The Corfu Channel case (United Kingdom v. Albania), ICJ Reports, 1949. — P. 22.

⁴ Case concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain), ICJ Reports, 1970. — P. 72.

⁵ Momtaz D. The minimum humanitarian rules applicable in periods of internal tensions and strife / D. Momtaz // *International Review of the Red Cross*. — September 1998, № 324. — С. 458-460.

Следует обратить внимание и на ситуации, в которых правительство ничего не делает для предотвращения – и даже поощряет – осуществление насилия одними гражданскими группировками против других гражданских группировок. Это один из видов позволяемого государствами терроризма, который встречается в некоторых странах сегодня, и который был широко распространен на ранних этапах эволюции фашизма в Европе.

Характерной чертой беспорядков и напряженности является то, что взаимоотношения их сторон не очень ясны. В большинстве случаев не существует целой, хорошо организованной группы, которую можно назвать «диссидентской» стороной, но такая группа есть на стороне правительства. В таких условиях гуманитарное право и права человека непосредственно применяются только к правительственной стороне, но не к другим участникам, – хотя на каждого возложена общая обязанность уважать права других индивидов¹.

Идея сгруппировать вместе основные права человека, как они изложены международным правом прав человека и международным гуманитарным правом, в едином своде правил, имеющем форму декларации, имела намерением улучшить защиту людей, пострадавших от внутреннего насилия, и была благосклонно воспринята государствами – членами ОБСЕ. В Московской декларации 1991 г. они отказались от своего права отступать от гарантий прав человека, закрепленных в нормативных актах, участниками которых они являются². Кроме того, на Будапештском саммите 1994 г. они подчеркнули важность декларации, излагающей минимальные стандарты, применимые во всех ситуациях. Такая декларация, которую упомянутые государства предложили принять в рамках ООН, объединила бы в себе соответствующие нормы международного права прав человека и международного гуманитарного права³.

Трудности, связанные с применением права прав человека во время внутренних беспорядков и напряженности, происходят из того факта, что эта совокупность норм права не предусматривает системы защиты, сравнимой с той, которая создана в международном гуманитарном праве.

Во-первых, защита, предусмотренная правом прав человека, может быть предметом частичной отмены. Даже будучи мотивированной серьезной необходимостью и пропорциональностью, возможность ограничения некоторых прав человека в чрезвычайных ситуациях неизбежно ослабляет защиту лиц. Несмотря на то, что существуют основные права человека, которые не могут быть ограничены, временное приостановление действия других прав человека может способствовать созданию ситуации, в которой эти основные права будут вероятно нарушены. Этот риск увеличивается, когда государство способно временно ограничить права без соблюдения формальных и материальных условий, оправдывающих такое ограничение.

¹ Asbjorn Eide. *Internal disturbances and tensions* / Asbjorn Eide // *International dimensions of humanitarian law*. – Dordrecht, Boston, London., 1988. – P. 246-247.

² Conference on Security and Co-operation in Europe, *Moscow Declaration of 3 October, 1991* // *International Legal Materials*. – vol.30, 1991.

³ Report of the Sub-Commission on prevention of discrimination and protection of minorities, UN doc. E/CN.4/1997/77/Add.1, 28 of January 1997. – P. 2.

Во-вторых, международное право прав человека является обязательным для государств и их представителей, которые обладают монополией на применение силы. Тем не менее, негосударственные акторы во время внутренних беспорядков могут также прибегать к насильственным действиям, которые обычно направлены против властей, но могут также быть направлены против людей и имущества, которое не имеет никакого отношения к властям. В апреле 2004 г. демонстранты расправились самосудом с мэром города Льяве в Перу. Акты самосуда были также в Боливии, Гватемале и Мексике. Степень, до которой негосударственные акторы связаны правом прав человека, представляется не очень отчетливой. Защита прав человека, следовательно, может выглядеть асимметричной, так как она не регулирует поведение негосударственных акторов, связанных внутренним правом, особенно уголовным правом, которое предусматривает наказание за насильственные действия против физических лиц и имущества.

В-третьих, нормы права прав человека не уделяют особого внимания особенностям отдельной ситуации, например, ситуации, предполагающей беспорядки или напряженность. Недостаток подробных имплементирующих предписаний, которые предусмотрены договорами по международному гуманитарному праву, может затруднить имплементацию вышеупомянутых норм.

Применение силы и огнестрельного оружия представляет, возможно, одну из наибольших угроз физическим лицам во время внутренних беспорядков и напряженности. Существуют стандарты, которые регулируют применение огнестрельного оружия в правоохранительной деятельности. Международные директивы включают основополагающие принципы по применению силы и огнестрельного оружия должностными лицами правоохранительных органов, принятые ООН в 1990 г. и кодекс поведения для таких должностных лиц, принятый в 1979 г. В частности, эти директивы, ограничивают применение огнестрельного оружия исключительными обстоятельствами, в которых такое применение является строго необходимым и неизбежным для достижения законной цели. К сожалению, огнестрельное оружие применяется произвольно во время внутренних беспорядков и напряженности, что неизбежно имеет результатом трагические последствия и обостряет насилие¹.

В заключение можно отметить мнение М. Беджауи, что «специалисты говорят о внутренних беспорядках, когда в условиях отсутствия вооруженного конфликта государство применяет силу в целях сохранения или восстановления правопорядка и законности, и о внутренней напряженности, в условиях отсутствия внутренних беспорядков оно прибегает к превентивному применению силы в целях сохранения мира и законности». В этом же контексте А. Эйде предлагает понимать под «внутренними беспорядками и напряженностью... все конфликтные ситуации внутри той или иной страны, достаточные серьезные в плане порождения острых гуманитарных проблем, особенно

¹ Protection of persons in situation of internal disturbances and tensions, ICRC Official Statement // Special meeting of the Committee on Juridical and Political Affairs of the Organization of American States on current issues in international humanitarian law, Washington D.C., 2 February 2006.

в силу того, что они ведут к физическому насилию и ограничению свободы, независимо от того, используются ли вооруженные силы или нет»¹.

Суммируя все вышесказанное, можно отметить, что даже вне рамок вооруженного конфликта индивидуумы пользуются всей совокупностью норм общего права, в том числе и всеми нормами, относящимися к защите прав личности. Однако в серьезных кризисных ситуациях, в частности в ситуациях внутренних беспорядков и напряженности внутри страны, правительство соответствующего государства может приостановить действие большинства прав для устранения опасности, которая угрожает существованию нации. Несмотря на это, государствам запрещается приостанавливать действие «неизменного ядра» прав человека, состоящего из норм, не допускающих отклонений.

¹ А.Г.Ф. де Кастро, Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов / А.Г.Ф. де Кастро // Московский журнал международного права. — Январь-март, 2000. — № 1. — С. 98.

Е. КУЛИК

магистр права, преподаватель кафедры публичного права
Бельцкого государственного университета им. А. Руссо, Молдова

ЗАПРЕЩЕННЫЕ МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

«Мы регулярно наблюдаем нарушения международного гуманитарного права (МГП) на местах: от массовых перемещений гражданских лиц до нападений неизбирательного характера и дурного обращения с военнопленными, – сказал президент Международного Комитета Красного Креста (МККК) Якоб Келленбергер, отмечая 60-ю годовщину четырех Женевских конвенций (ЖК), подписанных 12 августа 1949 года. – Даже у войны есть пределы, и если бы существующие нормы чаще соблюдались, можно было бы в значительной степени избежать страданий, причиняемых вооруженными конфликтами»¹.

Действительно, спустя более полувека после плачевного опыта Второй мировой войны, мир продолжает содрогаться от применения запрещенных методов ведения войны.

Сегодня, руководствуясь положениями Первого дополнительного протокола (ДП I) 1977 года к упомянутым Конвенциям, можно смело заявлять, что «в случае любого вооруженного конфликта право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или средства ведения войны не является неограниченным»². Однако и на данный момент эта норма продолжает оставаться скорее выраженной квинтэссенцией стремлений человечества, нежели является выводом, основанным на практике государств, участвующих в современных войнах.

2009 год имеет большое значение для Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, так как на него приходится три важные годовщины (150-я годовщина битвы при Сольферино, 90-я годовщина создания Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и 60-я годовщина принятия Женевских конвенций). Именно поэтому МККК было заказано исследование в рамках кампании «Наш мир. Твой шаг», задача которой – привлечь внимание общественности к уязвимости и непрекращающемуся страданию людей по всему миру. В 1999 г. МККК провел похожий опрос под названием «Люди о войне», который служит основой для срав-

¹ Женевским конвенциям 60 лет: извлекаем уроки из прошлого, чтобы с большей уверенностью встретить будущее. URL: <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/html/geneva-convention-60-news-060809>

² п. 1 ст. 35 ДП I

нения и помогает определить тенденции, обозначившиеся во взглядах людей спустя 10 лет после первого опроса.

Итак, МККК дал агентству «Ipsos» задание провести статистическое исследование, чтобы оценить воздействие вооруженного конфликта на гражданское население в восьми самых беспокойных странах мира – Сольферино сегодняшнего дня, – которые страдают в связи с вооруженным конфликтом или его последствиями. Для опроса были выбраны Афганистан, Гаити, Грузия, Демократическая Республика Конго (ДРК), Колумбия, Либерия, Ливан и Филиппины.¹

В среднем во всех восьми странах:

- 18 % получили ранения в результате боев;
- 19 % были знакомы с кем-то, кто стал жертвой сексуального насилия, на Гаити это – 44 %, в ДРК – 28 %;
- 17 % подвергались пыткам (43 % в Афганистане);
- 10 % подверглись тюремному заключению, 10 % были похищены/взяты в заложники;
- 32 % подвергались «унижениям» (51 % на Гаити).

Помимо перемещения, многие лица пострадали от того, что их имуществу был причинен серьезный ущерб, а их дома подверглись разграблению².

Из вышеперечисленного особое внимание важно уделить таким нарушениям МГП, ставшим методами ведения современных вооруженных конфликтов, как сексуальное насилие, пытки и взятие заложников. Они приводятся в качестве запрещенных, в частности среди положений так называемой мини-конвенции: «...запрещаются и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия... а) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания, б) взятие заложников, с) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение, d) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями»,³ – что являет собой надежду для всех категорий лиц, как гражданских, так и комбатантов – законных и выпадающих из сферы регулирования нормами МГП, в контексте вооруженного конфликта любого типа; и, по сути, закрепляет сохранение за личностью «несокращаемого ядра прав» во время войны.

Почему же по сей день эти запрещенные МГП действия имеют место в практике сторон в вооруженных конфликтах?

Возможно, потому что за последние век-полтора – со времени принятия первых международных соглашений в области МГП, ослабление сил противника перестало быть единственной законной целью, которую преследуют государства во время войны? Или оттого, что для ее достижения уже давно

¹ Наш мир. Взгляд с мест. Влияние конфликтов и вооруженного насилия на гражданских лиц. URL: <http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/htmlall/research-report-240609>

² Опрос общественного мнения, 2009 г. URL: <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/html/gallup-survey-8countries>

³ Ст. 3 – общая для четырех ЖК.

недостаточно выводить из строя наибольшее по возможности число людей? А может причина кроется в том, что человеческому роду до сих пор присуще увеличивать страдания себе подобных, а порой даже получать удовольствие от деяний, вследствие которых смерть других становится неизбежной?¹

Чем иначе объяснить такое засилье нарушений норм МГП в период человеческой истории, когда к ЖК присоединилось больше государств, чем состоит в ООН?²

Результаты приводимого исследования показывают, что ключевые идеи, лежащие в основе ЖК и МГП в целом, пользуются широкой поддержкой среди людей, которые живут в странах, страдающих от конфликтов или ситуаций насилия. «Меня очень обнадеживает тот факт, что, несмотря на все ужасы войны, с которыми им пришлось столкнуться, люди склонны соглашаться с тем, что определенные действия недопустимы, например, убийство гражданских лиц, похищения, пытки, нападения на религиозные памятники, мародерство и сексуальное насилие», – поясняет Филипп Шпёрри, директор Управления международного права МККК³.

Остановимся подробнее на последнем, а именно на применении сексуального насилия в качестве метода ведения войны. Именно так его характеризует Резолюция 1820 (2008), принятая Советом Безопасности ООН на его 5916-м заседании 19 июня 2008 года. В ней от сторон, участвующих в вооруженном конфликте, требуется принять меры для защиты мирных жителей от изнасилований и других форм сексуального насилия.

Правовой советник МККК по проблеме «Женщины и война» Жан-Мари Хенкертс назвал Резолюцию «важным символом того, что в условиях вооруженного конфликта изнасилования и другие формы сексуального насилия являются столь же неприемлемыми, как и в мирное время». Резолюция признает, что сексуальное насилие в отношении мирных граждан не просто сопутствует вооруженным конфликтам и заставляет страдать ни в чем не повинных людей, но также зачастую становится методом ведения военных действий. Хенкертс отмечает, что сексуальное насилие систематически используется для дестабилизации, деморализации и унижения мирных граждан и вынуждает их покидать свои дома. Слишком долго изнасилования и другие формы сексуального насилия рассматривались властями как запретная тема, и они не решались вмешиваться в решение данной проблемы. Теперь Совет Безопасности дал ясно понять, что такого рода насилие является серьезным нарушением фундаментальных принципов международного гуманитарного права, которое обеспечивает защиту людей в ситуациях вооруженного конфликта, и обязал государства принять меры⁴.

¹ Сравните с текстом Декларации об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 года.

² 194 против 192 соответственно.

³ Женевским конвенциям 60 лет: извлекаем уроки из прошлого, чтобы с большей уверенностью встретить будущее. URL: <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/html/geneva-convention-60-news-060809>

⁴ Борьба с использованием сексуального насилия в качестве метода ведения военных действий. URL: <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/html/sexual-violence-interview-260608>

Анализ обозначенной проблемы в свете событий, предшествующих принятию Резолюции, вызывает несколько логичных вопросов.

Во-первых, что явилось катализатором для столь решительных действий Совета Безопасности?

В мае того же года гуманитарная неправительственная организация из Великобритании представила доклад о фактах насилия со стороны миротворцев ООН в отношении детей. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун пообещал проводить честное расследование в отношении сотрудников ООН и строго наказывать виновников подобных преступлений из их числа, если обвинения в отношении них получат подтверждения. В свою очередь, в то время действующий Государственный Секретарь США Райс заявила, что вопрос сексуального насилия в вооруженных конфликтах перешел в категорию проблем международной безопасности, и призвала к совместным усилиям мирового сообщества для прекращения подобных преступлений. Россия также разделяет обеспокоенность других стран и ООН в связи с проблемой сексуального насилия в вооруженных конфликтах, однако считает, что ее необходимо рассматривать без отрыва от всего комплекса вопросов урегулирования и постконфликтного восстановления, отметил в своем выступлении постоянный представитель РФ при ООН Виталий Чуркин.

«В некоторых странах, где общество пытается восстановиться после конфликтов, насилие над женщинами достигло чудовищных размеров и приобрело масштабы эпидемии. Чтобы прекратить эту молчаливую войну против женщин и девочек, необходимы решительные действия руководства на национальном уровне. Властям государств необходимо взять на себя инициативу по созданию всеобъемлющей стратегии (по борьбе с сексуальным насилием в вооруженных конфликтах), а ООН в свою очередь должна помогать властям и гражданским обществам в этом», – заявил Пан Ги Мун¹.

Отсюда следует второй вопрос: почему эта тема так долго рассматривалась национальными властями как запретная; почему они не решались вмешиваться? Неужели для того, чтобы в полной мере осознать масштабы той или иной проблемы и осудить преступные действия каждый раз необходимо дожидаться соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН?

Хотя, возможно, международное сообщество несколько заиклено на естественных потребностях женщин и детей (девочек), и проблема кроется скорее в недостатке внимания к не менее естественным потребностям мужчин (мальчиков) – будь-то комбатанты или гражданские лица. Ведь даже в мирное время во многих странах сексуальное насилие встречается достаточно часто, что тогда говорить о контексте вооруженного конфликта, когда во многих смыслах ситуация с соблюдением основных прав и свобод человека оставляет желать лучшего.

Важно при этом учитывать, что международное сообщество обеспокоено сегодня не столько тем, что сексуальное насилие имеет место в период вооруженных конфликтов, но тем, что оно приобретает систематический характер и

¹ Генсек ООН озабочен сексуальным насилием в вооруженных конфликтах. URL: <http://www.pravda.ru/society/272596-oon-0>

становится методом ведения войны, – а это недопустимо по определению. Еще в Преамбуле Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 года, благодаря российскому юристу Ф. Ф. Мартенсу, было зафиксировано положение о том, что в случаях, не предусмотренных договорными нормами МГП и положениями национального права, «население и воюющие стороны остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания». Эта знаменитая оговорка так или иначе нашла отражение в тексте обоих Дополнительных протоколов к ЖК, а так же Конвенции о запрещении определенных видов обычного вооружения 1980 г.¹.

Запреты на применение бесчеловечных методов ведения войны содержатся как в договорном, так и в обычном МГП.

Еще в начале XX века Положение об обычаях и законах сухопутной войны ограничило право «в выборе средств нанесения вреда неприятелю», запретив, в частности, предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля; убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно, сдался; объявлять, что никому не будет дано пощады; незаконно пользоваться парламентарским или национальным флагом, военными знаками и форменной одеждой неприятеля, равно как и другими конвенционными отличительными знаками; истреблять или захватывать неприятельскую собственность, кроме случаев, когда подобное истребление или захват настоятельно вызывается военной необходимостью; объявлять потерявшими силу, приостановленными или лишенными судебной защиты права и требования подданных противной стороны. Также устанавливался запрет на принуждение подданных стороны неприятеля принимать участие в военных действиях, направленных против их страны даже в том случае, если они были на его службе до начала войны. В Положении содержались и нормы, предполагающие проведение различия между военными и гражданскими объектами.² Однако многие из них были нарушены уже в ходе как первой, так и второй мировых войн.

Обычные нормы МГП, акцентирующие внимание на запрещенных методах ведения войны, объединены в части III одноименного исследования МККК, завершеном в 2005 году. Это такие конкретные методы ведения войны, как: отказ в пощаде, уничтожение и захват имущества, голод и отсутствие доступа к гуманитарной помощи, обман (вероломство), а также нормы, освящающие условия переговоров с неприятелем³.

Из перечисленных подробнее остановимся на вероломстве, так как в условиях современных вооруженных конфликтов это один из наиболее часто используемых методов ведения войны в различных его проявлениях.

Одним из наиболее распространенных типов вооруженных конфликтов современности выступает так называемый асимметричный конфликт. Его

¹ Пустогаров В.В. Оговорка Мартенса — история и юридическое содержание / В.В. Пустогаров // ПРАВО И ПОЛИТИКА. — № 3. — 2000. — URL: http://www.krotov.info/lib_sec/13_m/mar/tens.htm

² Ст. 22-28 Положения об обычаях и законах сухопутной войны 1907 года.

³ Нормы 46-69 Обычного международного гуманитарного права.

классическим примером выступает столкновение регулярных вооруженных сил с иррегулярными (партизанскими, повстанческими) силами. История знает немало таких войн. Под понятие асимметричного конфликта можно подвести популярные на Западе концепции «войны четвертого поколения», малой войны, «операции, отличные от войны». Асимметричным конфликтом можно считать мятежевойну, концепцию которой сформулировал Е. Месснер, контрпартизанские, контрповстанческие, контртеррористические операции. При всем различии, у них есть нечто общее – это конфликты между сильной и слабой сторонами.

В широком смысле, асимметричный конфликт предполагает столкновение между физически, материально сильной стороной «F» и физически, материально слабой стороной «f». Не каждый конфликт между сильной и слабой сторонами будет асимметричным: асимметричность предполагает имманентно присущее и принципиально неустранимое неравенство сторон в физической, материальной силе. Повстанцы никогда не смогут сравниться в вооружениях с регулярными вооруженными силами. Аборигены всегда были слабее белых колонизаторов. Но вооруженный конфликт, например, между Великобританией и Аргентиной за Фолкленды в 1982 г. не был асимметричным, это был симметричный конфликт между сильной и слабой стороной.

Асимметричный конфликт изначально неравен и неравноправен, сильная сторона обладает безусловным преимуществом, которое создает объективные условия для достижения победы. Однако это – только на первый взгляд. В действительности, в абсолютной физической силе кроется и слабость позиции сильной стороны, которая обусловлена политическими, моральными, психологическими и иными нематериальными, субъективными факторами. Сторона «F» оказывается как бы «ослепленной» своей силой, теряет способность адекватно оценивать обстановку, прогнозировать и отражать возможные угрозы, утрачивает бдительность. Отсюда – нередкий политический крах стороны «F» даже на фоне ее очевидных военных побед. Примеры тому история: Вьетнам, Афганистан, Ирак¹.

Именно в условиях ассиметричных войн часто встречающимся методом противостояния и выступает обман или вероломство, которое важно отличать от военной хитрости.

Классическим примером из этой сферы является неканонический сюжет из Ветхого Завета. Олоферн, предводитель войска царя Ассирии Навуходоносора, вселявший ужас соседним народам, осадил израильский город Ветилу. Население, пав духом, решило сдаться врагу. Лишь молодая вдова Юдифь нашла в себе мужество сопротивляться. Сменив траурные одежды на великолепный наряд, она явилась в стан врагов и сказала им, что хочет указать путь бескровной победы над защитниками города. Олоферн был очарован прекрасной женщиной и пригласил ее на пир. Страсть и вино затуманили сознание ассирийского полководца, и, когда он заснул, Юдифь отрубила ему голову. Узнав, что грозный Олоферн обезглавлен, ассирийцы в панике бежали.

¹ Асимметричный конфликт: гендерная модель. URL: <http://futurewarfare.narod.ru/research.html>

С формальной точки зрения Юдифь совершила акт вероломства, коварства и терроризма. Но с точки зрения населения Ветилуи она была героиней, спасшей народ от уничтожения сильным врагом. Задача разгрома сильного противника слабой стороной была решена.

Это в полной мере характерно для иррегулярных сил в асимметричном конфликте. Временные и географические масштабы действий регулярных войск имеют определенные ограничения, обусловленные, в частности, возможностями системы тылового обеспечения. У партизан, повстанцев, незаконных вооруженных формирований таких ограничений, как правило, нет. Они могут долго выжидать, скрываться в труднопроходимых районах местности, надолго «растворяться» в среде местного населения. Ситуация, в которой оказались американские военнослужащие в Ираке, – пример того, что в затяжном конфликте сторона «F» катастрофически «выдыхается», в то время как слабая сторона «f» (полная гамма оппозиционных сил Ирака) приобретает «второе дыхание»¹.

Следует заметить, что чем более сложной является ситуация для стороны «f», тем более отчаянно-неадекватным и жестоким становится ее ответ. В безвыходной ситуации (например, штурм спецназом самолета, захваченного террористами, или блокада партизанского отряда в болоте) слабая сторона может пойти на акт отчаяния – массовые убийства заложников и самоубийства.

В этой ситуации сильная сторона также вынуждена применять запрещенные методы ведения войны и склоняется к бесчеловечному обращению с заключенными и военнопленными, а порой и к жестокому обращению с мирным населением оккупированной территории.

В 2005 году во Франции была издана книга бывшего морского пехотинца США с говорящим названием «Убей! Убей! Убей!». Автор, Джим Масси, утверждает, что ежедневные атаки повстанцев в Ираке, ставшие причиной гибели солдат коалиционных сил и рядовых граждан Ирака, – прямой результат жестокости войск США, проявленной ими в самом начале вторжения. Бывший сержант признается, что он сам и солдаты его подразделения убивали десятки безоружных иракцев только потому, что у них было сильно преувеличенное ощущение угрозы, а также потому, что им просто нравилось убивать. «Издательства американских военных над заключенными в тюрьме «Абу-Грейб» и других тюрьмах и лагерях подтверждают широко распространенный характер проблемы, – пишет автор. – На всех брифингах нам говорили, что в Ираке мы должны считать каждого человека потенциальным террористом, а это вызывало страх и панику у наших солдат». Сам Масси был демобилизован в мае 2003 года с диагнозом посттравматического стресса².

Согласно данным опроса, приведенного в начале статьи, страхи остаются и у жертв вооруженных конфликтов среди мирного населения. Сталкиваясь с таким количеством опасностей, чего люди боятся больше всего в вооруженном конфликте?

¹ Попов И.М. Юдифь с головой Олоферна / И.М. Попов. – URL: http://nvo.ng.ru/wars/2007-04-27/2_irak.html

² Наши методы ведения войны напоминают геноцид. URL: <http://www.rusk.ru/svod.php?date=2005-10-11>

Были выявлены три основных страха:

- Страх потери близкого человека – его упомянули в среднем 38 % опрошенных;
- Страх материальных трудностей (31 %) и
- Страх необходимости покинуть свой дом или стать беженцем (24 %).

Среди других распространенных страхов – страх телесного повреждения (15 %), сексуального насилия (13 %) и постоянной неуверенности в будущем (25 %).

Помимо этого, в отдельных странах существуют свои специфические страхи:

- Потерять жилье/имущество – в Либерии (35 %);
- Ограниченный доступ к предметам первой необходимости – в ДРК (22 %);
- Отказ в образовании – в Афганистане (21 %);
- Тюремное заключение – в Афганистане (15 %).

Было проведено сравнение между страхами людей и тем, что с ними происходило на самом деле. Во многих случаях страхи людей оправдываются.

Например, перемещение и экономические трудности пугают людей и одновременно являются реальностью во всех восьми странах. Есть также конкретные примеры характерные для отдельно взятой страны – скажем, в ДРК очень силен страх стать объектом сексуального насилия (36 % опрошенных) и распространены случаи сексуального насилия (28 % опрошенных)¹.

Где же этим людям взять силы, чтобы побороть эти страхи? Один из возможных ответов – распространение знаний о МГП.

В Либерии 65 % респондентов сказали, что слышали о ЖК, а 85 % сказали, что эти договоры оказывают «сильное» или «заметное» позитивное влияние. В Ливане ситуация коренным образом отличается: хотя примерно такое же количество респондентов в Ливане (69 %) сказали, что знают о существовании Конвенций, лишь 36 % из них считают, что эти договоры помогают ограничить страдания².

Очевидно, что распространение знаний об МГП – дело мирного времени, так как в военное время людям часто недостает человечности, чтобы применять эти знания на практике. Поэтому, как писал Мейровиц, важно запастись ею в преддверии бесчеловечности, свойственной войне.

Для этого сегодня у нас есть все необходимое: как Женевские, так и Гаагские конвенции, содержащие положения о запрещенных методах ведения войны находятся в свободном доступе на многих языках мира; они давно приобрели характер универсальных соглашений; более того, их положения широко имплементируются во внутреннее законодательство государств-сторон по договорам. Остается самое важное и на поверку самое сложное – неукоснительно следовать этим положениям в контексте вооруженных конфликтов, которых сейчас десятки по всему лицу Земли.

¹ Опрос общественного мнения, 2009 г. URL: <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/html/gallup-survey-8countries>

² Женевским конвенциям 60 лет: извлекаем уроки из прошлого, чтобы с большей уверенностью встретить будущее. — URL: <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/html/geneva-convention-60-news-060809>

Е. В. КОННОВА

аспирант кафедры международного права
Белорусского государственного университета

**ПРИМЕНЕНИЕ ТЕРМИНА
«ОДНОСТОРОННИЙ АКТ ГОСУДАРСТВА»
В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ**

Односторонние акты государств получают все более широкое распространение в регулировании международного сотрудничества на современном этапе, что обуславливает актуальность теоретической разработки вопросов, связанных с этим явлением. В международно-правовой литературе при рассмотрении односторонних актов государств в качестве примеров таких актов часто приводятся категории, регулируемые международным гуманитарным правом. Так, например, российские ученые В. Н. Додонов, В. П. Панов, О. Г. Румянцев помимо признания, протеста и отказа к односторонним актам государств причисляют объявление войны или ее прекращение, ультиматум, капитуляцию¹. Российский ученый М. Е. Волосов дополняет указанный перечень объявлением о нейтралитете². В работах западных авторов (например, П. Гуггенхайм, К. Земанек, Р. Меди, Ф. Пфлюгер) среди примеров односторонних актов называется также оккупация³. Соответственно, в доктрине по международному гуманитарному праву при рассмотрении упомянутых институтов также зачастую используется термин «односторонний акт государства». Однако квалификация указанных актов в качестве односторонних имеет свои особенности.

Вопросы односторонних актов государств находятся в центре внимания исследователей. Интерес ученых к этому институту значительно возрос после вынесения в 1974 году Международным судом ООН решения по делу о ядерных испытаниях⁴. Ряд работ, посвященных односторонним актам государств,

¹ Додонов В.Н. Международное право : словарь-справочник / В.Н. Додонов, В.П. Панов, О.Г. Румянцев // Под общ. ред. В.Н. Трофимова. — М.: ИНФРА-М. — 1997. — С. 497

² Волосов М.Е. Односторонний акт / М.Е. Волосов // Российская юридическая энциклопедия / Под ред. А.Я. Сухарева. — М., 1999. — С. 693

³ Guggenheim P. Traite de Droit International Public / P. Guggenheim. — Т. II. Geneve, 1954. — P. 351-355; Zemanek K. «Unilateral Legal Acts Revisited» / K. Zemanek // International Law: Theory and Practice. Essays in Honour of Eric Suy, Martinus Nijhoff Publishers, The Hague/Boston/London, 1998. — P. 212; Mehdi R. Cours de droit international public / R. Mehdi. — [Электронный ресурс] // perso.orange.fr/ceric/enseignements/archives/dipl2003.pdf. P. 35; Pflueger Fr. Die einseitigen Rechtsgeschaeft im Voelkerrecht. Zuerich: Schulthes & Co, 1936. P.288

⁴ Nuclear tests case (Australia v. France; New Zealand v. France), Judgement of 20 December 1974: I.C.J. Reports, 1974.

появились в западной литературе¹. В СССР в 1984 году вышла монография Р. А. Каламкаряна «Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств», на которую опирались другие авторы на советском, а затем и постсоветском пространстве. В начале 2000-х гг. активизировался интерес к данной тематике в Беларуси, России и Украине². Наконец, в 2006 году принятием Руководящих принципов была закончена работа Комиссии международного права ООН (далее КМП) по теме «Односторонние акты государств». Можно говорить о том, что сегодня существует вполне определенный международно-правовой режим, подлежащий применению к односторонним актам государств в строгом смысле этого слова.

Подпадают ли объявление войны или ее прекращение, капитуляция, оккупация и объявление нейтралитета под этот режим? Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к понятию «односторонний акт государства».

Анализ литературы и материалов работы КМП по данному вопросу позволяет сделать вывод, что под односторонним актом государства следует понимать одностороннее проявление воли, сформулированное публично в отношении его адресатов, выражающее намерение вызвать последствия по международному праву и способное независимо от вмешательства воли других государств породить согласно проявленной воле такие последствия, которые, будучи способны предоставлять права, не могут выступать в форме обязательств для третьих государств³. Таким образом, односторонний акт государства является международно-правовым актом, отвечая всем требованиям, предъявляемым доктриной к юридическому акту в международном праве (наличие волеизъявления, его способность вызвать самостоятельные юридические последствия и соответствие таких последствий выраженной воле). Однако, это не простой международно-правовой акт. Он должен также отвечать некоторым специфическим требованиям. Помимо того, что такой акт должен обладать формальным признаком односторонности (волеизъявление должно исходить от одной стороны), его особенностями являются также: 1) решающее значение намерения вызвать международно-правовые последствия; 2) публичность одностороннего акта, которая заключается в том, что для того, чтобы иметь юридическое значение акт должен быть доведен до сведения его адресатов, и именно с этого момента он начинает свое действие; 3) его относительный характер, который выражается в невозможности наложения односторонним актом обязательств на другие государства.

¹ Специально посвящены вопросам односторонних актов работы Де Вишера П., Дегана В.Д., Деосси Ж., Гонсалеса Ж. и Броша Л., Гудмана К., Кисса А., Пфлюгера Ф., Скубижевски К., Соя Э., Вентурини Ж., Земанека К. и др.

² См., например, Лехник Н.Л. Міжнародно-правова природа одностороннього зобов'язання держави / Н.Л. Лехник // Наукові записки. — Т. 26. — Юридичні науки. — Київ, 2004. — С. 60-63; Мельник С.О. Односторонні акти держав у міжнародному праві / С.О. Мельник // Взаємодія міжнародного права з внутрішнім правом України / За ред. В.Н. Денисова. — Київ, 2006. — С. 58-74; Рачков И.В. Односторонние акты государств: некоторые правовые вопросы / И.В. Рачков // Государство и право. — 2001. — № 8. — С. 75-88

³ Коннова Е.В. К вопросу об определении понятия «односторонний акт государства» / Е.В. Коннова // Журнал международного права и международных отношений. — 2008. — № 3. — С. 8

Отвечают ли всем этим требованиям акты об объявлении войны, оккупация, капитуляция, объявление о прекращении [состояния] войны и объявление о нейтралитете?

Что касается объявления войны, то необходимо отметить, что этот институт утрачивает былое значение в современном международном праве. С тех пор, как война из допустимого средства решения международных споров, превратилась в способ, запрещенный международным правом, большинство войн ведутся без объявления войны. Как указывает Р. Бакстер, «Государство, которое начинает военные действия, не склонно промульгировать правовой акт, которым оно признает свою ответственность за возникновение конфликта, в то время как государство, которое действует со ссылкой на необходимую оборону, будет считать излишним «объявление» войны, которую оно не начинало»¹.

Вместе с тем, факт объявления войны влечет за собой вполне определенные юридические последствия, поскольку, как отмечает российский ученый Г. М. Мелков, объявление войны – «это уже начало войны, даже если за этим не последовали боевые действия»². Хотя на этот счет есть и другая точка зрения (А. И. Полторак, Л. И. Савинский), согласно которой «объявление войны, не сопровождающееся открытием военных действий, должно рассматриваться как угроза применения силы»³, которая может и не осуществиться. В ситуации, когда мы имеем дело с фактическим открытием военных действий, объявление войны превращается в способ их открытия, который имеет важное значение в международном праве⁴.

Вне зависимости от квалификации акта объявления войны, речь идет об акте, совершаемом государством в одностороннем порядке, который влечет определенные международно-правовые последствия, что придает ему сходство с односторонними актами государств *stricto sensu*. Именно с момента объявления войны «происходит перестройка международных отношений воюющих государств»⁵. Последствия, о которых идет речь, касаются дипломатических и консульских отношений, имущества дипломатического и консульского персонала, собственности государства-противника, правового положения иностранцев-граждан неприятельского государства, действия международных договоров, рассчитанных на мирные отношения и др. В то же время, будучи точно установленными действующим международным правом, эти последствия объявления войны не являются самостоятельными

¹ Бакстер Р.Р. Поведение комбатантов и ведение военных действий (право, основанное на Гаагских конвенциях) / Р.Р. Бакстер // Международное гуманитарное право. — М.: Ин-т проблем гуманизма и милосердия, 1993. — С. 139

² Мелков Г.М. Международное право в период вооруженных конфликтов / Г.М. Мелков. — М.: ВЮЗИЮ, 1988. — С. 13

³ Полторак А.И. Вооруженные конфликты и международное право / А.И. Полторак, Л.И. Савинский. — М.: Наука, 1976. — С. 208.

⁴ Там же.

⁵ Котляров И.И. Международное гуманитарное право / И.И. Котляров. — М.: Юрлитинформ, 2003. — С. 57.

правовыми последствиями международно-правового акта, соответствующими выраженной в нем воле.

В данном случае речь идет о последствиях, установленных международным правом заранее, и объявление войны выступает лишь «спусковым механизмом» для наступления этих последствий. Французский юрист-международник Ж.-П. Жаке указывает в этой связи, что если в случае юридического акта значимость созданной нормы определяется именно заявленной волей, то юридический факт вызывает механическое применение уже существующей нормы¹.

Полагаем, что объявление войны как нельзя лучше иллюстрирует такую ситуацию и выступает в международном праве в качестве простого юридического факта. Это явление не отвечает требованию самостоятельных правовых последствий, соответствующих проявленной воле, которое необходимо для констатации одностороннего акта государства в строгом смысле, поэтому считаем употребление данного термина в отношении объявления войны некорректным.

Сказанное справедливо и в отношении оккупации, которая вызывает международно-правовой режим, закрепленный в IV Гаагской конвенции 1907 г. (в частности, отдел III)², Женевской конвенции 1949 г. о защите гражданского населения во время войны (в частности, часть III)³ и Дополнительном протоколе I (ст. 63, 69, 70, 78 и др.)⁴. Российский ученый Р. А. Каламкарян подчеркивает, что «... оккупация территории, открытие военных действий являются примерами актов, которым право придает последствия вне всякой связи с волей, которая несомненно здесь присутствует»⁵.

Кроме того, учитывая, что под оккупацией следует понимать временное занятие вооруженными силами одного государства территории другого государства и установление власти администрации на оккупированной территории⁶, то совершенно справедливым видится замечание специального докладчика КМП по теме «Односторонние акты государств» Р. Седеньо о том, что оккупация – «хоть и рассматривается как акт, порождающий правовые последствия, все же не оформляется в виде правового акта как такового, хотя государство, осуществляющее такое действие, и могло бы позже сделать за-

¹ Jacques J.-P. *Éléments pour une théorie de l'acte juridique en droit international public* / J.-P. Jacques. — Paris : Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1972. — P. 193

² Положение о законах и обычаях сухопутной войны. — Приложение к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, 5 октября 1907 г. // Действующее международное право. В 3-х тт. — Т. 2. — М.: Изд-во Московск. независ. ин-та межд. права, 1999. — С. 584-587

³ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны, 12 августа 1949 г. // Действующее международное право. В 3-х тт. — Т. 2. — С. 694-705.

⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, 8 июня 1977 г. // Действующее международное право. В 3-х тт. — Т. 2. — С. 731-792.

⁵ Каламкарян Р.А. Международно-правовое значение односторонних актов в международном праве / Р.А. Каламкарян. — М.: Наука, 1984. — С. 10.

⁶ Толочко О.Н. Международное гуманитарное право / О.Н. Толочко. — Гродно : ГрГУ, 2004. — С. 27; Арцибасов И.Н. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия / И.Н. Арцибасов, С.А. Егоров. — М.: Междун. отн., 1989. — С. 139.

явление, которое, тем не менее, было бы отнесено к другой категории актов, таких, в частности, как уведомления»¹.

Единственным случаем, когда объявление войны и оккупацию (при последующем издании соответствующего заявления) можно было бы рассматривать в качестве односторонних актов государств *stricto sensu*, является ситуация, которую сложно представить на практике, но можно, тем не менее, допустить в теории. Речь идет о принятии на себя в таких декларациях каких-либо дополнительных обязательств, не предусмотренных действующим международным правом. Так, например, государство, объявляющее войну и обладающее новым оружием, не запрещенным международным правом, может сделать заявление о неприменении в данной войне этого оружия. Или оккупирующая держава может принять какие-либо обязательства помимо тех, что закреплены в указанных Конвенциях и Протоколе. В таких случаях подобные акты можно будет рассматривать как декларации обязательства (обещание), являющиеся одним из признанных доктриной видов односторонних актов государств. При нарушении государством этого обязательства его можно будет призвать к ответственности, ссылаясь на принятую им декларацию как на источник юридического обязательства.

Другим актом, используемым в международном гуманитарном праве, который приводится в качестве примера одностороннего акта государства, является капитуляция. Причем, авторы не уточняют, идет ли речь о капитуляции частной или общей. Вероятно, такого уточнения не делается, поскольку очевидно, что частная капитуляция не имеет никакого отношения к односторонним актам государств как особому виду международно-правового акта.

«Капитуляция отдельной воинской единицы, – указывал советский ученый В. А. Соколов – имеет сугубо военный характер, она не оказывает существенного политического влияния на судьбу государства...»². Начальники этих военных единиц – будь-то командир части или капитан военного судна – не имеют полномочий издавать международно-правовые акты от имени государства, следовательно, не могут являться авторами односторонних актов государств.

Кроме того, в отношении юридической природы этого вида капитуляции в литературе высказывалась однозначная трактовка капитуляции как соглашения, договора, заключаемого между военачальниками. Так, польский ученый М. Мушкат отмечал: «капитуляция есть соглашение, на основе которого одна из воюющих сторон передает другой стороне военные соединения, морские подразделения или сухопутные укрепления»³.

Что же касается общей капитуляции, и, в частности, ее разновидности – безоговорочной капитуляции, здесь имеются некоторые отличия. Во-первых,

¹ Первый доклад об односторонних актах государств, подготовленный г-ном Виктором Родригес Седенью, Специальным докладчиком. Комиссия международного права, пятидесятая сессия: Док. ООН A/CN.4/486. – С. 22.

² Соколов В.А. Мирный договор / В.А. Соколов. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1965. – С. 41.

³ Там же.

в этом случае мы действительно имеем дело с международно-правовым актом. Во-вторых, как правило, подписывается акт о капитуляции одной (потерпевшей) стороной.

Так, в Акте о военной капитуляции германских вооруженных сил от 8 мая 1945 г. и Акте о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. подписантами выступают соответственно Германия и Япония. Подписи же представителей союзнических сил, принимающих капитуляцию, следуют за словами «В присутствии», «Скреплено», «присутствовали в качестве свидетелей»¹. Таким образом, формально данные акты исходят от одной стороны (Германии и Японии соответственно).

В то же время, для того, чтобы акт мог считаться односторонним, он должен вызывать правовые последствия *независимо от других проявлений воли*. Эта независимость отличает односторонний акт государства от договорных актов. Нельзя сказать, что акты о капитуляции отвечают этому требованию. Так, ст. 1 акта о капитуляции Германии содержит фразу «Мы... *соглашаемся* – (курсив здесь и далее наш – Е. К.) – на безоговорочную капитуляцию»². Акт о капитуляции Японии начинается со слов: «Мы... *принимаем условия декларации...*»³.

Сам факт принятия безоговорочной капитуляции означает *согласие* с теми решениями, которые принимаются в отношении агрессора. «Капитуляция – это своеобразное международное обязательство, в котором выражена также воля потерпевшего поражение агрессора»⁴, но источником воли, проявленной в акте о капитуляции, несомненно, является государство-победитель.

Таким образом, на наш взгляд, налицо договорная процедура *sui generis*. Капитуляция изначально задумывалась как акт договорной, о чем свидетельствует и ст. 35 Положения о законах и обычаях сухопутной войны: «При заключении между договаривающимися сторонами капитуляций должны быть принимаемы во внимание правила воинской чести. Заключенные капитуляции должны быть в точности соблюдаемы *обеими сторонами*»⁵.

Учитывая вышеизложенное, считаем ошибочной квалификацию капитуляции в качестве одностороннего акта государства. Другим примером, приводимым в качестве односторонних актов государств, является объявление об окончании войны.

Односторонняя декларация о прекращении [состояния] войны является одной из форм окончания войны. Эта форма возникает на основании одностороннего волеизъявления государства, «обычно государства-победителя,

¹ Акт о военной капитуляции германских вооруженных сил от 8 мая 1945 г., Акт о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. // Международное право в избранных документах. — М.: ИМО, 1957. — С. 288, 290

² Там же. — С. 288.

³ Там же. — С.290

⁴ Полторак А.И. Вооруженные конфликты и международное право / А.И. Полторак, Л.И. Савинский. — М.: Наука, 1976. — С. 213.

⁵ Положение о законах и обычаях сухопутной войны. — Приложение к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, 5 октября 1907 г. // Действующее международное право. В 3-х т. — Т. 2. — М.: Изд-во Московск. независ. ин-та межд. права, 1999. — С. 583

издающего односторонний акт, в котором оно заявляет о прекращении состояния войны»¹.

Рассматриваемая форма прекращения состояния войны является довольно распространенной в международной практике. Так, односторонней декларацией в 1919 г. Китай прекратил состояние войны с Германией после того, как китайский парламент отказался ратифицировать Версальский мирный договор. По этой же причине, США приняли особую резолюцию, прекращающую состояние войны в 1920 г. В 1950 г. односторонним актом прекратила состояние войны с Германией Бельгия, в 1951 г. – Мексика, Великобритания, США, Франция, в 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией, последовали этому примеру и Канада, Чехословакия, Болгария, Венгрия, Гватемала и другие страны.

Обычно подобные декларации, как и декларации об объявлении войны, не влекут никаких самостоятельных правовых последствий, кроме тех, что уже предусмотрены международным правом. Советский ученый Соколов В. А., сравнивая нормы, содержащиеся в односторонних декларациях, с нормами, закрепляющимися в мирных соглашениях, указывал на такое их отличие: «В отличие от нормы, прекращающей состояние войны, нормы, непосредственно регулирующие послевоенные отношения могут закрепляться только в документах, выработанных в договорном порядке, ибо нельзя решать вопросы взаимоотношения сторон односторонним актом». То есть, по мнению этого ученого, в односторонних декларациях может закрепляться лишь норма, прекращающая состояние войны. При этом эта норма «регулирует мирные отношения через *общие принципы* международного права»².

Как отмечалось выше, акты, правовым последствием которых является лишь вызов к применению уже закрепленных международным правом режимов, не могут считаться юридическим актом в смысле международного права, а относятся к более широкому понятию «юридический факт». Следовательно, подобные односторонние декларации о прекращении [состояния] войны, также не подпадают под понятие «односторонний акт государства» в строгом смысле. В то же время, полагаем, ничто не мешает государству-автору такой декларации взять на себя (как и при объявлении войны) какие-либо дополнительные обязательства помимо тех, что уже предусмотрены международным правом на случай окончания вооруженного конфликта. Разумеется, это возможно лишь при условии, что такая декларация не будет направлена на создание обязательств для третьих государств и не затронет уже существующие обязательства государства-автора акта в сторону их уменьшения. В такой ситуации, эту декларацию можно будет рассматривать как односторонний акт государства *stricto sensu*.

Вышеизложенные доводы применимы и к декларациям о нейтралитете, однако последние обладают еще одной существенной особенностью. Как мы

¹ Соколов В.А. Мирный договор / В.А. Соколов. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1965. — С. 66.

² Соколов В.А. Правовые формы прекращения состояния войны / В.А. Соколов. — М.: Гос. изд. юр. лит-ры, 1963. — С. 12-13.

уже отмечали, односторонний акт государства носит относительный характер, то есть не может накладывать каких-либо обязательств на третьи стороны. Нейтралитет же всегда предполагает существование ряда обязанностей третьих государств по отношению к нейтральному государству в военное время, а постоянный нейтралитет – и в мирное. В связи с этим, эвентуальный нейтралитет хоть и может устанавливаться односторонней декларацией, однако как сама возможность издания такой декларации, так и ее последствия предусмотрены соответствующими международно-правовыми нормами. Это обуславливает квалификацию деклараций об эвентуальном нейтралитете подобно рассмотренным выше декларациям об объявлении войны или о ее прекращении в качестве юридического факта.

Что же касается постоянного нейтралитета, то, на наш взгляд, он может устанавливаться лишь договорным путем или посредством одностороннего заявления и последующего признания этого нейтралитета другими государствами. Итальянский ученый П. Коппини справедливо указывает на то, что «только согласие всех сторон может вызвать ... комплекс взаимных обязательств» в связи с постоянным нейтралитетом¹. Заинтересованные государства могут также заранее договориться о признании постоянного нейтралитета, если данное государство примет его в будущем².

Так, например, постоянный нейтралитет Австрии оформлен Государственным Договором о восстановлении и независимости Австрии и Федеральным Конституционным законом о нейтралитете Австрии 1955 г. Декларация Мальты о ее постоянном нейтралитете 1981 г. принята к сведению в итоговом документе Мадридской встречи представителей государств-участников СБСЕ. Постоянный нейтралитет Лаоса основывается на заявлении правительства Лаоса о нейтралитете, подтвержденном Декларацией о нейтралитете Лаоса, подписанной в 1962 г. 14 государствами-участниками Международного совещания по урегулированию лаосского вопроса.

Постоянный нейтралитет может признаваться молчаливо или при помощи односторонней декларации. Например, в 1918 г. в одностороннем порядке заявила о своем нейтралитете Исландия. От других государств не последовало каких-либо шагов, что, по мнению советского ученого Б. В. Ганюшкина, «дает некоторые основания полагать, что все государства молчаливо согласились принять к сведению нейтралитет Исландии»³. В 1955 г. Румыния односторонним актом признала постоянный нейтралитет Австрии⁴.

Договорной механизм, по мнению исследователей, придает юридическую силу постоянному нейтралитету Туркменистана, принявшего в 1995 г. конституционный закон, устанавливавший постоянный нейтралитет для данного государства. В 1995 же году Генеральная Ассамблея ООН приняла ре-

¹ Coppini P. La neutralité permanente de l'Autriche / P. Coppini // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. – 1957. – № 1. – P. 19.

² Тиунов О.И. Нейтралитет в международном праве / О.И. Тиунов. – Пермь : ПГУ, 1968. – С. 43-50.

³ Ганюшкин Б.В. Нейтралитет и неприсоединение / Б.В. Ганюшкин. – М.: ИМО, 1965. – С. 114.

⁴ Кондаков А.В. Постоянный нейтралитет в международном праве: дисс... к.ю.н. / А.В. Кондаков. – М., 2002. – С. 50.

золюцию, в которой признала этот статус и призвала государства-члены ООН «уважать и поддерживать» его, «уважая также независимость, суверенитет и территориальную целостность» Туркменистана¹. Эта резолюция рассматривается Туркменистаном и некоторыми юристами «как некая особая гарантия мировым сообществом ... статуса постоянного нейтралитета страны». Предполагается, что закон и резолюция создали «своего рода договор между Туркменистаном с одной стороны, и ООН в лице ее членов – с другой»².

Полагаем, что установление статуса постоянного нейтралитета путем одностороннего акта, не признанного другими государствами, невозможно. По мнению М. Грехема (США), такой нейтралитет «является добровольно принятой политикой», которая имеет лишь моральную ценность и не обладает юридической силой по международному праву³. Как отмечает О. И. Тиунов (Россия), одностороннее волеизъявление государства быть постоянно нейтральным, создает обязательства только для принявшего его государства, а для других государств не имеет обязывающей силы до того момента, пока ими не признано⁴.

Нисколько не оспаривая данный тезис, подчеркнем слова О. И. Тиунова: «создает обязательства для принявшего его государства» – то есть еще до признания его другими государствами объявление нейтралитета уже вызывает определенные последствия в виде обязательств для государства-автора, что действительно делает его похожим на односторонний акт государства. В то же время, считаем, что обязательства, которые возникают для государства, объявившего о своем нейтралитете, до его признания не носят международно-правового характера. Так, П. Коппини (Италия) считает, что односторонняя декларация Австрии о постоянном нейтралитете «сама по себе не установила международный статус», а лишь «создала конституционную обязанность для государственных органов поддерживать нейтралитет»⁵. Американский автор Дж. Кунц указывает, что «самопровозглашенный нейтралитет ... является лишь декларацией о политическом курсе, или частью национального права». Рассматривая австрийскую декларацию, этот ученый пишет: «Если бы за ней ничего не последовало, Австрия могла бы в любое время, соблюдая предписываемую для этого конституционную процедуру, изменить или отозвать свой постоянный нейтралитет»⁶.

Как отмечалось выше, в качестве одного из неперемennых требований для определения одностороннего акта государства, способного повлечь международно-правовые последствия, является намерение государства-

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/Res/50/80 от 11 января 1995 г. – Электронный ресурс: <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/761/25/PDF/N9676125.pdf?OpenElement>

² Кондаков А.В. К вопросу о гарантиях постоянного нейтралитета Туркменистана / А.В. Кондаков // Московский журнал международного права. – № 3 (43). – 2001. – С. 58.

³ Graham M.W. Neutralization as a Movement in International Law / M.W. Graham // American Journal of International Law. – V. 21. – 1927. – № 1. – P. 87-88.

⁴ Тиунов О.И. Нейтралитет в международном праве / О.И. Тиунов. – Пермь: ПГУ, 1968. – С. 44.

⁵ Coppini P. La neutralite permanente de l'Autriche / P. Coppini // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. – 1957. – № 1. – P. 20.

⁶ Kunz J.L. Austria's permanent neutrality / J.L. Kunz // American Journal of International Law. April, 1956. – Vol. 50. – № 2. – P. 419.

автора взять на себя юридические обязательства. Вряд ли возможно сделать вывод о том, что, объявляя о постоянном нейтралитете, государство имеет намерение взять на себя односторонние обязательства по его соблюдению вне всякой связи с признанием этого нейтралитета третьими государствами. Полагаем, что целью подобного акта выступает последующее признание и уважение нейтралитета другими участниками международного общения, возникновение комплекса взаимных прав и обязательств в связи с постоянным нейтралитетом, которые бы способствовали обеспечению безопасности государства, заявляющего о своем нейтралитете, и содействовали укреплению международной безопасности в целом. В связи с этим, мы склоняемся к точке зрения тех авторов (например, П. Коппини), которые рассматривают подобные декларации в качестве предложения, которые приобретают юридическую силу лишь после принятия другой стороной¹ и не являются односторонними юридическими актами государств.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что квалификация объявления войны или ее окончания, оккупации, капитуляции, объявления нейтралитета в качестве односторонних актов государства в большинстве случаев неоправданна. Такая правовая оценка применима лишь в тех ситуациях, когда соответствующие декларации, исходя от одной стороны, способны самостоятельно создать в отношении их автора обязательства, не предусмотренные уже действующим международным правом, что на практике встречается крайне редко. Использование же указанного термина в иных случаях приводит к смешению различных международно-правовых категорий и значительному затруднению определения правового режима, подлежащего применению.

¹ Coppini P. La neutralite permanente de l'Autriche / P. Coppini // Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques. — 1957.— № 1. — P.20

О. Н. ТОЛОЧКО

заведующий кафедры международного права
Гродненского государственного университета
им. Янки Купалы, кандидат юридических наук

РЕЖИМ ВОЕННОЙ ОККУПАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

Статья посвящена важному институту современного международного гуманитарного права – праву военной оккупации. В условиях иностранной оккупации вводится специальный правовой режим, отличительной особенностью которого является взаимодействия трех правовых систем: национального права оккупированного государства, национального права оккупирующей державы и международного (международного гуманитарного) права. Действующие международные документы, отмечается в статье, не содержат однозначных ответов на целый ряд практических проблем, возникающих в ситуациях военной оккупации, и по ряду параметров не соответствуют современным тенденциям развития международного правопорядка. Автор акцентирует внимание на современных проблемах и особенностях права военной оккупации и излагает собственную точку зрения на современное состояние данного международно-правового института.

Одним из важнейших институтов международного гуманитарного права является **право военной оккупации**. Помимо изначально сложных и неоднозначных конвенционных правил, относящихся к данному институту, в современных условиях режим военной оккупации приобретает новые качества, что, несомненно, сказывается на правоприменительной практике в условиях вооруженных конфликтов.

Современная международно-правовая литература уделяет немало внимания проблемам оккупационного режима: достаточно назвать работы таких авторов как И. Н. Арцибасов¹, В. Ю. Калугин², Ж. Пикте³, Ф. Буше-Сольнье⁴, Ф. Кальсховен⁵, Э. Давид⁶ и многие другие. Тем не менее, здесь остается ряд

¹ Арцибасов И.Н. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия / И.Н. Арцибасов, С.А. Егоров. — М.: Международные отношения, 1989. — 245 с.

² Калугин В.Ю. Курс международного гуманитарного права / В.Ю. Калугин. — Мн.: Тесей, 2006. — 311 с.

³ Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права / Ж. Пикте. — М.: МККК, 2000. — 157 с.

⁴ Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / Ф. Буше-Сольнье. — М.: МИК, 2004. — 552 с.

⁵ Кальсховен Ф. Ограничения методов и средств ведения войны / Ф. Кальсховен. — 2-е изд., испр. — М.: МККК, 1999. — 232 с.

⁶ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций юрид. ф-та Открытого Брюссельского ун-та / Э. Давид. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000. — 720 с.

неразрешенных проблем, порождающих трудности в правоприменительной практике. Цель настоящей статьи – определить такие проблемы и найти приемлемые подходы к их разрешению.

Под военной оккупацией понимают **временное** занятие вооруженными силами одного государства территории (части территории) другого государства и установление власти военной администрации на оккупированной территории. В условиях оккупации гражданское население и иные покровительствуемые лица оказываются особенно незащитными, поэтому международное гуманитарное право стремится смягчить их участь посредством специальных мер, ограничивающих свободу оккупационных властей в некоторых вопросах¹.

Правила, относящиеся к военной оккупации, содержатся в следующих международных нормативных документах:

– в III отделе Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. (далее – ГК IV) «О военной власти на территории неприятельского государства»;

– в Части III раздела III Женевской конвенции 1949 г. о защите гражданского населения во время войны (далее – ЖК IV);

– в ряде статей Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г. (далее – ДП I), которые уточняют и конкретизируют положения ЖК IV, в частности, в разделе II «Помощь гражданскому населению», в разделе III «Обращение с лицами, находящимися во власти неприятеля» и др.;

– в некоторых иных документах, относящихся к праву вооруженных конфликтов, в соответствии с тематикой этих документов;

– в судебных постановлениях, доктринальных источниках (прежде всего, исходящих от Международного Комитета Красного Креста).

Согласно нормам права вооруженных конфликтов, **применимость** права военной оккупации обуславливается двумя обстоятельствами.

С одной стороны, согласно статье 42 ГК IV 1907 г., территория, к которой применимо право оккупации, должна «действительно находиться во власти неприятельской армии», причем «занятие (режим оккупации – **О. Т.**) распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность»². Если же на соответствующей территории продолжают активные военные действия, вследствие которых командование оккупационной армии не в состоянии ни установить, ни осуществить свою власть, международное гуманитарное право говорит не об оккупированной территории, а о территории, *подвергшейся вторжению*. В этом случае применяются те же нормы, что и на поле боя, т. е. общие нормы права вооруженных конфликтов³.

¹ Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / Ф. Буше-Сольнье. — М.: МИК, 2004. — С. 283–284; Кальсховен Ф. Ограничения методов и средств ведения войны / Ф. Кальсховен. — 2-е изд., испр. — М.: МККК, 1999. — С. 71–76.

² Гаагская конвенция 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны // Ведение военных действий : сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. — М.: МККК, 1999. — 557 с.

³ Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / Ф. Буше-Сольнье. — М.: МИК, 2004. — С. 284.

С другой стороны, оккупацию следует отличать от **завоевания** территории. Завоевание предполагает полное подчинение побежденному победителю, влекущее за собой конец войны и прекращение суверенитета побежденного государства, ликвидацию его государственно-правовых институтов. Для оккупации, наоборот, характерны сохранение властных структур (пусть даже в изгнании) побежденного государства и продолжение сопротивления и военных действий против государства-оккупанта. Нормы, относящиеся к оккупации, не применяются к завоеванию (покорению). Соответственно, если занятие территории противника следует за полной и безоговорочной капитуляцией, как в случае с фашистской Германией 8 мая 1945 г., то полное подчинение территории, прекращение существования армии и правительства, а также прекращение любых форм борьбы изменяют режим оккупации, и право оккупации более не применяется.

Вместе с тем, современное международное гуманитарное право исходит из положения, согласно которому право оккупации может не применяться только в том случае, когда завоевание является результатом борьбы с государством-агрессором. Данное положение, в частности, было зафиксировано в одном из решений Нюрнбергского трибунала. Отвечая на аргумент, выдвинутый обвиняемым, утверждавшим, что германский рейх не был связан нормами права военной оккупации в отношении территорий, захваченных Германией, суд заявил, что доктрина завоевания не применяется к ситуации агрессивной войны. «По мнению Трибунала, – отмечается в приговоре, – в данном случае нет необходимости решать, применима ли доктрина захвата... там, где завоевание является результатом агрессивной войны»¹. Таким образом, международное право не признает завоеванием отчуждение территории или части территории, осуществленное вследствие агрессивной войны, поскольку это противоречит *ius contra bellum*. Завоевание в принципе может быть осуществлено лишь государством, выступающим против агрессора.

Основная идея права военной оккупации состоит в том, чтобы на время вооруженного конфликта сохранить на оккупированных территориях *status quo ante* – ранее существовавшее положение, – с тем, чтобы обеспечить в будущем безболезненный возврат таких территорий соответствующему государству. Согласно статье 43 ГК IV 1907 г., занявший территорию неприятель обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько это возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, и при этом он должен уважать «существующие в стране законы, буде к тому времени не встретится неодолимого препятствия»².

Главная цель международного гуманитарного права в условиях военной оккупации состоит в максимальной, с учетом военной необходимости, защите

¹ Цит по: Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета / Э. Давид. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000. – С. 377.

² Гагская конвенция 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны // Ведение военных действий : сборник Гагских конвенций и иных соглашений. – М.: МККК, 1999. – 557 с.

покровительствуемых лиц в условиях, когда такие лица лишены естественной помощи со стороны своего собственного государства.

В связи с этим в праве оккупации можно выделить три основные юридические проблемы.

1. Поскольку рассматриваемый институт является частью *международного права*, здесь, как и в большинстве случаев применения международных норм, возникает проблема взаимоотношений международного и национального права, причем национального права как минимум двух государств – оккупированного и оккупирующего.

2. Проблема «подвижности» ситуации, состоящая в том, что оккупационный режим может устанавливаться и прекращаться во времени и в пространстве в зависимости от развития событий. Иными словами, необходимо всякий раз обосновывать применимость права оккупации на данный промежуток времени и к данной территории, поскольку обстоятельства могут изменяться, причем зачастую весьма стремительно.

3. Имеются трудности в применении норм права военной оккупации, связанные с разнообразием конкретных ситуаций и неурегулированностью отдельных вопросов (пробельностью права), а также с тем фактом, что некоторые действующие конвенционные нормы международного гуманитарного права трудно применимы к определенным современным обстоятельствам, которые не были известны праву в момент принятия Конвенций. В частности, началу XX века, когда принималась Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, были характерны совершенно иные экономические и политические отношения, и эти отношения не менялись столь быстро, как это имеет место сегодня, спустя столетие. Совершенно очевидно, что в нынешних условиях буквальное толкование и применение норм данной Конвенции вряд ли реально осуществимо. Однако, в связи с этим, закономерен вопрос: в какой мере суд или иной правоприменительный орган может отступить от норм Конвенции, чтобы данное отступление соотносилось и с обстоятельствами, и с духом Конвенции, и, наконец, с правом международных договоров?

Указанные проблемы присущи не только праву оккупации, но и всем институтам международного гуманитарного права в совокупности. Однако в рамках исследуемого предмета остановимся подробнее на положениях ГК IV 1907 г. и ЖК IV 1949 г., а также тех норм ДП I, которые относятся к управлению территориями, занятыми противником в ходе вооруженного конфликта.

Итак, основной принцип международного права в отношении военной оккупации – **«оккупация не изменяет статуса оккупированной территории»**. Данное положение раскрывается, в частности, следующими конкретизирующими правилами.

1. Оккупация не является аннексией и не влечет за собой перехода суверенитета оккупированного государства. На это неоднократно обращал внимание Совет Безопасности ООН в связи с территориями, оккупированными Израилем (п. 2е преамбулы резолюции № 242 от 22 ноября 1967 г.), а также

по поводу Ирано-Иракского конфликта (п. 6е преамбулы резолюции № 581 от 24 февраля 1986 г.) и войны в Кувейте (резолюция № 662 от 9 августа 1990 г.)¹.

2. На оккупированных территориях продолжают применяться законы оккупированного государства, а население продолжает исполнять долг верности державе происхождения. В частности, уголовное право оккупированного государства продолжает применяться в отношении фактов сотрудничества с неприятелем, что было подтверждено рядом судебных решений, вынесенных по итогам II мировой войны. Кроме того, продолжает действовать гражданское право: так, например, имеется ряд судебных прецедентов по наследственным делам, в которых подчеркивается данное обстоятельство².

Более того, правительство оккупированного государства во время оккупации может принимать законы и иные постановления, в том числе в изгнании, и эти законы должны применяться на оккупированной территории. Обязательные законы и постановления могут издаваться даже движением сопротивления, однако лишь в той мере, в какой это не противоречит международному гуманитарному праву. Статья 64 ЖК IV 1949 г. устанавливает принцип, согласно которому законодательство оккупированного государства «остаётся в силе, за исключением случаев, когда оно может быть отменено или приостановлено оккупирующей Державой, если это законодательство представляет собой угрозу безопасности оккупирующей Державы или *препятствует применению настоящей Конвенции* (выделено мной – **О. Т.**)»³. Например, закон явно противоречит Конвенции, если он объявляет любую форму работы на оккупирующую державу преступлением.

В то же время оккупирующее государство не может изменять статус должностных лиц и судей на оккупированной территории, а также применять санкции к тем, кто отказывается от выполнения некоторых функций. Единственное, что вправе сделать оккупационная власть – освободить отказывающееся от выполнения таких функций лицо от занимаемой должности.

3. Оккупирующее государство обязано соблюдать права человека, причем как в соответствии с законодательством и международными соглашениями оккупированного государства, так и в соответствии со своим собственным законодательством.

4. Право военной оккупации предусматривает возможность неприменения законодательства оккупированного государства, если такое применение затруднено «неодолимым препятствием». В случаях, вызванных военной необходимостью и поддержанием общественного порядка, а также в целях обеспечения снабжения продовольствием, защиты культурных ценностей, аренды

¹ Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian>. – Дата доступа: 19.07.2007.

² Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета / Э. Давид. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000. – С. 379.

³ Женевская конвенция 1949 г. о защите гражданского населения во время войны // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. – М.: МККК, 1997. – С. 137–211.

недвижимости и т. п., оккупирующая держава вправе принимать собственные законы и иные меры.

5. Оккупирующее государство обязано уважать долг верности граждан на оккупированных территориях. Запрещено использовать население оккупированных территорий в военных целях против собственного государства. В тоже время возможно привлечение лиц, достигших 18-летнего возраста, к общественным работам, в том числе и к работам, выполняемым в нуждах оккупационной армии. В литературе отмечается, однако, что отнесение работ к общественно-полезным или имеющим военное назначение, к сожалению, слишком часто зависит от субъективного толкования.

6. Запрещено депортировать часть населения оккупированных территорий за ее пределы. Также воспрещается перемещать на оккупированную территорию часть своего населения (статья 49, части 1 и 6 ЖК IV 1949 г.)¹. За несоблюдение этих обязательств Совет Безопасности (резолюции № 446 и 452 1979 г., № 465 1980 г., 497 1981 г., 592 1986 г., 605 и 607 1988 г., 694 и 726 1991 г., 799 1992 г.) и Генеральная ассамблея ООН (резолюции 44/48 А, пар. 8, е, от 8 декабря 1989 г. (107-2-41), 45/74 А, пар. 8, е, от 11 декабря 1990 г. (101-2-43) неоднократно осуждали Израиль².

7. Оккупирующее государство имеет право создавать на оккупированных территориях военные трибуналы для рассмотрения дел о нарушении постановлений, изданных им в соответствии с ЖК IV 1949 г. (ч. 2 ст. 64 и ст. 66). Однако Конвенция предусматривает ряд специальных правил функционирования таких судов, в частности:

- суды должны быть специально созданы надлежащим образом на оккупированных территориях, носить неполитический военный характер;

- обвиняемый может быть приговорен к смертной казни на основании закона оккупирующей державы только за тяжкие преступления (шпионаж, серьезные диверсионные акты, а также умышленные правонарушения, повлекшие за собой смерть одного или нескольких лиц) и при условии, что смертный приговор за такие правонарушения допускался законом оккупированной державы до начала оккупации;

- обо всех делах должна быть извещена Держава-покровительница или МККК, а их представителям должна быть предоставлена возможность присутствовать на судебном заседании.

Разрешено также создавать административные органы для обеспечения общественного порядка и безопасности (ст. 43 ГК IV 1907 г.). Такие органы формируются из числа местного населения, и в принципе не должны использоваться для защиты оккупационного режима. Тем не менее, в определенных ситуациях допускается обращение оккупирующей державы к полиции оккупированных территорий с требованием оказания помощи в пресечении на-

¹ Женевская конвенция 1949 г. о защите гражданского населения во время войны // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. — М.: МККК, 1997. — С. 137—211.

² Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — 2007. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian>. — Дата доступа: 19.07.2007.

правленных против нее незаконных военных действий, например, нападения гражданских лиц на оккупационные силы или террористического акта, совершенного против гражданских лиц оккупирующего государства. На практике, однако, «часто возникают, так сказать, пороговые ситуации, когда силы по поддержанию порядка оккупированного государства рискуют навлечь на себя обвинения в нарушении долга верности в отношении оккупированного государства... Теоретически им не следует вменять в вину сотрудничество с неприятелем в пресечении действий, являющихся нарушениями международного права, но на деле иногда бывает трудно провести четкую границу между законными действиями и коллаборационизмом», – отмечает Э. Давид¹.

8. Оккупирующее государство вправе взимать налоги, налагать реквизиции, денежные сборы на нужды армии или управления (ст. 48-56 ГК IV 1907 г.). Вместе с тем, современное состояние общественных отношений настоятельно требует определенных поправок к нормам Конвенции, во всяком случае, необходимо учитывать современное понимание агрессивной и правомерной войны, которое, несомненно, существенно ограничивает права агрессора в отношении имущества, находящегося на оккупированных территориях. Кроме того, как указал в одном из приговоров Нюрнбергский международный военный трибунал, «согласно законам войны, на экономику оккупированной страны ложатся только расходы по оккупации», и при этом «она должна нести эти расходы только в той мере, в какой эти расходы соответствуют ее [экономике оккупированной страны] возможностям»².

9. Оккупирующее государство обязано уважать имущество, находящееся на оккупированных территориях. Статья 53 ЖК IV 1949 г. прямо запрещает оккупирующей державе уничтожать любое имущество, являющееся индивидуальной или коллективной собственностью, если это уничтожение не является абсолютно необходимым для военных операций³. Имеется лишь ограниченное право присваивать или реквизировать имущество на оккупированной территории, в частности, в качестве военных трофеев (ч. 1 ст. 53 ГК IV 1907 г.). Следует отметить, однако, что понятие «военных трофеев» претерпело значительные изменения со времени принятия Конвенции, и в настоящее время такое право является скорее гипотетическим, нежели реальным.

Возможны реквизиции денег, фондов, долговых требований, складов оружия, магазинов и некоторых иных категорий, составляющих собственность государства, которые могут служить для военных целей. Однако современное международное право исходит из того, что если оккупация была произведена в нарушение *ius contra bellum*, то такие действия оккупирующего государства

¹ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета / Э. Давид. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000. — С. 382.

² Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета / Э. Давид. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000. — С. 384.

³ Женевская конвенция 1949 г. о защите гражданского населения во время войны // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. — М.: МККК, 1997. — С. 137-211.

рассматриваются как незаконно причиненный ущерб, и государство, подвергшееся оккупации вправе требовать возмещения.

Заслуживает отдельного рассмотрения вопрос о статусе некоторых категорий лиц в условиях оккупации. Так, на оккупированных территориях продолжается вооруженное сопротивление. В то же время правила международного гуманитарного права, касающиеся защиты лиц в международных вооруженных конфликтах, действуют только в отношении лиц, подпадающих под категорию «покровительствуемых». С этой точки зрения бойцы сопротивления могут рассматриваться как **военнопленные**, если соблюдены требования Женевской конвенции 1949 г. об обращении с военнопленными (ЖК III), или как **гражданские**, если, соответственно, под категорию военнопленных они не подпадают. Статус военнопленных предоставляется, согласно ЖК III, личному составу ополчений и добровольческих отрядов, «включая личный состав организованных движений сопротивления, принадлежащих стороне, находящейся в конфликте, и действующих на собственной территории или вне ее, даже если эта территория оккупирована, если эти ополчения и добровольческие отряды, включая организованные движения сопротивления, отвечают нижеследующим условиям:

- а) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
- б) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак;
- в) открыто носят оружие;
- д) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны»¹.

Если участники движений сопротивления не могут претендовать на статус военнопленных, они рассматриваются как гражданские лица и имеют право на обращение, предусмотренное ЖК IV 1949 г. При этом, однако, следует иметь в виду, что, в отличие от военнопленных, такие лица подлежат наказанию за все совершенные ими акты вооруженного сопротивления. Кроме того, в отношении них может быть установлен особый режим безопасности, предусмотренный статьей 5 данной Конвенции, в частности, они могут быть лишены предоставленного Конвенцией права на связь. В то же время в ходе любого уголовного процесса такие лица имеют все необходимые гарантии судебного разбирательства.

Гражданское население оккупированных территорий пользуется защитой, гарантированной ЖК IV 1949 г. и ДП I по следующим категориям:

- гражданское население оккупированной территории (общая защита) – статьи 47–77 ЖК IV 1949 г., статьи 68–71 ДП I²;
- гражданские лица, содержащиеся под стражей на оккупированной территории (ЖК IV, ст. 64–77);

¹ Женевская конвенция 1949 г. об обращении с военнопленными // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. — М.: МККК, 1997. — С. 57–136.

² Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (протокол I) // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. — М.: МККК, 1997. — С. 212–295.

- лица, находящиеся во власти одной из сторон в конфликте (ДП I, ст. 72–75);
- гражданские интернированные лица (ЖК IV, ст. 79–135);
- иностранцы, беженцы, лица без гражданства, находящиеся на территории одной из сторон, участвующей в конфликте (ЖК IV, ст. 35–46);
- женщины и дети (ДП I, ст. 76–78);
- раненые и больные; беременные женщины, новорожденные и немощные, которые приравнены к раненым и больным с целью обеспечения эффективной защиты (ДП I, ст. 8);
- медицинский персонал (ЖК IV, Раздел II, ст. 13–26; ДП I, ст. 8–31);
- персонал гуманитарных организаций (ДП I, ст. 71);
- иные пользующиеся защитой лица.

В соответствии со статьей 47 ЖК IV 1949 г., права проживающих на оккупированной территории лиц полностью защищаются международным правом, и их правовое положение не может быть изменено ни односторонним актом оккупирующей державы, ни аннексией. Лица, проживающие на оккупированной территории, не вправе отказываться от своего статуса или прав, предусмотренных ЖК IV. Международное гуманитарное право закрепляет обязанность оккупирующей державы обеспечивать для детей, проживающих на оккупированных территориях, возможность посещать школы. Оккупирующая держава обязана также обеспечивать нормальные условия функционирования медицинских учреждений на оккупированных территориях. Общественный порядок должен поддерживаться при помощи местных полицейских сил. Оккупирующая держава обязана обеспечить снабжение оккупированных территорий продовольствием и медикаментами, а при необходимости разрешить третьим сторонам (например, Международному Комитету Красного Креста) осуществлять помощь.

Таким образом, оккупация является формой иностранного господства над территорией суверенного государства, и этот факт предопределяет неизбежность достаточно суровых условий для проживающего на оккупированных территориях гражданского населения. Однако нормы международного гуманитарного права все же по возможности смягчают положение покровительствуемых лиц, ограничивая прежде беспредельную власть оккупирующей державы. Действия оккупационных властей в настоящее время контролируются посредством специальных международных институтов, призванных обеспечить права покровительствуемых лиц.

О. Р. ПОЄДИНОК

аспірант відділу міжнародного права та порівняльного правознавства Інституту держави і права ім. В. М. Корецького НАН України

ЗБЕРЕЖЕННЯ ТА ВІДНОВЛЕННЯ СІМЕЙНИХ ЗВ'ЯЗКІВ БІЖЕНЦІВ У МИРНИЙ ЧАС ТА ПІД ЧАС ЗБРОЙНИХ КОНФЛІКТІВ

Біженці ризикують втратити зв'язок зі своїми рідними як у мирний час, так і під час збройних конфліктів. Втеча від переслідувань, ситуації масового напливу біженців, розміщення у таборах, евакуація, репатріація тощо – усе це створює загрозу для єдності сімей біженців. Збереження та відновлення сімейних зв'язків біженців є перш за все практичною проблемою, вирішенням якої найбільш активно займаються Управління Верховного комісара ООН у справах біженців (далі – УВКБ ООН) та Міжнародний Комітет Червоного Хреста (далі – МКЧХ).

І міжнародне право захисту прав людини, і міжнародне право захисту біженців, і міжнародне гуманітарне право визнають сім'ю природним та основним осередком суспільства. Відповідно до частини третьої статті 16 Загальної декларації прав людини 1948 р., сім'я має право на захист з боку суспільства та держави¹. Ця ж думка відображена й у частині першій статті 23 Міжнародного пакту про громадянські і політичні права².

Найбільш ефективним способом захисту біженців (особливо представників найбільш вразливих категорій – дітей, жінок, осіб похилого віку) є захист їхніх сімей. Особливої підтримки потребують неповні сім'ї. Члени сімей біженців потерпають від проблем, пов'язаних із вимушеною розлукою під час пересування до території держави майбутнього притулку та з тим, що ці держави не сприяють возз'єднанню сімей навіть у тому разі, коли одному із членів родини (або кільком) було надано статус біженця, не кажучи вже про шукачів притулку, які користуються доволі обмеженим колом прав³.

У той час, як положення міжнародного права гарантують збереження сім'ї, її чітке визначення та її права на возз'єднання віднесені до відання національних законодавців. У тих випадках, коли для возз'єднання сім'ї вимагається

¹ Всеобщая декларация прав человека : Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года [Електронний ресурс]. — Режим доступу до тексту: <http://www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm>.

² Міжнародний пакт про громадянські і політичні права : Міжнародний пакт ратифіковано Указом Президії Верховної Ради Української РСР N 2148-VIII (2148-08) від 19.10.73 р. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу до тексту: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_043.

³ Refugee Protection: A Guide to International Refugees Law / [Inter-Parliamentary Union]. — Geneva : Inter-Parliamentary Union, 2001. — P. 74.

в'їзд членів сім'ї до іншої країни, рішення приймається відповідно до законів і правил приймаючої держави. Наприклад, уряди західних держав, як правило, розглядають можливість прийняти на своїй території для возз'єднання тільки членів сімей «першого ступеня», тобто чоловіка чи дружину, а також неповнолітніх дітей. Як виключення, із почуття милосердя, може бути дозволений в'їзд батькам похилого віку, які знаходяться на утриманні своїх дітей, і самотнім братам або сестрам, які відносяться до вразливих категорій населення. В'їзд для інших родичів також можливий, але за умови, що вони здатні утримувати себе самостійно. Саме тому, враховуючи, що форма сім'ї може бути різною в різних культурах, XXVI Міжнародна конференція Червоного Хреста та Червоного Півмісяця звернулася із закликом до держав таким чином застосовувати критерії возз'єднання сімей, щоб бралася до уваги положення тих членів сімей, які є найбільш вразливими¹.

Про необхідність збереження єдності сімей біженців ішлося під час Конференції повноважних представників щодо питання про статус біженців і апатридів. У пункті В частини IV її Заключного акту зазначено: «Конференція, беручи до уваги, що збереження єдності сім'ї, яка є природним і основним груповим суспільним осередком, складає істотне право біженця та що збереження цієї єдності знаходиться під постійною загрозою, та із задоволенням відмічаючи, що відповідно до офіційних пояснень Спеціального комітету з безпідданства та питань, пов'язаних із ним, права, які надаються біженцю, поширюються на членів його сім'ї, рекомендує урядам вжити заходів щодо захисту сім'ї біженців для того, щоб зокрема:

1) забезпечити збереження єдності сім'ї біженців, зокрема в тих випадках, коли глава сім'ї відповідає вимогам, які висуваються для в'їзду до тієї чи іншої країни;

2) забезпечити захист неповнолітніх біженців і, зокрема, дітей і дівчат, яких не супроводжують дорослі, особливо у зв'язку з питаннями опіки й усиновлення»².

Базовим елементом захисту сімей біженців є возз'єднання сім'ї. Виконавчий комітет УВКБ ООН виділив такі основні аспекти захисту єдності сімей біженців:

- возз'єднання сімей, розділених під час втечі від переслідувань;
- застосування ліберальних критеріїв при вирішенні питання про те, кого з членів сім'ї можна прийняти на території держави та надати притулок;
- визнання всіх членів сім'ї, які подали відповідні заяви, біженцями у випадку, коли основному заявнику надано статус біженця;
- надання питанням збереження єдності сім'ї пріоритетного значення на початкових стадіях всіх операцій із допомоги біженцям;

¹ Восстановление семейных связей : руководство для национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца / [Международный Комитет Красного Креста]. — Женева : МККК, 2000. — С. 88.

² Заключительный акт созданной Организацией Объединенных Наций Конференции полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов : принят 28 июля 1951 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.memo.ru/pravo/rei/510728a.htm>.

- забезпечення самостійності дорослих членів сімей, яка б дозволила їм надавати підтримку родичам, які від них залежать¹.

У разі, коли члени сімей опиняються в різних місцях, УВКБ ООН проводить активні пошуки та сприяє відновленню та підтриманню контактів між ними, а також возз'єднанню сім'ї. Додаткової допомоги потребують батьки, які виховують дітей самостійно, а також сім'ї, що опинилися в соціальній ізоляції. Остання проблема може стати особливо актуальною для біженців, які мешкають у містах, тобто у віддаленні від інших біженців та від служб, які надають їм допомогу. Крім того, ізоляцію може загострювати і мовний бар'єр².

Дуже гостро проблема збереження єдності сім'ї постає під час евакуації біженців. Саме тому УВКБ ООН рекомендує проводити евакуацію всієї сім'ї разом. Якщо ж дитина евакуюється окремо від батьків, то в її особистих документах повинні знаходитися документи, необхідні для її повернення³.

Діти без супроводу дорослих є особливо вразливою категорією біженців. Саме тому УВКБ ООН виробило рекомендації щодо розшуку батьків чи родичів несупроводжуваних дітей. Такий розшук проходить у координації з МКЧХ, куди направляється копія реєстраційного документа чи запиту про розшук сім'ї. Так можна збільшити шанси на визначення місцезнаходження родичів та запобігти дублюванню дій. До найбільш ефективних методів розшуку належать: розміщення фотографій на дошках оголошень; збори біженців; використання радіо, телебачення та газет; виготовлення та поширення спеціальних бюлетенів щодо розшуку з фотографіями дітей; співбесіди з дорослими, які загубили своїх дітей; відвідання дітьми районів, де, за їхніми словами, вони загубили батьків. Необхідно вживати заходів, щоб збір і поширення інформації про дітей-біженців не поставили під загрозу їхнє життя та життя їхніх родичів, та ретельно перевіряти всі заяви про права на дитину від осіб, які вимагають возз'єднання сім'ї, оскільки тут часто зустрічаються як помилки, так і факти фальсифікації. Іноді родичі знаходяться на території іншої держави і швидко возз'єднання з ними неможливе. У таких ситуаціях несупроводжувана дитина повинна мати можливість підтримувати зв'язок з родиною. У деяких випадках листування може здійснюватися через МКЧХ. У системі розшуку Міжнародної федерації товариств Червоного Хреста і Червоного Півмісяця діє служба зі зв'язку із сім'ями⁴.

Збереження сімейних зв'язків є пріоритетною проблемою і в ситуаціях добровільної репатріації біженців. Саме тому цілісність сім'ї повинна бути ключовим фактором при її плануванні. УВКБ ООН рекомендує, щоб під час реєстрації перед відправленням до країни походження враховувалися сімейні зв'язки між найближчими родичами. У Сімейних книжках та інших докумен-

¹ Refugee Protection: A Guide to International Refugees Law / [Inter-Parliamentary Union]. — Geneva : Inter-Parliamentary Union, 2001. — P. 76.

² Дети-беженцы. Рекомендации по обеспечению защиты и положение / [УВКБ ООН]. — Женева : УВКБ ООН, 1994. — С. 48-49.

³ Дети-беженцы. Рекомендации по обеспечению защиты и положение / [УВКБ ООН]. — Женева : УВКБ ООН, 1994. — С. 100, 104.

⁴ Дети-беженцы. Рекомендации по обеспечению защиты и положение / [УВКБ ООН]. — Женева : УВКБ ООН, 1994. — С.143-145.

тах, які видаються біженцю, повинні бути зазначені члени його сім'ї, а також більш далекі родичі, щоб вони могли репатріюватися разом із ним. При плануванні також слід враховувати «допуск на помилку», який дозволяє при її виявленні швидко внести зміни, щоб родичі могли репатріюватися разом. УВКБ ООН вважає, що батькам, як правило, не слід дозволяти репатріацію, якщо вони залишають дитину в країні притулку. Усі прохання дітей про репатріацію без батьків повинні розглядатися при консультації з батьками та за їхньої згоди, а також запевненні в тому, що дитину зустрине дорослий родич, який нестиме за неї відповідальність¹.

Під час збройних конфліктів підставою для діяльності щодо збереження єдності сімей біженців та відновлення їхніх сімейних зв'язків є міжнародне гуманітарне право. Чотири Женевські конвенції 1949 р. та Додатковий протокол до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р., що стосується захисту жертв міжнародних збройних конфліктів² (далі – I Додатковий протокол) стосуються захисту біженців під час міжнародного збройного конфлікту на території сторін у конфлікті. Додатковий протокол до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р., що стосується захисту жертв збройних конфліктів неміжнародного характеру³ (далі – II Додатковий протокол) та стаття 3, спільна для чотирьох Женевських конвенцій, стосуються захисту біженців у ситуаціях збройного конфлікту неміжнародного характеру. Спільна стаття 3 містить мінімальний набір правил, які сторони в конфлікті зобов'язані виконувати завжди. У цілому, ці норми сформульовані менш чітко, ніж норми, що застосовуються під час міжнародного збройного конфлікту⁴.

У тому, що стосується відновлення сімейних зв'язків біженців, які складають частину цивільного населення, Женевські конвенції визначають роль національних довідкових бюро (далі – НДБ) відповідно до статті 136 (Четвертої) Женевської конвенції про захист цивільного населення під час війни від 12 серпня 1949 р.⁵ (далі – IV Женевська конвенція) та Центрального довідкового агентства, яке з 1961 р. має назву Центральне агентство з розшуку (далі – ЦАР) відповідно до статті 140 IV Женевської конвенції. Види діяльності, що регулюються Женевськими конвенціями та Додатковими протоколами до них, можна поділити на чотири групи:

¹ Дети-беженцы. Рекомендации по обеспечению защиты и положение / [УВКБ ООН]. – Женева : УВКБ ООН, 1994. – С.154-155.

² Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. – 4-е изд., испр. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2005. – С. 226-315.

³ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. – 4-е изд., испр. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2005. – С. 317-331.

⁴ Восстановление семейных связей : руководство для национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца / [Международный Комитет Красного Креста]. – Женева : МККК, 2000. – С. 14.

⁵ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. – 4-е изд., испр. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2005. – С. 147-223.

1) Збір, реєстрація та передача інформації з метою встановлення особи біженців. У статті 138 IV Женевської конвенції міститься положення про те, яка інформація повинна бути одержана та передана НДБ і з якою метою, щоб безпомилково та швидко встановити особу індивіда, що перебуває під захистом, для повідомлення його близьких;

2) Передача сімейних новин, зокрема, стосується права інтернованих осіб відправляти та отримувати поштові картки (стаття 138 IV Женевської конвенції) та права всіх осіб на одержання новин від родичів (стаття 25 IV Женевської конвенції);

3) Розшук зниклих безвісті осіб, зокрема, стосується права сімей знати про долю родичів (статті 32-34 I Додаткового протоколу) та обов'язку Сторін надавати всі необхідні дані для встановлення особи померлих і детальне зазначення місць поховань (стаття 130 IV Женевської конвенції);

4) Возз'єднання сімей, зокрема, заходи щодо евакуації дітей (стаття 78 I Додаткового протоколу), возз'єднання розлучених сімей (стаття 26 IV Женевської конвенції, стаття 74 I Додаткового протоколу), переведення або репатріація осіб, які перебувають під захистом (статті 128, 134 та 135 IV Женевської конвенції)¹.

Участь МКЧХ у відновленні сімейних зв'язків і возз'єднанні сімей обмежується тими випадками, коли один чи декілька членів сім'ї проживають у зоні збройного конфлікту. Там, де немає збройного конфлікту, МКЧХ та національні товариства Червоного Хреста та Червоного Півмісяця керуються власною внутрішньою політикою для визначення своєї ролі при відновленні сімейних зв'язків та возз'єднанні сімей. Вона може обмежуватися функціями консультанта і арбітра або набувати більш конкретних форм. У будь-якому випадку МКЧХ та національні товариства Червоного Хреста та Червоного Півмісяця вживають заходів, спрямованих на одержання згоди національних органів влади. Коли рішення про участь у відновленні сімейних зв'язків та возз'єднанні сімей прийнято, додержуються таких критеріїв для визначення того, кому може бути надана допомога:

1) вразливість кандидатів – наприклад, дітей, осіб похилого віку, інвалідів або інших осіб чи груп, які знаходяться в небезпеці за даних обставин;

2) повага інтересів відповідних осіб².

У резолюції XXI XXIV Міжнародної конференції Червоного Хреста та Червоного Півмісяця міститься положення про те, що ЦАР завжди готове до співпраці з національними товариствами Червоного Хреста та Червоного Півмісяця з метою допомоги біженцям і переміщеним особам у возз'єднанні розлучених сімей шляхом організації обміну сімейними новинами та розшуку зниклих безвісті осіб. ЦАР може також надавати національним товариствам

¹ Восстановление семейных связей : руководство для национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца / [Международный Комитет Красного Креста]. – Женева: МККК, 2000. – С. 14-15.

² Восстановление семейных связей : руководство для национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца / [Международный Комитет Красного Креста]. – Женева: МККК, 2000. – С. 90.

Червоного Хреста та Червоного Півмісяця технічну допомогу, щоб вони могли розвивати власні служби розшуку та листування¹.

Як бачимо, функції УВКБ ООН та МКЧХ у справі збереження та відновлення сімейних зв'язків біженців багато в чому збігаються як під час збройних конфліктів, так і в мирний час. Саме тому неодноразово наголошувалося на необхідності їхньої співпраці як між собою, так із іншими міжнародними організаціями (урядовими та неурядовими) та урядами держав.

Так, ХХVІ Міжнародна конференція Червоного Хреста та Червоного Півмісяця закликала національні товариства до тісного співробітництва з МКЧХ, офіційними властями та іншими компетентними організаціями, такими, як УВКБ ООН, Міжнародна організація міграції, неурядові організації, які беруть участь у роботі, спрямованій на збереження та відновлення сімейних зв'язків².

Те, як на сьогодні вирішується проблема збереження та відновлення сімейних зв'язків біженців у мирний час та під час збройних конфліктів, свідчить про глибоке взаємне проникнення та взаємодію міжнародного права захисту прав біженців і міжнародного гуманітарного права. Це не дивно, оскільки відповідні положення обох цих комплексів норм ґрунтуються на нормі міжнародного права захисту прав людини про те, що сім'я є природним та основним осередком суспільства і має право на захист з боку суспільства та держави, та мають спільну мету – збереження єдності сімей біженців. Саме тому міжнародне право захисту прав біженців і міжнародне гуманітарне право містять дуже схожі положення щодо збереження та відновлення сімейних зв'язків біженців і передбачають застосування подібних практичних методів. До того ж функції УВКБ ООН та МКЧХ у справі збереження та відновлення сімейних зв'язків біженців багато в чому збігаються як під час збройних конфліктів, так і в мирний час, тому особливий інтерес для подальших досліджень представляє проблема їхньої співпраці та взаємодії з метою підвищення ефективності їхньої роботи уникнення дублювання дій.

¹ War and family links : relevant legal texts: dated 27 November 2000. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу до тексту: <http://www.icrc.org/Web/eng/siteeng0.nsf/html/57JMGМ>.

² Восстановление семейных связей : руководство для национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца / [Международный Комитет Красного Креста]. — Женева: МККК, 2000. — С. 88.

Л. И. ФЕСЕЧКО

доцент кафедры конституционного и
международного права Донецкого национального
университета, кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

В результате любой войны пропадают без вести люди – как военнослужащие, так и гражданские лица. И каждого пропавшего без вести разыскивают его родственники, которые, ничего не зная о нем, живут в ожидании и тревоге. Отсутствие информации о судьбе родственников может объясняться различными причинами. В большинстве случаев исчезновения людей связаны с нарушениями норм международного гуманитарного права и прав человека. Угроза лишений, являющаяся неотъемлемой частью войн, особенно способствует разъединению людей и их исчезновению. Весь мир обходят фотографии беспризорных детей, которые были разлучены с семьями во время бегства из зоны боев или внутренних беспорядков. Нередко дети оказываются разлученными с родителями, когда их спешно усыновляют/удочеряют, заключают в тюрьму или, что ужаснее всего, насильно вербуют в вооруженные группировки¹.

Сохранение единства семьи – универсальный принцип, соблюдение которого гарантируется нормами международного гуманитарного права. Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК) делает все, что в его силах, чтобы найти людей, пропавших в результате конфликта, и воссоединить их с семьями. Иногда проездной документ, выдаваемый МККК, является единственной возможностью для человека, лишившегося удостоверения личности, вернуться на родину или воссоединиться со своей семьей, проживающей в третьей стране².

Целью статьи является анализ международно-правовых норм по вопросам поиска пропавших без вести лиц, исследование общих направлений деятельности Международного Комитета Красного Креста, международных организаций и других международных органов по воссоединению семей, разлученных в результате вооруженных конфликтов, а также подготовка предложений, направленных на усовершенствование законодательства по защите прав лиц, пропавших без вести в результате вооруженного конфликта.

¹ Пропавшие без вести // Международный Комитет Красного Креста. Центральное агентство по розыску и Отдел по вопросам защиты. 2003. – С. 4.

² Знакомьтесь – МККК // Международный Комитет Красного Креста. Отдел публикаций, маркетинга и рассылки. – 2004. – С. 26-27.

Действующие международные нормы направлены на то, чтобы предотвратить исчезновения людей и обеспечить розыск пропавших без вести. Ключевое значение вопросам охраны прав личности в международном общении придавалось в трудах Ф. Ф. Мартенса. Его центральная идея состояла в том, что человеческая личность имеет права в области международных отношений и находится под защитой международного права. Он констатировал: «Все современные цивилизованные государства согласны, что человек есть лицо, то есть субъект известных неотъемлемых прав, которые должны быть уважаемы в области взаимных их отношений»¹.

Лица, пропавшие без вести, – это лица, чьи семьи не имеют сведений о них после их исчезновения во время вооруженного конфликта или ситуации насилия внутри страны. Однако это вполне официальное определение не отражает отчаяния семей, которые ищут информацию о местонахождении родных, не знают, живы они или умерли, и не могут забыть ужасные события, разрушившие их жизни².

Международное гуманитарное право содержит немало положений, закрепляющих как право родственников знать о судьбе своих близких, пропавших без вести (ст. 32 Дополнительного Протокола 1), так и обязательства воюющих сторон использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для того, чтобы предоставлять соответствующие сведения (ст. 33 Дополнительного Протокола 1)³.

Многие годы Международный Комитет Красного Креста старается предотвратить исчезновение, воссоединить семьи и установить местонахождение лиц, пропавших без вести. Однако во многих ситуациях он не может выполнить свой мандат из-за недостатка политической воли у заинтересованных сторон или просто из-за общего смятения и беспорядка в странах, где имеет место вооруженный конфликт или возникла ситуация насилия. Другие международные, правительственные и неправительственные организации, которые занимаются розыском пропавших без вести, а также принимают меры по предотвращению исчезновения людей, сталкиваются с такими же препятствиями.

Достаточно часто правительственные органы не предоставляют запрашиваемую информацию. Женевские конвенции (далее – ЖК) предусматривают создание Справочных бюро, роль которых заключается в том, чтобы централизованно собирать информацию о военнопленных и гражданских лицах, принадлежащих к стране противника, передавать такую информацию этой стороне и начинать расследование для того, чтобы выяснить судьбу лиц, пропавших без вести. Однако, следует отметить, что даже при наличии Справочного бюро отсутствует централизованная система обработки информации. Органы гражданской и военной администрации подчас скрывают сведения

¹ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – Т. 1. – С. 327.

² Международный журнал Красного Креста: пропавшие без вести / пер. с англ и фр. – М.: Международный Комитет Красного креста, 2003. – С. 5.

³ Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. – 3-е изд., испр. – М.: Международный журнал Красного Креста. – 2003. – 344 с.

как о жертвах, так и о событиях, которые явились причиной исчезновения людей. Случается, что важные факты уничтожаются намеренно. И, наконец, не всегда соблюдаются правила защиты сведений личного характера. Четвертая Женевская Конвенция требует от сторон в конфликте содействовать расследованию по запросам лиц, разыскивающих своих родственников, с которыми они оказались разлучены в результате конфликтов. В частности, ст. 26 этой Конвенции закрепляет, что «каждая из находящихся в конфликте сторон будет облегчать розыск, производившийся членами разрозненных войной семей с целью установления связи друг с другом, и, если это возможно, способствовать их воссоединению»¹.

В любом конфликте МККК предпринимает, в первую очередь, попытку очертить круг проблем, связанных с лицами, пропавшими без вести. Членам семей, не имеющим сведений о судьбе своих близких, предлагается заполнить запросы о розыске, в которых описываются обстоятельства исчезновения соответствующего лица. Затем эти запросы направляются в те органы власти, с которыми пропавшие без вести контактировали в последний раз².

Состояние войны прекращает дружественные отношения между государствами, но ч. 2 ст. 25 IV ЖК предусматривает передачу семейных посланий, в том числе право посылать и получать сведения такого рода. Такая корреспонденция должна отправляться оперативно и при возможности без задержки, но не обязательно авиапочтой. Если у воюющих государств возникают трудности с выполнением этих обязательств, согласно вышеуказанной статье, они могут обратиться к нейтральному посреднику. Этот нейтральный посредник (согласно ст. 140 IV ЖК – это Центральное Справочное Агентство по делам покровительствуемых лиц, которое в 1960 г. стало Центральным агентством по розыску МККК) должен решить совместно с компетентными организациями каким образом следует наиболее оптимально обеспечить выполнение их обязательств с точки зрения оперативности и безопасности.

При наличии необходимых технических средств и если позволяют соображения безопасности, семейные послания могут быть переданы по электронной почте через сайт семейных связей МККК. Иногда используется спутниковая связь и мобильные телефоны, чтобы люди, оказавшиеся вдали от семьи, могли дать знать о себе родственникам. С разрешения заинтересованных лиц список людей, которые хотят передать послания или ждут их получения, может быть напечатан в газете или в специальном издании, помещен на сайте МККК, передан по радио или телевидению. Однако работа сети может быть затруднена из-за сложности установления контакта с заинтересованными лицами или группами населения ввиду отсутствия материально-технических возможностей или чрезмерной опасности. Бывает, что власти не разрешают обмен семейными новостями, а в некоторых случаях люди вынуждены постоянно переезжать, чтобы избежать опасности, и восстановление семейных контактов

¹ Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. – 3-е изд., испр. – М.: Международный журнал Красного Креста. – 2003. – 344 с.

² Кристоф Жиро. Босния и Герцеговина: поиск пропавших без вести / Кристоф Жиро / Международный журнал Красного Креста. – 1996. – № 10. – С. 422.

становится невозможным из-за постоянного передвижения населения. Таким образом, тысячи людей могут ничего не знать о судьбе родных и близких. Так, в результате недавних вооруженных конфликтов в Ираке/Иране, Афганистане, Армении/Азербайджане/Нагорном Карабахе, Российской Федерации (Чечне), Боснии и Герцеговине/Хорватии/Югославии и других странах десятки тысяч семей до сих пор не знают о судьбе исчезнувших родственников.

Впервые МККК стал осуществлять розыск лиц, пропавших без вести, а также деятельность по передаче писем между членами семей и другой информации во время Франко-Прусской войны 1870 года. С тех пор функции Центрального агентства МККК по розыску стали значительно более разнообразными, а сфера его деятельности расширилась.

Во время первой и второй мировых войн МККК организовал в рамках Центрального агентства по делам военнопленных специальную службу для передачи гражданских сообщений. В настоящее время правовой основой такого рода деятельности является ст. 140 IV Женевской Конвенции. В 1939-1945 гг. было передано более 2 млн. семейных посланий и обработано полмиллиона запросов о розыске¹. В частности, в 2006 году МККК и Национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца собрали и доставили более 1,3 миллионов посланий Красного Креста по всему миру. Было также установлено местонахождение более чем 6100 человек, запросы о розыске которых были поданы родственниками. Помимо этого, работая над решением проблемы пропавших без вести, МККК продолжает сотрудничество с представителями государственных органов власти, различных группировок, участвующих в конфликте, гуманитарных и других организаций.

О значимости мероприятий, направленных на разрешение проблемы пропавших без вести, можно судить исходя из конкретных примеров работы МККК в различных странах.

Прошло уже более десяти лет с тех пор, как Армения и Азербайджан подписали соглашение о прекращении огня, которое положило конец Нагорно-Карабахскому конфликту. За время конфликта Государственной Комиссией по делам военнопленных, заложников и пропавших без вести граждан были зарегистрированы 4841 граждан Азербайджана, пропавшие без вести. Из них 54 человека – дети, 321 человек – женщины, 409 человек – старики (по статистике на 01.04.2005 год). В 1988 – 2005 годы 1368 граждан Азербайджана были освобождены из армянского плена. Из них 169 человек – дети, 338 человек – женщины, 286 человек – старики. Неопровержимые факты указывают на то, что из 4841 пропавших без вести граждан как минимум 783 человека (18 детей, 46 женщин, 69 стариков) взяты армянами или в плен или же в заложники, однако эти факты были скрыты от международных организаций, в том числе и от Международного Комитета Красного Креста. Список данных лиц составлен на основе свидетельских показаний граждан, вернувшихся из армянского плена, и других источников. МККК, а также Международная рабочая группа по

¹ Хорст Зайбт. Сборник задач по международному гуманитарному праву / Хорст Зайбт. – М.: МККК, 1998. – С. 158.

поиску без вести пропавших, освобождению пленных и заложников, в составе правозащитников из Германии, России и Грузии подтверждают факт взятия в плен некоторых лиц из этого списка. Сведения, поступающие азербайджанской стороне, говорят о том, что большинство лиц, находящихся в вышеназванном списке, убиты в армянском плену, или скончались от пыток, болезней, малая часть и сейчас скрывается армянской стороной и используется на тяжелых физических работах в качестве рабов.

МККК прилагает все усилия для того, чтобы помочь властям обоих государств выполнить свои обязательства в соответствии с международным гуманитарным правом и выяснить судьбу этих людей. В январе 2005 года МККК также передал Армении и Азербайджану меморандум с призывом выяснить судьбу лиц, пропавших без вести. Документ предлагает ряд методов, необходимых для получения требуемой информации, а также проведения процедуры эксгумации и идентификации останков и оказания помощи семьям пропавших без вести. Эта работа проводится в тесном сотрудничестве с Государственными комиссиями по делам военнопленных, заложников и пропавших без вести. В то же время МККК призывает власти вести учет всех мест захоронений, где могут покоиться останки лиц, пропавших без вести во время конфликта, и обеспечить их защиту с целью последующего вскрытия могил и идентификации останков.

Следует отметить, что на Балканах также достаточно остро стоит проблема лиц, пропавших без вести в результате конфликтов. Однако, в данном случае она непосредственно связана с другими гуманитарными и политическими вопросами, в частности, такими, как возвращение беженцев в свои дома, установление взаимного доверия между членами общины, принадлежащими к различным национальностям, и установление прочного мира. По информации, полученной МККК, в результате вооруженных конфликтов на Балканах без вести пропало 32542 человека, в том числе 22322 человека до сих пор не учтены, т. е. их семьи не получили никакой информации об их судьбе¹.

В странах Латинской Америки в ходе вооруженных конфликтов и внутренних беспорядков десятки тысяч человек по-прежнему считаются пропавшими без вести. Родственники этих людей активно выступают в поддержку усилий по их розыску и предотвращению дальнейших исчезновений. Именно по их инициативе 30 августа был провозглашен Международным днем пропавших без вести. Благодаря усилиям этих людей, деятельность по розыску пропавших без вести поддержали и жители Балкан, стран Юго-Восточной Азии, Южной Африки и других государств.

В результате вооруженных конфликтов в странах Африки миллионы семей потеряли связь со своими родственниками. Единственным способом получить какую бы то ни было информацию о них являются послания Красного Креста. Только в 2004 году на африканском континенте было собрано и доставлено около 1,2 миллиона посланий Красного Креста, что составляет около

¹ Пропавшие без вести — родственники должны узнать правду. — <http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/iwpList2/News?OpenDocument>

девяноста процентов от общего числа посланий Красного Креста, обработанных за этот период. Эта работа была бы невозможна без поддержки тысяч добровольцев, помогающих в работе национальным обществам Красного Креста и Красного Полумесяца. Передвигаясь на велосипедах, автомобилях, лодках, а также пешком, они доставляют послания в самые отдаленные селения континента. Благодаря их усилиям, МККК и сотрудничающие с ним национальные общества приносят надежду уже отчаявшимся родственникам и помогают им избавиться от чувства тревоги и неопределенности.

Необходимо отметить, что кроме МККК вопросами воссоединения разлученных семей занимались и иные международные и неправительственные организации, а также главы государств. Так, в 1992 году по взаимной договоренности президентов США и России была создана совместная российско-американская комиссия по делам военнопленных и пропавших без вести. Работая в тесном сотрудничестве уже более 10 лет, обе стороны добились исключительно положительных результатов. За эти годы американцы сообщили своим российским коллегам о 450 тысячах граждан бывшего СССР, которые числились пропавшими без вести в ходе Второй мировой войны. Оказалось, что разыскиваемые граждане не захотели после окончания войны вернуться домой и избрали себе местом жительства другие страны.

Значение огромнейшей работы, которую проделали американцы, помогающие пролить свет на судьбы наших соотечественников, переоценить сложно. Представители США говорили и о вкладе российских поисковиков, помогающих установить судьбы американцев, пропавших в ходе Второй мировой, Корейской, Вьетнамской и «холодной» войн. За время работы совместной комиссией российская сторона сообщила своим зарубежным коллегам детали о возвращении из нацистских лагерей 25 тысяч американских военнослужащих, которые были освобождены россиянами¹.

Норма, которая требует от сторон в конфликте разыскивать лиц, пропавших без вести, излагается в целом ряде военных уставов и наставлений (Австралия, Аргентина, Венгрия, Израиль, Канада, Хорватия и др.).

Государства и международные организации неоднократно выступали с призывом выяснить судьбу лиц, пропавших без вести в результате конфликтов в Восточном Тиморе, Боснии и Герцеговине, Гватемале, на Кипре, в Косово и Бывшей Югославии. Учреждение должности эксперта по Специальному процессу для решения проблемы лиц, пропавших без вести на территории бывшей Югославии, также свидетельствует об убежденности международного сообщества в том, что судьба лиц, пропавших без вести, должна быть установлена².

Определенный вклад в решение проблемы насильственного исчезновения людей в результате вооруженных конфликтов или внутренних беспорядков и на оказание помощи их семьям внесла Организация Объединенных Наций. В 1979 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция № 33/173,

¹ Панасюк Л. Без вести не пропавшие / Л. Панасюк. — <http://www.7days.ru>

² Ж.-М. Хенкертс Обычное международное гуманитарное право / Ж.-М. Хенкертс и Л. Досвальд-Бек при участии К. Алверман, К. Дермана и Б. Ролла. — Том 1. — Нормы / пер. с англ. — Международный Комитет Красного Креста. — 2006. — С. 539.

озаглавленная «Пропавшие без вести лица», в которой Ассамблея выразила обеспокоенность поступающими из различных районов мира сообщениями о насильственных или недобровольных исчезновениях лиц. Генеральная Ассамблея предложила Комиссии по правам человека Организации Объединенных Наций рассмотреть этот вопрос и вынести надлежащие рекомендации. Тогда же она призвала правительства выделять соответствующие ресурсы и проводить безотлагательные и беспристрастные расследования случаев насильственных или недобровольных исчезновений, а также обеспечить, чтобы органы по поддержанию правопорядка и органы безопасности были полностью подотчетны, особенно юридически, при исполнении своих обязанностей. Такая подотчетность должна была включать юридическую ответственность за неоправданное злоупотребление властью, которое может привести к насильственным или недобровольным исчезновениям или к другим нарушениям прав человека.

В Резолюции по вопросу о помощи и сотрудничестве в выяснении судьбы лиц, пропавших без вести, или умерших во время вооруженных конфликтов, принятой в 1974 году, Генеральная Ассамблея ООН призвала стороны в вооруженных конфликтах, независимо от их характера, «в пределах их возможностей ... предоставлять информацию о тех, кто пропал без вести во время военных действий»¹.

Право семей знать о судьбе родственников подтверждается также Резолюцией Европейского парламента и рекомендациями Парламентской Ассамблеи Совета Европы.

Кроме того, при рассмотрении нескольких дел Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что «непредоставление информации семьям лиц, содержащихся под стражей силами безопасности, или хранение молчания относительно лиц, пропавших без вести во время вооруженного конфликта, достигает той степени жестокости, которую можно приравнять к бесчеловечному обращению»².

В Резолюции 20 (XXXVI) от 29 февраля 1980 года Комиссия по правам человека постановила «создать на срок в один год рабочую группу в составе пяти членов Комиссии, выступающих как эксперты в индивидуальном качестве, для изучения вопросов, касающихся насильственных или недобровольных исчезновений лиц». Таким образом, созданная Рабочая группа по насильственным или недобровольным исчезновениям стала первым тематическим механизмом реализации Программы Организации Объединенных Наций по правам человека. До этого рабочие группы и специальные докладчики назначались лишь для рассмотрения соблюдения прав человека в той или иной стране или территории³.

¹ Пропавшие без вести — родственники должны узнать правду. — <http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/iwpList2/News?OpenDocument>

² Право Европейского Союза : учебник для вузов / Под ред. С.Ю. Кашкина. — М.: Юристъ, 2006. — С. 307.

³ Рабочая группа по насильственным или недобровольным исчезновениям. — <http://www.un.org/russian/hr/>

Таким образом, основные нормы международного гуманитарного права и права прав человека имеют своей целью предотвращать насильственное исчезновение людей в период вооруженных конфликтов и внутренних беспорядков. Если стороны в конфликте будут относиться к гражданским лицам, к больным, раненым и военнопленным из состава вооруженных сил, вооруженных группировок и к другим лицам так, как это предусмотрено гуманитарным правом, а гуманитарные организации получают доступ ко всем уязвимым группам населения, то число пропавших без вести значительно сократится, и, что важно, семьи умерших будут знать о судьбе своих близких.

Практика государств устанавливает эту норму в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов. Обязанность выяснять судьбу лиц, пропавших без вести, соответствует запрету на насильственные исчезновения и требованию уважать семейную жизнь, а также регистрировать всю имеющуюся информацию до погребения умерших. Поэтому необходимо принимать все законодательные, регулятивные и практические меры с целью выполнения обязательств в соответствии с международным правом, включая обязательства, касающиеся выяснения судьбы без вести пропавших лиц. Для этого государства должны в своем внутреннем праве включать нормы, признающие право каждого члена семьи знать о судьбе пропавших без вести родственников, в том числе знать их местонахождение или, в случае смерти, – обстоятельства и причину смерти. Кроме того, за незаконное сокрытие имеющихся сведений или за отказ предпринять усилия с целью получения или предоставления сведений о факте и причинах смерти, когда такие сведения запрашиваются родственником без вести пропавшего лица, в уголовном законодательстве следует предусматривать уголовные наказания.

Т. Р. КОРОТКИЙ

директор Института национального и международного права
Международного гуманитарного университета, доцент кафедры
международного права и международных отношений Одесской
национальной юридической академии, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕРМИНА «НЕЗАКОННЫЙ КОМБАТАНТ»

Любая область знания характеризуется устоявшейся терминологией. Специальная терминология является основой любой профессиональной информации. Только определенность смыслового значения употребляемых терминов позволяет избежать неясности доказываемого тезиса и его подмены в процессе дискуссии.

Вопросы единства терминологии имеют важное значение в прикладной юриспруденции, когда использование того или иного термина или понятия имеет важное, а иногда и определяющее значение для принятия правильного решения по делу. Как говорили римские юристы, *absoluta sentential expostore non indigent*¹.

Изменялось с течением времени и содержание категорий международного гуманитарного права. В юридической литературе, военных уставах и прецедентном праве с начала прошлого века часто использовались термины «незаконный комбатант», «не подпадающий под защиту конвенций комбатант/участник боевых действий»². Так же распространенным является термин «непривилегированные воюющие»³. Оттенки значения, придаваемые данным терминам, и их последствия для применяемого режима защиты не всегда абсолютно ясны⁴. Поэтому, на наш взгляд, является актуальным исследование как устоявшихся, базовых категорий «комбатант», «некомбатант», «гражданское население» в условиях возникновения новых видов вооруженных кон-

¹ Ясное значение не требует объяснений.

² Как указывает К.У. Уоткин, юридической литературе повсеместно встречаются такие термины как «воюющий», «некомбатант», «незаконный комбатант», «комбатант противника» и «непривилегированный воюющий» и «незаконный воюющий». См.: Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

³ Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

⁴ Дерман, К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. — 2003. — С. 51-52; Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

фликтов, их применение к наемникам, террористам и некоторым другим неклассическим категориям участвующих в вооруженном конфликте, а также возможность и правомерность использования новых категорий, в частности «незаконный комбатант».

Несомненно, международное гуманитарное право, как и любая область юриспруденции, развивается. Под влиянием объективных и субъективных факторов развивается и его категориальный аппарат. Особенностью этого развития является использование в праве терминов и понятий в соответствии с нормативными источниками, которые, как известно, обладают достаточной степенью консерватизма.

Говоря о консерватизме международного гуманитарного права, необходимо отметить, что в нем одновременно проявляется его сила – незыблемость, предсказуемость, общепризнанность регулирования защиты жертв войны. Этот консерватизм проявляется и в относительной неизменности Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., дополнительные протоколы к которым принимались только в 1977 и 2005 гг. Но, наверное, в этом консерватизме договорных источников проявляется и их слабость, – не всегда высокая эффективность регулирования, отставание от фактически возникающих международных отношений. Ведь создание новых норм или их изменения происходит зачастую только после бесчеловечных и жестоких проявлений насилия и страданий, как, например, закрепление статуса военнопленных в Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. лишь после Первой мировой войны, принятие Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения (далее Женевская конвенция IV) только после Второй мировой войны и т. д. Поэтому столь значительное внимание в международном гуманитарном праве уделяется принципам¹, и обычным нормам, особенно в последнее время². Обычные нормы остаются важным источником защиты жертв вооруженного конфликта в случаях, не предусмотренных договорами, или когда стороны конфликта не являются участниками договора.

Большинство обычных норм международного гуманитарного права формируются в результате фактических действий ограниченного числа воюющих сторон, практику которых трудно квалифицировать как общую или такую, которая формирует «признанную правовую норму». Именно поэтому проблематика статуса «незаконных комбатантов» получила такой резонанс в связи с практикой США в отношении членов «Аль-Каиды», и прежде всего – в результате дела Хамдан против Рамсфелда.

Интерес к терроризму в международном гуманитарном праве был прежде всего связан с проблематикой запрета актов террора в период вооруженного

¹ Пикте, Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права / МККК. – М., 1998; Ярмачи, В.Х. Принципы международного гуманитарного права // Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. – О.: Астропринт, 2001. – Вип. 10–11. – С. 66–72.

² Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Международное гуманитарное право. Том 1. Нормы. – МККК, 2006. – 818 с.; Гнатовський, Н. Нове народження звичаєвого міжнародного гуманітарного права / Український часопис міжнародного права. – 2006. – № 2. – С. 17–22.

конфликта¹. Сразу оговоримся, что в данной статье проблема запрета актов террора не рассматривается: мы констатируем однозначный запрет на акты террора в период вооруженного конфликта в международном гуманитарном праве, как договорном, так и обычном. В значительно большей степени интерес к проблемам, порождаемым международным терроризмом в международном гуманитарном праве возрос после событий 11 сентября 2001 г. Именно в конце XX – начале XXI века, когда терроризм приобрел новое качественное содержание, став международным, необходимость изменений в международном гуманитарном праве под влиянием глобальных террористических угроз стала вполне очевидной. Этим вопросам стало уделяться значительно больше внимания². Международный терроризм привел к переосмыслению ряда проблем, среди которых и статус членов международных террористических организаций³.

Хотелось бы сказать еще об одном существенном концептуальном аспекте рассмотрения приемлемости понятия «незаконный комбатант» (применительно к членам международных террористических организаций). Его рассмотрение на доктринальном, и далее нормотворческом уровне, всегда будет носить субъективный характер по причине идеологической ангажированности отношения к терроризму. Этим, кстати, и объясняются безуспешные попытки выработать единое понятие терроризма. Ведь в классическом понимании «терроризм» не требует закрепления за собой определенного статуса, и по внутригосударственному праву большинства государств классифицируется как преступление. Естественно, что для государств, имеющих значительные террористические проявления на собственной территории, не нужно и не приемлемо по политическим

¹ Гассер, Х.—П. Запрет на акты террора в международном гуманитарном праве / МККК. — 2-е изд. — М., 2000; Баймуратов, М.О. Терроризм у міжнародному гуманітарному праві / М.О. Баймуратов, С.В. Максименко // Актуальні проблеми держави та права: зб. наук. пр. — О.: Юрид. літ., 2000. — Вип. 8. — С. 53-62; Дремина, Н.В. Юридическая квалификация террора в условиях этнополитического конфликта (в контексте предметной юрисдикции Гаагского трибунала) // Социально-правовые аспекты терроризма: монография. — О.: Фенікс, 2003. — С. 117-150; Пономарьова, Г. Боротьба з тероризмом і міжнародне гуманітарне право / Український часопис міжнародного права. — 2005. — № 2. — С. 53-56; Adam Roberts, Counter-terrorism, Armed Force and the Law of War, Survival Vol. 44, № 1,7, 11-15 (Spring 2002).

² Гассер, Х.—П. Террористические акты, «терроризм» и международное гуманитарное право // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. — 2002. — С. 235-268; Гнатовский, Н.Н. Правовые аспекты атак террористов-смертников, рассматриваемые нормами международного гуманитарного права / Український часопис міжнародного права. — 2005. — № 2. — С. 57-63; Емельянов, В.П. Проблемы ответственности за международный терроризм // Гос. и право. — 2000. — № 1. — С. 70-77; Прокофьев, Н.В. К вопросу о борьбе с международным терроризмом на территориях иностранных государств // Моск. журн. междунар. права. — 2003. — № 1; Хлестов, О.Н. Вооруженная борьба против международного терроризма / О.Н. Хлестов, М.Л. Мышляева // Моск. журн. междунар. права. — 2001. — № 4; Черкес, М.Е. Международное право после 11 сентября 2001 года // Международное право после 11 сентября 2001 года: сб. науч. ст. / под. ред. М.Ф. Орзиха, М.Е. Черкеса. — О.: Фенікс, 2004. — (Б-ка журн. «Юридический вестник»).

³ Дерман, К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. — 2003. — С. 51-87; Тузмухамедов, Б.Р. Хамдан против Рамсфелда: уроки и параллели // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. — СПб.: СКФ «Россия—Нева», 2008. — Спец. вып. — С. 129-139; Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

причинам наделять «террористов» новым статусом, в определенной степени расширяя их права. И думается, такая позиция вполне обоснованна. Но с появлением новой угрозы – международного терроризма, обладающего, на наш взгляд, совершенно иными качественными характеристиками, с фактическим признанием международным сообществом за некоторыми проявлениями международного терроризма характера вооруженного конфликта международного характера¹, возникает необходимость закрепления нового, и как следствие, определенного статуса лиц, участвующих в проявлениях международного терроризма. И понятно, что на переднем крае здесь находятся государства в большей степени столкнувшиеся с этой новой угрозой, и их позиция по вопросу незаконных комбатантов как на официальном, так и доктринальном уровне будет отличаться от позиции государств и соответствующих ученых.

Рассмотрение международной террористической организации в качестве стороны в вооруженном конфликте предполагает надделение ее членов определенным статусом. Однако, по нашему мнению, необходимо изначально определить о каком конфликте идет речь. Как известно, в международном гуманитарном праве имеет определяющее значение классификация вооруженного конфликта. Причем развитие этого института свидетельствует о постепенном развитии видового разнообразия вооруженных конфликтов и, соответственно, их нормативного закрепления – война, а в современной интерпретации вооруженный конфликт международного характера; вооруженный конфликт немеждународного характера; смешанные конфликты (интернационализованные); ассиметричные конфликты. Причем, как уже отмечалось, терроризм приобрел новое качество, став международным, и фактически отнесен (в конкретном случае) к вооруженным конфликтам международного характера. Следует отметить, что администрация Буша в качестве ответа на нападения Аль-Каиды стала трактовать борьбу с терроризмом в качестве «войны» в узком, правовом значении этого термина, что отразилось на практике обращения с заключенными, на решении вопроса о возможности применения пыток, на правовых гарантиях законности ареста и действии презумпции невиновности².

При этом классификация вооруженного конфликта не является самоцелью международного гуманитарного права. Цель – защита жертв войны, которая, однако, достигается, в том числе, посредством применения норм, рассчитанных именно на тот или иной вид вооруженного конфликта (а их

¹ Одним из оснований для такой квалификации является резолюция S/Res/1368(2001), в которой Совет Безопасности ООН признал «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии с Уставом» и «рассматривает подобные действия, как и любые террористические акты, как угрозу международному миру и безопасности».

² См. Военный приказ от 13 ноября 2001 г., изданный президентом США Бушем, Detention, Treatment, and Trail of Certain Non-Citizens in the War against Terror // Greenberg K.J., Dratel J.L. (ed.), The Torture Papers – The Road to Abu Ghraib, Cambridge University Press, 2005, p. 25–28; The Memo of US-President G.W. Bush on Humane Treatment of al-Qaeda and Taliban Detainees, February 7, 2002 // M. Danner (ed.), Torture and Truth: America, Abu Ghraib, and the War on Terror, New York Review Books, New York, 2004, p. 105-106, и документацию по практике допросов, опубликованную в: M. Danner (ed.), *ibid.*, p. 108-215. Цит. по: Паулюс А. Заметки о решениях Европейского Суда по правам человека по делам Исаева и Исаева и другие против России / <http://www.mgimo.ru/alleurope/2006/23/big-paulus-pravo.html>

специализация зачастую определяет эффективность), а применение этих норм в других обстоятельствах может быть невозможной в силу сферы действия нормативного акта. Поэтому правильная квалификация вооруженного конфликта может иметь определяющее значение для эффективного применения соответствующих норм международного гуманитарного права.

Однако в настоящее время, несмотря на признанное и нормативно закреплённое видовое разнообразие вооружённых конфликтов, существуют определённые сложности при их квалификации, и соответственно приводят к снижению эффективности реализации норм международного гуманитарного права. Как указывает Н. Н. Гнатовский, сложный и подчас нетрадиционный характер современных вооружённых конфликтов, атипичность их субъектного состава (государства, негосударственные образования, индивиды), трудности при квалификации по стандарту «международный характер – немеждународный характер», усложнение средств и методов ведения вооружённого конфликта требуют принятия всех возможных мер для обеспечения соответствия новым условиям применимых норм международного права и механизма их реализации¹.

Применительно к теме нашего исследования возникает обоснованный вопрос: в полной ли мере международный терроризм подпадает под признаки и соответствующие нормы классических видов конфликтов, или же, при его развитии, человечество столкнется с необходимостью выделения нового вида вооружённых конфликтов (часто говорят об асимметричных конфликтах) и его нормативной регламентацией, как это было при принятии Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера (далее Дополнительный протокол II)? Оставляя этот вопрос пока без прямого ответа, мы в дальнейшем будем касаться вопроса классификации международного конфликта как определенного вида вооружённого конфликта исходя из анализа существующих нормативных актов, поскольку этот вопрос является определяющим для предмета данной статьи.

Общепринято, что в международном гуманитарном праве выделяют беспорядки внутри страны и ситуации внутренней напряженности, которые, по сути, вооружёнными конфликтами не являются; вооружённые конфликты международного характера; вооружённые конфликты немеждународного характера; смешанные конфликты. Акты террора в период беспорядков внутри страны и в ситуациях внутренней напряженности классифицируются в соответствии с внутрисоветским законодательством и не порождают правового статуса террористов по международному гуманитарному праву; что касается вооружённых конфликтов немеждународного характера, то в силу формального отсутствия в них термина «комбатант», естественно речь не может идти и о «незаконных комбатантах». Право, применимое в вооружённых конфликтах немеждународного характера, не предусматривает привилегий

¹ Гнатовский Н.Н. Международная ответственность государства и уголовная ответственность индивида за нарушение норм МГП: соотношение и взаимосвязь // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. — СПб.: СКФ «Россия—Нева», 2008. — Спец. вып. — С. 101.

комбатанта (то есть права участвовать в военных действиях и отсутствия наказания в связи с законным участием в боевых действиях)¹. Более того, в отношении защиты этих лиц действуют четкие нормы: при захвате в плен или задержании все лица, не принимающие активное/непосредственное участие в военных действиях или прекратившие принимать в них участие, подпадают под действие соответствующих положений международного гуманитарного права (ст. 3, общей для всех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., ст. ст. 4-6 Дополнительного протокола II), а также соответствующих положений международного обычного права². Таким образом, понятие «незаконный комбатант» можно рассматривать только применительно к международным вооруженным конфликтам или интернационализированным (смешанным) конфликтам.

С другой стороны, если мы говорим о войне с международным терроризмом, то в этой войне (международном вооруженном конфликте) должны быть соответствующие стороны. Традиционно стороной международного вооруженного конфликта является государство (ст. 2, общая для всех Женевских конвенций 1949 г.) или народы, ведущие борьбу против колониального господства, как указано в п. 4 ст. 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (далее Дополнительный протокол I). Таким образом, договорные нормы международного гуманитарного права не предусматривают иных сторон международного вооруженного конфликта, чем указано выше.

Однако в соответствии с обычным правом, стороны вооруженного конфликта не должны быть обязательно государствами, хотя и должны владеть определенным международным статусом, хотя бы *de facto*. Это противоречие в настоящее время не нашло окончательного решения в договорном международном гуманитарном праве. Следовательно, можно говорить о том, что вооруженный конфликт с участием международной террористической организации в качестве стороны является международным³ исключительно на основании международного обычая.

Рассмотрение понятия «незаконный комбатант» применительно к членам международных террористических организаций невозможно без глубокого анализа понятий «комбатант», «гражданское население», «некомбатант», а также характеристики определенных категорий лиц, имеющих неоднознач-

¹ Inter-American Commission on Human Rights, Report on Terrorism and Human Rights, OEA/Ser.L/V/II.116 Doc. 5 rev. 1 corr., 22 October 2002, para. 70.

² Дерман, К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. — 2003. — С. 52.

³ Как указывает К.У. Уоткин, представление о том, что международный вооруженный конфликт происходит лишь между государствами, подверглось дальнейшему размытию в связи с кампанией против терроризма, последовавшей за 11 сентября 2001 г. Международная природа этого конфликта получила признание в региональной кампании, которая ведется в осуществление права на самооборону, на основе резолюций Совета Безопасности ООН и последних судебных решений в США. См.: Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

ный статус в международном гуманитарном праве (шпионы, наемники, диверсанты и т. п.), и которых некоторые авторы относят к числу незаконных комбатантов.

В международном гуманитарном праве одной из основополагающих категорий является категория «комбатант». Его антонимом стал термин «гражданские лица». Комбатанты являются законными участниками войны, имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях, и соответственно являются правомерным объектом нападения. В случае взятия в плен они обладают статусом военнопленного. Гражданские лица пользуются защитой от опасностей, возникающих в связи с военными действиями, и не должны становиться объектом нападений. Так, Ф. Ф. Мартенс указывает, что частные мирные и безоружные лица (выделено нами, Т. К.) не могут быть непосредственным предметом военных операций¹.

Принцип установления различия между комбатантами и гражданскими лицами является краеугольным камнем современного международного гуманитарного права². Этот принцип был признан не сразу, до XVIII века считалось, что война вовлекает в сражения не только государства и армии, но и народы. В кодификации норм обычного международного гуманитарного права этот принцип носит наименование Принципа различия³. Согласно Норме 1, стороны вооруженного конфликта всегда должны различать гражданских лиц и комбатантов. Нападение может быть направлено только против комбатантов. Нападение не может быть направлено против гражданских лиц⁴. В п. 3 ст. 44 Дополнительного протокола I, Принцип различия сформулирован следующим образом: «Для того чтобы содействовать усилению защиты гражданского населения от последствий военных действий, комбатанты обязаны отличать себя от гражданского населения в то время, когда они участвуют в нападении или в военной операции, являющейся подготовкой к нападению». Именно применение этого принципа встречает серьезные сложности в международном гуманитарном праве. На это обращает внимание К. У. Уоткин: «зна-

¹ Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах / Под ред. и с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. — (Серия «Русское юридическое наследие»). — С. 333.

² В заявлении, которое сделал Президент МККК Якоб Келленбергер 5 сентября 2002 г. на XXVI Круглом столе в Сан-Ремо, касающемся текущих проблем международного права, говорилось, что краеугольный камень Дополнительного протокола I — это принцип, требующий, чтобы стороны в вооруженном конфликте во все времена проводили различие как между гражданским населением и комбатантами, так и между гражданскими объектами и военными целями. Г-н Келленбергер заявил также, что «этот принцип имеет первостепенное значение, поскольку законное нападение может быть направлено только против комбатантов и военных целей». См. Dr. Jacob Kellenberger, International Humanitarian Law at the Beginning of the 21st Century, Statement at the 26th Round Table in San Remo on the Current Problems of International Humanitarian Law: «The Two Additional Protocols to the Geneva Conventions: 25 Years Later-Challenges and Prospects» (Sep. 5, 2002), at <http://www.icrc.org/eng>. Цит. по: Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

³ Звичаєве міжнародне гуманітарне право. Норми. / Український часопис міжнародного права. — 2006. — № 2. — С. 7.

⁴ Звичаєве міжнародне гуманітарне право. Норми. / Український часопис міжнародного права. — 2006. — № 2. — С. 7.

чительная доля разногласий, касающихся состоятельности международного гуманитарного права, возникает вокруг принципа проведения различия»¹.

В некоторых случаях в качестве антонима «комбатант» используют термин «некомбатант»², однако, как известно, это отдельная категория лиц, входящих в состав вооруженного сил, но не принимающих участие в конфликте³. Ф. Ф. Мартенс определяет их как несражающихся, но входящих в состав вооруженных сил, и указывает, что «все эти лица называются некомбатантами в специальном смысле этого слова»⁴. Для определения возможности выделения в качестве самостоятельной группы⁵ «незаконных комбатантов» является важным вопрос о том, относятся ли некомбатанты в специальном смысле, к одной из двух основных категорий – комбатантам или гражданским лицам, либо же они являются самостоятельной категорией. Анализ Норм 3 и 5⁶ обычного международного права⁷ позволяет сделать вывод о самостоятельном, но вторичном, характере этой группы⁸, не входящей в состав ни комбатантов, ни гражданского населения. Что касается Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., то исходя из абз. 4 ст. 4 Женевской конвенции IV, некомбатанты не относятся к гражданскому населению, т. к. они подпадают под покровительство Женевских конвенций I-III. Применительно к категории некомбатантов в Женевских конвенциях I-III используются понятия «санитарный и духовный персонал» (ст. ст. 4, 7 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г.), санитарный личный со-

¹ Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

² См.: Гнатовский, Н.Н. Правовые аспекты атак террористов-смертников, рассматриваемые нормами международного гуманитарного права / Украинский часопис міжнародного права. — 2005. — № 2. — С. 61; Жан Пикте. Развитие и принципы международного гуманитарного права. Международный Комитет Красного Креста. — С. 67; Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах / Под ред. и с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. — (Серия «Русское юридическое наследие»). — С. 342.

³ На неоднозначность использования термина «незаконный комбатант», и на изменение в его содержание в различные периоды указывает К.У. Уоткин. См.: Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

⁴ Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах / Под ред. и с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. — (Серия «Русское юридическое наследие»). — С. 345.

⁵ Мы согласны с мнением К.У. Уоткина о том, что вопрос сводится не к тому, есть ли третья категория, а скорее к тому, достаточно ли полно и реалистично учитывает международное гуманитарное право гражданских лиц, принимающих участие в военных действиях. Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

⁶ Все лица, которые входят в личный состав вооруженных сил стороны конфликта, являются комбатантами, кроме медицинского и духовного персонала (Норма 3); Гражданские лица — это лица, которые не входят в личный состав вооруженных сил (Норма 5).

⁷ Звичаєве міжнародне гуманітарне право. Норми. / Украинский часопис міжнародного права. — 2006. — № 2. — С. 8.

⁸ Перечень лиц, относящихся к некомбатантам, перечислен в ст. 33 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными.

став (ст. 24 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г.), медицинский и духовный персонал (Глава IV Женевской конвенции III), однако непосредственно термин «некомбатант» не используется.

Положения ст. 50 Дополнительного протокола I по этому вопросу носят не столь однозначный характер, поскольку ссылка на ст. 43 указанного Протокола предполагает неотнесение к гражданским лицам лиц, перечисленных в том числе, и в ст. 43 Дополнительного протокола I. Но некомбатанты там не перечислены, а только указано, что они хоть и входят в состав вооруженных сил, но комбатантами не являются.

На самостоятельный характер этой группы, как уже подчеркивалось, указывает то, что ее защита осуществляется Женевскими конвенциями I-III, а не Женевской конвенцией IV, и Частью 2 Дополнительного протокола I. Но если мы выделяем в качестве самостоятельной, но на наш взгляд, вторичной (по отношению к основным группам – гражданское население и комбатанты), группу некомбатантов, почему недопустимо выделить в качестве отдельной, не относящейся ни к гражданским лицам, ни к комбатантам группу незаконных комбатантов, тем более предпосылки для этого существуют. Тем более, как это показано в отношении некомбатантов, и будет проанализировано в отношении комбатантов и гражданского населения, абсолютно однозначной и единой терминологии в отношении категорий покровительственных лиц ни в Женевских конвенциях от 12 августа 1949 г., ни в Дополнительных протоколах к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., нет. На наш взгляд, это связано с особенностями развития нормативного регулирования в международном гуманитарном праве, не всегда полным соответствием между договорными нормами, принятыми в разное время, часто их компромиссным характером, а также между договорными нормами и обычными нормами международного гуманитарного права.

Таким образом, мы исходим из следующей классификации – две основные группы – гражданские лица и комбатанты, и наличие вторичных, дополнительных групп – некомбатанты, возможно незаконные комбатанты. Существует и другой подход, согласно которому выделяются две основные группы – гражданские лица и комбатанты (между которыми распределено все население), в составе которых можно выделить подгруппу, как, например, «непривилегированных воюющих»¹. Различие в этих подходах состоит в следующем. Во-первых, это наличие/отсутствие более чем двух групп, на которые подразделяется население в случае вооруженного конфликта. Во-вторых, это сближение лиц, незаконно участвующих в вооруженном конфликте, с комбатантами – «незаконные комбатанты», или с гражданскими лицами – «непривилегиро-

¹ Такого подхода придерживается К.У. Уоткин. Непривилегированный воюющий, является гражданским лицом (т.е. лицом, не имеющим статуса комбатанта), принимающим участие в боевых действиях, то есть совершающим враждебный акт и лишенным как защиты от нападения, предоставляемой гражданским статусом, так и привилегии стать военнопленным. См. Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

ванные воюющие», «непривилегированные комбатанты». Правда, исходя из логики, тогда необходимо говорить и об «непривилегированных гражданских лицах».

Тем не менее, бесспорно, что две основные категории – гражданские лица и комбатанты носят «статусный» характер, и именно они прямо или опосредованно¹ определяют объем прав и обязанностей индивидов в период вооруженного конфликта. Рассмотрим содержание этих категорий подробнее.

Комбатанты, согласно п. 2 ст. 43 Дополнительного протокола I, – это лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, и они, исходя из этого статуса, имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях. Таким образом, должен наличествовать вооруженный конфликт, его стороны, вооруженные силы стороны, и только после этого можно говорить о наличии комбатантов. При этом, на основе положения ст. 50 Дополнительного протокола I о том, что гражданскими лицами являются лица, не принадлежащие ни к одной из категорий лиц, указанных в ст. 4 А 1, 2, 3, 6 Женевской конвенции III и ст. 43 Дополнительного протокола I, можно сделать вывод, что к комбатантами² являются только лица, перечисленные в указанных статьях (хотя они не названы «комбатантами», а указано только, что они не принадлежат к гражданскому населению)³.

Следует обратить внимание еще на одну особенность выделения категории комбатант. Это категория групповая, основанная на характеристике и принадлежности лица группе, обладающей соответствующими признаками (критериями). На эту особенность указывает К. У. Уоткин⁴, а Mallison, отмечает, что все шесть критериев, определяющих принадлежность к комбатантам – организация, связь со стороной в конфликте, военное командование, отличительный знак, открытое ношение оружия и соблюдение законов и обычаев войны являются коллективными критериями, а последние три относятся как к группе, так и к отдельным лицам⁵. Т. е. при отсутствии этих групповых признаков лицо не будет относиться к комбатантам, и даже при непосредственном

¹ Например, через комбатантов определяется перечень лиц, относящихся к раненым и больным, военнопленным, находящимся под покровительством соответствующих Женевских конвенций 1949 г.

² В работе Leslie C. Green, *The Contemporary Law of Armed Conflict* 111, п. 44 105 (2nd ed. 1990) (1993) выражена точка зрения о том, что военнопленные, раненые, больные, лица, потерпевшие кораблекрушение, и другие лица, вышедшие из строя, имеют право на то, чтобы с ними обращались как с комбатантами, хотя уже не действующими активно. См.: Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

³ Таким образом, в Дополнительном протоколе I заложена концепция о дихотомической структуре субъектного состава в период вооруженного конфликта, подразделении его на гражданское население и комбатантов.

⁴ Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

⁵ W.T. Mallison & S.V. Mallison, *The Judicial Status of Irregular Combatants under International Humanitarian Law*, 9 Case W. Res. J. Int'l L. 39, 62 (1977). Цит. по: Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

участии в вооруженном конфликте комбатантом не является, как впрочем и время такого участия и не пользуется общей защитой от последствий военных действий, которая предоставляется гражданскому населению (п. 3 ст. 51 Дополнительного протокола I). О проблемах, связанных с их переходом в статус гражданских лиц мы скажем ниже, однако возникает вопрос, связана ли противная сторона нормами относительно средств и методов ведения войны по отношению этих лиц, принимающих непосредственное участие в военных действиях, но комбатантами не являющихся, и на период такого участия фактически не являющихся и гражданскими лицами?

Что касается определения понятия «гражданское население», то его главным признаком является неучастие в вооруженном конфликте. На это указывает В. В. Алешин: «К гражданскому населению относятся лица, не принадлежащие ни к одной категории участников боевых действий и непосредственно не принимающие участия в вооруженном конфликте»¹. Однако, как указано выше, в Женевских конвенциях от 12 августа 1949 г. и ст. 43 Дополнительного протокола I несколько иной подход к категории «гражданские лица», который к тому же несколько различается в этих документах.

Анализ положений ст. 50 Дополнительного протокола I позволяет сделать вывод, что основным критерием, по которому лица относятся к гражданскому населению, является неотнесение их к категории комбатант, а не неучастие в вооруженном конфликте. Как указывает К. У. Уоткин, в различных международных соглашениях делалась попытка дать определение понятию комбатант², при этом все остальные считались гражданскими лицами³. Предлагалось считать такой подход более предпочтительным, потому что он охватывает все категории лиц без исключения. Более того, все было сделано для того, чтобы сохранить простоту и однозначность этих норм. Цель такого подхода – повысить вероятность соблюдения норм международного гуманитарного права⁴.

Поэтому лица, которые принимают фактическое участие в вооруженном конфликте, но к комбатантам не относятся, исходя из ст. ст. 43, 46, 47 Дополнительного протокола I, относятся к гражданскому населению. Таким образом, к гражданскому населению по смыслу ст. 50 Дополнительного протокола I, относятся и шпионы, и наемники, что в принципе противоречит смыслу общепринятому понятию «гражданское население»⁵. Согласно п. 3 ст. 51 Дополни-

¹ Алешин В.В. Правовое регулирование вооруженных конфликтов и его роль в обеспечении безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007. — С. 6.

² См.: ст.ст. 1-3 Гаагского положения о законах и обычаях сухопутной войны, ст. 4 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными, и ст.ст. 43-44 Дополнительного протокола I.

³ Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

⁴ A.P.V. Rogers, *Law on Battlefield 7-9*, (Manchester University Press 1996). Цит. по: Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

⁵ К.У. Уоткин обращает внимание на то, что использовать термин «гражданское лицо» при описании правового статуса группы боевиков, которые не соответствуют статусу комбатанта, по мень-

ного протокола I эти лица находятся под защитой как гражданское население, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях. Этот критерий применяется и в Норме 6 обычного международного гуманитарного права.

На наш взгляд, внутреннее противоречие заложено в перечислении в ст. 50 Дополнительного протокола I категорий, относящихся к гражданским лицам без учета особенностей статуса шпионов и наемников (особо выделенных в Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.), предусмотренного в ст. ст. 46, 47 Дополнительного протокола I. Именно их было бы целесообразно выделить в качестве отдельной категории и отнести к незаконным комбатантам (дополнив этот перечень диверсантами, и как мы укажем далее, членами международных террористических организаций при определенных условиях), и предоставив им определенный, специальный правовой статус, отличный как от статуса гражданского населения, так и от статуса комбатантов. Однако, при нынешней ситуации, в рамках современного права Женевы¹, все они относятся к гражданскому населению.

Следует отметить, что согласно Норме 6, гражданские лица находятся под защитой от нападений, кроме случаев, когда и пока они принимают непосредственное участие в вооруженных действиях². Т. е. различие фактически проводится, но по отношению к гражданскому населению оно не носит институционального характера, за исключением выделения шпионов и наемников в Дополнительном протоколе I. Причем, исходя из смысла Нормы 6, непосредственное участие гражданских лиц в вооруженных действиях не меняет их статуса – они продолжают оставаться гражданскими лицами.

Однако в Женевских конвенциях от 12 августа 1949 г. заложено несколько иное соотношение понятий «гражданское население» и «комбатанты», чем в Дополнительных протоколах к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. В Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. прямо не определяется понятие гражданское население, а используется понятие «под защитой Конвенции состоят лица», «лицо, находящееся под покровительством Конвенции». Причем указанием на круг покровительствуемых лиц (в отношении дифференциации на комбатант/покровительствуемое лицо) является абз. 4 ст. 4 Женевской конвенции IV, согласно которому лица, находящиеся под защитой Женевских конвенций I-III не рассматриваются в качестве лиц, пользующихся покровительством по смыслу Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. При этом в ст. 5 Женевской конвенции IV прямо указывается, что если лицо задержано в качестве шпиона, диверсанта, или подозреваемого

шей мере, неловко. См.: Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

¹ Именно право Женевы, а не в целом международного гуманитарного права, хотя положение об единстве права Женевы и права Гааги в рамках международного гуманитарного права не вызывает сомнений.

² Звичаяє міжнародне гуманітарне право. Норми. / Український часопис міжнародного права. — 2006. — № 2. — С. 8.

в деятельности, враждебной для безопасности государства, то такое лицо не будет иметь право претендовать на такие права и преимущества, предоставляемые Конвенцией, которые наносили бы ущерб безопасности этого государства, если бы они предоставлялись данному лицу (абз. 1 ст. 5); либо данное лицо может быть лишено прав на связь, предоставляемых Женевской конвенции IV (абз. 2 ст. 5).

Таким образом, согласно Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., можно выделить лиц, находящихся под защитой Женевских конвенций I-III (а это далеко не всегда комбатанты, о чем свидетельствуют положения ст. 4 Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г., а также распространение их на некомбатантов), и остальных лиц, находящихся под покровительством Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г., с учетом особого статуса лиц, перечисленных в ст. 5 указанной Женевской конвенции IV. Именно в эту схему, на наш взгляд вполне укладывается (по крайней мере, ей не противоречит) понятие незаконный комбатант – как лицо, участвующее в вооруженном конфликте без права на это. И исходя из логики деления на покровительствуемых лиц, незаконные комбатанты подпадают под защиту Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г., что на наш взгляд в определенной степени дискредитирует понятие «гражданское лицо» и снижает эффективность защиты гражданского населения. Т. е. подчеркнем, что по нашему мнению применение в международном гуманитарном праве понятия «незаконный комбатант» и его институализация приведет к усилению защиты гражданского населения в собственном смысле этого слова, и гарантированию минимальных стандартов для лиц, отнесенных к числу незаконных комбатантов.

Исходя из вышеизложенного, трудно не согласиться с К. У. Уоткиным о наличии многочисленных сложностей в применении четкого различия между комбатантом и гражданским лицом: в формулировании ясных и полных критериев для статуса комбатанта; в определении достаточного количества критериев, позволяющих считать, что гражданское лицо принимает участие в военных действиях; в применении принципа различия по всему спектру конфликта; учет присутствия гражданских лиц в зоне боевых действий или их участия в военных усилиях государства¹.

Исследовав приемлемость самого понятия «незаконный комбатант», его соотношение с базовыми категориями международного гуманитарного права и основное содержание, остановимся на анализе категорий лиц, применительно к которым допустимо использовать анализируемое понятие.

Особой категорией в международном праве являются наемники². В настоящее время наемничество не только сохранено, но и произошло расшире-

¹ Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

² См.: Алешин, В.В. Понятие и противоправность наемничества // Моск. журн. междунар. права. – 1998. – № 3. – С. 60-73;

ние масштабов и диверсификация наемнической деятельности, особенно в сфере деятельности частных компаний, оказывающих военные консультационные услуги и услуги в области военной помощи и безопасности¹. Наемники непосредственно участвуют в вооруженном конфликте, могут обладать большинством признаков комбатантов, однако при этом комбатантами не являются, и исключаются из сферы действия норм, направленных на закрепление статуса комбатантов и защиту производных категорий. Об этом свидетельствует как норма обычного права, согласно которой: «наемники...не имеют права на статус комбатанта или военнопленного»². В ст. 47 Дополнительного протокола I³ постулируется: «Наемник не имеет права на статус комбатанта или военнопленного». Можно прийти к неоднозначному выводу о том, что поскольку норма о статусе наемников содержится в Разделе II «Статус комбатантов и военнопленных», наемники не относятся ни к комбатантам (что вполне обоснованно), ни к гражданским лицам (что оспоримо). Фактически их статус носит специальный характер и определяется нормами Дополнительного протокола I и положениями Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г.

При этом следует иметь в виду, что наемники могут выступать в качестве шпионов, диверсантов, террористов⁴, лиц, подозреваемых в совершении действий, направленных против безопасности государства или оккупирующего государства, либо участвующих в их совершении⁵. Более того, как указа-

¹ п. 70 Доклада, представленного Специальным докладчиком г-ном Энрике Берналесом Бальестересом, Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействие осуществлению права народов на самоопределение, E/CN.4/2004/15, 24 декабря 2003 г. / <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/commission/Rrprtselfdetermination2004.html>

² Норма 108. Звичаєве міжнародне гуманітарне право. Норми. / Український часопис міжнародного права. — 2006. — № 2. — С. 13.

³ Анализируя ст. 47 Дополнительного протокола I Энрике Берналесом Бальестересом указывает, что: «В реальном же плане, в силу его характера как документа в области международного гуманитарного права, в нем не содержится надлежащих юридических положений в отношении наемника, а лишь допускается возможность его появления в ходе вооруженного конфликта. Таким образом, данный документ ограничивается регулированием конкретной ситуации, в привязке к которой и трактуется понятие «наемник»; в этой статье перечисляется целый ряд кумулятивных элементов, которые в своей совокупности и должны позволить определить, кто является наемником, а кто таковым не является. См.: п. 38 Доклада, представленного Специальным докладчиком г-ном Энрике Берналесом Бальестересом, Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействие осуществлению права народов на самоопределение, E/CN.4/2004/15, 24 декабря 2003 г. / <http://www1.umn.edu/humanrts/commission/Rrprtselfdetermination2004.html>

⁴ На использование наемников при осуществлении террористических актов указывает Специальный докладчик г-н Энрике Берналесом Бальестересом: «Ничто не удерживает наемника от того, чтобы за материальное вознаграждение принять участие в совершении террористического акта, квалифицируемого как преступное деяние, которое продиктовано идеологическими соображениями, претендующими на политическую законность, и которое совершается с целью нагнетания атмосферы тотального страха. При расследовании любого террористического нападения нельзя исключать возможность причастности к нему наемников». См.: п. 35 Доклада, представленного Специальным докладчиком г-ном Энрике Берналесом Бальестересом, Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействие осуществлению права народов на самоопределение, E/CN.4/2004/15, 24 декабря 2003 г. / <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/commission/Rrprtselfdetermination2004.html>

⁵ Доклад, представленный Специальным докладчиком г-ном Энрике Берналесом Бальестересом, Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействие осуществлению права народов на самоопределение, E/CN.4/2004/15, 24 декабря 2003 г. / <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/commission/Rrprtselfdetermination2004.html>

но в вербальной ноте Постоянного представительства Российской Федерации при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве от 7 августа 2003 года, в последние годы проблема наемников неразрывно связана с международным терроризмом. Ее важность определяется широким масштабом и глобальным характером деятельности боевых экстремистских формирований, имеющимися у них значительными финансовыми средствами¹.

По мнению Энрике Берналесом Бальестересом, международно-правовые документы, касающиеся наемников, являются неполными и имеют серьезные пробелы, что затрудняет их применение и поэтому назрела необходимость пересмотра норм международного законодательства в этой области, и им было предложено новое, более точное юридическое определение понятия «наемник»². На наш взгляд, это касается и определения понятия и статуса наемника в нормах международного гуманитарного права.

Что касается отнесения к категории «незаконных комбатантов» членов международной террористической организации, то здесь наибольший «опыт» имеют США. Практика наделения членов международной террористической организации самостоятельным статусом нашла отражение в принятом 28 сентября 2006 г. Конгрессом США Законе о военных комиссиях (Military Commissions Act, 2006). Указанный Закон был принят в ответ на решение Верховного суда США по делу Хамдан против Рамсфелда от 29 июня 2006 г. Суд признал незаконными учрежденные указом президента США от 13 ноября 2001 г. военные комиссии.

Следовательно, целесообразно последовательно рассматривать изменения в классификации лиц согласно законодательства США, участвующих в вооруженном конфликте, одной из сторон которого является международная террористическая организация, до и после принятия Закона 2006 г.

Военные комиссии – это квази-судебный орган для уголовного преследования лиц, обвиняемых в причастности к террористическим актам против США, в котором подсудимый не может пользоваться рядом основных прав, обязательных в гражданских судах общей юрисдикции или в военных трибуналах³.

До принятия Закона 2006 г. члены «Аль-Каиды» классифицировались как «вражеские комбатанты» и их дела в особом порядке рассматривались военной комиссией. После принятия Закона 2006 г. перед трибуналом в Гуантанамо могут предстать только те задержанные, которые классифицируются соответствующими трибуналами по рассмотрению статуса узников Гуантанамо

¹ См.: п. 14 Доклада, представленного Специальным докладчиком г-ном Энрике Берналесом Бальестересом, Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействие осуществлению права народов на самоопределение, E/CN.4/2004/15, 24 декабря 2003 г. / <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/commission/Rrprtselfdetermination2004.html>

² См.: Раздел V Доклада, представленного Специальным докладчиком г-ном Энрике Берналесом Бальестересом, Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействие осуществлению права народов на самоопределение, E/CN.4/2004/15, 24 декабря 2003 г. / <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/commission/Rrprtselfdetermination2004.html>

³ Тузмухамедов, Б.Р. Хамдан против Рамсфелда: уроки и параллели // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. — СПб.: СКФ «Россия—Нева», 2008. — Спец. вып. — С. 130.

или «иным компетентным трибуналом» как «незаконные вражеские комбатанты».

Таким образом, любое лицо, в том числе из числа гражданского населения, может быть признано по законодательству США «незаконным вражеским комбатантом». Если при рассмотрении статуса лица не подтверждается его статус «незаконного вражеского комбатанта», то они не подлежат суду в соответствие с Законом 2006 г. Так, например, были сняты обвинения с гражданина Канды О. Хадра за убийство американского солдата во время боя на предполагаемой базе «Аль-Каиды» в 2002 г., поскольку по Закону 2006 г. он не мог быть классифицирован как «незаконный вражеский комбатант». Однако, в соответствии с ранее действовавшей системой, регулировавшей деятельность трибуналов, О. Хадр назывался «вражеским комбатантом»¹.

Этот закон распространяет понятие комбатанта на любых лиц, которые оказывают «целенаправленную и материальную» поддержку военным действиям против США, даже если они сами не принимают в них непосредственного участия, а арест происходит на значительном отдалении от театра военных действий. При этом трактовка понятия «вражеский комбатант», применяемая статусными трибуналами в Гуантанамо, шире предусмотренной законодательством и распространяется даже на тех, кто из добросовестных побуждений перечислял деньги благотворительному подразделению террористической организации, не подозревая о противозаконном характере последней. Известен, по меньшей мере, один случай, когда задержанный был признан вражеским комбатантом именно по этой причине².

Следовательно, можно говорить как минимум о двух новых категориях в американской правовой системе: «вражеский комбатант» и «незаконный вражеский комбатант». Причем категория «вражеский комбатант» претерпела определенные метаморфозы после принятия Закона 2006 г., а категория «незаконный вражеский комбатант» была введена после принятия Закона 2006 г. При этом, некоторые лица, содержащиеся в Гуантанамо, не подпадают ни под категорию «вражеский комбатант» и «незаконный вражеский комбатант», и на наш взгляд, могут быть квалифицированы как комбатанты, исходя из признания международного характера рассматриваемого конфликта³.

Анализ термина «незаконный комбатант» приводит к вопросу: «незаконным» является комбатант, который незаконно, в нарушение международного права, участвует в вооруженном конфликте, то есть изначально комбатантом **не является**, и соответственно не является законным участником войны (вариант 1); или не являясь комбатантом, не соблюдая определенные нормы международного гуманитарного права, им **не становится**, а в другой ситуации им бы ставший (вариант 2); либо он является комбатантом, т. е. законным участником войны, но нарушающим определенные нормы, в частности междуна-

¹ С канадца из Гуантанамо сняты обвинения ЛІГАБізнесІнформ Інформаційне агентство / www.liga.net

² Американский закон о военных комиссиях 2006 г. // <http://www.hrw.org/russian/backgrounders/2003/usa/law.html>

³ С канадца из Гуантанамо сняты обвинения. 05.06.2007. ЛІГА БізнесІнформ Інформаційне агентство // www.liga.net

родного гуманитарного права, и поэтому становится «незаконным комбатантом» (вариант 3).

Существуют и другие вариации определения понятия «незаконный комбатант», как комбатант, не подпадающий под защиту конвенций¹. Достаточно подробно статус последней категории лиц проанализировал Курт Дерман в своей статье «Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов»», именно в контексте права на правовую защиту «незаконных/не подпадающих под защиту конвенций комбатантов», предоставляемой международным гуманитарным правом².

1. Рассмотрим случай незаконного участия в военных действиях определенных категорий лиц, комбатантами не являющимися, но фактически не являющимися и гражданском населением. С определенной долей условности к ним можно отнести шпионов и диверсантов, а также лиц, подозреваемых в совершении действий, направленных против безопасности государства или оккупирующего государства, либо участвующих в их совершении.

Как уже отмечалось, однако, эти лица, на которых не распространяются Женевские конвенции I-III, пользуются покровительством Женевской конвенции IV в качестве отдельной категории лиц (ст. 5 Женевской конвенции IV). Именно этот специальный характер норм позволяет исключить эти лица из состава гражданского населения, пользующегося общей защитой Женевской конвенции IV, и выделить их в отдельную группу. На это указывает К. Дерман, утверждая, что как понятие «действия, направленные против безопасности государства/оккупирующей державы», так и понятие «диверсионная деятельность», безусловно, подразумевают непосредственное участие (при отсутствии на то права) в военных действиях. Таким образом, ст. 5 Женевской конвенции IV, применима, в частности, к лицам, которые не отвечают требованиям Женевских конвенций I-III, и принимают непосредственное участие в военных действиях, то есть к лицам, называемым «незаконными комбатантами»³. Розенблад так же отмечает, что диверсант, который является **незаконным комбатантом**, с одной стороны, несет наказание в соответствии с Женевской конвенцией IV⁴.

2. Наиболее общепринятое понимание термина «незаконный комбатант» понимается как относящийся ко всем лицам, принимающим непосредственное участие в боевых действиях, но не имеющих на это право, которых по этой причине, в случае их попадания во власть противника, нельзя отнести к военнопленным⁵. Например, под ним обычно понимаются гражданские лица,

¹ Дерман, К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. — 2003. — С. 51–87.

² Дерман, К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. — 2003. — С. 51.

³ Дерман, К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. — 2003. — С. 54.

⁴ См. E. Rosenblad, «Guerrilla warfare and international law». 1973, pp. 110. Цит. по Дерман, К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. — 2003. — С. 54.

⁵ G. Aldrich, «The Taliban, Al Qaeda, and the determination of illegal combatants». American Journal of International Law, Vol. 96, 2002, p. 892; Report on Terrorism and Human Rights, op.cit (примечание

принимающие непосредственное участие в боевых действиях, а также члены народного ополчения и других добровольных формирований – в том числе участники организованных движений сопротивления, – не входящие в состав регулярных вооруженных сил, однако принадлежащие стороне в конфликте, при условии, что они не соблюдают требований, содержащихся в п. 2 ст. 4А Женевской конвенции III¹ (вариант 2). Думается, и к этой категории допустимо применять термин «незаконный комбатант».

3. Что касается лиц, которые являются комбатантами, но не соблюдают в период вооруженного конфликта нормы международного гуманитарного права, то на этот вопрос дает однозначный ответ п. 2 ст. 44 Дополнительного протокола I – нарушение норм международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов не лишают комбатанта его права считаться комбатантом или, если он попадает во власть противной стороны, его права считаться военнопленным² (вариант 3). К этой категории применение термина «незаконный комбатант» не соответствует положениям Дополнительного протокола I.

Хотя, наверное, не все столь однозначно. Именно на неоднозначность статуса этой категории лиц обращает внимание К. У. Уоткин «Проблемы, возникающие в связи с отказом в статусе комбатанта³, – одна из сложностей, с которыми мы сталкиваемся при проведении различия исключительно на основе двух категорий: комбатантов и гражданских лиц»⁴.

5), para. 69. Цит. по: Дерман, К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. – 2003. – С. 53.

¹ Дерман, К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. – 2003. – С. 52–53.

² Однако, следует иметь в виду, что ряд государств сделали оговорки, в соответствии с которыми они не обязаны распространять применение Женевской конвенции III на тех военнопленных, которые осуждены за военные преступления или преступления против человечности. См. *Commentary to Additional Protocol I*, para. 1689 footnote 19. / www.icrc.org

³ Речь идет о лицах, не соответствующим таким критериям, как: открыто носят оружие, не обеспечивают соблюдение норм международного права, применимого во время вооруженного конфликта, имеют различимый на расстоянии постоянный отличительный знак и т.п.

⁴ Уоткин, К.У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для Неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27-29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

С. С. ПРОЦУН

аспирант кафедры международного права и международных отношений Одесской национальной юридической академии

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА США ПО ЛИКВИДАЦИИ ТЮРЬМЫ В ГУАНТАНАМО БЕЙ

Война с международным терроризмом, объявленная президентом США Бушем после террористической атаки 11 сентября 2001 года повлекла за собой ряд проблемных вопросов в международном праве относительно характера этой войны, статуса международной террористической организации как стороны вооруженного конфликта, и, несомненно, правового положения членов международной террористической организации. После открытия тюрьмы в Гуантанамо Бей для членов Аль-Каиды возникли вопросы о статусе содержащихся там лиц, распространении на них международного гуманитарного права и международного права прав человека, законодательства США. Этой проблеме было посвящено значительное количество работ, выносились судебные решения¹, однако не все дискуссионные вопросы получили однозначное решение. Это связано с односторонней, и во многом одиозной позицией предыдущей администрации США относительно фактического нераспространения на заключенных в Гуантанамо Бей как норм международного гуманитарного права, так и законодательства США. Показательным в этом смысле стал процесс Хамдан против Рамсфелда, который показал ущербность такой позиции.

Решение Президента США Обамы о закрытии тюрьмы в Гуантанамо Бей² фактически подтвердило несоответствие содержания лиц, обвиняемых в международном терроризме в Гуантанамо Бей, нормам международного права и законодательства США. Однако при этом следует отметить, что статус членов международных террористических организаций далек в международном гуманитарном праве от рационального: фактически по Женевским конвенциям 1949 г. с Дополнительными протоколами они относятся к гражданским лицам.

Для того, что бы определить политико-правовые последствия закрытия тюрьмы в Гуантанамо Бей, проведем небольшой экскурс в недалекое прошлое. Эта тюрьма была учреждена указом президента Буша в ноябре 2001 года и предназначалась для содержания там подозреваемых лиц, захваченных в ходе «глобальной войны с терроризмом»³. Условия содержания и обращения с за-

¹ Показательными в этом плане стали судебные решения по делам: Расул против Буша 2004 г. и Хамдан против Рамсфелда 2006 г.

² Текст указа: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/ClosureOfGuantanamoDetentionFacilities

³ Текст указа см.: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2001/11/20011113-27.html>.

ключенными там лицами не соответствовали требованиям норм международного права. По меньшей мере, было допущено нарушение ст. 3 общей для всех Женевских Конвенций. В частности п. а) ч. 1 ст. 3 устанавливает прямой запрет на физическую неприкосновенность, а конкретно: всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания. Как минимум две последние категории были официально санкционированы самим президентом Бушем указом от 13 ноября 2001 года. Более того, существует множество свидетельств того, что заключенных в Гуантанамо поддавали жестокому обращению и пыткам. К примеру, Шафик Расул, бывший заключенный Гуантанамо Бей, описывал условия в камере: «камера металлическая, окрашенная изнутри в зеленый цвет. Там был кран, раковина, унитаз и металлическая кровать. Было крайне жарко из-за постоянно включенного кондиционера. На ночь кондиционер включали на холодную температуру. Было очень холодно, но я не имел ни матраца, ни одеяла»¹. О подобном обращении говорят не только заключенные, но и результаты проверок различными международными правозащитными организациями, в том числе и Комиссии ООН по правам человека².

Международная правозащитная организация Amnesty International опубликовала выводы в связи с очередным посещением тюрьмы: «...Гуантанамо является символом бесправия и несправедливости, чем мобилизует людей к фанатичной ненависти к США...»³.

Посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение прямо запрещено п. с) ч. 1 ст. 3. Пункт d) запрещает осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными народами. Нарушение этого пункта ст. 3 носило систематический характер, и было оправдано как высшими государственными чиновниками, так и президентом США – Дж. Бушем-младшим. Примером этого может стать как указ президента от 13 ноября 2001 года, так и Закон о военных комиссиях, принятый Конгрессом США в сентябре 2006 года⁴.

Одним из прав заключенных, нарушаемых американской администрацией, является право habeas corpus. Согласно ему, судьи обязаны по жалобе лица, считающего свой арест или арест кого-либо другого незаконным, требовать скорейшего представления арестованного суду для проверки законности ареста или для судебного разбирательства. Habeas corpus в США является конституционным положением и приостановка этого права возможна лишь в случае вооруженного вторжения или восстания на территории Соединенных Штатов⁵.

¹ Composite statement: Detention in Afghanistan and Guantanamo Bay – Shafiq Rasul, Asif Iqbal and Ruhel Ahmed, http://www.ccrny.org/v2/reports/docs/Gitmocompositestatement_FINAL23july04.pdf.

² Рапорт Комиссии ООН по правам человека Situation of detainees at Guantanamo Bay. Доступно на: http://www.ohchr.org/english/bodies/chr/docs/62chr/E.CN.4.2006.120_.pdf. п. 20.

³ Amnesty International, USA: Guantanamo – An Icon of Lawlessness (2005), <http://web.amnesty.org/library/Index/ENGAMR510022005>.

⁴ «USA: Military commissions for 'war on terror' detainees». – Доступно на: <http://web.amnesty.org/library/Index/ENGAMR510502006>.

⁵ Текст см.: http://www.pseudology.org/state/Cons_usa.html

Итак, что представляет собой тюрьма в Гуантанамо? Тюрьма расположена на территории военно-морской базы ВМС США в заливе Гуантанамо, и изначально представляла собой режимный объект, состоящий из 3-х лагерей разного режима строгости: X-Ray, Iguana и Camp Delta. Позже она была реорганизована и на данный момент представляет собой один большой охраняемый лагерь с подсобными помещениями различного назначения, в том числе и религиозного назначения. Географически она находится на территории Кубы. Однако фактически, данная территория арендуется Соединенными Штатами у Кубы с 1903 года. В связи с этим, американские власти парировали любой упрек представителей международной общественности или правозащитных организаций о ненадлежащих условиях содержания и обращения с заключенными там лицами, мотивировав это тем, что на данную территорию не распространяется действие законов США, в том числе и Конституции, а также международных обязательств США, поскольку она находится вне национальной территории¹.

Такая позиция администрации президента Буша представляется не вполне логичной, поскольку трудно представить себе, что на территории, находящейся под фактическим контролем и юрисдикцией Соединенных Штатов действуют иные законы, чем США, а тем более Конституция Кубы или какого-либо другого государства.

Таким образом, решение президента Барака Обамы о ликвидации пресловутого объекта было вполне логичным шагом навстречу международному сообществу. Поэтому одна из задач настоящей статьи состоит в том, чтобы определить, насколько этот шаг подготовлен с правовой точки зрения, путем анализа предпринятых действий администрации США по реализации плана о ликвидации тюрьмы в Гуантанамо Бей.

Следует начать с мотивов, побудивших президента США к столь решительным действиям. Не следует забывать, что ликвидация тюрьмы в Гуантанамо Бей, являлась одним из пунктов предвыборной кампании нынешнего президента США, следовательно, выполнение предвыборных обещаний теоретически оказывает положительный эффект на рейтинг действующего главы государства. В пользу того, что данное решение носит больше политический, нежели правовой характер, свидетельствует и то, что прежде чем принимаются подобного рода решения, обычно следует тщательная подготовка и выработка механизма их реализации. В данном случае были установлены даже конкретные сроки выполнения указа – «не позднее года с момента подписания», т. е. до 22 января 2010 года – которые не имели под собой, как показывает практика реальной основы. Следует обратить внимание и на то, что президент Обама ликвидирует объект, который стал причиной упреков Соединенных Штатов со стороны международного сообщества в нарушении прав человека. И, наконец, становится очевидным, что ликвидация данного объекта не означает автоматического освобождения заключенных там лиц – они лишь сменят место своего пребывания.

¹ Rasul et al. V. Bush. Текст см.: U.S. Reports. 2004. Vol. 542. P. 466 et seq.

Однако, несмотря на перечисленные выше недостатки, нельзя не заметить и реальных положительных сдвигов в работе новой администрации в отношении тюрьмы в Гуантанамо. Параллельно с указом о ликвидации тюрьмы, президент Обама подписал еще несколько распоряжений: относительно запрета на применение пыток при допросах лиц, подозреваемых в терроризме, приостановлении любых судебных разбирательств сроком на 120 дней, а также распоряжение о выработке новых условий содержания и методов работы с заключенными, подозреваемыми в терроризме¹.

Не секрет, что пытки и бесчеловечное обращение в Гуантанамо не были редкостью². Часто это делалось для того, чтобы выстроить обвинение против заключенных, используя их же показания, добытые под давлением, или для получения новых разведанных по организации и деятельности Аль-Каиды и талибов.

В частности, президент Обама потребовал, чтобы все сотрудники анти-террористических и разведывательных служб соблюдали требования Руководства по проведению допросов для Сухопутных сил США³. Это Руководство было подготовлено в 2006 году в соответствии с положениями Женевских конвенций 1949 г. Оно категорически запрещает применение пыток, а также жестокое, негуманное обращение с допрашиваемыми и унижение их человеческого достоинства⁴.

Активизировалась работа и еще над одной проблемой – определение судебного органа, который был бы уполномочен осуществлять правосудие над обвиняемыми в терроризме лицами. Ранее указанные лица подлежали суду военными комиссиями, учрежденными президентом Бушем в ноябре 2001 года, однако Верховный Суд США в решении по делу Хамдан против Рамсфелда поставил под сомнение не только объем полномочий военных комиссий, но и сам факт законности их учреждения. Верховный Суд подчеркнул, что президент США Джордж Буш, учредив военные комиссии, превысил свои конституционные полномочия, нарушив принцип разделения властей⁵. Правда осенью 2006 года Конгрессом США был принят Закон о военных комиссиях⁶, полномочия которых, в соответствии с ним были несколько ограничены, по сравнению с полномочиями, предоставленными военным комиссиям указом президента США от 13 ноября 2001 года. Тем не менее, существенной разницы в объеме полномочий нет. Например, допустимость непроверенных сведений и полученных под давлением доказательств, теоретически позволяет осудить обвиняемого на лишь основании предполагаемых данных, полученных с по-

¹ Обама распорядился закрыть тюрьму в Гуантанамо. — <http://www.america.gov/st/peacesecrussian/2009/January/20090123110015idybeekcm0.5760004.html>.

² Рапорт Комиссии ООН по правам человека Situation of detainees at Guantanamo Bay. Доступно на: http://www.ohchr.org/english/bodies/chr/docs/62chr/E.CN.4.2006.120_.pdf. п. 20.

³ White House Executive Order on Ensuring Lawful Interrogations. Текст указа см.: <http://www.america.gov/st/texttrans-english/2009/January/20090122161713eafas0.2151911.html>

⁴ Обама создает группу по допросам особо ценных заключенных. — Доступно на: <http://www.america.gov/st/peacesec-russian/2009/August/20090825150551esnamfuak9.029788e-02.html>

⁵ Текст решения см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Hamdan_v._Rumsfeld

⁶ «USA: Military commissions for 'war on terror' detainees». — <http://web.amnesty.org/library/Index/ENGAMR510502006>.

мощью недозволенных приемов допроса, в то время как сам подсудимый не будет иметь возможности вступить с первоисточником информации в очную полемику. Помимо этого, в законе сохранился принцип презумпции виновности, когда обвиняемый обязан свою невиновность доказывать самостоятельно¹.

Однако, подписанное президентом США распоряжение, «О приостановлении судебных разбирательств» относительно находящихся в Гуантанамо заключенных, сроком на 120 дней дало время американской администрации на выработку решения по указанной проблеме.

Еще одним положительным шагом стало создание специальной межведомственной комиссии по Гуантанамо Бей². В нее вошли: министр юстиции, государственный секретарь, министры обороны и внутренней безопасности, а также высокопоставленные представители военных и разведывательных структур США. В задачи комиссии входит выработка четкого плана действий относительно содержащихся в Гуантанамо заключенных, определение их правового статуса, а также выработка новых принципов содержания под стражей подозреваемых в терроризме лиц³.

В последствии, комиссия пришла к выводу, что заключенных в Гуантанамо Бей лиц, признанных судом невиновными следует немедленно освободить, а в случае, если их возвращение в страны, гражданами которых они являются, представляет для них угрозу из-за возможных преследований со стороны властей, их следует разместить в других странах, где такой опасности не существует. В качестве примера можно привести положение нескольких уйгуров, освобожденных в марте 2005 года, однако продолжавших содержаться в Гуантанамо Бей до тех пор, пока их не согласились принять в Албании⁴.

Касательно определения правового статуса заключенных, то, по выводам комиссии, данный вопрос должен рассматриваться судами США общей юрисдикции относительно каждого заключенного отдельно. Таким образом, был сформирован индивидуализированный подход к определению правового статуса заключенных в Гуантанамо.

В рамках процесса ликвидации тюрьмы в Гуантанамо возник еще один вопрос, связанный с переводом ныне содержащихся там лиц. Президент Обама даже обратился с просьбой о помощи в размещении узников из Гуантанамо в тюрьмах стран Европейского Союза. Дело в том, что в Палату представителей Конгресса США республиканцы внесли законопроект, запрещающий переводить заключенных из Гуантанамо в тюрьмы, расположенные в пределах национальной территории США, так как в случае нахождения этих лиц на тер-

¹ Там же.

² Текст указа см.: <http://www.america.gov/st/texttrans-english/2009/January/20090122161713eafas0.2151911.html>

³ Новая политика в отношении заключенных в Гуантанамо основывается на нормах международного права. (Отмена статуса «вражеский комбатант» является очередным шагом по направлению к закрытию тюрьмы). Доступно на: <http://www.america.gov/st/hr-russian/2009/March/20090317140411idybeekcm0.8055231.html>

⁴ Albania takes Guantanamo Uighurs. Текст см.: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/americas/4979466/stm.6.05.06>

ритории Соединенных Штатов, возникает угроза новых терактов, в которых могут пострадать американские граждане¹.

В Европе на просьбу президента США отреагировали неоднозначно, тем не менее, свое согласие на размещение заключенных из Гуантанамо на своей территории высказали Италия, Испания, Швейцария, Великобритания. Но, не следует забывать, что эти страны согласились пока принять только своих граждан, а это процесс естественный с точки зрения права. Кроме того, на базе в Гуантанамо на данный момент находится чуть более 200 человек (без учета тех, кого согласились принять вышеуказанные государства), по сравнению с первым кварталом 2009 года (около 250 человек). Как видно, результатом полугодичной работы американской администрации по размещению заключенных в Европе стало обустройство лишь около 30 человек.

Однако главным достижением президентской администрации стало то, что 21 октября 2009 года Сенат проголосовал за перевод заключенных из Гуантанамо на территорию США для последующего суда над ними. Данное решение поддержали 79 сенаторов, 19 высказались против. Закон был одобрен в Палате представителей Конгресса, и теперь направлен на подпись президенту Соединенных Штатов Бараку Обаме². Задержка может возникнуть лишь в том, что в соответствии с положениями данного закона, парламентарии должны получать детальное описание всех рисков, которые могут возникнуть в связи с доставкой любого задержанного в США. Кроме того, о каждом заключенном, направляемом из Гуантанамо в американскую тюрьму, необходимо уведомлять Конгресс не позже, чем за 15 дней до даты перевода³. А это может существенно повлиять на сроки ликвидации тюрьмы.

Подытоживая вышеизложенное, необходимо отметить, что президент Обама действительно сделал шаг навстречу требованиям международной общественности о соблюдении норм международного права, подписав план ликвидации тюрьмы в Гуантанамо и сопряженные с ним распоряжения. Однако темпы работ по реализации данного распоряжения заставляют усомниться в возможности решения вопроса о ликвидации тюрьмы в Гуантанамо в заявленный президентом Обамой срок – до 22 января 2010 года. Выводы специальной комиссии по Гуантанамо, спустя девять месяцев работы по решению проблемы с определением правового статуса заключенных, тоже выглядят весьма туманно.

В то же время, к чести новой администрации, проблему с условиями содержания и обращения с заключенными в Гуантанамо удалось решить – они постепенно приводятся в соответствие с требованиями международного гуманитарного права, в частности со ст. 3 общей для всех Женевских Конвенций. Кроме того, исходя из заявлений президента, заключенные смогут рассчитывать на защиту, предоставляемую Женевскими конвенциями, в частности III Женевской конвенцией 1949 г.

¹ Веселовский А. Гуантанамо закрыли. Текст см.: <http://www.news.ntv.ru/148869>. 23.01.2009.

² Узников Гуантанамо будут судить в США. Доступно на: http://www.rbc.ua/rus/top/show/uznikov_guantanamo_budut_sudit_v_ssha21102009

³ Заключенных Гуантанамо будут судить на территории США. Доступно на: http://www.bbc.co.uk/russian/ig/international/2009/10/091020_guantanamo_congress.shtml

РЕФЕРАТЫ И АННОТАЦИИ ИЗДАНИЙ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ

Рефераты подготовила ассистент кафедры международного права и международных отношений Одесской национальной юридической академии Мануилова Е.

Дремина-Волок Н. В. Концепция преступлений ненависти («hate crime») в контексте проблемы расовой дискриминации / Н. В. Дремина-Волок // сборник «Криминология в Украине и противодействие преступности». – 2008. – С. 156-161.

Статья посвящена концепции преступной ненависти («hate crime»). Автор отмечает, что термин («hate crime») внедрен в законодательство многих стран, его можно рассматривать как юридическую квалификацию особого рода преступлений, совершаемых под влиянием чувства крайней неприязни, («ненависти») к лицам иной расы, национальности, вероисповедания, этнического происхождения, политических убеждений, пола или сексуальной ориентации, инвалидам. Но при этом во многих случаях квалификация преступления как «преступления на почве ненависти» ужесточает уголовное наказание (С. 155).

Дремина-Волок Н. В. подчеркивает, что в настоящее время расовая дискриминация – одна из тех трагических проблем человечества, которые сохраняют свою актуальность на протяжении многих веков (С. 158).

По мнению автора, расовая дискриминация в Украине не имеет глубинных исторических корней, но она имеет глубокие социальные и психологические корни, связанные с невосприятием «чужого», социальной дезорганизацией, маргинализацией беднеющих слоев населения. Отсутствие иммунитета к опасной социальной болезни может привести к ее острому и крайне опасному течению (С. 159).

В итоге автор приходит к выводу, что государство и общество не может закрывать глаза на увеличение количества инцидентов на почве расовой нетерпимости. Соответственно, исследование феномена «hate crime» и разработка мер, направленных на противодействие проявлениям расовой дискриминации, должна стать одним из важных направлений научных исследований (С.161).

Дремина-Волок Н.В. Нормы *jus cogens* как фундамент современного международного правопорядка / Н. В. Дремина-Волок // сборник «Сучасний правопорядок: національний, інтеграційний та міжнародний виміри». – 2008. – С. 106-107.

В статье рассматриваются нормы *jus cogens* как фундамент современного международного правопорядка. Автор указывает, что характерной чертой современного правопорядка является увеличение роли императивных норм в механизме международно-правового регулирования. Именно уровень соблюдения норм права как результат эффективности государства в содействии превентивным и охраняемым способам отображает состояние правопорядка внутри государства (С. 106).

Автор подчеркивает, что государство полагает правовые усилия в обеспечении национального правопорядка в защите императивного статуса норм внутреннего права: взгляд за их общеобязательным соблюдением и применении принуждения в случаях нарушения этих норм (С. 106).

Дремина-Волок Н. В. отмечает, что нормы *jus cogens* – это не отдельный источник международного права, особенный статус конкретных его норм, которые могут существовать в форме договора и/или обычая (С. 107).

В итоге автор приходит к выводам, что международное сообщество, которое является более угрожающим для поддержания мирового правопорядка, и создало правовой механизм для предупреждения такого поведения – дало соответствующим нормам статус *jus cogens*. Именно эти нормы составляют фундамент современного международного правопорядка (С. 107).

Дремина Н. В. Юрисдикция международных уголовных судов и трибуналов: монография / Н. В. Дремина-Волок. – О.: Фенікс, 2006.

Монография посвящена исследованию генезиса, доктринальных подходов, юридической природы, содержанию и условиям содействия юрисдикции международных уголовных судов и трибуналов, выявлению основных тенденций и оптимального механизма его развития. Рассматривается юрисдикция Нюрнбергского и Токийского трибуналов, международных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, Специального суда по Сьерра-Леоне, постоянного Международного уголовного суда. Сформулировано понятие юрисдикционного режима и его принципы, среди которых выделены требования легитимности, целостности и единства.

Зелинская Н. А. Международные преступления и международная преступность: монография / Н. А. Зелинская. – О.: Юрид. літ., 2006.

Монография содержит комплексное междисциплинарное исследование категорий «международное преступление» и «международная преступность», имеющее целью создание целостной теории, которая позволила бы обеспечить концептуально-нормативную общность научной и практической интерпретации этих понятий в контексте международного реагирования на преступность. Предлагается классификация международных преступлений, в основу которой положены критерии, характеризующие источник криминализации право-

нарушения и юрисдикцию, под которую оно подпадает. Особое внимание уделяется международной политической преступности, в частности такой форме ее проявления, как терроризм. Исследуются доктринальные и практические аспекты применения принципа невыдачи политических правонарушителей.

В монографии сформулирована концепция транснационального уголовного права и дается определение транснационального преступления: анализируются международно-правовые стандарты криминализации некоторых видов правонарушений. Рассматриваются феномены «макропреступности» и составляющие ее деяния, криминализованные международным правом.

Зелинская Н. А. Международно-правовая концепция международного преступления / Н. А. Зелинская. – К.: 2007.

Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.11 – международное право. – Институт законодательства Верховной Рады Украины. – Киев, 2007.

Диссертация посвящена созданию целостной международно-правовой теории, позволяющей идентифицировать понятие «международное преступление» и обеспечить концептуально-нормативную общность его научной и практической интерпретации в контексте международного реагирования на преступность. В работе исследуются генезис и юридическая природа международных преступлений, формулируется международно-правовое определение этого понятия. Автор исходит из того, что концепция международных преступлений, в широком смысле, охватывает все преступления, которые влекут за собой возникновение правового интереса международного значения и подлежат солидарному уголовному преследованию в рамках международной и/или национальной уголовной юрисдикции. Сущность современного понятия международного преступления заключается в его относительной автономии от критериев преступного и наказуемого, содержащихся в национальном праве. В качестве одного из вариантов классификации международных преступлений предлагается подход, основанный на сочетании двух формальных параметров: характере юрисдикции, под которую подпадает правонарушение, и источнике его криминализации. То обстоятельство, что деяние подпадает под юрисдикцию двух и более государств, отражает международную распространенность преступления и/или динамизм преступника как объективное свойство преступной деятельности и постпреступного поведения лица; криминализация такого деяния является формальным фактором, отражающим источник уголовно-правового запрета, нарушенного преступлением. Сочетание множественной либо международной криминальности и множественной либо международной юрисдикции позволяет выделить три категории международных преступлений: 1) международное экстрадиционное преступление; 2) транснациональное преступление; 3) международно-правовое преступление.

Международное преступление является основной категорией международного уголовного права – отрасли международного права, включающей в себя две подотрасли. Первая подотрасль – «международное уголовное право

«*stricto sensu*» регламентирует основания и порядок привлечения индивидов к уголовной ответственности органами международной уголовной юстиции. Вторая подотрасль – транснациональное уголовное право – представлена комплексом международно-правовых норм, имеющих отношение к международному сотрудничеству в противодействии транснациональной преступности, и включает в себя транснациональное материальное уголовное право, транснациональное процессуальное уголовное право, транснациональное уголовно-превентивное право.

В работе содержится ретроспективный анализ становления понятия «экстрадиционное преступление», формирование принципа невыдачи политических правонарушителей, акцентируется внимание на правовой регламентации и практике применения этого принципа к лицам, обвиняемым в совершении актов терроризма. Исследуется юридическая природа транснационального преступления, формулируется понятие транснациональной криминализации; анализируются международно-правовые нормы, содержащие конвенционное определение транснационального организованного преступления, а также международно-правовые стандарты криминализации правонарушений; рассматриваются процесс и перспективы принятия всеобъемлющей антитеррористической конвенции; высказываются предложения, направленные на достижение концептуальной четкости и согласованности понятий «терроризм» и «террористические преступления»; исследуются формирование международного антитеррористического финансового режима и его превентивное значение. Особое внимание уделено международному преступлению *stricto sensu*, которое появилась как категория, связанная с международной юстицией. Нюрнбергским и Токийским прецедентами международное право реализовало свою собственную конструкцию международного преступления, обнаружив способность криминализировать деяние, не являющееся преступлением по национальному праву. В работе подробно исследуются доктринальные и практические аспекты развития концепции международного преступления *stricto sensu* как основания уголовной ответственности индивида по международному праву; выделены и описаны его модификации («нюрнбергская», «постнюрнбергская», «гагская» и «римская»). Сформулированы предложения, направленные на правовое обеспечение эффективности международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, имплементацию международных стандартов уголовного права и правосудия.

Бондаренко Н. А. Проблемы ответственности за морской терроризм и пиратство / Н. А. Бондаренко // сборник «Актуальные проблемы государства и права», Вып. 3. – О.: Юрид. лит., 1996. – С. 83-86.

В статье рассматривается проблема морского терроризма и пиратства. Автор указывает, что социально-экономические факторы привели к возрождению такого общественно-опасного посягательства как пиратство, и его разновидности – морского терроризма (С. 83).

Криминологическая характеристика пиратства и морского терроризма определяется их количественным и качественным ростом. Мировые масштабы

морского терроризма и пиратства характеризуются резким увеличением их численности, в том числе и в отношении судов Украины, ростом причиняемого ущерба, расширением географии и масштабов преступной деятельности, использованием последних достижений современной техники для обеспечения вооруженности, организационным характером и преступным профессионализмом поведения виновных (С. 84).

Автор подчеркивает, что международно-правовые нормы применяются к соответствующим уголовно-правовым отношениям именно посредством их трансформации, то есть преобразования в нормы внутригосударственного законодательства (С. 85).

В статье сделан вывод, что отсутствие специальных норм не акцентирует внимания на значимость борьбы с ними, не охватывает воедино всех признаков этих преступлений, не отражает посягательство на безопасность морского судоходства. Посягательство на безопасность мореплавания позволяет определить место норм об ответственности за морской терроризм и пиратство в системе. Такие нормы должны самостоятельно устанавливать ответственность за терроризм на море и пиратство. Совпадение некоторых объективных признаков этих преступлений не ликвидирует имеющихся в них существенных различий (С. 86).

Бондаренко Н. А. Международные и уголовно-правовые нормы о действии закона в пространстве / Н. А. Бондаренко // сборник «Актуальные проблемы государства и права», Вып. 18. – О.: Юрид. лит., 2003. – С. 780-785.

Статья посвящена международным и уголовно-правовым нормам о действии закона в пространстве. Автор обращает внимание на то, что преступления, совершаемые на территории государства, подлежат юрисдикции этой страны. Если преступление совершено на иностранном торговом судне, находящемся в территориальных водах Украины, ответственность наступает по украинскому уголовному законодательству (С. 780).

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., исходя из этого правила, устанавливает ограничения, признавая, что в случаях совершения преступления на иностранном судне, пребывающем в территориальных водах другого государства, без захода в его порты, его виновный и потерпевший являются гражданами государства флага судна, то действует в применении Закона приоритет такого государства (С. 780).

Автор отмечает, ранее действующая конвенция об Открытом море 1958 г. предусматривала уголовную юрисдикцию прибрежного государства в отношении иностранных судов, пребывающих в территориальных водах.

Практически, если иностранное судно следовало через территориальные воды другого государства без захода в его порты, то уголовная юрисдикция не осуществлялась (С. 781).

Если государство, на территории которого совершено преступление, не привлекло к ответственности виновного, такое лицо подлежит ответственности по принципу гражданской принадлежности.

Государство в некоторых случаях практически игнорирует привлечение к ответственности иностранцев на основе принципа территориальности, поэтому учетом обязательности уголовной ответственности за совершенное преступление она должна наступать по принципу гражданства.

Международным принципом применения уголовного закона является выдача преступника с учетом его гражданской принадлежности, если такое лицо не привлечено к уголовной ответственности по принципу территориальности.

Бондаренко Н. А. подчеркивает, что международные соглашения, в частности конвенции о борьбе с захватом и угоном воздушных судов, допускают привлечение к уголовной ответственности по законам страны пребывания преступника или его безусловной выдаче. Ряд стран, особенно те, которые по конституциям допускают наличие двойного гражданства (бипатриды), предусматривают возможность ответственности в любой из этих стран по месту нахождения преступника (С. 784).

В итоге автор пришел к выводу, что действует два принципа – универсальный и реальный. Но эти два принципа необходимо отличать. Если универсальный принцип, основываясь на международных соглашениях, заключаемых в том, что все лица, иностранцы, лица без гражданства, проживающие постоянно в Украине, подлежат ответственности за преступления, предусмотренные международными конвенциями, то реальный принцип предполагает ответственность таких лиц в Украине за совершение за ее пределами особо тяжких преступлений против прав и свобод граждан Украины, т. е. реальный принцип содержит меньше «международного» элемента. Но оба указанных принципа отражают стремление нашего государства защитить права и свободы граждан Украины, интересы государства от преступных посягательств даже тогда, когда они совершаются на территории других государств. Оба принципа, в конечном счете, основываются на общепринятых нормах международного права (С.785).

Дремина-Волок Н. В. Международная уголовная ответственность за геноцид: анализ прецедентной практики международного трибунала по бывшей Югославии / Н. В. Дремина-Волок // сборник «Актуальні проблеми європейської інтеграції», Вып. 3. – 2008. – С. 156-161.

В статье рассматривается Международная уголовная ответственность за геноцид: анализ прецедентной практики международного трибунала по бывшей Югославии. Автор отмечает, что обширная территория Югославии стала очагом человеческого страдания – страдания людей разных национальностей (С. 397).

Как отмечает Н. В. Дремина-Волок, в конкретных условиях бывшей Югославии учреждение Советом международного трибунала и судебное преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, способствовали бы восстановлению и поддержанию мира, и действуя на основании Главы VII Устава Организации Объединенных Наций, Совет Безопасности в своей исторической резолюции № 827 от 25 мая

1993 г. постановил «учредить Международный трибунал с единственной целью судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии в период с 1 января 1991 г. и по дату, которая будет определена Советом Безопасности после восстановления мира, и утвердить для этого Устав Международного трибунала (С. 397-398).

Автор отмечает, что геноцид является тягчайшим международным преступлением, которое не должно оставаться безнаказанным. Согласно Уставу, геноцидом названы следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в) умышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. Как видим, содержащееся в Уставе определение геноцида воспроизводит дефиницию, содержащуюся в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. Геноцид, вне всякого сомнения, является преступлением против общего международного права (С. 398-399).

По мнению автора, для того, чтобы противоправные деяния могли быть квалифицированы как геноцид, необходимо, во-первых, установить дискриминационную природу действий виновного, и, во-вторых, цель уничтожения идентифицированной группы, тотального или частичного.

Дискриминационная природа действий, образующих геноцид, предполагает, что преступник обращает эти действия против лиц, принадлежащих к группе, которую он стремится уничтожить. Коллективная жертва преступления геноцида – человеческая группа. Преступление направлено не только против большого или меньшего количества людей, но и против группы, которая является окончательной целью и жертвой этого тягчайшего преступления (С. 400).

Автор указывает, что понятие «геноцид» охватывает только те действия, обозримое или вероятное последствие которых – полное или частичное разрушение группы (С. 402)

Таким образом, автор отмечает, что специфика субъектной стороны рассматриваемого вида международно-правовых преступлений выражается в специальном намерении – «геноцидальном» – намерении, которое придает действиям виновных лиц особый характер, выделяющий геноцид из двух преступлений против международного гуманитарного права и общеуголовных преступлений. Геноцидальное намерение может быть проявлено в двух формах. Во-первых, оно может заключаться в желании истребления очень большого количества членов группы – массовое уничтожение; во-вторых, оно может выражаться в стремлении уничтожить ограниченное число людей, отобранных

для оказания воздействия, имеющего существенное значение для выживания группы – «выборочное» уничтожение (С. 403).

Автор пришел к выводу, что практика Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии оказала большое влияние на формирование четких элементов понятия «геноцид» как преступления, являющегося основанием для привлечения индивида к ответственности органами международной уголовной юстиции.

Международная юстиция помогает прервать бесконечный цикл мести и насилия. Она способна содействовать тому, чтобы международные преступления не оставались безнаказанными. Когда национальная система функционирует неэффективно, международное сообщество не может безучастно смотреть на грубейшие нарушения прав человека и должно положить конец повсеместной безнаказанности (С. 406).

Дремина-Волок Н. В. Юрисдикционный режим международных уголовных судов: понятие и перспективы развития / Н. В. Дремина-Волок // сборник «Актуальні проблеми політики», Вып. 30. – 2007. – С. 186-192.

Автор отмечает, что юрисдикция является одной из центральных категорий международного уголовного права. Традиционно понятие «юрисдикция» тесно связано с понятием «суверенитет» и нередко трактуется как равнозначное ему (С. 186).

Как указывает Н. В. Дремина-Волок, юрисдикция рассматривается в двух аспектах: широком и узком. В широком понимании, юрисдикция рассматривается как право каждого государства создавать национальное законодательство и обеспечивать его исполнение. Это право реализуется тремя способами относительно к трем отраслям государственной власти.

В узком значении термин «юрисдикция» издавна отождествляется как судебная юрисдикция (С. 197).

По мнению автора, юрисдикция, в том числе юрисдикция международных уголовных судов, имеет несколько параметров, соответственно к ним относят такие виды: 1) предметную – *ratione materiae* (при обстоятельствах, связанных с предметом рассмотрения); 2) пространственную – *ratione loci* (при обстоятельствах, связанных с местом); 3) временную – *ratione temporis* (при обстоятельствах, связанных со временем); 4) персональную – *ratione personae* (при обстоятельствах, связанных с субъектами).

Понятие «уголовная юрисдикция» является категорией и национального и международного права. Международно-правовая интерпретация понятия юрисдикции международного судебного органа не ограничивается вопросами между его компетенцией. Нормативный комплекс, который регламентирует правовые основания юрисдикции, условия и порядок его осуществления, предметную, пространственную, временную, персональную границы юрисдикции и другие юридические аспекты применения и деятельности международного уголовного суда, может быть назван юрисдикционный режим данного суда (трибунала) (С. 188).

Как отмечает Н. В. Дремина-Волок, в основе идеи международной уголовной юрисдикции лежит извечное стремление человека и человечества к миру и справедливости. Путь к миру через торжество справедливости и путь к справедливости с помощью установления мира определяют непрерывное развитие этой идеи, несмотря на, казалось бы, неодолимые препятствия, которые возникают вследствие политических событий и научных догм. Когда национальная система функционирует неэффективно и не может надлежащим образом принимать меры в ответ на злодеяния, причиненные в пределах ее юрисдикции, международное сообщество не может безразлично смотреть на системные и широкомасштабные нарушения прав человека. Оно должно взять на себя ответственность за защиту мирных жителей и положить конец повседневной безнаказанности. Необходимо бороться с «культурной безнаказанностью», обеспечивать отправление справедливого и беспристрастного правосудия относительно лиц, подозреваемых в совершении преступления против человечества. Это является несомненным и весомым вкладом в процесс возобновления мира (С. 190).

В итоге автор пришел к выводу, что сегодня как никогда чувствуется острая проблема в функционировании судебных органов, которые имеют международную уголовную юрисдикцию. Международная уголовная юстиция помогает прервать неоконченный цикл мести и насилия. Она способна содействовать тому, чтобы международные преступления не оставались безнаказанными, и, по возможности, предотвращались или неотложно останавливались. Украина не должна оставаться в стороне от усилий, которые осуществляет всемирное сотрудничество. Признание юрисдикции Международного уголовного суда – путь к полноправному участию в осуществлении международного правосудия и в тоже время дополнительный стимул для соблюдения общепризнанных международных стандартов и принципов содействия правосудия. Для устранения правовых препятствий к ратификации Украиной Римского Статута Международного уголовного суда и создания предисловия для сотрудничества со всеми легитимно основанными международными судебными органами, которые имеют уголовную юрисдикцию, целесообразно, на наш взгляд, дополнить Конституцию Украины такими положениями: «Украина может признать юрисдикцию Международного уголовного суда, основанного Римским Статутом Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года, и также другими органами международной уголовной юстиции, основанных соответственно на международном праве». В случае ратификации Украиной Римского Статута Международного уголовного суда целесообразно принять Закон Украины «О сотрудничестве с Международным уголовным судом и другими органами международной уголовной юстиции», который регламентировал бы, среди прочего, порядок принятия решений о передаче ситуации Международному уголовному суду, признания юрисдикции другого органа международной уголовной юстиции, приношения протеста против юрисдикции Международного уголовного суда, исполнение поручения Международного уголовного суда и других органов международной уголовной юстиции, которое включает арест

и предоставление в их распоряжение лиц, которые находятся под юрисдикцией Украины (С. 191-192).

Буроменский М. Некоторые суждения о понятии международного уголовного права / М. Буроменский // сборник «Вісник академії правових наук України», 2003. – С. 359-370.

Последнее время интерес к международному уголовному праву существенно возрос во всем мире. Этот термин все чаще встречается как в отечественных, так и зарубежных исследованиях (С. 359).

Автор отмечает, что в науке международного права обозначилась тенденция рассматривать международное уголовное право как чрезвычайно широкое явление, которое охватывает почти все международно-правовое сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. Такой подход, явно, требует некоторых критических комментариев (С. 360).

М. Буроменский подразделяет международное уголовное право на несколько этапов.

1) *Зарождение международного сотрудничества в борьбе с преступностью.*

Автор указывает, что международное сотрудничество по правовым вопросам, неотъемлемой частью которого является сотрудничество в борьбе с преступностью, относится к истории древнего мира и первично было связано с необходимостью защиты права собственности и борьбы с очень ограниченным кругом преступлений (С. 360).

Как утверждает М. Буроменский, важнейшие предисловия международного сотрудничества в борьбе с преступностью в его современном понимании начали зарождаться в странах Европы со второй половины XVII ст. Именно в этот период вместе со становлением государственного суверенитета возникают и его важнейшие атрибуты, что существенно влияет на формирование в XVIII – XIX ст., основные направления в международно-правовом сотрудничестве по борьбе с преступностью – правовой помощи в уголовных делах и унификации уголовного законодательства государств (С. 360-361).

2) *Возникновение международного сотрудничества в области правовой помощи в уголовных делах.*

Автор считает, что государства вовсе не готовы унифицировать свои уголовные законы в условиях становления своего государственного суверенитета как в конце VII, так и в XIX ст. – международно-правовая доктрина на деле намного опережала готовность политиков и возможность практики. Наиболее приемлемые на тот период были такие формы международного сотрудничества, которые сохраняли для государства широкие области суверенного рассмотрения (это был период расцвета абсолютизма государственного суверенитета) в настолько деликатной сфере, как борьба с преступностью (С. 361).

Как указывает автор, именно на основании развития принципов пространственного действия уголовного закона (в основе которых лежит идеоло-

гия государственного суверенитета) государства расширили пространственное действие своего уголовного закона относительно своих подданных (граждан), которые совершили преступление за границей. Очевидный отход государств от права какого-нибудь сюзерена наказывать преступника, что существовало в средневековье, требовало изготовления таких правовых процедур, использования которых разрешало бы обеспечить пространственное действие уголовных законов. Договоры про экстрадицию были более расширены в XIX – в начале XX ст. и не потеряли своего значения в современных межгосударственных отношениях (С. 361-362).

3) *Возникновение международного сотрудничества касательно унификации уголовного законодательства.*

Автор указывает, что другим важнейшим последствием государственного суверенитета, который оказал существенное влияние на международно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью, стало закрепление в государственном (конституционном) праве принципа невыдачи иностранному государству собственных подданных (граждан). Этот принцип имеет, прежде всего, европейское происхождение. Со временем его взяли за основу и начали применять почти все государства (С. 362).

Это направление исторически развивалось намного медленнее, поскольку касалось необыкновенно деликатной сферы государственного суверенитета – формирование уголовно-правовой политики, которую государства традиционно относили к своей исключительно внутренней компетенции. Именно в договорах про унификацию уголовного законодательства укрепилась в те годы идеология международного уголовного права (С. 362).

Буроменский М. считает, что основная часть действующих на сегодня международных договоров про унификацию уголовного законодательства заключалась во второй половине XX ст. Они, как и договоры про экстрадицию, в наше время претерпели определенные изменения. В частности, во все договора про унификацию уголовного законодательства начали включать норму о невыдаче, а иногда – норму о сотрудничестве следственных органов (С. 363).

4) *Развитие доктрины международного уголовного права*

По мнению автора, основное внимание было сосредоточено не на том, какое государство имеет право наказывать преступника, а на неотвратимости самого наказания. При этом какое-либо преступление рассматривается как такое, которое естественно покушается на общий мировой правопорядок. Значение внутреннего правопорядка отдельных государств как самостоятельных сводилось к минимуму. Именно на первый план выдвигается идея полной унификации уголовного законодательства государств на основе международного уголовного кодекса и провозглашения международной уголовной юрисдикции (С. 363).

Автор делает вывод, что на деле унификация уголовного законодательства государств является очень далекой от совершенства. Например, в Украине, России, Польше и Франции и многих других государствах в среднем лишь около 10 % составов преступления, закрепленных в уголовных кодексах, сфор-

мулировано на основе аналогов с международных договоров. Государства к такой унификации пока не готовы, хотя существенное движение в этом направлении, безусловно, сохраняется. В то же время в доктрине концепция международного уголовного права опять приобретает значительное количество поклонников (С. 364).

5). *Международное уголовное право: современная доктрина и практика*

Как указывает автор, что сегодня возникает возможность говорить о формировании международного уголовного права. Международное уголовное право нужно рассматривать как совокупность международно-правовых норм, которые устанавливаются на данном этапе по развитию преступности и наказания более серьезных и таких, которые вызывают обеспокоенность всего международного сообщества, посягательств на международный мир, международную безопасность, человечество. С целью решения этого задания в международном уголовном праве определено деяние, что есть преступлениями, устанавливает наказания, которые подлежат применению к лицам, которые совершили такие преступления, и также определены международные органы, которые осуществляют международную уголовную юрисдикцию (С. 365).

Буроменский М. считает, что под международной уголовной юрисдикцией нужно понимать право международных судебных органов согласно со своей компетенцией рассматривать и решать уголовные дела. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью не порождает международной уголовной юрисдикции, а только определяет особенности национальной юрисдикции в условиях, оговоренных в международных договорах. Первым правовым актом, который закрепляет возможность применения международной уголовной юрисдикции, был Статут Нюрнбергского военного трибунала (С. 366).

б) *Международное сотрудничество по борьбе с преступностью или международное уголовное право?*

По мнению автора, такая постановка вопроса возникает в связи с тем, что идея международного уголовного права нередко, по сути, поднимает собой международное сотрудничество в борьбе с преступностью (С. 366).

Как считает автор, такой подход является широким и ведет к смешиванию собственно международного уголовного права с международным сотрудничеством в борьбе с уголовной преступностью, в конечном результате и с национальным уголовным правом. Особенно четко это видно в определении предмета отрасли международного уголовного права, которое предлагается авторами учебного пособия «Международное уголовное право»: становления ответственности субъектов международного права и наказания лиц, виновных в совершении международных преступлений и преступлений международного характера, а также общеуголовных преступлений, что нарушают установленный международным сотрудничеством и отдельными государствами правопорядок, как на основе международных соглашений, так и с помощью национальных правовых систем» (С. 367).

Буроменский М. считает, что этого делать нельзя, поскольку фактически желаемое выдается за действительное (С. 367).

Автор утверждает, что особенностью договоров об унификации уголовного законодательства является то, что:

- они имеют, прежде всего, координационный характер;
- они не предназначены для использования международными судебными органами;
- их цель – содействовать сближению национальных уголовных законов в борьбе с некоторыми более безопасными преступлениями;
- нормы этих договоров непосредственно не предназначены для квалификации деяний как преступных;
- главное задание этих договоров – сформулировать более содержательную модель состава преступления, с учетом которой в национальном законодательстве будет проведена имплементация;
- какой-нибудь из этих договоров является факультативным. Не существует международно-правовой нормы, которая обязывает укладывать международные договора про унификацию уголовного законодательства;
- ни один из таких договоров не касается самого важного вопроса о видах и мерах наказания, предоставляя право руководствоваться в этом вопросе правосознательностью, что граничит с произволом (С. 368).

По мнению автора в мире сохраняется широкая отрасль международно-правового сотрудничества в борьбе с преступностью. Эта отрасль сотрудничества постоянно возрастает за счет проявления государствами интереса к расширению мер противодействия тем или иным преступным проявлениям. В тоже время некоторые виды преступления не рассматриваются как такие, которые посягают на международную безопасность или связанные с обеспечением внутренней безопасности государств, и поэтому бороться с ними остается в сфере исключительно внутренней компетенции государств. То же самое можно сказать и про такие специфические преступления, как шпионство, разглашение сведений, которые составляют государственную тайну. Пока существует государство, тяжело представить себе, что все государства начнут сотрудничать в борьбе с такими преступлениями. Хотя в рамках интегрированных, подобных конфедераций, сотрудничество это возможно (С. 369).

Как указывает автор, интересным является еще один аспект влияния международного права на национальное уголовное право. Этот аспект может быть оценен как составляющая международно-правового регулирования национальных уголовно-правовых отношений на региональном уровне. И это, очевидно, тоже может быть отнесено к международному уголовному праву (с.369).

Итак, на вопрос, что же сегодня существует: международное сотрудничество в борьбе с преступностью или международное уголовное право, есть один ответ: происходит равномерное развитие обеих известных направлений международного сотрудничества в рамках более общего международно-правового сотрудничества по правовым вопросам (С. 370).

ПРОЕКТ ПОДГОТОВКИ БИБЛИОГРАФИИ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ

В связи с недостаточным уровнем обмена литературой в области международного гуманитарного права между государствами, входившими ранее в состав СССР и для интенсификации контактов между учеными и практиками в этой области, кафедра международного права и сравнительного правоведения Института национального и международного права Международного гуманитарного университета (Одесса) предлагает подготовить и издать библиографию по международному гуманитарному праву с 1991 г. по всем бывшим Советским республикам.

Основной принцип формирования библиографии – национальный. В национальный список включаются все публикации по международному гуманитарному праву, изданные в определенном государстве и публикации авторов из этого государства. На основе этих списков будет формироваться общая библиография.

Предлагаем присылать списки публикаций:

на электронный адрес: IHL-bibl@mail.ru

почтой по адресу: 65059, Украина, Одесса-59, а/я 424, Короткому Т. Р.

тел. + 380 482 795-91-60; + 380 482 719-88-49.

Просим дополнительно присылать:

- сведения об авторах (ученая степень и звание, место работы, адрес, телефон);
- основные сведения о специализированных изданиях по международному праву (название, адрес и телефон редакции);
- информацию об ассоциациях по международному праву и международному гуманитарному праву по государствам с координатами.

ПЛАНИРУЕМАЯ СТРУКТУРА БИБЛИОГРАФИИ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ

Раздел 1. По отдельным государствам, в алфавитном порядке. Критерии – национальный и территориальный. Публикации автора, работающего в определенном государстве, где бы и на каком бы языке он не издавался и издания на территории государства.

Раздел 2. Общий алфавитный список.

Раздел 3. Общий предметный список.

Раздел 4. Общий список авторов в алфавитном порядке. Было бы интересно со сведениями об авторах.

Раздел 5. Список периодических изданий по государствам с координатами.

Раздел 6. Список ассоциаций международного права и международного гуманитарного права по государствам с координатами.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ

Общая координация:

Обобщение информации и обработка, редактирование, подготовка к изданию – директор Института национального и международного права Международного гуманитарного университета, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, к. ю. н. Короткий Тимур Робертович и преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения Ладыненко Альбина Павловна.

Основной язык – русский. Библиографическая карточка на языке оригинала. Если язык публикации не русский или не английский, обязателен дополнительный перевод на русский: ФИО автора и названия статьи для размещения в предметном списке.

БИБЛИОГРАФИЯ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ

Составитель:

Короткий Тимур Робертович, к. ю. н., директор Института национального и международного права Международного гуманитарного университета, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения.

Абашидзе, А. Х. Как в СНГ применяются нормы международного гуманитарного права // Моск. журн. междунар. права. – 1999. – № 3.

Абашидзе, А. Х. Защита населения в постконфликтный период // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 15–17.

Аби-Сааб, Р. Гуманитарное право и внутренние конфликты. Истоки и эволюция международной регламентации / МККК. – М., 2000.

Абпланальп, Ф. Международные конференции Красного Креста – фактор развития международного гуманитарного права и сплоченности Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца // Междунар. журн. Красного Креста. – 1995. – № 6. – С. 637–671.

Аваков, М. М. Разрядка международной напряженности и проблемы запрещения нейтронного оружия / М. М. Аваков [и др.]. – М., 1978.

Акави, Диб. Проблемы международно-правового статуса населения в условиях длящейся оккупации: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. – К., 1993.

Алешин, В. В. Понятие и противоправность наемничества // Моск. журн. междунар. права. – 1998. – № 3. – С. 60–73.

Алешин, В. В. Правовое регулирование вооруженных конфликтов немеждународного характера // Моск. журн. междунар. права. – 1998. – № 2.

Алешин, В. В. Правовое положение интернированных лиц и их собственности // Моск. журн. междунар. права. – 1999. – № 2.

Алешин, В. В. Особенности вооруженного конфликта немеждународного характера (теоретико-правовой анализ) // Государство и право. – М.: Наука. – 2006. – № 2. – С. 100–104.

Алешин, В. В. Правовое регулирование вооруженных конфликтов и его роль в обеспечении безопасности Российской Федерации: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. – М., 2007.

Алешин, В. В. Правовые основы режима контртеррористической операции // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 171–178.

Альберто Гваделупе Фернандеш де Кастро. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов // Московский журнал международного права. – Январь-март 2000. – № 1.

Альберто Гваделупе Фернандеш де Кастро. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Москва, 1999.

Аманжолов, Ж. М. Запрещение химического и биологического оружия: Достижения и проблемы в аспекте международного права и внешнеполитической деятельности Республики Казахстан // Гос. и право. – 2002. – № 5. – С. 62–66.

Амиров Р. З. Некоторые вопросы правового регулирования деятельности вооруженных сил в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – Уфа: Изд-во Уфим. юрид. ин-та МВД России. – 2003. – № 1. – С. 59–63.

Ампеева Е. Е. Некоторые актуальные вопросы реализации норм международного гуманитарного права / Е. Е. Ампеева, М. С. Огородников // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 24–32.

Андреу-Гусман, Ф. Рабочая группа ООН по борьбе с насильственными исчезновениями // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2002. – С. 93–109.

Антонович, М. Міжнародне гуманітарне право у контексті міжнародних прав людини / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 84–87.

Анцелевич, Г. Проблемы международно-правовой охраны человеческой жизни на море в условиях активизации пиратства и морского терроризма / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 64–70.

Апраксин, П. Международное гуманитарное право и право прав человека: сходства, различия, взаимодополняемость / <http://zakon.rin.ru/cgi-bin/view.pl?midr=528&id=618&npage=3&pagein=1>

Аптель, С. О Международном уголовном трибунале по Руанде // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 19. – С. 781–792.

Арцибасов, И. Н. Международное право (законы и обычаи войны). – М., 1975.

Арцибасов, И. И. Основные положения международного права (военные аспекты) / И. И. Арцибасов, В. П. Серегин // Военное право: учебник для воен. академий. – М., 1984.

Арцибасов, И. Н. Вооружённый конфликт, право, политика и дипломатия / И. Н. Арцибасов, С. А. Егоров. – М., 1989.

Базов, В. П. Право війни: Порадник для командного складу Збройних Сил України. – К., 1997.

Базов, В. П. Актуальні проблеми міжнародного гуманітарного права. Мир і стабільність гарантуватиме тільки колективна безпека // Народна армія. – 2000. – 12, 19, 26 січ., 2 лют.

Базов, В. Загальна характеристика чинного законодавства щодо кримінальної відповідальності за порушення законів та звичаїв війни (воєнні злочини) // Укр. часопис міжнар. права. – 2003. – № 4. – С. 100–105.

Базов, В. Историчний нарис кодифікації правових норм кримінальної відповідальності за порушення законів та звичаїв війни (воєнні злочини) / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 28–46.

Баймуратов, М. Международное гуманитарное право и его имплементация в законодательство Украины / М. Баймуратов, Д. Гараджаев // Юрид. вестник. – 1998. – № 4. – С. 111–118.

Баймуратов, М. А. Международное гуманитарное право: метод. указ. / ОНЮА. – О.: Юрид. лит., 2000.

Баймуратов, М. О. Тероризм у міжнародному гуманітарному праві / М. О. Баймуратов, С. В. Максименко // Актуальні проблеми держави та права: зб. наук. пр. – О.: Юрид. літ., 2000. – Вип. 8. – С. 53–62.

Баймуратов, М. А. Имплементация норм международного гуманитарного права: теоретические и прикладные проблемы // Актуальні проблеми політики: зб. ст. – 2003. – Вип. 17. – С. 27–42.

Баймуратов, М. О. Захист жінок та дітей в умовах екстремальних ситуацій: досвід концептуального дослідження // Актуальні проблеми держави та права: зб. наук. пр. – О.: Юрид. літ., 2003. – Вип. 18. – С. 442–447.

Бакаев, Л. К. Международное гуманитарное право: учеб. пособие / Л. К. Бакаев, А. М. Шкут. – Алма-Ата, 1997.

Балан, О. И. История и необходимость создания Международного уголовного суда // Моск. журн. междунар. права. – 2004. – № 2.

Бальги-Галлуа, А. Защита журналистов и средств массовой информации во время вооруженного конфликта // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2004. – № 853. – С. 5–42.

Баскин, Ю. Я. История международного права / Ю. Я. Баскин, Д. И. Фельдман. – М.: Междунар. отношения, 1990.

Батырь, В. А. Международно-правовая регламентация применения средств ведения вооруженной борьбы в международных вооруженных конфликтах // Гос. и право. – 2001. – № 10. – С. 63–75.

Батырь, В. А. Психологические факторы имплементации норм международного гуманитарного права в военном законодательстве Российской Федерации // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 172–190.

Бачино–Астрада, А. Права и обязанности медицинского персонала в вооруженных конфликтах / МККК. – М., 1995.

Бекашев, К. А. Индивидуальная уголовная ответственность за нарушения МГП и развитие российского законодательства // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 11–14.

Белов, А. В. Мигранты как жертвы международных вооруженных конфликтов и проблемы их правовой защиты // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 164–171.

Белогубец, К. Н. Конфликт немеждународного характера в международном праве: пример Чечни // Международное гуманитарное право в современном мире. Статьи и документы: Материалы Международной научно-практической конференции 15-16 ноября 2002 г. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ. – 2004. – С. 63-66.

Белый, И. Ю. Тенденции развития международной уголовной юстиции: Специальный суд по Сьерра-Леоне / И. Ю. Белый, И. С. Ложников // Моск. журн. междунар. права. – 2003. – № 1.

Бирюков, П. Н. Международное право. – М.: Юристъ, 1998.

Блищенко, И. П. Запрещение применения обычного оружия и международное гуманитарное право // Сов. ежегодник междунар. права. 1982. – М.: Наука, 1983.

Блищенко, И. П. Обычное оружие и международное право. – М.: Междунар. отношения, 1984.

Блищенко, И. П. Принятие Дополнительных протоколов 1977 г. // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 18. – С. 592–595.

Блищенко, И. П. Международный уголовный суд / И. П. Блищенко, И. В. Фисенко. – М.: ЮНИТИ, 1998.

Блондель, Ж. Л. Сотрудничество между национальными обществами и МККК: необходимое и взискательное партнерство // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 21. – С. 239–247.

Блондель, Ж. Л. Роль МККК в деле предупреждения вооруженных конфликтов: возможности и их пределы // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – М., 2001. – С. 161–185.

Блондель, Ж. Л. Глобализация: подход к феномену и последствия для гуманитарной деятельности // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2004. – № 853. – С. 89–100.

Богданов, О. В. Запрещение оружия массового уничтожения. – М.: Междунар. отношения, 1985.

Богуславский, М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. – М., 2005.

Боков, О. Право війни: Порадник для командного складу Збройних Сил України. – К., 1996.

Бондар, О. М. Міжнародний трибунал по військових злочинах як постійно діючий орган // Актуальні проблеми політики. – 2002. – Вип. 13–14. – С. 660–668.

Борі, Ф. Виникнення та розвиток міжнародного гуманітарного права / МКЧХ. – Женева, 1982.

Бори, Ф. Возникновение и развитие международного гуманитарного права / МККК. – Женева, 1994.

Борубашов, Б. И. Выполнение норм МГП Кыргызской республикой // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 222-230.

Бретт, Р. Неправительственные правозащитные организации и международное гуманитарное право // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1998. – № 22. – С. 639–646.

Буасье, А. Первые годы Красного Креста. – М., 1994.

Бувье, А. Защита природной среды во время вооруженного конфликта // *Защита окружающей среды в международном гуманитарном праве: сб. ст. / МККК*. – М., 1995.

Бувье, А. Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала: изложение и анализ // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1995. – № 7. – С. 778–811.

Будник, Я. В. Система уголовного преследования индивидов за нарушения норм международного гуманитарного права // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 140–144.

Буткевич В. Г. Міжнародне право. Основні галузі: підручник / В. Г. Буткевич, В. В. Мицик, О. В. Задорожній; за ред. В. Г. Буткевича. – К.: Либідь, 2004.

Буше–Сольнье, Ф. Практический словарь гуманитарного права. – М., 2004.

Бэризовил, Э. Прививать молодому поколению уважение к человеческому достоинству: Роль Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 17. – С. 411–430.

Бюншон, Ф. Эмблемы Красного Креста и Красного Полумесяца: Правовая защита эмблем Красного Креста и Красного Полумесяца // *Правила по использованию эмблемы Красного Креста и Красного Полумесяца национальными обществами: сб. ст.* – М., 1995.

Бюншон, Ф. Право Красного Креста // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1995. – № 6. – С. 602–636.

Бюншон, Ф. На заре XXI // *Моск. журн. междунар. права*. – 1997. – № 4. – С. 81–87.

Бюншон, Ф. Международный комитет Красного Креста и Советский Союз (1917 – 1991) / МККК. – М., 1998.

Бюншон, Ф. Справедливая война и агрессивная война // *Моск. журн. междунар. права*. – 1998. – № 4. – С. 125–140.

Бюншон, Ф. Право Женевы и право Гааги // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2001. – С. 137–159.

Бюншон, Ф. Справедливая война и агрессивная война // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2002. – С. 205–233.

Бюншон, Ф. Становление правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2004. – С. 5–17.

Бюншон, Ф. Международный Комитет Красного Креста и защита жертв войны / МККК. – М., 2005.

Бюншон, Ф. Обычное международное гуманитарное право // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 15–65.

Васильев, В. А. Международное сотрудничество Украины в сфере разоружения и контроля над вооружениями // Підприємництво, господарство і право. – 2001. – № 6. – С. 93–97.

Валитова, Р. Р. Проблемы имплементации международного права (на примере норм гуманитарного права применительно к вооруженным конфликтам немеждународного характера) // Формирование российской правовой культуры в период становления рыночной экономики. Сборник статей и тезисов Международной межвузовской конференции аспирантов и студентов (МГЮА, 2-3 апреля 2004 г.). – М.: Изд-во МГЮА. – 2004. – С. 105-108.

Варданян, В. Л. Правовые позиции Конституционного суда Республики Армения по вопросу конституционности обязательств, закрепленных в Статуте Международного уголовного суда и некоторые правовые проблемы, связанные с возможностью его ратификации Республикой Армения // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 197-210.

Ведение боевых действий: сб. Гаагских конвенций и иных соглашений / МККК. – Женева, 1995.

Вембу, Д. Международный уголовный трибунал по Руанде: Роль Суда в современной африканской действительности // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 19. – С. 793–804.

Вилья, С. М. Философия международного права: Суарес, Гроций и эпигоны // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 18. – С. 625–642.

Волова, Л. И. Взаимосвязь международного терроризма с нормами международного гуманитарного права // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 104-111.

Вооруженные конфликты и семейные связи / МККК. – Женева, 1997.

Выполняя решения Международной конференции по защите жертв войны (1993 г.): Руководящие принципы для военных уставов и инструкций об охране окружающей среды в период вооруженных конфликтов // Междунар. журн. Красного Креста. – 1996. – № 9. – С. 237–245.

Гамурарь, Г. Гуманитарные интервенции, операции ООН по поддержке мира и соблюдение международного гуманитарного права / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 71–79.

Гамурарь, В. Современные тенденции в определении ответственности действующих должностных лиц за международные преступления // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 83–99.

Гардам, Джудит. Женщины, права человека и международное гуманитарное право // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 2. – С. 505–519.

Гассер, Х.–П. Международно-правовые нормы, применяемые во время военных действий, и некоторые уроки, извлеченные из недавних конфликтов // Моск. журн. междунар. права. – 1994. – № 3. – С. 28–37.

Гассер, Х.-П. Защита журналистов в опасных командировках. Международное гуманитарное право и деятельность журналистов / сост. А. Моду; МККК. – М., 1994.

Гассер, Х.-П. Добиться принятия государствами гуманитарных договоров // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1997. – № 18. – С. 615–624.

Гассер, Х.-П. Международное гуманитарное право. Введение / МККК. – 2-е изд. – М., 1999.

Гассер, Х.-П. Запрет на акты террора в международном гуманитарном праве / МККК. – 2-е изд. – М., 2000.

Гассер, Х.-П. Террористические акты, «терроризм» и международное гуманитарное право // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2002. – С. 235–268.

Гийар, Э.-К. Возмещение ущерба в случае нарушений международного гуманитарного права // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2003. – С. 265–292.

Гіждіван, Л. Взаємодія міжнародного права прав людини і міжнародного гуманітарного права у сфері покарання злочинців // *Укр. часопис міжнар. права.* – 2003. – № 4. – С. 110–113.

Гіждіван, Л. Ю. Міжнародне гуманітарне право: програма спецкурсу. – Чернівці: Рута, 2005.

Гликман, О. В. Международное гуманитарное право: программа спецкурса / О. В. Гликман, Ю. М. Колосов. – М., 2005.

Глотова, С. В. Юрисдикция Международного уголовного суда в действии // *Рос. ежегодник междунар. права.* 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 32–43.

Гнатовский, Н. Н. Правовые аспекты атак террористов-смертников, рассматриваемые нормами международного гуманитарного права / *Український часопис міжнародного права.* – 2005. – № 2. – С. 57–63.

Гнатовський, Н. Нове народження звичаєвого міжнародного гуманітарного права / *Український часопис міжнародного права.* – 2006. – № 2. – С. 17–22.

Гнатовский, Н. Н. Международная ответственность государства и уголовная ответственность индивида за нарушение норм МГП: соотношение и взаимосвязь // *Рос. ежегодник междунар. права.* 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 99–104.

Голдман, Р. К. Кодификация международных правил, касающихся перемещенных внутри страны лиц: Область, где принимаются во внимание и права человека, и гуманитарное право // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1998. – № 22. – С. 557–562.

Головатенко В. Регулювання військової окупації: міжнародно-правові аспекти / *Український часопис міжнародного права.* – 2006. – № 2. – С. 63–66.

Гольдблат, Ю. Конвенция о биологическом оружии: обзор // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1997. – № 16. – С. 285–304.

Гольцов, С. Д. Применение вооруженной силы государствами как мера превентивной самозащиты *ad hoc* от внешней угрозы / С. Д. Гольцов, Ю. Н. Малеев // Моск. журн. междунар. права. – 2004. – № 4. – С. 45–58.

Гомес, Хавьер Гисандес. Право воздушной войны // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 21. – С. 421–440.

Гончаров, И. В. Защита прав человека в условиях внутренних вооруженных конфликтов // <http://www.k-press.ru/bh/2002/2/rgoncharov/rgoncharov.asp>

Горб Н. Відповідальність за порушення міжнародного гуманітарного права і Кримінальний кодекс України: проблеми та перспективи / Український часопис міжнародного права. – 2006. – № 2. – С. 37–40.

Градицкий, Т. Личная уголовная ответственность за нарушения международного гуманитарного права, применяемого в ситуации немеждународного вооруженного конфликта // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 20. – С. 35–68.

Греппи, Э. Личная уголовная ответственность в международном праве: эволюция понятия // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 1999. – С. 203–229.

Григорьев, А. Г. Международное право в период международных конфликтов. – М.: Воениздат, 1992.

Гринвуд, К. Консультативное заключение относительно ядерного оружия и вклад Международного суда в развитие международного гуманитарного права // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 14. – С. 80–92.

Гринчак, В. А. Притулок у міжнародному праві: автореф. дис.... канд. юрид. наук. – К., 1995.

Грищенко, К. Міжнародний кримінальний суд – універсальний механізм міжнародного карного правосуддя // Укр. часопис міжнар. права. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 9–13.

Гроссридер, П. Есть ли будущее у международного гуманитарного права и его принципов? // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 1999. – С. 5–12.

Гроций, Г. О праве войны и мира. – М., 1994.

Гудвин–Гилл, Г. Статус беженца в международном праве. – М.: ЮНИТИ, 1997.

Гусейнов, Л. Г. Оговорки: необходимость установления особого режима для международных договоров о правах человека // Моск. журн. междунар. права. – 1999. – № 4. – С. 98–105.

Давид, Э. Заключение Международного суда: законно ли применение ядерного оружия // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 14. – С. 26–42.

Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов / МККК. – М., 2000.

Действия Международного Комитета Красного Креста в случае нарушений международного гуманитарного права. – М., 1994.

Действующее международное право. В 3 т. / сост. Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права. – 1999.

Ден, Филипп. Операции МККК, проводимые на местах: проблема безопасности // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1998. – № 21. – С. 407–420.

Денисов, В. Важливий етап розвитку міжнародного гуманітарного права / В. Денисов, В. Белоусов // *Рад. право*. – 1978. – № 12.

Денисов, В. Н. Уважение прав человека в период вооруженных конфликтов // *Международ. сотрудничество государств в области прав человека*. – К., 1987. – С. 166–200.

Денисов, В. Н. Правовые аспекты разоружения в ракетно-ядерную эру. – К., 1990.

Дерман, К. Правовой статус «незаконных и (или) не пользующихся защитой конвенций комбатантов» // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2003. – С. 51–87.

Дети и война: сб. ст. / МККК. – М., 1995.

Деятельность в случае вооруженного конфликта: Руководство для Национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца / Пер. с фр. – Международный Комитет Красного Креста, 1990.

Джапаридзе, Н. Криминализация значительных нарушений международного гуманитарного права в России: проблемы и перспективы // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 253–260.

Дмитриев, А. И. Становление международного гуманитарного права (XIX в. – нач. XX в.). – К., 1998.

Доди, К. В. Женщины в вооруженных конфликтах // *Simposya Studentium. Международный независимый университет Молдовы*. – Кишинэу. – 2004. – С. 47–53.

Доди, К. В. Международно–правовые нормы, касающиеся защиты культурных ценностей: опыт Республики Молдова. Часть 1. / *Право військової сфери*. – 2005. – № 12. – С. 27–29.

Доди, К. В. Международно–правовые нормы, касающиеся защиты культурных ценностей: опыт Республики Молдова. Часть 2. / *Право військової сфери*. – 2006. – № 1. – С. 25–28.

Доди, К. В. Имплементация в Республике Молдова международно–правовых норм, касающихся лиц, пропавших без вести во время вооруженного конфликта / К. В. Доди, А. С. Ковриг // *Український часопис міжнародного права*. – 2006. – № 2. – С. 31–36.

Доди, К. В. Принципы международного гуманитарного права, применимые к вооруженным конфликтам немеждународного характера // *Молдавский журнал международного права и международных отношений*. – Chisinau. – 2008. – № 4. – С. 126–130.

Доди, К. В. Становление нормативной основы применения Женевских конвенций 1949 года к вооруженным конфликтам немеждународного характера // *Актуальні проблеми політики*. – Одеса, 2008. – Вип. 34. – С. 206–213.

Доди, К. В. Правовая квалификация беспорядков внутри страны и ситуаций внутренней напряженности // *Актуальні проблеми держави і права*:

Збірник наукових праць. – Одеса: Юридична література. – 2009. – Вип. 46. – С. 414–421.

Доди, К. В. Ретроспектива разработки и принятия II Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. // Государство и регионы. Серия: Право. – 2009. – № 1. – С. 91–96.

Доди, К. В. Развитие обычных норм международного гуманитарного права, касающихся немеждународных вооруженных конфликтов, трибуналами ad hoc по бывшей Югославии и Руанде. // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия: Право. – 2009. – № 3(85). – С. 82–87.

Доместичи-Мет, М.-Х. 100 лет со дня принятия Гаагских конвенций, 50 лет со дня принятия Женевских конвенций: международное гуманитарное право в период гражданских войн // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 1999. – С. 173–202.

Доронина, И. И. Международный конфликт. – М.: Междунар. отношения, 1981.

Досвальд-Бек, Л. Руководство Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам на море // Междунар. журн. Красного Креста. – 1995. – № 7. – С. 714–728.

Досвальд-Бек, Л. Международное гуманитарное право и Консультативное заключение Международного суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 14. – С. 43–68.

Дремина, Н. А. Международные военные трибуналы: от Нюрнберга до Гааги // Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. – О.: Астропринт, 2001. – Вип. 12. – С. 402–409.

Дремина, Н. В. Международный уголовный суд: проблемы юрисдикции // Укр. часопис міжнар. права. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 76–87.

Дремина, Н. В. Предметная юрисдикция Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии // Актуальні проблеми держави і права: зб. наук. пр. – О.: Юрид. літ., 2003. – Вип. 18. – С. 455–459.

Дремина, Н. В. Юридическая квалификация террора в условиях этнополитического конфликта (в контексте предметной юрисдикции Гаагского трибунала) // Социально-правовые аспекты терроризма: монография. – О.: Фенікс, 2003. – С. 117–150.

Дремина, Н. В. К вопросу о международной уголовной юрисдикции // Международное право после 11 сентября 2001 года: сб. науч. ст. – О.: Фенікс, 2004. – С. 83–96. – (Б-ка журн. «Юридический вестник»)

Дремина, Н. В. Учреждение международных уголовных судов ad hoc в ситуации угрозы международному миру и безопасности // Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. – О.: Фенікс, 2004. – Вип. 21. – С. 58–66.

Дремина, Н. В. Иммунитет должностных лиц в отношении уголовной юрисдикции в контексте имплементации Римского статута Международно-

го уголовного суда // Правовые проблемы противодействия организованной преступности: сб. науч. ст. – О.: Феникс, 2005. – С. 110–121. – (Б-ка журн. «Юридический вестник»).

Дремина, Н. В. Персональная юрисдикция Международного уголовного суда и проблемы имплементации Римского статута // Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. / гол. ред. С. В. Ківалов. – О.: Фенікс, 2005. – Вип. 25. – С. 352–357.

Дремина, Н. В. Принцип комплементарности юрисдикции международного уголовного суда // Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. / гол. ред. С. В. Ківалов. – О.: Фенікс, 2005. – Вип. 26. – С. 183–191.

Дремина, Н. В. Императивная юрисдикция Международного уголовного суда в ситуации широкомасштабных нарушений прав человека // Боротьба зі злочинністю та права людини: зб. наук. ст. – О.: Фенікс, 2006. – С. 129–134.

Дрьоміна, Н. В. Юрисдикція міжнародних кримінальних судів і трибуналів: монографія. – О.: Фенікс, 2006.

Дрьоміна, Н. В. Юрисдикція міжнародних кримінальних судів і трибуналів: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.11. – К., 2006.

Дрьоміна, Н. В. Юрисдикційний режим міжнародних кримінальних судів: поняття та перспективи розвитку // Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. – О.: Фенікс, 2007. – Вип. 30. – С. 186–192.

Дремина-Волок, Н. В. Международная уголовная юстиция в механизме постконфликтного урегулирования // Актуальные проблемы криминологии и криминальной психологии. – О.: Фенікс, 2007. – С. 154–160.

Дрьоміна-Волок, Н. В. Принцип «*nillum crimen sine lege*» в контексті діяльності сучасних міжнародних кримінальних трибуналів *ad hoc* // Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. – О.: Фенікс, 2007. – Вип. 32. – С. 265–271.

Дубик, Н. Н. Вопрос о ядерном оружии в Международном суде ООН // Моск. журн. междунар. права. – 1997. – № 1. – С. 99–101.

Дугард, Джон. Сближение права прав человека и гуманитарного права: наказание преступников // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 2. – С. 535–545.

Дьюба, О. Национальные уголовные суды Руанды и Международный трибунал // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 19. – С. 831–850.

Дюнан, А. Воспоминание о битве при Сольферино / МККК. – М., 2001.

Дяченко, В. І. Міжнародне гуманітарне право: філософсько-правова доктрина регулювання збройних конфліктів. Ч. І. Історія становлення / В. І. Дяченко, М. В. Цюрупа, П. В. Шумський; пер. В. П. Андрущенко. – К.: Сфера, 1999.

Дяченко, В. Проблеми ефективності норм сучасного міжнародного гуманітарного права і правові шляхи їх вирішення / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 21–27.

Егоров, С. А. Косовский кризис и право вооруженных конфликтов // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2000. – С. 25–34.

Егоров, С. А. Вооруженные конфликты и международное право. – М., 2003.

Емельянов, В. П. Проблемы ответственности за международный терроризм // Гос. и право. – 2000. – № 1. – С. 70–77.

Єрмак, А. За яким правом буде засуджувати та виправдовувати Міжнародний кримінальний суд? // Укр. часопис міжнар. права. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 61–63.

Жанне, Стефан. Вовлечение детей в вооруженные конфликты / Стефан Жанне, Жоэль Мерме // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 20. – С. 129–153.

Жанне, С. Свидетельские показания делегатов МККК в Международном уголовном суде // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2000. – С. 219–226.

Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним / МККК. – 3-е изд., испр. – М., 2003.

Задорожній О. Геноцид «болотних арабів» у світлі норм міжнародного водного права, міжнародного права захисту прав людини та міжнародного гуманітарного права / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 88–92.

Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: сб. ст. // Междунар. журн. Красного Креста. – 2004. – Окт.

Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве: сб. ст. и док. / МККК. – М., 1999.

Защита окружающей среды в международном гуманитарном праве: сб. ст. – М., 1995.

Заявление МККК от 15 сентября 1998 г. о ситуации в Косово // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 23. – С. 861–865.

Звичаєве міжнародне гуманітарне право. Норми. / Український часопис міжнародного права. – 2006. – № 2. – С. 7–16.

Зегвельд, Л. Средства судебной защиты жертв нарушений международного гуманитарного права // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2003. – С. 227–264.

Зелинская, Н. А. Международное преступление как основание международной уголовной ответственности индивидов // Укр. часопис міжнар. права. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 93–99.

Зелинская, Н. А. Политические преступления в системе международной преступности / Одес. нац. юрид. акад. – О.: Фенікс, 2003.

Зелинская, Н. А. Международные преступления и международная преступность: монография. – О.: Юрид. літ., 2006. – 568 с.

Зелінська, Н. А. Поняття «міжнародний злочин» в історико-правовому ракурсі // Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. – О.: Фенікс, 2007. – Вип. 32 – С. 271–277.

Зелінська, Н. А. Міжнародно-правова концепція міжнародного злочину: автореф. дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.11. – К., 2007.

Земмали, А. Защита водных ресурсов в период вооруженных конфликтов // Междунар. журн. Красного Креста. – 1995. – № 6. – С. 672–689.

Ибаев, В. Пытки и борьба с терроризмом в контексте международного гуманитарного права и права прав человека // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 178-197.

Ибрагимов, А. М. Фактор международного права в реализации подходов государств к урегулированию проблем защиты жертв войны // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 75–80.

Ибрагимов, А. М. Юридические гарантии в системе норм международного гуманитарного права // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 165-171.

Иваненко, В. С. Санкт-Петербургская конференция 1868 г. и ее роль в становлении международного военно-гуманитарного права // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 95-104.

Иванов, Д. В. Международная система защиты беженцев // Моск. журн. междунар. права. – 1998. – № 4. – С. 141–158.

Иванов, Д. В. Глобальное и региональное сотрудничество государств в области защиты беженцев // Моск. журн. междунар. права. – 2004. – № 2.

Ильин, Ю. Д. Международное право и война в наши дни // Моск. журн. междунар. права. – 1996. – № 1. – С. 48–62.

Имплементация международного гуманитарного права: сб. ст. и док. / МККК. – М., 1998.

Инструкции полевым войскам США. Instructions for the Government of Armies of the United States in the Field. – Запорожье: ГУ «ЗИГМУ», 2007.

Исакович, С. В. Международно-правовые проблемы прав человека в вооруженных конфликтах // Вестник Киев. ун-та. Серия: «Международные отношения и международное право». – 1976. – № 3. – С. 27–28.

Каламкарян, Р. А. Международно-правовое обеспечение безопасности человека: по материалам «круглого стола» // Гос. и право. – 2001. – № 6, 7. – С. 97–106, 108–118.

Каламкарян, Р. А. Имплементация норм международного гуманитарного права в законодательстве Российской Федерации / Р. А. Каламкарян, В. А. Батырь // Гос. и право. – 2003. – № 7. – С. 123–126.

Калорегопулос-Стратис, А. С. Гуманитарное право и права человека: Защита индивида в период вооруженного конфликта. – Женева, 1980.

Калугин, В. В. Международное гуманитарное право. – М.: Юрид. лит., 1999.

Калугин, В. Ю. Международное гуманитарное право: учеб. пособие / В. Ю. Калугин, Л. В. Павлова, И. В. Фисенко; под ред. В. Ю. Калугина. – Минск, 1999.

Калугин, В. Ю. Механизм имплементации международного гуманитарного права. – Минск: Светоч, 2003.

Кальсховен, Ф. Беспристрастность и нейтральность в гуманитарном праве и практике. Нейтральность и беспристрастность / сост.: М. Харрофф-Тавель; МККК. – М., 1989.

Кальсховен, Ф. Ограничение методов и средств ведения войны / МККК. – М., 1994.

Кальсховен, Ф. Беспристрастность и нейтральность в гуманитарном праве и практике: сб. ст. / Ф. Кальсховен, М. Харофф-Тавель; МККК. – М., 1995.

Кальсховен, Ф. Ограничения методов и средств ведения войны / МККК. – М., 1999.

Камаровский, Л. А. Гагская мирная конференция 1899 г. – М., 1902.

Капустин, А. Я. Международное гуманитарное право: учеб. пособие / А. Я. Капустин, Е. В. Мартыненко. – М., 1991.

Капустин, А. Я. Вклад международных трибуналов Ad hoc в развитие международного гуманитарного права. К постановке проблемы // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 79-95.

Карпенко, М. До питання захисту культурних цінностей в законодавстві України / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 15–20.

Кастро, А. Г. Ф. Международная уголовная ответственность физических лиц за преступления геноцида, преступления против человечности и военные преступления // Моск. журн. междунар. права. – 1999. – № 4. – С. 113–118.

Кастро, А. Г. Ф. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов // Моск. журн. междунар. права. – 1999. – № 1.

Келин, В. Борьба против пыток // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 22. – С. 521–534.

Келленбергер, Я. Гуманитарная деятельность – говорить громко или хранить молчание // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2004. – № 853. – С. 89–100.

Келлер, П. Имплементация международного гуманитарного права – задача первостепенной важности // Моск. журн. междунар. права. – 1999. – № 4.

Ковриг, А. Имплементация международно-правовых норм, касающихся лиц, пропавших без вести во время вооруженного конфликта в Республике Молдова / А. Ковриг, Д. Корина // Український часопис міжнародного права. – 2006. – № 2. – С. 31–36.

Козирник, Р. Международное гуманитарное право / МККК. – Женева, 1998.

Козирник, Р. Протоколы 1977 г. – важный этап развития международного гуманитарного права // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 18. – С. 564–590.

Кокейн, Дж. Ислам и международное гуманитарное право: от столкновения – к диалогу цивилизаций // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2002. – С. 269–306.

Колосов, Ю. М. К новому этапу международного сотрудничества в гуманитарной области (вопросы правового регулирования) // Сов. гос. и право. – 1988. – № 2. – С. 95–102.

Кольб, Р. О происхождении терминологической пары *jus ad bellum / jus in bello* // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 18. – С. 643–653.

Кольб, Р. Взаимосвязь международного гуманитарного права и права прав человека. Из истории создания Всеобщей декларации прав человека и Женевских конвенций // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1988. – № 2. – С. 493–504.

Коляда, П. Ще раз до питання про Міжнародний кримінальний суд // *Укр. часопис міжнар. права*. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 36–38.

Комитеты и другие органы, создаваемые для содействия имплементации международного гуманитарного права на национальном уровне: отчет о соещании экспертов / МККК. – М., 1998.

Комментарий к Дополнительным протоколам от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. (Комментарий к Дополнительному протоколу II) / под ред. И. Сандо, К. Свинарски, Б. Циммерман; МККК. – М., 1998.

Кондорелли, Л. Ядерное оружие: сложная проблема для Международного суда. *Jura non povit curia?* // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 14. – С. 10–25.

Кондратьев Ю. А. Ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны по уголовному праву России // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 17–24.

Консультативное заключение Международного суда относительно законности угрозы ядерным оружием и международное гуманитарное право // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 14.

Консультативное заключение Международного Суда относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории / *Український часопис міжнародного права*. – 2006. – № 2. – С. 82–123.

Конференция по рассмотрению Конвенции ООН о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1995. – № 5. – С. 440–445.

Корбут, Л. В. Актуальные проблемы защиты женщин и детей в вооруженных конфликтах // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 105–109.

Корбут, Л. В. Гуманитарное право в глобальной борьбе против терроризма // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 141–155.

Коробовский, Ю. Новые договоры в области международного гуманитарного права // *Моск. журн. междунар. права*. – 1999. – Спец. вып. – С. 139–158.

Короткий, Т. Р. Международное сознание на рубеже тысячелетий / Т. Р. Короткий, Е. Н. Шевчук // *Международное право после 11 сентября 2001 года: сб. науч. ст.* / под ред. М. Ф. Орзиха, М. Е. Черкеса. – О.: Фенікс, 2004. – С. 129–139. – (Б-ка журн. «Юридический вестник»).

Короткий Т. Р. Гуманизация международного права // Научные работы Одесской национальной юридической академии. – Том 7. – Одеса: Юридич. л-ра, 2008. – С. 170–182.

Короткий Т. Р. Структура явища гуманізації міжнародного права // Актуальні проблеми політики: Зб. наук. пр. – Одеса: Фенікс, 2008. – Вип. 34. – С. 108–115.

Короткий Т. Р. Гуманизация международного права: попытка системного анализа // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 111–123.

Костенко, Н. И. Развитие концепции международного уголовного права в отечественной литературе // Гос. и право. – 2001. – № 12. – С. 81–88.

Костенко, Н. И. Судопроизводство Международного уголовного суда – основа международного уголовного процесса // Гос. и право. – 2001. – № 2. – С. 64–70.

Костенко, Н. И. Проблемы международно-правового регулирования института выдачи (экстрадиции) // Гос. и право. – 2002. – № 8. – С. 68–76.

Костенко, Н. И. Международный уголовный суд. – М.: ПРИОР, 2002.

Котляров, И. И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: учеб. пособие. – М.: Воениздат, 1984.

Котляров, И. И. Международно-правовое регулирование деятельности вооруженных сил государств // Военная мысль. – 1990. – № 12. – С. 18–26.

Котляров, И. И. Деятельность командиров и юридических советников в свете требований международного гуманитарного права // Моск. журн. междунар. права. – 1999. – № 4.

Котляров, И. И. Контроль за соблюдением обязательств государств в международном гуманитарном праве // Гос. и право. – 2002. – № 2. – С. 75–81.

Котляров, И. И. Международное право и вооруженные конфликты. – М., 2003.

Котляров, И. И. Международное гуманитарное право. – М.: Юрлитинформ, 2003.

Котляров, И. И. Уголовная ответственность индивидов за серьезные нарушения норм международного гуманитарного права // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 120–128.

Котляров, И. И. Международное гуманитарное право о противоправности терроризма // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 123–130.

Коэн, Д. Международный трибунал по преступлениям в бывшей Югославии и международное право // Конституционное право: восточноевропейское обозрение (Сравнительное конституционное обозрение). – 1997. – № 1. – С. 76–79.

Красникова, А. Деятельность Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца по имплементации норм международного гуманитарного права во внутреннее право стран СНГ / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 10–14.

Красный Крест и Красный Полумесяц. Портрет международного движения. – М., 1997.

Кренбюль, П. Подход МККК к сегодняшним проблемам в области безопасности: будущее независимой и нейтральной гуманитарной деятельности // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. – 2004. – № 853. – С. 89–111.

Криль, Ф. Международное гуманитарное право о защите женщин / МККК. – М., 1995.

Криль, Ф. Международная комиссия по установлению фактов. Роль МККК / МККК. – М., 1998.

Криль, Ф. Политика МККК в отношении беженцев и гражданских лиц, перемещенных внутри страны // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. – 2001. – С. 113–135.

Кувырченкова, Т. В. Вооруженный конфликт немеждународного характера: понятие, особенности // *Закон и право*. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – № 8. – С. 41–42

Кукушкина, А. В. История разработки Конвенции о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1997 года (к 20-летию подписания Конвенции ENMOD) // *Моск. журн. междунар. права*. – 1999. – № 4. – С. 68–82.

Кулеба, Д. Що сталося з Римським Статутом в Україні? // *Укр. часопис міжнар. права*. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 39–56.

Кулик Е. Ядерное оружие – методы сдерживания / *Український часопис міжнародного права*. – 2005. – № 2. – С. 102–104.

Ла Роза, А.-М. Непростая задача для Международных уголовных трибуналов: сочетать требования международного гуманитарного права и справедливой судебной процедуры // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 19. – С. 733–754.

Лавринович, О. Основні проблемні питання імплементації положень Римського Статуту Міжнародного кримінального суду до законодавства України та шляхи їх вирішення // *Укр. часопис міжнар. права*. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнар. кримінальний суд. – С. 14–19.

Лавуайе, Ж.-Ф. Беженцы и перемещенные лица – международное гуманитарное право и роль МККК // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1995. – № 3. – С. 199–222.

Лавуайе, Ж.-Ф. Национальное законодательство, касающееся использования и защиты эмблем Красного Креста и Красного Полумесяца: Типовой закон об использовании и защите эмблем Красного Креста и Красного Полумесяца // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1996. – № 11. – С. 534–547.

Лавуайе, Ж.-Ф. Использование и защита эмблем Красного Креста и Красного Полумесяца: национальное законодательство // *Эмблема. История и современность*: сб. ст. и док. / МККК. – М., 1998. – С. 144–146.

Лавуайе, Ж.-Ф. Руководящие принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны: Несколько замечаний о вкладе международного гуманитарного права // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1998. – № 22. – С. 563–580.

Лауччи, С. Преследовать в судебном порядке и обеспечивать судебное преследование лиц, совершивших серьезные нарушения международного гуманитарного права // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2001. – С. 47–82.

Лендорф, А. Оперативное сотрудничество между участвующими в операциях национальными обществами и МККК / А. Лендорф, А. Линдер // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1998. – № 21. – С. 284–304.

Линдсей, Ш. Женщины и война // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2000. – С. 99–120.

Линдсей, Ш. Женщины и война: Содержание женщин под стражей во время войны // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2001. – С. 255–273.

Лисик, В. Міжнародний Комітет Червоного Хреста – особливий суб'єкт міжнародного права // *Вісн. Львів. нац. ун-ту. Серія «Міжнародні відносини»*. – 2005. – № 15. – С. 242–247.

Лисик, В. Привілеї та імунітети Міжнародного Комітету Червоного Хреста та його персоналу // *Вісн. Львів. нац. ун-ту. Серія «Міжнародні відносини»*. – 2006. – № 17. – С. 172–178.

Лисик В. Вплив Міжнародного комітету Червоного Хреста на розвиток гуманітарного права / *Український часопис міжнародного права*. – 2006. – № 2. – С. 73–81.

Лукашук, И. И. Право международной ответственности. – М., 1994.

Лукашук, И. И. Международное уголовное право: учебник / И. И. Лукашук, А. В. Наумов. – М.: Спарк, 1999.

Льовін А. МПП на укромві / *Український часопис міжнародного права*. – 2006. – № 2. – С. 67–73.

Любимов, А. М. Гуманитарная интервенция // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 157–160.

Людер, С. Р. Правовой характер Международного уголовного суда и возникновение наднациональных элементов в международной уголовной юстиции // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2002. – С. 31–45.

Ляхов, Е. Г. Принципы переговоров как мирного средства разрешения споров, решения гуманитарных и военных вопросов, противодействия терроризму / Е. Г. Ляхов, А. О. Линдэ // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 68–74.

Мажд Камаль Канж Абу-Салех. Международно-правовой статус территории и населения в период военной оккупации: автореф. дис.... канд. юрид. наук. – К., 1992.

Мазен, С. Международный запрет на противопехотные мины. Предыстория Оттавского договора, его заключение / С. Мазен, П. Херби // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1998. – № 23. – С. 823–848.

Маинетти, В. Новые перспективы для защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: вступление в силу Второго Протокола к Гаагской конвенции 1954 г. // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. – 2004. – С. 33–66.

Майоров, І. Гармонізація кримінального законодавства України з правом збройних конфліктів // *Право України*. – 1999. – № 2. – С. 79–80.

МакКормак, Т. Л. X. Решение *non liquet* относительно ядерного оружия: Международный суд избегает применения общих принципов международного гуманитарного права // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 14. – С. 93–111.

МакНейл, Джон Х. Консультативное заключение Международного суда по делам о ядерном оружии: Первая оценка // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 14. – С. 125–142.

Максименко, С. Європейський суд з прав людини: захист прав людини чи втручання у внутрішні справи держави // *Людина і політика*. – 1999. – № 5.

Малеев, Ю. Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // *Моск. журн. междунар. права*. – 2004. – № 3. – С. 31–47.

Мансуров, У. А. Жертвы противопехотных мин и достижения Оттавской конвенции в Республике Таджикистан // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 144–149.

Марион Харрофф-Тавель. Деятельность МККК в обстановке насилия внутри страны / МККК. – М., 1995.

Мартенс, Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов / под ред. Л. Н. Шестакова. – М., 1996.

Матьюз, Р. Дж. Конвенция 1980 г. о конкретных видах обычного оружия: хорошая основа вопреки прежним разочарованиям // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. – 2001. – С. 213–238.

Мацкевич, Д. Н. Правовые методы регулирования международных политических конфликтов // *Актуальні проблеми політики*. – 2001. – Вип. 12. – С. 128–136.

Мацко, А. Міжнародний кримінальний суд (створення та напрям діяльності) // *Укр. часопис міжнар. права*. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 70–75.

Международная уголовная юрисдикция и международное гуманитарное право: Трибуналы по бывшей Югославии и Руанде // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 19.

Международное гуманитарное право: сб. ст. – М., 1993.

Международное гуманитарное право в документах / сост. Ю. М. Колосов, И. И. Котляров. – М., 1996.

Международное гуманитарное право в документах / МККК. – М., 1998.

Международное гуманитарное право. Том 1. Нормы. / Жан-Мари Хенкерс, Луиза Досвальд-Бек. – МККК, 2006.

Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца: сб. уставов и др. док. / МККК. – М., 1995.

Международное право после 11 сентября 2001 года: сб. науч. ст. / под. ред. М. Ф. Орзиха, М. Е. Черкеса. – О.: Феникс, 2004. – (Б-ка журн. «Юридический вестник»).

Международное право. Ведение военных действий: сб. Гаагских конвенций и иных международных документов / МККК. – М., 2001.

Месяев, А. Б. Деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии и индивидуальная уголовная ответственность по международному гуманитарному праву // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 149–157.

Мелешко, Е. П. К истории вопроса об ответственности за нарушение законов и обычаев войны // Сов. ежегодник междунар. права. 1960. – М., 1961.

Мелков, Г. М. Международное право в период вооруженных конфликтов. – М., 1988.

Мелков, Г. М. Гуманитарное вмешательство (международно-правовые аспекты) // Рос. ежегодник междунар. права. – СПб., 2000. – С. 290–298.

Мерфи, Р. Обучение международному гуманитарному праву вооруженных сил, участвующих в многонациональных миротворческих операциях // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2000. – С. 201–218.

Меры по выполнению решений Международной конференции по защите жертв войны // Междунар. журн. Красного Креста. – 1995. – № 2. – С. 4–39.

Меры по имплементации международного гуманитарного права: полугодовой обзор законодательных мер и судебной практики. Январь –июнь 1998 г. // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 23. – С. 867–871.

Меры, принимаемые государствами по выполнению международного гуманитарного права: сб. ст. и док. – М., 1994.

Мигачев, Ю. И. Правовой статус военнослужащих, гарантии его реализации и защиты в Российской Федерации // Гос. и право. – 1997. – № 10. – С. 73–82.

Мисаревич Н. К вопросу о правовых средствах реализации норм международного гуманитарного права / Український часопис міжнародного права. – 2006. – № 2. – С. 41–44.

Міжнародне гуманітарне право: навч. посібник / під заг. ред. В. П. Базова. – К.: Варта, 2000.

Міжнародне право про правила поведінки учасників військових дій (комбатантів). – К., 1997.

МККК смотрит в будущее. Задачи, миссия и стратегические направления // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 20. – С. 155–167.

Мовчан, А. П. Международное право и мировой порядок // Моск. журн. междунар. права. – 1993. – № 2. – С. 15–39.

Моджорян, Л. А. Терроризм и национально-освободительные движения // Гос. и право. – 1998. – № 3. – С. 82–87.

Момтаз, Джамшид. Минимальные гуманитарные нормы, применяемые во время беспорядков внутри страны и в ситуации внутренней напряженности // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 2. – С. 547–556.

Мор, М. Консультативное заключение Международного суда о законности применения ядерного оружия в свете принципов и норм международного права: Размышления о его достоинствах и недостатках // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 14. – С. 112–124.

Морейон, Ж. Международный комитет Красного Креста и защита политических заключенных / МККК. – Женева, 1994.

Морейон, Ж. Укрепление позиций мира и гуманности в двадцать первом столетии. Роль Красного Креста и Красного Полумесяца // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1994. – № 1. – С. 93–111.

Морис, Ф. Действия МККК в интересах беженцев и гражданских перемещенных лиц / Ф. Морис, Ж. Куртен. – М., 1994.

Мулинен, Ф. Право войны и вооруженные силы / МККК. – М., 1993.

Мулинен, Ф. Право войны: Руководство для вооруженных сил / МККК. – М., 1999.

Муньос-Рохас, Д. Поведение человека на войне: понять и предупредить нарушения МГП / Д. Муньос-Рохас, Ж.-Ж. Фрезар // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. – 2004. – № 853. – С. 69–88.

Назария, С. М. Косовский кризис и международное право // *Моск. журн. междунар. права*. – 2004. – № 3. – С. 48–66.

Нахлик, С. Краткий очерк международного гуманитарного права / МККК. – М., 1993.

Наше дело. Деятельность МККК в Восточной Европе и Средней Азии / МККК. – М., 1996.

Никитин, В. А. Юридические аспекты ограничения вооружений в космическом пространстве // *Моск. журн. междунар. права*. – 1995. – № 3. – С. 46–69.

Нысанбекова, Л. Применение МГП в современных вооруженных конфликтах: вызовы нашего времени // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 109–115.

Нюрнбергский процесс и современность. – М.: Ин-т гос. и права АН СССР, 1986.

Обер, М. Вопрос о приказах старших войсковых начальников и ответственности командиров. – М., 1994.

Обер, М. Вопрос о приказах старших войсковых начальников и ответственности командиров в Дополнительном протоколе к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. (Протоколе I), относящемся к защите жертв международных военных конфликтов, от 8 июня 1977 г. / МККК. – М., 1997.

Обрадович, К. Запрещение репрессалий, предусмотренное Дополнительным протоколом I: Усиление защиты жертв вооруженных конфликтов // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 18. – С. 601–605.

О’Доннел, Д. Тенденции в применении международного гуманитарного права структурами ООН, деятельность которых посвящена правам человека // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1998. – № 2. – С. 581–608.

Олдрич, Дж. Х. Комментарии к Женевским протоколам // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 18. – С. 606–609.

Олсон, Л. Механизмы, дополняющие судебное преследование // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2002. – С. 79–97.

Осипов, Г. А. Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия. – М.: Наука, 1987.

Основные положения Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним / МККК. – М., 1994.

Основные положения права войны / МККК. – М., 1995.

Основополагающие принципы движения Красного Креста и Красного Полумесяца / МККК. – М., 1995.

Остроухов, Н. В. О содержании понятий «конфликт», «вооруженный конфликт» // *Рос. ежегодник междунар. права.* 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 130–141.

Панов, В. П. Международное уголовное право. – М.: Инфра-М, 1997.

Паулюс, А. Заметки о решениях Европейского Суда по правам человека по делам Исаева и Исаева и другие против России / <http://www.mgimo.ru/alleurope/2006/23/big-paulus-pravo.html>

Пейич, Е. Ответственность за международные преступления: от гипотезы к реальности // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2002. – С. 5–29.

Пережняк, Б. А. Деякі питання імплементації міжнародного гуманітарного права на внутрішньодержавному рівні // *Международное право после 11 сентября 2007 г.: сб. наук. ст. / под ред. М. Ф. Орзиха, М. Е. Черкеса; ОНЮА.* – О.: Фенікс, 2004. – С. 265–278.

Перрен, П. Влияние гуманитарной помощи на развитие конфликтов // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1998. – № 21. – С. 389–406.

Перрюшу, Р. Международная ответственность национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца / МККК. – М., 1995.

Петровский, В. Международное гуманитарное право // *Международ. жизнь.* – 1999. – № 11. – С. 65–70.

Пиджаков, А. Ю. Координация миротворческой и гуманитарной деятельности ООН на примере деятельности Базы материально-технического снабжения ООН / А. Ю. Пиджаков, Я. А. Григолович // *Рос. ежегодник междунар. права.* 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 160–164.

Пикте, Ж. Становление международного гуманитарного права // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1994. – № 1. – С. 13–20.

Пикте, Ж. Международный Комитет Красного Креста: уникальное учреждение / МККК. – М., 1997.

Пикте, Ж. Основополагающие принципы Красного Креста: комментарий / МККК. – М., 1997.

Пикте, Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права / МККК. – М., 1998.

Пилипенко, В. Криміналізація злочину геноциду за Римським Статутом 1998 року // *Укр. часопис міжнар. права.* – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 105–109.

Пирсон, Г. С. Запрещение биологического оружия: современная ситуация и перспективы // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 16. – С. 305–324.

Питер, К. М. Международный уголовный трибунал по Руанде: Призвать убийц к ответу // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 19. – С. 805–816.

Платнер, Д. Нейтральность МККК и нейтральность гуманитарной помощи // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1996. – № 9. – С. 157–180.

Погірко, О. І. Основні принципи реалізації міжнародного гуманітарного права у складових структурах військової організації держави // *Актуальні проблеми держави і права: зб. наук. пр.* – О.: Юрид. літ., 2007. – Вип. 34. – С. 29–36.

Подуфалов, В. Д. Соблюдение международных гуманитарных обязательств в условиях режима чрезвычайного положения // *Моск. журн. междунар. права*. – 1992. – № 2. – С. 56–71.

Полторац, А. И. Вооруженные конфликты и международное право: Основные проблемы / А. И. Полторац, Л. И. Савинский. – М.: Наука, 1976.

Пономарьова, Г. Боротьба з тероризмом і міжнародне гуманітарне право / *Український часопис міжнародного права*. – 2005. – № 2. – С. 53–56.

Права человека и вооруженные конфликты: учебник для вузов / отв. ред. В. А. Карташкин. – М.: НОРМА-М, 2001.

Правовая защита эмблем Красного Креста или Красного Полумесяца: сб. ст. / МККК. – М., 1995.

Правовий захист біженців та осіб без громадянства в Україні: зб. док. / *Управління з питань громадянства Адміністрації Президента України*. – К., 2001.

Правовой департамент МИД России. Правовая оценка применения силы против Ирака // *Моск. журн. междунар. права*. – 2003. – № 4.

Пре, Ж. Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 18. – С. 553–563.

Пресечение нарушений в механизме имплементации международного гуманитарного права / под ред. В. Ю. Калугина. – Минск, 2004.

Пресечение нарушений международного гуманитарного права: сб. ст. / МККК. – М., 1998.

Прокофьев, Н. В. К вопросу о борьбе с международным терроризмом на территориях иностранных государств // *Моск. журн. междунар. права*. – 2003. – № 1.

Противопехотные мины: за и против: Исследование применения в военных целях и эффективности противопехотных мин / МККК. – М., 2003.

Прусаков, Ю. М. Безъядерные зоны. Международно-правовые вопросы. – Ростов-на-Дону, 1982.

Пузырева, Ю. В. Имплементация норм международного гуманитарного права о защите объектов в законодательство Российской Федерации // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 241–253.

Пустогаров, В. Федор Федорович Мартенс (1845 – 1909) – гуманист нового времени // *Междунар. журн. Красного Креста*. – 1996. – № 10. – С. 321–335.

Пустогаров, В. В. *Международное гуманитарное право: учеб. пособие*. – М., 1997.

Пустогаров, В. В. *Проблемы международного гуманитарного права // Гос. и право*. – 1997. – № 9. – С. 69–75.

Пустогаров, В. В. *Женевским конвенциям – 50 лет. Достижения и проблемы // Гос. и право*. – 1998. – № 6. – С. 64–71.

Пустогаров, В. В. *Федор Федорович Мартенс. Юрист, дипломат*. – М., 1999.

Пфаннер, Т. *Создание постоянного международного уголовного суда: Чего ожидает МККК от Дипломатической конференции в Риме // Междунар. журн. Красного Креста*. – 1998. – № 20. – С. 25–34.

Пфаннер, Т. *Возможности для укрепления сотрудничества государств с Международным уголовным судом // Укр. часопис міжнар. права*. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 5–8.

Раджабов, С. А. *Имплементация норм международного гуманитарного права в Республике Таджикистан: состояние и перспективы // Рос. ежегодник междунар. права*. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 210–222.

Рана, Р. *Современные проблемы отношений между гражданскими организациями и военными: взаимодополняемость или несовместимость? // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2004. – № 853. – С. 135–169.

Распространение знаний о международном гуманитарном праве // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 17.

Рей-Ширр, К. *Женевские конвенции 1949 г. – решающий прорыв // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 1999. – Ч. I–II. – С. 79–144.

Репецкий, В. *Контроль за соблюдением международного гуманитарного права и прав человека // Рос. ежегодник междунар. права*. 2000. – СПб., 2000. – С. 130–133.

Репецкий, В. *Проблеми нейтралітету на пострадянському просторі: міжнародно-правові аспекти // Вісн. Львів. ун-ту. Серія «Міжнародні відносини»*. – 2003. – Вип. 10. – С. 67–72.

Репецкий, В. *Значення застереження Мартенса в міжнародному гуманітарному праві // Вісн. Львів. ун-ту. Серія «Міжнародні відносини»*. – 2004. – Вип. 14. – С. 129–134.

Репецкий, В. *Актуальні проблеми міжнародного гуманітарного права // Вісн. Львів. ун-ту. Серія «Міжнародні відносини»*. – 2005. – Вип. 15. – С. 169–173.

Репецкий, В. *Имплементация норм международного гуманитарного права у внутрішнє право України // Взаємодія міжнародного права з внутрішнім правом України / за ред. В. М. Денисова*. – К.: Юстиніан, 2006. – С. 102–111.

Репецкий, В. М. *Міжнародне гуманітарне право: підручник / В. М. Репецкий, В. М. Лисик*. – К.: Знання, 2007.

Решетов, Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М.: Междунар. отношения, 1983.

Решетов, Ю. А. Право на самоопределение и отделение // Моск. журн. междунар. права. – 1994. – № 1. – С. 3–21.

Решетов, Ю. А. Оговорки к международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и поддержание международного правопорядка в области прав человека // Моск. журн. междунар. права. – 1995. – № 3. – С. 3–16.

Ржевська, В. С. Право держави на самооборону і міжнародна безпека / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка; Ін-т міжнар. відносин. – К.: Видав. дім «Проміні», 2005. – (Б-ка кафедри міжнародного права).

Риникер, А. Соблюдение международного гуманитарного права силами ООН // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 1999. – С. 275–286.

Риникер, А. Позиция МККК по вопросу «гуманитарной интервенции» // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2001. – С. 275–281.

Роберж, М. К. Юрисдикция специальных Трибуналов для бывшей Югославии и для Руанды в отношении преступлений против человечности и геноцида // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 19. – С. 753–770.

Роберж, Мари-Клод. Новый Международный уголовный суд. Предварительная оценка // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 23. – С. 797–812.

Робертс, А. Роль гуманитарных вопросов в международной политике 90-х гг. // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 1999. – С. 13–43.

Робертс, А. Гуманитарные проблемы и гуманитарные организации как фактор, иницирующий международные военные акции // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2000. – С. 129–159.

Роджерс, А. П. Война без потерь // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2000. – С. 5–24.

Ролінський, В. Міжнародне гуманітарне право як джерело міжнародного кримінального права // Юрид. вестник. – 2006. – № 2. – С. 84–88.

Романов, В. А. Гуманитарное измерение Конвенции о «бесшумном оружии» // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 16. – С. 320–328.

Романов, В. А. Парижско-Дейтонские соглашения: новеллы и традиционализм в международной договорной практике // Моск. журн. междунар. права. – 1997. – № 2. – С. 28–61.

Ронцитти, Н. Можно ли считать приемлемым решение «неясно», вынесенное Комитетом по рассмотрению бомбардировок Федеративной Республики Югославия силами НАТО? // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2000. – С. 227–237.

Рыжов, А. И. Юридические дефиниции в международном праве (на примере понятий «война», «вооруженный конфликт международного характера», «вооруженный конфликт немеждународного характера») // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 129–134.

Руководство Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам на море: подгот. группой специалистов по международному праву и военно-морских экспертов, созданной Международным институтом гуманитарного права. Принято в июне 1994 г. // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1995. – № 7. – С. 729–777.

Сагер, М. Контрольные механизмы в международном гуманитарном праве // *Сов. журн. междунар. права*. – 1991. – № 3–4. – С. 26–34.

Самович, Ю. В. Судебная защита индивида в международном гуманитарном // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 43–56.

Сандо, Ж. К. Позиция МККК в случае взятия заложников // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2002. – С. 313–329.

Сандо, И. Консультативное заключение Международного суда о законности угрозы ядерным оружием или его применения: Вводные замечания // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1997. – № 14. – С. 6–9.

Сандо, И. Выполнение международного гуманитарного права // *Имплементация международного гуманитарного права / МККК*. – М., 1998.

Сандо, И. Существует ли «право на вмешательство» в области информации? Право на информацию в свете международного гуманитарного права? // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1998. – № 23. – С. 753–764.

Сандо, И. Женевским конвенциям – полвека // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 1999. – С. 145–172.

Сассоли, М. Решение Апелляционной камеры МУТЮ по существу дела Тадича / М. Сассоли, Л. Олсон // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2000. – С. 161–199.

Сассоли, М. Ответственность государства за нарушения международного гуманитарного права // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2002. – С. 163–203.

Сассоли, М. МККК и лица, пропавшие без вести / М. Сассоли, Л. Туга // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2002. – С. 9–36.

Сафаров, Н. А. Передача лиц Международному уголовному суду и институт экстрадиции: Трудный компромисс // *Моск. журн. междунар. права*. – 2003. – № 2. – С. 150–167.

Сафаров, Н. А. Преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда и уголовное законодательство стран Содружества Независимых Государств (Сравнительный анализ) // *Гос. и право*. – 2004. – № 7. – С. 48–59.

Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений / МККК. – М., 1995.

Свинарски, К. Основные понятия и институты международного гуманитарного права как система защиты прав человека / МККК. – М., 1997.

Сегал, А. Экономические санкции: ограничения правового и политического характера // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 1999. – С. 249–273.

Селіван, М. Проблеми конституційності Римського Статуту Міжнародного кримінального суду // Укр. часопис міжнар. права. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 20–25.

Семенов, В. Становлення Міжнародного кримінального суду / В. Семенов, А. Маєвська // Укр. часопис міжнар. права. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 64–69.

Семенова, Е. С. Модельный закон как средство имплементации норм международного гуманитарного права // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 230–241.

Семенькова, В. Н. Применение международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах немеждународного характера // Проблемы правоведения. Сборник научных статей. – Калининград: Изд-во КГУ. – 2004, Вып. 1. – С. 20–25.

Сивко Л. Міжнародне гуманітарне право та релігії світу: *contra spem spero?* / Український часопис міжнародного права. – 2006. – № 2. – С. 52–62.

Симпозиум по вопросам гуманитарной деятельности и осуществления операций по поддержанию мира (Женева, 22–24 июня 1994 г.): отчет / МККК. – М., 1995.

Скакунов, Э. И. Международно-правовые гарантии безопасности государств. – М.: Междунар. отношения, 1983.

Скомороха, В. Римський Статут Міжнародного кримінального суду: питання конституційності // Укр. часопис міжнар. права. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 26–35.

Скурихин, С. М. Некоторые особенности применения мер уголовного наказания военными трибуналами в период 1941 – 1945 гг. // Актуальні проблеми держави та права: зб. наук. пр. – О.: Юрид. літ., 2002. – Вип. 15. – С. 33–37.

Слим, Х. Защита эмблемы Красного Креста и Красного Полумесяца и пресечение злоупотреблений ею: Правовая защита эмблем Красного Креста и Красного Полумесяца // Правила по использованию эмблемы Красного Креста и Красного Полумесяца национальными обществами: сб. ст. – М., 1995.

Смирнов, М. Г. О системе и характере норм, регулирующих вооруженные конфликты немеждународного характера // Государство и право. – М.: Наука. – 2006. – № 4. – С. 111–115.

Смыслов, Б. А. Гуманитарная интервенция / Б. А. Смыслов, А. Б. Прохоров // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 57–67.

Современные войны: Гуманитарные проблемы. – М., 1988.

Соковых, Ю. Ю. Реализация международного гуманитарного права в законодательстве Российской Федерации: состояние и перспективы // Гос. и право. – 1997. – № 9.

Солера, О. Дополнительная юрисдикция и международное уголовное правосудие // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2002. – С. 47–77.

Соломин, В. В. Гуманитарно-правовая культура военнослужащих внутренних войск МВД России (теоретико-правовые аспекты) // Рос. ежегод-

ник междунар. права. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 190–193.

Соммаруга, К. Гуманитарная деятельность и операции по поддержанию мира // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 15. – С. 205–215.

Сотрудничество между национальными обществами и Международным Комитетом Красного Креста // Междунар. журн. Красного Креста. – 1998. – № 21.

Струн, Ж. Международная уголовная юрисдикция, международное гуманитарное право и гуманитарная деятельность // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 19. – С. 719–732.

Стюарт, Д. Г. К единому определению вооруженного конфликта в международном гуманитарном праве: анализ интернационализированного вооруженного конфликта // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2003. – С. 129–175.

Тавернье, П. Опыт Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 19. – С. 699–718.

Тайхерст, Р. Оговорка Мартенса и право вооруженных конфликтов // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 15. – С. 148–158.

Танкиев, В. Г.-Х. Международное гуманитарное право и право прав человека: их сходство и различие // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 155–165.

Таннер, Ф. Предотвращение конфликтов и разрешение конфликтов: пределы многостороннего участия // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2000. – С. 77–99.

Тимофеев, Е. В. Новые аспекты принципа права наций на самоопределение // Моск. журн. междунар. права. – 1993. – № 4.

Тимощук, А. В. Исторические традиции и современное развитие института уголовной ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права в Украине // Рос. ежегодник междунар. права. 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 115–120.

Тиунов, О. И. Международное гуманитарное право: учебник для вузов. – М.: НОРМА–ИНФРА–М, 1999.

Томан, И. Россия и Красный Крест (1917 – 1945) / МККК. – М., 1998.

Толочко О. Н. Особенности международно-правового регулирования внутренних вооруженных конфликтов / Український часопис міжнародного права. – 2006. – № 2. – С. 45–51.

Трибунский, А. В. Защита гражданского населения во время вооруженных конфликтов // Моск. журн. междунар. права. – 1998. – № 1.

Тузмухамедов, Р. А. Гуманизация международного права // Сов. гос. и право. – 1988. – № 11. – С. 114–122.

Тузмухамедов, Б. Р. Правовые основы проведения операций по поддержанию мира в Содружестве независимых государств // Моск. журн. междунар. права. – 1999. – № 2.

Тузмухамедов, Б. Имплементация международного гуманитарного права в Российской Федерации // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2003. – С. 177–190.

Тузмухамедов, Б. Р. Хамдан против Рамсфелда: уроки и параллели // *Рос. ежегодник междунар. права.* 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 129–139.

Тузмухамедов, Б. Р. *The Handbook of International Humanitarian Law* / Ed. by Dieter Fleck. Oxford University Press, 2008, xxxix, 770 p. [Пособие по международному гуманитарному праву / под ред. Дитера Флека. Оксфорд, 2008. – 770 с.] // *Рос. ежегодник междунар. права.* 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 261–264.

Тузмухамедов, Б. Р. Jordan J. Paust. *Beyond the Law. The Bush Administration's Unlawful Responses in the «War» on Terror.* Cambridge University Press, 2007, xiv, 311 p. [Джордан Поуст. Вне закона. Противоправные методы администрации Буша в «войне» против террора. Кембридж, 2007. 311 с.] // *Рос. ежегодник междунар. права.* 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 264–268.

Уокер, П. Жертвы стихийных бедствий и право на гуманитарную помощь: точка зрения практика // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1998. – № 23. – С. 727–736.

Уткин, К. У. Комбатанты, «непривилегированные воюющие» и конфликты XXI века. Материал для неформальной встречи экспертов на высшем уровне, посвященной теме «Подтверждение и развитие международного гуманитарного права», Кембридж, 27–29 июня 2003 г. / http://www.sk-news.ru/mgp/doc/doc_07_05.doc

Устав Международного Комитета Красного Креста // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1998. – № 22.

Учебні нариси миротворческих операцій з можливими рішеннями: Порадник для військовослужбовців зі складу Українського контингенту Миротворчих Сил ООН. – К.: Любава, 1998.

Феллер, Э. 50 лет международной защиты беженцев: Проблемы защиты вчера, сегодня и завтра // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2001. – С. 83–111.

Фисенко, В. За прогрессивное развитие гуманитарных норм международного права: Итоги и документы Женевской конференции // *Соц. законность.* – 1978. – № 4.

Фисенко, В. Н. О прогрессивном развитии гуманитарных норм международного права // *Сов. ежегодник междунар. права,* 1977. – М.: Наука, 1979.

Флек, Д. Работа над международными договорами: накопление опыта // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1997. – № 18. – С. 610–614.

Флек, Д. Современные вызовы международного гуманитарного права // *Рос. ежегодник междунар. права.* 2008. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2009. – Спец. вып. – С. 65–79.

Форсайт, Д. П. МККК и оказание гуманитарной помощи: анализ политики // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1996. – № 12. – С. 564–589.

Франческо Т. Шестидесять лет «этнической чистки» / Т. Франческо, Джакомо Скотти // *Моск. журн. междунар. права.* – 1999. – № 2.

Фрезар, Ж.-Ж. От экспериментов Милгрэма до полей сражения: к пониманию поведения комбатантов // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2004. – № 853. – С. 42–68.

Фриго, М. Культурные ценности и культурное наследие: «борьба» понятий в международном праве? // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2004. – С. 67–80.

Фудзита, Х. О. Консультативном заключении Международного суда относительно законности ядерного оружия // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1997. – № 14. – С. 69–79.

Фуркало, В. В. Международно-правовая защита гражданского населения в период вооруженных конфликтов: автореф. дис.... канд. юрид. наук. – К., 1982.

Фуркало, В. В. Международно-правовая защита гражданского населения в условиях вооружённых конфликтов. – К.: Наук. думка, 1986.

Хагагордян, А. Л. Защита гражданских лиц от последствий военных действий: отражение основных элементов предоставляемой защиты в нормах обычного гуманитарного права // *Рос. ежегодник междунар. права.* 2006. – СПб.: СКФ «Россия–Нева», 2008. – Спец. вып. – С. 80–83.

Хадден, Т. Право кризисных ситуаций и конфликтов внутри страны / Т. Хадден, К. Харви // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 1999. – С. 59–77.

Хардкасл, Р. Дж. Гуманитарная помощь: О праве доступа к жертвам стихийных бедствий / Р. Дж. Хардкасл, А. Чуа // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1998. – № 23. – С. 701–726.

Харрофф-Тавель, М. Деятельность Международного комитета Красного Креста в обстановке насилия внутри страны / МККК. – Женева, 1995.

Харофф-Тавель, М. Пропаганда норм, призванных ограничить насилие в кризисных ситуациях: Проблемы, стратегия, союзники // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1998. – № 20. – С. 5–24.

Харрофф-Тавель, М. Заканчиваются ли когда-нибудь войны? Деятельность Международного Комитета Красного Креста после того, как смолкают пушки // *Международ. журн. Красного Креста: сб. ст.* – 2003. – С. 191–226.

Хархофф, Ф. Трибунал по Руанде: Некоторые правовые аспекты // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1997. – № 19. – С. 771–780.

Хауг, Х. Нейтральность как один из основополагающих принципов Красного Креста // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1996. – № 13. – С. 704–708.

Херби, П. Передача оружия, гуманитарная помощь и международное гуманитарное право // *Международ. журн. Красного Креста.* – 1998. – № 23. – С. 813–822.

Херби П. Взрывоопасное наследие войны. Защита гражданского населения: дополнительный протокол к конвенции 1980 г. по конкретным видам

обычного оружия / П. Херби, Р. Ньютен // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. – 2001. – С. 239–253.

Хладик, Я. Обозначение культурных ценностей отличительным знаком, предусмотренным Гаагской конвенцией 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. – 2004. – С. 81–90.

Хлестов, Н. Конференция по рассмотрению действия о запрещении или ограничении обычного оружия 1980 г. // *Международ. журн. Красного Креста*. – 1995. – № 5. – С. 449–457.

Хлестов, О. Н. Вклад в прогрессивное развитие международного гуманитарного права / О. Н. Хлестов, М. Собинов // *Сов. гос. и право*. – 1978. – № 5.

Хлестов, О. Н. Вооруженная борьба против международного терроризма / О. Н. Хлестов, М. Л. Мышляева // *Моск. журн. междунар. права*. – 2001. – № 4.

Хоффман, М. Меры по принуждению к миру и гуманитарное право: формирование норм, регулирующих «интервенционный вооруженный конфликт» // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. – 2000. – С. 35–47.

Цибуленко, Є. Зброя об'ємного вибуху у світлі міжнародного гуманітарного права // *Право України*. – 1998. – № 12. – С. 107–111.

Цибуленко, Є. Оттавська конвенція – інструмент заборони протипіхотних мін // *Право України*. – 1999. – № 9.

Цибуленко, Є. М. Міжнародно-правове регулювання застосування звичайних озброєнь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – К., 1999.

Черкес, М. Ю. Міжнародна правосуб'єктність Червоного Хреста як неурядової організації / М. Ю. Черкес, В. Г. Рижиков // *Вісник Одес. ін-ту внутр. справ*. – 1997. – № 1. – С. 91–92.

Черкес, М. Е. Правовая регламентация статуса беженцев и лиц, ищущих убежище: учеб. пособие / М. Е. Черкес, С. А. Погребной. – О., 2002.

Черкес, М. Е. Международное право после 11 сентября 2001 года // *Международное право после 11 сентября 2001 года*: сб. науч. ст. / под. ред. М. Ф. Орзи-ха, М. Е. Черкеса. – О.: Фенікс, 2004. – (Б-ка журн. «Юридический вестник»).

Черкес, М. Ю. Міжнародне право: підручник. – 5-те вид., випр. і доп. – К.: Знання, 2006.

Черниченко, С. В. Права человека и гуманитарная проблематика в современной дипломатии // *Моск. журн. междунар. права*. – 1992. – № 3. – С. 33–49.

Черч, У. Информационная война // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. – 2000. – С. 49–61.

Шабас, У. А. Международный уголовный суд: Исторический шаг в деле борьбы с незаконностью // *Моск. журн. междунар. права*. – 1999. – № 4. – С. 14–33.

Швайцер, Б. Моральные дилеммы гуманитарной деятельности в эпоху «гуманитарных» интервенций // *Международ. журн. Красного Креста*: сб. ст. – 2004. – № 853. – С. 113–134.

Шенгелия, М. М. Этническая чистка (международно-правовые вопросы) // Моск. журн. междунар. права. – 2003. – № 2.

Шенгелия, М. М. Боеприпасы из объединенного урана // Моск. журн. междунар. права. – 2004. – № 1.

Шермиле-Джендро, М. Право контролировать силу: Война на Балканах // Моск. журн. междунар. права. – 1999. – № 2.

Шетай, В. Вклад Международного суда в международное гуманитарное право // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2003. – С. 90–128.

Шиндлер, Д. Международный Комитет Красного Креста и права человека / МККК. – М., 1998.

Шиндлер, Д. Значение Женевских конвенций для современного мира // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 1999. – С. 233–248.

Шмитт, М. Н. Электронная война: нападение на компьютерные сети и *ius in bello* // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2002. – С. 121–162.

Шопар, Ж.-Л. К кому обращаются гуманитарные организации? Некоторые размышления по поводу распространения знаний о международном гуманитарном праве / Ж.-Л. Шопар, В. Люссер // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 17. – С. 431–444.

Штудер, М. МККК и отношения между гражданскими организациями и военными во время вооруженного конфликта // Междунар. журн. Красного Креста: сб. ст. – 2001. – С. 17–45.

Эмблема. История и современность: ст. и док. / МККК. – М., 1998.

Эрасмус, Г. Международный уголовный трибунал по Руанде: Всем ли проблемам уделяется внимание? Сходство и различие с Южноафриканской комиссией по установлению истины и примирению / Г. Эрасмус, Н. Фури // Междунар. журн. Красного Креста. – 1997. – № 19. – С. 817–830.

Юридические советники в Вооруженных силах: сб. ст. / МККК. – М., 1999.

Ярмакі, В. Х. Діяльність Міжнародного Червоного Хреста та міжнародного комітету Червоного Хреста як організаційно-правова форма реалізації міжнародного гуманітарного права // Вісник Одес. ін-ту внутр. справ. – 1999. – № 4. – С. 148–156.

Ярмаки, В. Х. Принципы международного гуманитарного права // Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. – О.: Астропринт, 2001. – Вип. 10–11. – С. 66–72.

Ярмакі, В. Х. Імплементация міжнародного гуманітарного права в національне законодавство як складова частина гармонізації законодавства України із законодавством держав-членів Європейського співтовариства // Вісник Одес. ін-ту внутр. справ. – 2001. – № 3. – С. 53–56.

Ярмаки, В. Х. Восприятие законодательством Украины международных стандартов судебной защиты прав человека во время вооруженных конфликтов // Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. – О.: Юрид. літ., 2002. – Вип. 13–14. – С. 275–281.

Ярмакі, В. Х. Роль Женевського та Гаазького права у становленні сучасного міжнародного гуманітарного права // Вісник Одес. ін-ту внутр. справ. – 2002. – № 1. – С. 190–193.

Ярмакі, В. Х. Міжнародне гуманітарне право, що застосовується в період збройних конфліктів та імплементація його Україною. – Х., 2003.

Ярмакі, В. Х. Международное гуманитарное право и уголовное законодательство Украины: проблемы имплементации основных институтов: монография. – О.: Изд-во Одес. юрид. ин-та НУВД, 2003.

Ярмакі, В. Х. Історико-правові аспекти виникнення та розвитку інституту нейтралітету в міжнародному гуманітарному праві // Вісник Одес. ін-ту внутр. справ. – 2005. – № 1. – С. 249–252.

Ярмакі, В. Х. Международные уголовные трибуналы как инструмент защиты прав человека // «Управління адміністративно-політичною діяльністю у сфері захисту прав і свобод громадян та забезпечення правопорядку», наук.-практ. конф. (2005; Одеса). Науково-практична конференція «Управління адміністративно-політичною діяльністю у сфері захисту прав і свобод громадян та забезпечення правопорядку», 2005 р.: [матеріали]. – О., 2005. – С. 143–148.

Ярмакі, В. Х. Определение понятия «международное гуманитарное право» и реализация международных обязательств на внутригосударственном уровне / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 6–9.

Ярмакі, В. Х. Міжнародно-правова регламентація методів ведення воєнних дій // Південноукр. правничий часопис. – 2006. – № 2. – С. 96–99.

Ярмакі, В. Х. Джерела МГП, що застосовуються в період збройних конфліктів і сфера його застосування // Південноукр. правничий часопис. – 2006. – № 1. – С. 85–89.

Ярмиш, О. Реалізація універсальної юрисдикції Міжнародного кримінального суду: проблеми і перспективи / О. Ярмиш, Т. Сироїд // Укр. часопис міжнар. права. – 2003. – № 4, спец. вип.: Міжнародний кримінальний суд. – С. 57–60.

Ящиця, Р. Міжнародне гуманітарне право і права людини // Імплементація міжнародного гуманітарного права: нац. семінар для України. – К., 1996.

Dodi, C. The crime of genocide – general definitions // Современные тенденции в развитии международного гуманитарного права. Сборник статей по материалам круглого стола. Международный независимый университет Молдовы. – Кишинэу, 2003. – С. 120–137.

Dodi, C. Legal accountability of «privet military combatants» under international humanitarian law / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 105–111.

Dodi, C. The state responsibility under the Genocide Convention // Сборник статей участников Национального Конкурса студенческих эссе по международному гуманитарному праву. – Киев, 2004. – С. 6–10.

Dodi, C. The ICRC Study on Customary International Law and non-international armed conflict: problems solved? // Studii Juridice Universitare. – Chisinau, 2008. – Anul I. – № 1-2. – С. 217–225.

Henckaerts, Jean-Marie Study on customary international humanitarian law: A contribution to the understanding and respect for the rule of law in armed conflict» / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 137–159

Iovita, A. Defining genocide / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 47–52.

Marchukov, D. Private military Combatants: A Modern Trend in the Ancient Craft / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 112–116.

Neagu, A. The Specific Nature of Peacemaking Operations Within CIS / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 80–83.

Pfaner, T. Asymmetrical warfare from the perspective of humanitarian law and humanitarian action / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 121–136.

Rusu, L. Causes and prevention of contemporary armed conflicts / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 99–101.

Syvko, L. Private Military Combatants: Mercenaries legalized? / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 117–120.

Taralunga. V. Un monde sans enfants soldats / Український часопис міжнародного права. – 2005. – № 2. – С. 93–98.

William R. Slomanson Alien Detainee Cases and Responsive Legislation: United States Balance of Power Struggle Between the President and Congress versus the Supreme Court / Український часопис міжнародного права. – 2006. – № 2. – С. 23–30.

МІЖНАРОДНІ ДОКУМЕНТИ З МІЖНАРОДНОГО ГУМАНІТАРНОГО ПРАВА

Упорядник:

Короткий Т. Р., директор Інституту національного та міжнародного права Міжнародного гуманітарного університету, доцент кафедри міжнародного права та міжнародних відносин ОДЕНЮА, к. ю. н.

МІЖНАРОДНІ ДОКУМЕНТИ З МІЖНАРОДНОГО ГУМАНІТАРНОГО ПРАВА

1. Паризька декларація про морську війну, 1856 р.
2. Резолюції Женевської міжнародної конференції. Женева, 26-29 жовтня 1863 р.
3. Женевська конвенція про поліпшення долі поранених і хворих воїнів у діючих арміях, 22 серпня 1864 р.
4. Додаткові статті про поліпшення долі поранених під час війни. Женева, 20 жовтня 1868 р.
5. Декларація про заборону застосування розривних і запалювальних куль, Санкт-Петербург, 29 листопада 1868 р.
6. Проект декларації про закони і звичаї війни, Брюссель, 27 серпня 1874 р.
7. Закони сухопутної війни. Оксфорд, 9 вересня 1880 р.
- 8. Гаазька мирна конференція 1899 р.**
 - Заключний акт Міжнародної мирної конференції. Гаага, 29 липня 1899 р.
 - Гаазька конвенція (I) про мирне розв'язання міжнародних зіткнень, 29 липня 1899 р.
 - Гаазька конвенція (II) про закони і звичаї сухопутної війни, 29 липня 1899 р.
 - Гаазька конвенція (III) про поширення положень Женевської конвенції 1864 р. на морську війну, 29 липня 1899 р.
 - Декларація про незастосування снарядів, маючих єдиним призначенням розповсюджувати задушливі чи шкідливі гази. Гаага, 29 липня 1899 р.
 - Декларація про незастосування куль, що легко розвертаються або сплющуються (кулі «дум-дум»). Гаага, 29 липня 1899 р.
9. Конвенція про звільнення шпитальних суден під час війни від порто-вих та інших зборів. Гаага, 21 грудня 1904 р.

10. Женевська конвенція про поліпшення долі поранених і хворих у діючих арміях, 6 липня 1906 р.

11. Гаазька мирна конференція 1907 р.

- Заключний акт Другої міжнародної мирної конференції. Гаага, 18 жовтня 1907 р.
- Гаазька конвенція (I) про мирне розв'язання міжнародних зіткнень, 18 жовтня 1907 р.
- Гаазька конвенція (II) про обмеження застосування сили при стягненні за договірними борговими зобов'язаннями, 18 жовтня 1907 р.
- Гаазька конвенція (III) про початок воєнних дій, 18 жовтня 1907 р.
- Гаазька конвенція (IV) про закони та звичаї сухопутної війни. Додаток: Положення про закони та звичаї сухопутної війни, 18 жовтня 1907 р.
- Гаазька конвенція (V) про права та обов'язки нейтральних держав та осіб у разі сухопутної війни, 18 жовтня 1907 р.
- Гаазька конвенція (VI) про становище торговельних суден противника в разі початку війни, 18 жовтня 1907 р.
- Гаазька конвенція (VII) про перетворення торговельних суден у військові, 18 жовтня 1907 р.
- Гаазька конвенція (VIII) про встановлення підводних мін, що автоматично підриваються від дотику, 18 жовтня 1907 р.
- Гаазька конвенція (IX) про бомбардування морськими силами під час війни, 18 жовтня 1907 р.
- Гаазька конвенція (X) про застосування до морської війни засад Женевської конвенції 1864 р., 18 жовтня 1907 р.
- Гаазька конвенція (XI) про деякі обмеження користування правом захоплення у морській війні, 18 жовтня 1907 р.
- Гаазька конвенція (XII) про створення Міжнародного призового суду, 18 жовтня 1907 р.
- Додатковий протокол до Конвенції про створення Міжнародного призового суду, Гаага, 19 вересня 1910 р.
- Гаазька конвенція (XIII) про права та обов'язки нейтральних держав у разі морської війни, 18 жовтня 1907 р.
- Декларація про заборону метання снарядів и вибухових речовин з повітряних куль. Гаага, 1907 р.

12. Заключний акт Лондонської морської конференції. Лондон, 26 лютого 1909 р.

13. Декларація про право морської війни. Лондон, 26 лютого 1909 р.

14. Керівництво про правила ведення морської війни. Оксфорд, 9 серпня 1913 р.

15. Договір про використання підводних човнів і шкідливих газів під час війни. Вашингтон, 6 лютого 1922 р.

16. Протокол про заборону застосування на війні задушливих, отруйних та інших подібних газів і бактеріологічних засобів. Женева, 17 червня 1925 р.

17. Конвенція про нейтралітет під час морської війни. Гавана, 20 лютого 1928 р.

18. Женевські конвенції 1929 р. про захист жертв війни

- Заключний акт Дипломатичної конференції. Женева, 27 липня 1929 р.
- Женевська конвенція про поліпшення долі поранених і хворих у діючих арміях, 27 липня 1929 р.
- Женевська конвенція про поведження з військовополоненими, 27 липня 1929 р.

19. Договір про відмову від війни як засобу національної політики (Пакт Бріана-Келлога). Вашингтон, 1928 р.

20. Договір про обмеження та скорочення морських озброєнь. Лондон, 22 квітня 1930 р.

- Протокол про правила підводної війни. Лондон, 6 листопада 1936 р.
- Додаток: Правила дій підводних човнів по відношенню до торговельних суден у воєнний час.

21. Проект Конвенції про захист цивільного населення, на територіях, окупованих ворогом. Токіо, 1934 р.

22. Договір про захист культурних, наукових установ та історичних пам'яток (Пакт Реріха). Вашингтон, 15 квітня 1935 р.

23. Ніонська угода про заходи боротьби з піратськими діями підводних човнів, 14 вересня 1937 р.

- Додаткова угода до Ніонської угоди, Женева, 17 вересня 1937 р.

24. Проект Конвенції про захист цивільного населення від нових видів зброї. Амстердам, 1938 р.

25. Угода між Урядами Союзу Радянських Соціалістичних Республік, Сполучених Штатів Америки та Сполученого Королівства Великої Британії та Північної Ірландії, та Тимчасовим Урядом Французької Республіки про судове переслідування та покарання головних військових злочинців європейських країн осі. Лондон, 8 серпня 1945 р.

- Статут Міжнародного військового трибуналу для суду і покарання головних військових злочинців європейських країн осі. Лондон, 8 серпня 1945 р.
- Статут Міжнародного військового трибуналу для Далекого Сходу. 1946 р.

26. Про підтвердження принципів міжнародного права, які визнані Статутом Нюрнберзького трибуналу. Резолюція Генеральної Асамблеї ООН 95 (I), 11 грудня 1946 р.

27. Американський договір про мирне врегулювання (Боготський пакт) 1948 р.

28. Міжнародна конвенція про запобігання злочину геноциду і покарання за нього. Нью-Йорк, 9 грудня 1948 р.

29. Женевські конвенції 1949 р. про захист жертв війни

- Заключний акт Женевської дипломатичної конференції, 12 серпня 1949 р.
- Женевська конвенція (I) про поліпшення долі поранених і хворих у діючих арміях, 12 серпня 1949 р.

- Женевська конвенція (II) про поліпшення долі поранених, хворих та осіб, які зазнали корабельної аварії, зі складу збройних сил на морі, 12 серпня 1949 р.
 - Женевська конвенція (III) про поводження з військовополоненими, 12 серпня 1949 р.
 - Женевська конвенція (IV) про захист цивільного населення під час війни, 12 серпня 1949 р.
 - Додатковий протокол I до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р., що стосується захисту жертв міжнародних збройних конфліктів. Женева, 8 червня 1977 р.
 - Додаток 1 до Додаткового протоколу I. Правила, що стосуються розпізнавання. Женева, 8 червня 1977 р.
 - Додаток 2 до Додаткового протоколу I. Посвідчення журналіста, що перебуває у небезпечній командировці. Женева, 8 червня 1977 р.
 - Додатковий протокол II до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р., що стосується захисту жертв збройних конфліктів неміжнародного характеру. Женева, 8 червня 1977 р.
 - Додатковий протокол III до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р., що стосується прийняття додаткової розпізнавальної емблеми. Женева, 8 грудня 2005 р.
 - Резолюції Женевської дипломатичної конференції, 12 серпня 1949 р.
30. Конвенція про захист культурних цінностей у випадку збройного конфлікту
- Заключний акт Міжурядової конференції про захист культурних цінностей у випадку збройного конфлікту, Гаага, 14 травня 1954 р.
 - Конвенція про захист культурних цінностей у випадку збройного конфлікту, Гаага, 14 травня 1954 р.
 - Виконавчий регламент Конвенції про захист культурних цінностей у випадку збройного конфлікту, Гаага, 14 травня 1954 р.
 - Протокол про захист культурних цінностей у випадку збройного конфлікту, Гаага, 14 травня 1954 р.
 - Другий протокол до Конвенції про захист культурних цінностей у випадку збройного конфлікту, Гаага, 26 березня 1999 р.
 - Резолюція Міжурядової конференції про захист культурних цінностей у випадку збройного конфлікту, Гаага, 14 травня 1954 р.
31. Правила про обмеження небезпек, яких може зазнати цивільне населення під час війни. Женева, вересень 1956 р.
32. Права людини під час збройних конфліктів. Резолюція XXIII Міжнародної конференції з прав людини. Тегеран, 12 травня 1968 р.
33. Конвенція про незастосування строку давності до воєнних злочинів і злочинів проти людства, 26 листопада 1968 р.
34. Конвенція про заборону розробки, виробництва та накопичення запасів бактеріологічної (біологічної) і токсинної зброї та про їх знищення, 10 квітня 1972 р.
35. Принципи міжнародного співробітництва відносно виявлення, арешту, видачі й покарання осіб, винних у військових злочинах і злочинах проти

людства. Затверджені резолюцією 3074 (XXVIII) Генеральної Асамблеї ООН, 3 грудня 1973 р.

36. Європейська конвенція про незастосування строку давності до злочинів проти людства і воєнних злочинів, Страсбург, 25 січня 1974 р.

37. Принципи міжнародного співробітництва відносно виявлення, арешту, видачі й покарання осіб, винних у військових злочинах і злочинах проти людства, затверджені резолюцією 3074 (XXVIII) Генеральної Асамблеї ООН від 3 грудня 1973 р.

38. Конвенція про заборону воєнного або будь-якого іншого ворожого використання засобів впливу на природне середовище, Нью-Йорк, 10 грудня 1976 р.

39. Додаткові протоколи до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р.

- Завершальний акт Женевської дипломатичної конференції 1974-1977 рр. Женева, 10 липня 1977 р.
- Додатковий протокол I до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р., що стосується захисту жертв міжнародних збройних конфліктів. Женева, 8 червня 1977 р.
- Додаток 1 до Додаткового протоколу I. Правила, що стосуються розпізнавання. Женева, 8 червня 1977 р.
- Додаток 2 до Додаткового протоколу I. Посвідчення журналіста, що перебуває у небезпечній командировці. Женева, 8 червня 1977 р.
- Додатковий протокол II до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р., що стосується захисту жертв збройних конфліктів неміжнародного характеру. Женева, 8 червня 1977 р.
- Резолюція Женевської дипломатичної конференції 1974-1977 рр. Женева, 8 червня 1977 р.

40. Рішення про системи зброї малого калібру. Женева, 28 вересня 1979 р.

41. Конвенція про заборону застосування конкретних видів звичайної зброї

- Заключний акт Конференції ООН про заборону або обмеження застосування конкретних видів звичайної зброї, які можуть вважатись такими, що завдають надмірних ушкоджень або мають невибірккову дію. Женева, 10 жовтня 1980 р.
- Конвенція про заборону або обмеження застосування конкретних видів звичайної зброї, які можуть вважатись такими, що завдають надмірних ушкоджень або мають невибірккову дію, 10 жовтня 1980 р.
- Протокол про осколки, які не піддаються виявленню до Конвенції про заборону або обмеження застосування конкретних видів звичайної зброї, які можуть вважатись такими, що завдають надмірних ушкоджень або мають невибірккову дію, (Протокол I). Женева, 10 жовтня 1980 р.
- Протокол про заборону або обмеження застосування мін, мін-пасток та інших пристроїв з поправками, внесеними 3 травня 1996 р, (Протокол II з поправками, внесеними 3 травня 1996 р.), що додається до

Конвенції про заборону або обмеження застосування конкретних видів звичайної зброї, які можуть вважатись такими, що завдають надмірних пошкоджень або мають невибірккову дію, 10 жовтня 1980 р.

- Протокол про заборону або обмеження застосування запальної зброї до Конвенції про заборону або обмеження застосування конкретних видів звичайної зброї, які можуть вважатись такими, що завдають надмірних ушкоджень або мають невибірккову дію, (Протокол III). Женева, 10 жовтня 1980 р.
- Протокол про засліплюючу лазерну зброю (Протокол IV) до Конвенції про заборону або обмеження застосування конкретних видів звичайної зброї, які можуть вважатись такими, що завдають надмірних ушкоджень або мають невибірккову дію, Нью-Йорк, 13 жовтня 1995 р.
- Протокол про вибухонебезпечні предмети – наслідки війни до Конвенції про заборону або обмеження застосування конкретних видів звичайної зброї, які можуть вважатись такими, що завдають надмірних ушкоджень або мають невибірккову дію, (Протокол V), 28 листопада 2003 р.

42. Статут Міжнародної Федерації товариств Червоного Хреста та Червоного Півмісяця, 26 листопада 1987 р.

43. Конвенція про права дитини, 4 грудня 1989 р.

44. Факультативний протокол до Конвенції про права дитини щодо участі дітей у збройних конфліктах, 1 січня 2000 р.

45. Міжнародна конвенція про боротьбу з вербуванням, використанням, фінансуванням і навчанням найманців, Нью-Йорк, 4 грудня 1989 р.

46. Конвенція про заборону розробки, виробництва, накопичення і застосування хімічної зброї та про її знищення, 13 січня 1993 р.

47. Угода про першорядні заходи по захисту жертв збройного конфлікту, Москва, 24 вересня 1993 р.

48. Статут Міжнародного трибуналу для судового переслідування осіб, відповідальних за серйозні порушення міжнародного гуманітарного права, що були вчинені на території колишньої Югославії з 1991 р. Додаток до Резолюції 827 (1993) Ради Безпеки ООН, 25 травня 1993 р.

49. Керівництво Сан-Ремо з міжнародного права, що застосовується до збройних конфліктів на морі, 12 червня 1994 р.

50. Статут Міжнародного кримінального трибуналу для судового переслідування осіб, відповідальних за геноцид та інші серйозні порушення міжнародного гуманітарного права, вчинені на території Руанди, і громадян Руанди, відповідальних за геноцид і інші подібні порушення, вчинені на території сусідніх держав, у період з 1 січня 1994 р. по 31 грудня 1994 р. Додаток до Резолюції 955 (1994) Ради Безпеки ООН, 8 листопада 1994 р.

51. Договір між Урядом України і Міжнародним комітетом Червоного Хреста (МКЧХ) про відкриття Місії МКЧХ в Україні, 5 грудня 1995 р.

52. Конвенція про заборону застосування, накопичення запасів, виробництва і передачі протипіхотних мін та про їхнє знищення, 18 вересня 1997 р.

53. Угода щодо організації міжнародної діяльності складових частин Міжнародного руху Червоного Хреста та Червоного Півмісяця від 26 листопада 1997 р.

54. Статут Міжнародного руху Червоного Хреста та Червоного Півмісяця, 1 жовтня 1997 р.

55. Статут Міжнародного комітету Червоного Хреста, 24 червня 1998 р.

56. Римський статут Міжнародного кримінального суду, 17 липня 1998 р. (зі змінами на основі протоколів від 10 листопада 1998 р., 12 липня 1999 р., 30 листопада 1999 р., 8 травня 2000 р., 17 січня 2001 р. й 16 січня 2002 р.).

57. Факультативний протокол до Конвенції про права дитини щодо участі дітей у збройних конфліктах, 25 травня 2000 р.

58. Статут Спеціального суду для Сьєрра-Леоне, Ради Безпеки ООН, 16 січня 2002 р.

- Угода між Організацією Об'єднаних Націй і урядом Сьєрра-Леоне про створення Спеціального суду по Сьєрра-Леоне. 2002.

59. Додатковий протокол III до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 р., що стосується прийняття додаткової розпізнавальної емблеми. Женева, 8 грудня 2005 р.

ДЕЯКІ НАЦІОНАЛЬНІ ПРАВОВІ АКТИ З МІЖНАРОДНОГО ГУМАНІТАРНОГО ПРАВА

1. Інструкція польовим командирам військ Сполучених Штатів (Кодекс Лібера). Вашингтон, 24 квітня 1886 р.

2. О применении Вооружёнными силами норм международного гуманитарного права: Руководство, утв. Приказом Министра обороны СССР от 16.07.1990 г. № 75. – М., 1990.

3. Про символику Червоного Хреста та Червоного Півмісяця в Україні. Закон України від 8 липня 1999 р.

4. Про товариство Червоного Хреста України. Указ Президента України від 28 жовтня 1992 р.

5. Керівництво по застосуванню норм міжнародного гуманітарного права в Збройних Силах України. Затверджено наказом Міністра оборони України від 11 вересня 2004 р.

6. Кодекс поведінки військовослужбовця збройних сил України – учасника бойових дій. Додаток 6 до наказу Міністра оборони України від 11 вересня 2004 р.

7. Про утворення Міжвідомчої комісії з імплементації в Україні міжнародного гуманітарного права. Постанова Кабінету Міністрів України від 21 липня 2000 р.

8. Про новий склад Міжвідомчої комісії з імплементації в Україні міжнародного гуманітарного права. Постанова Кабінету Міністрів України від 5 травня 2003 р.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

С. В. КИВАЛОВ

МІЖНАРОДНЕ КРИМІНАЛЬНЕ ПРАВОСУДДЯ: ВІД НЮРНБЕРЗЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ТРИБУНАЛУ ДО МІЖНАРОДНОГО КРИМІНАЛЬНОГО СУДУ	5
--	---

В. Ф. АНТИПЕНКО

МЕЖДУНАРОДНОЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА.....	19
---	----

Н. А. ЗЕЛИНСКАЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ.....	29
--	----

Е. В. ГОРОХОВСКАЯ

АГРЕССИЯ КАК МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ	45
--	----

NATALIYA DRYOMINA-VOLOS

A HUMAN BEING – A VALUE, INSTRUMENT OR SUBJECT OF INTERNATIONAL POLICY?.....	53
---	----

Г. И. БОГУШ

«ПРОКУРОР ПРОТИВ АЛЬ-БАШИРА»: ОРДЕР НА АРЕСТ И ИММУНИТЕТ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА	59
--	----

М.І. ПАШКОВСЬКИЙ

КРИМІНАЛЬНЕ ПРАВО ЄС: ВІД ПАРИЗЬКОЇ УГОДИ ДО ЛІСАБОНУ	69
---	----

И. В. ГЛОВЮК

МОДЕЛЬ РАССЛЕДОВАНИЯ В ПРОЦЕДУРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА	76
--	----

С. С. НЕСТЕРЕНКО

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКСТРАДИЦИОННОМ ПРАВЕ	84
--	----

Г. Г. СЕРЕДА

МОРСЬКЕ ПІРАТСТВО ЯК ГЛОБАЛЬНА ПРОБЛЕМА СЬОГОДЕННЯ	89
--	----

Т. Р. КОРОТКИЙ, А. П. ЛАДЫНЕНКО

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПИРАТСТВОМ В РАЙОНЕ СОМАЛИ.....	95
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

М. Е. ЧЕРКЕС

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....	103
--	-----

В. М. РЕПЕЦЬКИЙ, В. М. ЛИСИК

ПОНЯТТЯ ТА ОЗНАКИ ВОЄННИХ ЗЛОЧИНІВ.....	120
---	-----

Н. Н. ГНАТОВСКИЙ

ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА	126
--	-----

А. П. ЛАДЫНЕНКО	
ВИДЫ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ПРИМЕНИМОЕ К НИМ ПРАВО	136
К. В. ДОДИ	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ БЕСПОРЯДКОВ ВНУТРИ СТРАНЫ И СИТУАЦИЙ ВНУТРЕННЕЙ НАПРЯЖЕННОСТИ.....	151
Е. КУЛИК	
ЗАПРЕЩЕННЫЕ МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ	162
Е. В. КОННОВА	
ПРИМЕНЕНИЕ ТЕРМИНА «ОДНОСТОРОННИЙ АКТ ГОСУДАРСТВА» В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ	170
О. Н. ТОЛОЧКО	
РЕЖИМ ВОЕННОЙ ОККУПАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ	180
О. Р. ПОЄДИНОК	
ЗБЕРЕЖЕННЯ ТА ВІДНОВЛЕННЯ СІМЕЙНИХ ЗВ'ЯЗКІВ БІЖЕНЦІВ У МИРНИЙ ЧАС ТА ПІД ЧАС ЗБРОЙНИХ КОНФЛІКТІВ	189
Л. И. ФЕСЕЧКО	
ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА	195
Т. Р. КОРОТКИЙ	
К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕРМИНА «НЕЗАКОННЫЙ КОМБАТАНТ».....	203
С. С. ПРОЦУН	
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА США ПО ЛИКВИДАЦИИ ТЮРЬМЫ В ГУАНТАНАМО БЕЙ.....	221
РЕФЕРАТЫ И АННОТАЦИИ ИЗДАНИЙ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ	227
ПРОЕКТ ПОДГОТОВКИ БИБЛИОГРАФИИ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ	240
БИБЛИОГРАФИЯ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ	242
МІЖНАРОДНІ ДОКУМЕНТИ З МІЖНАРОДНОГО ГУМАНІТАРНОГО ПРАВА	
МІЖНАРОДНІ ДОКУМЕНТИ З МІЖНАРОДНОГО ГУМАНІТАРНОГО ПРАВА.....	276
ДЕЯКІ НАЦІОНАЛЬНІ ПРАВОВІ АКТИ З МІЖНАРОДНОГО ГУМАНІТАРНОГО ПРАВА	282

Наукове видання

АЛЬМАНАХ МІЖНАРОДНОГО ПРАВА

Випуск 1

Коректор
Верстка

Радіонова І.І.
Вітвицька В.Г.

Здано в роботу 25.10.2009. Підписано до друку 28.11.2009. Формат 70x100/16. Обл.-вид.арк. 19,74.
Ум.-друк. арк. 22,9. Папір офсетний. Друк на дуплікаторі. Зам. № 0911-07. Тираж 300 прим. Ціна договірна.

Видано і віддруковано ПП «Фенікс»
(Свідоцтво ДК № 1044 від 17.09.02).
Україна, м. Одеса, 65009, вул. Зоопаркова, 25. Тел. 8(048) 7777-591.
e-mail: maritimebooks@yandex.ru

